

Виктор Троицкий

ТРОПА И ПУТЬ
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ

Вып. 2

Москва

«ПЕРО»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т70

Троицкий В.П.

Т 70 Тропа и Путь. Из жизни людей и идей. Вып. 2. – М.: «ПЕРО»,
2019. – 370 с.

ISBN 978-5-00150-668-3

Читателю предлагается попытка изложения, предпринятая в странном (или просто смешанном) жанре: отчасти это мемуары, отчасти научная публикация, отчасти философский дневник. Может быть, лучше было бы назвать так: в поисках неутраченного времени. Стало быть, делается попытка представить время жизни военного инженера-программиста, его близких и друзей в период создания и эксплуатации сложных технических систем оборонного назначения.

Большая часть книги занята публикацией философических «Опытов» (1984–1986) и дневника чтения, «Чтиво» (1987–1992).

*На обложке воспроизведена одна из ипостасей Тропы
(октябрь 2018 года).*

Экз. №

ISBN 978-5-00150-668-3

© Троицкий В.П., 2019

ТРОПА И ПУТЬ. ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

I. Наш хронотоп	Вып. 1
<i>Опот.1.</i> Точка на карте	Вып. 1
<i>Опот.2.</i> Тропа.....	Вып. 1
... <i>Опот.3.</i> Хронотоп.....	Вып. 1
II. Думать и делать	Вып. 1
<i>Опот.4.</i> Имена профессии.....	Вып. 1
<i>Опот.5.</i> Интенциональность	Вып. 1
<i>Опот.6.</i> Наша Ада	Вып. 1
III. Информация и время	6
<i>Опот.7.</i> Количество информации.....	13
<i>Опот.8.</i> Что такое время?.....	25
<i>Опот.9.</i> Машина времени.....	34
IV. Форма числа	41
<i>Опот.10.</i> Китайская теорема и СОК.....	45
<i>Опот.11.</i> Число как форма	54
<i>Опот.12.</i> Великие НЕ математики	65
V. Символизм	Вып. 3
<i>Опот.13.</i> Проблема символа	Вып. 3
<i>Опот.14.</i> Символариум	Вып. 3
<i>Опот.15.</i> Символы бесконечности	Вып. 3
VI. Сложные системы	Вып. 3
<i>Опот.16.</i> Множества и системы	Вып. 3
<i>Опот.17.</i> Двойственные эвристики	Вып. 3
<i>Опот.18.</i> Морфизмы и модели.....	Вып. 3
VII. Русская философия	Вып. 4
<i>Опот.19.</i> Вопросование	Вып. 4
<i>Опот.20.</i> Имяславие	Вып. 4
<i>Опот.21.</i> Путь	Вып. 4

Приложение 1. Статьи и публикации.....	70
Предвосхищение в коммуникации: время текста (1982).....	70
О «пределных объектах» семиотико-информационных...(2004)	88
Идея П.А. Флоренского об «индивидуальности»... (2007)	113
К проблеме неединственности натурального ряда чисел (2009).....	120
Гипоксисемпорология (2010)	125
Энантиодромия как обобщенная форма времени (2018)	126
Приложение 2. Рукописи, дневники, письма.....	133
Из дневника (1974)	133
Письмо А.Н. Колмогорова (1975).....	134
Письма Ю.А. Шрейдера (1976–1988).....	137
Лекция на биофаке (1998)	140
Письма Т.Н. Лаппалайнен (1979, 1984)	167
Два визита (1998)	170
Письмо А.Г. Краснова (2011)	171
О понятии базовых отношений (1976)	181
О расширенной теории отношений (2019)	187
Опыты: продолжение (1984–1986).....	192
Физиология времени	192
Как построить машину времени	196
<i>Ossa homini</i>	201
Семиотическое существование.....	205
Путешествие дилетанта	213
Тесен мир, или Гомофора.....	218
Сад камней	225
«Фальшивый купон». Уроки нравственности.....	229
Антропный космологический принцип	232
Знаки	237
... Вам кусочком или порезать? – Куском!	240
Экскурсия на край стола	244
День по-обычному долгий	247
Матрица: Пятиглав, сиречь Стоглав во младости	249
Время логики, логика времени	254
«И вообще не бывает так, чтобы все стало, как было»	257
Прочел «Категории» Аристотеля	261
Наша звезда.....	263
Что ухватил – за хвост жар-птицу или... себя за нос?	266
«... Хотя и сказал безумец в сердце своем...»	269
О физиологии	273

Русская Идея.....	274
Своевременное	276
«Я широко раздвинул границы крика»	277
Шутящая математика	279
Луна и крест, а также бык.....	284
Сунгирь возле Керкинитиды	285
Два холма	287
Формула Лосева	289
Третий Рим, Третий Рейх	291
Малая пауза	295
Судьба, или Блуждание впотьмах.....	295
О длинных фразах	299
Этюд по каббалистике	302
О конфигурации качеств, лингвистической переменной и «эомериде» (1988)...	303
Чтиво (сентябрь 1987 – март 1992).....	307
Комментарии к изображениям	368
Оглавление	370

25-26/1/88

Фоксбург Д.Н.

20. Семантическое существование.

Это будет история одного ^{эпического} иллиризма. Она составляет часть ли не сущности моей жизни — бог написал

одну толстую книгу

численно умел

далеко

ожила (бог) свое право само

согласием ^{свое} ^{свое} ^{свое} ^{свое}

и ^{познания} ^{полла}

де и ^{много} ^{сущность}.

Наско точно приходил на нервы десерт лед. Анка и меле
 (свободно ладно ощущении муровье, с которой тогда явилась
 на белой снегу. Муровье было согретой два мур — округлени,
 блиссинит в мур радиско десертко км, и дурдальни, отку-
 да поступала все же вода, но которая не утратилась в виде
 соев. глазури. Да, белки снег тогда был дурдально "в калески"
 вот наша Полянка — это ясно (обозначено с волной буква!), она
 ощущает только колеско и колески, но сколько этих колеско
 мажских мур —

однажды дурдаль блел
 в сурдо ^{борлаку} ^{от абрабала}
 так ^{мешать} с ^{ветра} в ^{мур}

III. ИНФОРМАЦИЯ И ВРЕМЯ

В жизни идей, которые пришлось на тогдашний-тамошний наш хронотоп, и та и другая – и проблема информации, и проблема времени (как таковые, как идеи или концепты) довольно долго вытворяли передо мной головокружительные партии прим-балерин¹. Даже объединяющий союз *и* между «информацией» и «временем» меня сильно занимал. Да, это были *чисто чернецкие* темы, и темы вполне философские, к тому же почти два десятка лет меня не отпускавшие. Потому под них будет отведено некоторое место в нашем повествовании. Но пока поговорим о других темах, или идеях.

Дело в том, что к середине 1970-х годов еще сохранялась некоторая инерция интересов-увлечений юного лейтенанта: ему хотелось кое-что додумать из того, что успело «зацепить» в годы ученичества в Царском Селе. Тут надо бы признать, что всяческих затей в областях кибернетики и вычислительной техники поднакопилось тогда довольно много. Но всего же не расскажешь. Из *царско-сельских* (по происхождению) и, одновременно, *чернецких* (по завершению, или по расставанию с ними) идей сюда включу только избранные, да и те придется в основном лишь бегло перечислять². С самым минимумом комментария и необходимых аллюзий.

¹ Балет упомянут, надеюсь, впопад – это понравилось бы А.Ф. Лосеву. Вот как говорилось в предисловии (1936) к его «Диалектическим основам математики» (*предисловие* написала Валентина Михайловна Лосева; спустя 60 лет мне довелось составлять *послесловие* для этой гениальной работы): «Нужно быть очень большим любителем философии, чтобы вникать в эти нескончаемые гирлянды мыслей, в этот, как выражается сам Лосев, балет категорий, во все эти тончайшие извивы логических тенденций духа». Между прочим, я больше люблю «искусство танца», предпочитая его опере: можно заключить, что мне легче думается посредством глаз, чем, собственно, ушами. Кажется, вкусы и предпочтения дорогого Алексея Федоровича были скорее противоположны, – предположу, что из-за плохого (с юных лет) зрения и от природы тонкого музыкального слуха.

² Буду использовать материалы собственноручно сделанной сводки под скромным названием «*Ideenwelt*». Начал составлять ее 15.11.1981, охватив период с 1971 года (за два года до выпуска из *höhere Militärschule*) по 1992 год, когда пошло на спад дело «Опытов», вернее, когда они из философского дневника и, следовательно, некоторого рода «генератора идей» все больше становились дневником литературным. Всего в той сводке 119 позиций, из них десятка два – идеи вполне, пожалуй, кондиционные. Сколько же их не доведено до ума?

Приступим же. Довольно долго возился тогда, опробуя (придумывая, сочиняя) разные экзотические *системы счисления*: именно,

а) попробовал на вкус числовое представление «экс i » – через максимальный из простых сомножителей, образующих число i , потом представление «со штрихом», когда берется следующий по величине сомножитель, и т.д. (воображал, что это позволит «сжимать информацию»); а также испытал

б) систему «дон i », где каждое число i представлялось дополнением до ближайшего с избытком числа, кратного 2^k (тут грезились новые методы аппаратного контроля); искания мои закончились на

в) системе «сок i », о принципах которой впервые услышал при чтении курса помехоустойчивого кодирования цифровой информации, и «система остаточных классов» (СОК) настолько поразила воображение, что этот бедолага почти год самостоятельно «открывал» ее многочисленные тайны.

Кое-что даже успел понять и уяснить. Но однажды – уже прибыв на службу в родную войсковую часть 03863, – с удивлением обнаружил, что давно есть на белом свете отечественная электронная вычислительная машина К340А, которая блестяще и высокоэффективно работает в СОК, и все тайны ее с лихвой раскрываются в специальной монографии Акушского – Юдицкого (1968 года выпуска, – я учился тогда в средней школе, кончал оную в 1969-м и еще знать не знал своей судьбы³). Эту поразительную машину даже не засекретили, в отличие от изучаемого у нас «по специальности» монстра от Бурцева, 5Э92б, военного аналога БЭСМ-6. Удивительно, но о К340А и вообще о *модулярных ЭВМ* нам, школярам-студиозусам, не сообщалось ни полслова: до сих пор поражаюсь, как это могло случиться. О некоторых радостях СОКа еще будет повод рассказать чуть далее, бродя по нашей «Тропе». А здесь приходится констатировать, что мне так и не удалось сходу придумать что-либо заметно-стоящее в системах счисления и специальном кодировании. «Но я летал, я помню свой полет».

Далее должна явиться слегка задетая в юношеских вопрошаниях *проблема логарифмов*. Разумеется, логарифмы «проходят» уже в средней школе, и всякий знает, что с их введением своеобразно облегчаются и

³ А «судьбе» моей случилось определиться так: *Акушский И.Я., Юдицкий Д.И.* Машинная арифметика в остаточных классах. М.: Сов. радио, 1968; несколько лет эта монография была натурально настольной в нашем отделе; другая такая же книга, в те же годы особенно нужная, да и близкая (что любопытно!) по году издания: *Кузьмин С.З.* Цифровая обработка радиолокационной информации. М.: Сов. радио, 1967. Мне и сейчас любо-дорого это соседство: 1967–1968–1969.

упрощаются арифметические вычисления: вместо умножения можно совершать сложение, вместо деления – вычитание, вместо возведения в степень – умножение, вместо извлечения корня – деление. Логарифмы, как известно, «маячат» в стандартном двоичном представлении чисел с плавающей запятой, тем самым заявляя о себе уже в области вычислительной техники. Кроме того, учтем еще, что логарифмические функции очень естественно появились и закрепились при оформлении теории информации. И вот – в мае 1973 года, кажется, вскоре после основательного знакомства с формулами Шеннона, Хартли и Котельникова, я сформулировал для себя крохотный вопрос: есть ли *более элементарная* операция, чем сложение, или, если испросить то же в «логарифмической» формулировке:

$$\log(a+b) = \log a * \log b, \text{ где } (*) - ?$$

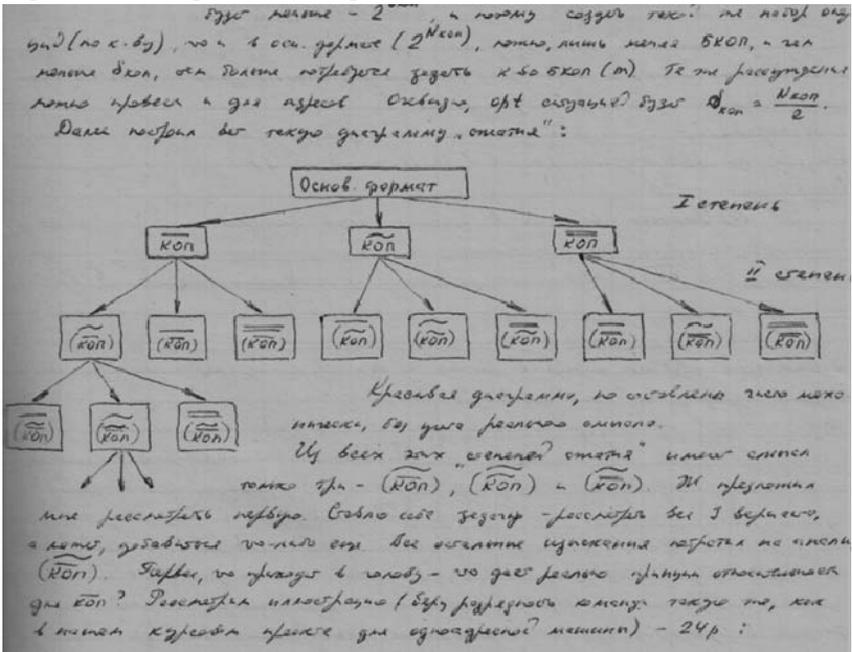
Ответа (ни положительного, ни отрицательного) до сих пор не знаю. Возможно, что-то прояснят знатоки *дескриптивной теории множеств*. В частности, одно время меня шибко интриговала молодая работа Колмогорова «Об операциях над множествами» (1922, самый расцвет знаменитой Лузитании). Там работают уже не с числами, а с «числовыми цепями» (кортежами) и их «ядрами», и среди таковых ядер и устраивают какие-то «суммы» и «произведения», только булевы, а не арифметические⁴.

Чего доброго, не *сложение ли по модулю 2* первичнее обычного сложения? Или «складывать» надо в банаховом пространстве со сверткой?

Также довелось столкнуться с задачей, довольно частного вида – в рамках учебного проектирования вычислительных машин, – когда-то поставленной Ю.П. Журавлевым (06.12.1933–13.02.2000) и С.И. Ломаревым (р. 1934): о возможном *сжатии форматов команд* для более плотного размещения кодов программ. Некоторые «ходы» в данном направлении помечены сентябрем 1972-го года, – страничку из заветной тетрадки воспроизвожу ниже. Признаться, довольно скоро мне стала вполне понятна бесперспективность затеи, особенно на фоне бурно развивавшейся уже тогда техники микропрограммирования. Однако и сам стал задумываться над возведением неких «новых этажей» над арифметическими операциями. Кажется, идея нанизывать из них всяческие умственные гирлянды развивалась у меня в духе *операционного исчисления* Хевисайда. Но все-таки,

⁴ Колмогоров А.Н. Об операциях над множествами // Колмогоров А.Н. Избранные труды. Математика и механика. М.: Наука, 1985. С. 85–92. Вторую часть этой работы опубликовали позднее (не сразу обнаружили в архиве ученого), как приложение: Колмогоров А.Н. Об операциях над множествами. II // Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987. С. 294–303.

надо признать, окончательно бросил «думать в эту сторону», когда однажды (2003) в нашей квартире в Софрино появился *Владимир Михайлович Комаров* (09.11.1947–30.12.2012), кандидат технических наук, талантливый исследователь из Ивантеевки [интересна и поучительна история, как он кружным путем «вышел на меня», но она длинновата, и здесь будет опущена], и он выложил – на отзыв и, главное, на обсуждение, – целый ворох красивых работ, в том числе такие: «Актуальная бесконечность как мера качественных различий» и «Введение в исчисление действий»⁵. Оказалось, что всё, что мне ранее только, можно сказать, грезилось, В.М. Комаров довел до работающей, практической теории.

⁵ Основные работы В.М. Комарова, как из состава тех, что мы дружно обсуждали, так и написанные им позднее («Бесконечность и Гармония», «РОН-исчисление арифметических действий» и еще несколько), размещены на сайте trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/0023-00. На этом ресурсе, должен предупредить потенциального читателя, встречаются ну очень разные исследования.

Ключевая мысль Комарова: глобальное использование *рекурсивности операций*. На инженерно-вычислительных приложениях он оживлял, кажется, тот же круг идей, который занимал великих европейских системологов – В.А. Лефевра в России (потом в Штатах) и Э. Морена во Франции.

Мне ничего не оставалось, как только позавидовать (белой-пребелой завистью), да еще дать несколько советов по «технике» теории множеств. Нам обоим, между прочим, было захватывающе интересно обсуждать вопрос, зачем и почему великий Н.Н. Лузин боролся с канторовскими представлениями о множествах и, в особенности, чем ему могла не нравиться именно актуальная бесконечность. Подозреваю, нам обоим не хватало тогда знания конкретных фактов из истории науки, пришедшего немного позднее.

Теперь самое время упомянуть о *нечетких множествах*. Вернее, сначала надо бы рассказать о простых (вполне себе «четких») множествах, точнее, об одном давнем монологе на математическом семинаре, по типу студенческого кружка, который у нас на первом курсе (шёл 1970 год) организовал завкафедры Сан Саныч Богомолов; меня он призвал на семинар, поощряя, после победы в конкурсе исследований «молодых ученых» по аналитической геометрии. И вот такая картинка. Перед нами ораторствует очередной докладчик, – фамилию забыл, помнится, это был сержант из «параллельной» батареи, успевший поучиться на матмехе ЛГУ, – он набрасывает мелом на доске весьма кудрявую формулу и бодро вещает: «Пусть A – множество всех a , имеющих такое-то свойство»... какое там было свойство, я забыл, но что споткнулись именно на «пустычной» номинации A , почему-то помню четко. Тут внезапно взвизгивает с места наш Сан Саныч, подбегает к доске, хватая мелок (на лекциях он всегда забавно вертел в руках кусок мела, вроде как подбирать слова ему помогало) и... преподает нам блестящий урок по философии математики. Излагаю речь его, вкратце и в то же время близко к оригиналу; она прочно мне запомнилась:

... бойтесь, друзья мои, без раздумий применять аппарат теории множеств... вроде бы проще простого написать заглавную букву и объявить за ней нужное математическое содержание... эта легкость может обманывать или уводить в сторону... принадлежит или не принадлежит данное a совокупности A , на деле установить подчас чрезвычайно трудно... приведу один знаменитый пример множества, который придумал Иван Жегалкин, математик из Московского университета... вы еще не раз услышите это имя⁶, когда встретитесь с математической логикой... так вот,

⁶ Приятно отметить: как раз в *августе 2019 г.*, когда пишутся эти строки, исполнилось 150 лет со дня рождения *И.И. Жегалкина* (22.07.1869–28.03.1947). Имя это «слышал» неоднократно. Последний раз, помнится, мне очень сгодилась его знаменитая монография «Трансфинитные числа» (М., 1907), когда пришлось буквально расшифровывать один давний (начала 20-х годов) философско-

он предлагал вообразить множество, в которое входят всего три элемента: *солнце, разум и апельсин...* видите, насколько реальность множества совсем не похожа на реальность составляющих его элементов... и ведь множество Жегалкина в каком-то смысле, абсолютно точно, есть... легкость теории множеств – кажущаяся...

Тот семинарский доклад высокоумного сержанта, разумеется, благополучно продолжился. А мне крепко запала в душу могучая интенция от профессора Богомолова: помнить, что совсем не просто «сказать *A*» (такова *проблема именования*, как до меня потом «дошло», не без помощи Лосева и Флоренского), и уж тем более трудно судить насчет «входит или не входит во множество»: так встает *проблема принадлежности*, что стало понятно после мирового потрясения, которое примерно лет за пять до того памятного семинара уже сотворил инженер из Калифорнийского университета Л. Заде, создавая теорию «нечетких множеств».

Во всяком случае, когда основная монография Л. Заде – вообще-то сей американец происходит из Азербайджана, и звался изначально Лютфи Алескерзаде, и в Баку в 2017 году с большим почетом, как национальный герой, похоронен, – когда она вышла на русском языке⁷, я ее почти сразу обнаружил и буквально проглотил. А ключевую идею «нечеткости» – перехода от банально-привычных решений *принадлежит / не принадлежит* (данному множеству) к представлению спектра возможностей *принадлежит в некоторой степени*, – воспринял как давно знакомую и даже родную. Родную – правильнее будет сказать. Ведь в подобном «размазывании» или «нечеткости», по Л. Заде, многим увиделась возможность вырваться из пут формалистики теории множеств, и уже с чистыми руками войти в область содержательно-гуманитарную, всей этой «точности» как раз чуждую.

То же самое мне, в сущности, хотелось также проделать, двигаясь от исчисления всяческих безликих «битов» информации к описанию качеств и смыслов, к пониманию феномена информации как таковой, – но об этом немного далее.

богословско-математический замысел А.Ф. Лосева, см.: «Загадочный набросок (еще к теме “имяславие и теория множеств”»), в моей книге о Лосеве (2007).

⁷ *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. Хвала советской системе библиотечного коллектора: мне сразу посоветовали пользоваться ею в нашей библиотеке при ГОКе (до Москвы ведь не наездишься за всякой книгой), и начиная с 1974 года, все нужные новинки читал, можно сказать, не сходя с места.

Потому сразу же вознамерился «применить» идеи *нечеткой логики* к задачам «весовой обработки» в радиолокационном обнаружении (но эту тему, ввиду ее специфической деликатности, развивать здесь не буду), а еще к обще-кибернетическим проблемам. Именно, поставил ребром один весьма конкретный вопрос: как изменяются классические минимаксные задачи оптимизации при переводе их на язык нечетких множеств. В итоге (и довольно быстро) появился текст под веселым названием «О системах управления с “перестраиваемым оптимизмом”», который где-то в октябре 1976 года отнес в журнал, кажется, «Автоматика и телемеханика»⁸. В редакции приняли опус скептически («ну, сейчас все увлеклись этими *fuzzy sets*»), а над моей авторской терминологией попросту посмеялись («она у вас какая-то гуманитарная, прямо лирическая»). Больше статью никому не показывал, даже Шрейдеру, и она «за пеленою лет» вовсе затерялась.

К богатым идейным потенциям нечетких множеств и нечеткой логики довелось обратиться еще раз примерно через 10 лет, когда делал доклад «О применении римановых метрик в пространстве принятия решений», на научной конференции в Харьковской академии. Кажется, доклад тот понял и оценил только один Лёша Краснов, который тоже участвовал в конференции, а руководитель секции полковник Бабак (звучит почти волшеббно: Эдуард Нектарьевич, он же научный руководитель диссертации нашего Николая Михайловича), в свою очередь, не решился рекомендовать текст к публикации, поскольку, де, уважаемый докладчик «не указал направлений практического применения» и т.д. Жаль: кроме того, что сей «уважаемый» вполне ясно приводил-таки примеры использования своих новаций для селекции ложных целей в радиолокации, там еще была (пусть и не особенно теоретично) намечена довольно красивая геометрическая интерпретация, или модель для нечетких множеств. Судя по современному состоянию дел⁹, математики-прикладники эту интерпретацию так пока и не почувствовали, и главная тенденция описаний «нечеткости» выстроилась у них сугубо логико-алгебраическая (решетки, бирешетки и проч.). Чего не скажешь о широком использовании богатств самой идеи «нечеткости» в задачах оптимизации управления (как раз с них-то я, сырой, когда-то самостийно начинал),

⁸ Скорее всего, свой труд относил именно туда, поскольку в этом журнале появилась едва ли не первая на русском языке информация о революционных идеях Л. Заде: обзор Л.А. Гусева и И.М. Смирновой «Размытые множества» (№ 5, 1973). Летом 1976 года штудировал сей текст с наслаждением!

⁹ Сужу по прекрасному изданию большой коллективной работы: Нечеткие гибридные системы. Теория и практика. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2007.

информационного поиска и искусственного интеллекта. Тут надо признать гигантское продвижение вперед: в мировой науке, получив серьезное математическое оснащение, быстро распространились представления о нечетких системах, нейронных сетях, эволюционных гибридах, «мягких» вычислениях, возможностном (именно) программировании... Флаг вам в руки, дорогие господа и товарищи!

А мы, покончив с этим введением, приступим к рассказу о *проблеме информации* и замечательных людях, связанных с этой темой – в моем, конечно, *счастливом* случае. Давно уж пора. На ближайшем отрезке повествования будет не так уж много материала из вычислительной техники или техники связи, больше – от математики, и много больше – от философии, или натур-философии. То, что здесь укрыта если и не проблема, то какая-то большая неясность или загвоздка, мне стало понятно с самого первого знакомства с темой, еще по ходу учебы в высшей школе: первый раз формулу Шеннона нам преподали, кажется, в курсе общей физики, в связи с формулой энтропии замкнутых физических систем (по Больцману). Но почему, хотелось спросить, все говорят не об информации, но о *количестве* информации? И что же тогда, извините, есть *собственно* информация?

Настал черед для точного указания, вернее, называния ключевого предмета тогдашних сомнений (продолжим сквозную нумерацию основных «имени-положений», начатую в первом выпуске «Тропы»).

Onomatodoxya – 7. **Количество информации.** Во всем следовало бы винить американского инженера *Ральфа Хартли* (1888–1970), первым храбро взявшегося *изводить качества* на уровень количества. Впрочем, заметно раньше это же предлагал проделывать известный философ Г.В.Ф. Гегель, заодно пропагандировавший и обратную операцию, более знаменитую – перехода количества в качество. Статья Хартли «Передача информации» была опубликована в 1928 году в журнале телефонной компании *Bell Laboratories*¹⁰ и в нужной нам части сводится к следующему: в обычном понимании термин «информация» слишком *эластичен* и нам, инженерам-техникам, нужно избавиться от чуждого *психологического* фактора; информацию следует вычислять исходя из *выбора* одного из элементов известного (наперед заданного) множества; упрощая, нужно считать выбор всякого элемента *равновероятным*; при передаче сообщения с помощью *s*-символьного алфавита каждому символу должен соответствовать выбор из *s*

¹⁰ *Hartley R.V.L. Transmission of Information // Bell System Technical Journal. Vol. 7. 1928. P. 535–563.* Уточним для истории: доклад Хартли впервые был представлен в *сентябре 1927* года на Международном конгрессе в Италии.

возможностей и, следовательно, чтобы передать сообщение в слове из n символов, нужно осуществить n таких выборов; тогда, казалось бы, в качестве *меры информации* H можно взять общее число таких сообщений, т.е. $H = s^n$; но работать с экспоненциальными зависимостями крайне непрактично (с ними, например, не выполняется естественное условие *аддитивности* сообщений), и Хартли решает: «будем произвольно считать, что количество информации *пропорционально* числу выборов, а коэффициент пропорциональности выберем таким образом, чтобы равным числам возможных последовательностей соответствовали равные количества информации»; с таковым упрощением и с необходимым требованием аддитивности Хартли и получает знаменитое $H = \log_a s^n = n \log_a s$.

Мы специально «взяли под микроскоп» эти выкладки, чтобы показать, как много в основаниях теории информации сугубого произвола (причем открытого, явно выраженного) и упрощений и, в конце концов, как трудно «всплывает» на поверхность понимания *единственно возможная* здесь базовая зависимость – именно, логарифмическая зависимость, тот самый, искомый «коэффициент пропорциональности».

С этим «коэффициентом» все мы, надо сказать, хорошо знакомы. Если в приведенном выше логарифме принять основание $a = 2$, то получаем количество информации в *битах* (правда, хороший значок?); при $a = 10$ оно получается в *дитах* (есть еще вариант названия – в *хартли*); при $a = e$ – в *натах* (в честь натуральных логарифмов и великого Эйлера, нашедшего число e). Все наименования, конечно, возникли много позже, чем дата публикации Хартли, и почти все – кроме бита – не особенно ныне в ходу.

И еще один комментарий «про имена». Если в простецкой формуле Хартли кроме условия $a = 2$ принять также $s = 2$ (т.е. в алфавите системы всего два символа, допустим, 0 и 1), мы получаем, яснее ясного, $H = n$. Иными словами: *количество информации (H) в двоичном слове равно длине слова (n)*, или *n бит*. Уж дальше некуда! И такой, проще поросычьего визга, мудростью весь мир с благодарностью пользуется. А ведь мое поколение «вычислителей» застало времена, когда вещи еще назывались *своими именами*. Скажем, говорили и писали в техдокументации (к примеру, для нашей К340А): «форма представления команд – позиционная двоичная, *разрядность слова равна 45*», или «оперативное запоминающее устройство состоит из 16 накопителей чисел по 1024 *45-разрядных слова*». Никаких тебе битов (или байтов): если речь о длине машинных слов, то так и говорим, на языке *разрядности* упражняясь...

Но теперь на мировую сцену выходит математик и инженер *Клод Шеннон* (1916–2001). Его основополагающая работа «Математическая теория

связи» также публиковалась в журнале компании «Белл», причем спустя ровно 20 лет после Хартли¹¹. Собственно, к проблеме информации как таковой Шеннон обращается в коротком «Введении» данной статьи: он прямо указывает на подход Хартли, хвалит его за выбор логарифмической функции как меры информации (и четко излагает аргументы, почему эта функция «удобна практически») и, наконец, эпически спокойно вводит нужный нам термин: «Единицы измерения [информации], получающиеся при использовании основания два, могут быть названы двоичными единицами или сокращенно битами (слово, предложенное Тьюки) [... *binary digits, or more briefly bits, a word suggested by J.W. Tukey*]. Прибор с двумя устойчивыми состояниями, такой, как реле или мультивибратор, может хранить один бит информации»¹².

Супер-слово «бит», как видим, Шеннон заимствует у своего ровесника и коллеги, чистого математика Джона Тьюки, *J.W. Tukey* (1915–2000), который прославился, скажем суммарно, разработкой алгоритма быстрого преобразования Фурье (тем зачав подлинную революцию в «цифре»), созданием практического анализа данных (его книгой «Анализ результатов наблюдений», М., 1981 доводилось, по делам нашим «статистическим», не раз пользоваться) и выдвиганием на всеобщее обозрение двух важнейших для компьютерной практики именованый:

software – наше «программное обеспечение»; про этакий «софт», на профессиональной мове, нынче все так и говорят, и

bit – сокращение от *binary digit*, «двоичная цифра» (тоже – говорят, и теперь *совсем уж все*)¹³.

¹¹ *Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. Vol. 27. 1948. № 3. P. 379–423; № 4. P. 623–656.* По-русски и довольно часто название статьи дается ошибочно: «Математическая теория передачи информации». Как легко заметить, на «информацию» особо нажимал как раз Р. Хартли, а вот К. Шеннона больше занимали проблемы помехоустойчивости («влияние шума в канале»), т.е. не собственно информация, а как ее *без потерь передать* по каналу связи, собственно – занимала *сама связь*. Классическая схема обобщенной системы связи – главный теоретический вклад этой работы Шеннона.

¹² *Шеннон К. Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 244.* В прямых скобках добавляю строку оригинала по-английски.

¹³ Если на первое гранд-имя легко находится указание в одной из работ Д. Тьюки, в американском математическом журнале (1958), то со словом *bit* есть трудность – все ссылки в англоязычной литературе (по крайней мере, мне

Однако далее Шеннон существенно совершенствует идею Хартли. Им благодарно принимается *логарифмическая* мера с ее удобными свойствами, оставляется базовой сама концепция *выбора*, задающая метод оценки информации, однако слишком сильное (до простой комбинаторики упрощающее дело) предположение о *равной возможности* выбора – оно отвергается. Это значит, что вступает в силу так или иначе фиксируемая *вероятность* выбора (состояния), и, следовательно, вводится новая мера для неравновероятных выборов, как некоторого рода *усредненная функция* (математическое ожидание) этих вероятностей:

$$H = - \sum p_i \log p_i, \text{ где } p_i - \text{вероятность } i\text{-ого выбора.}$$

Поскольку эта функция формально совпадает с данным еще у Больцмана выражением для энтропии физической системы, Шеннон назвал величину H , по очевидной аналогии, *информационной энтропией* и посчитал ее «разумной количественной мерой возможности выбора или мерой количества информации»¹⁴.

Успешно справившись со случаем дискретных (точечных) выборов и твердо нащупав дорогу от комбинаторики к теории вероятностей, Шеннон просто вынужден был пойти дальше: к случаю *непрерывного* распределения. Но здесь ведь нельзя прямо перебирать все возможные альтернативы (ибо еще великий Кантор показал, что между любым точечным множеством и континуумом пролегает непроходимая пропасть). В этом случае вероятности, входящие в формулу информационной энтропии, должны заменяться на соответствующие *плотности* вероятностей, сумма – на *интеграл*, а за меру количества информации приходится принимать, допустим, *разность* двух таких интегралов – между энтропией или неопределенностью $H(x)$ для исходной ситуации (x) и энтропией или неопределенностью $H(x/y)$, остающейся после получения сведений (y) о ситуации (x). Да, с переходом на непрерывный случай, когда уже нельзя пошагово, поэлементно обозреть все поле возможностей, действительно приходится *допускать* новые меры информации: как у Шеннона в статье 1948 года – взять в качестве меры *разность* двух энтропий, безусловной и условной.

Вслед за Шенноном и в развитие его теории, многие принялись вводить в научный оборот *всяческие разности*, особенно при решении задач математической статистики. Примеров тут великое множество, потому ограничиваюсь, так скажем, указаниями по краям.

попавшиеся) отправляют читателя к уже известному нам месту в статье Шеннона. Получается, Шеннон апеллировал к некоему *устному* высказыванию Тьюки?

¹⁴ Шеннон К. Математическая теория связи. С. 262.

За рубежом самая, наверное, известная почти-шенноновская мера количества информации – это «расхождения», или «дивергенции», или информационные числа¹⁵ Кульбака – Лейблера (1951), обычно используемые для сравнения двух статистических гипотез (распределений случайных величин p_i и q_i) =

$$\sum p_i \log p_i / q_i = \sum p_i (\log p_i - \log q_i),$$

сие есть в строгом смысле – математическое ожидание логарифмических разностей случайных величин. А в Отечестве нашем и в славном «чернецком» деле наиболее, пожалуй, известна (и полезна) была мера В.А. Котельникова (1946), вытекающая из его теории потенциальной помехоустойчивости – мера, принимаемая как разность апостериорной и априорной вероятностей радиолокационного обнаружения.

Но много дальше и Хартли (1928, с его комбинаторикой), и Шеннона (1948, с его теорией вероятности) продвинулась концепция информации А.Н. Колмогорова (1965, с его общей теорией алгоритмов). Прежде всего, говоря о мерах *количества* информации, Колмогоров специально озабочился хоть каким-то учетом ее *качества*. Потому и отмечалось с самого начала изложения у него нового, т.н. алгоритмического подхода: «По существу наиболее содержательным является представление о количестве информации “в чем-либо” (x) и “о чем-либо” (y). Не случайно именно оно в вероятностной концепции получило обобщение на случай непрерывных переменных»¹⁶ – тут он хвалит, как видим, Шеннона. И сразу же прибавляет, фактически отодвигая прочь вероятностную концепцию: «практически нас интересует чаще всего количество информации в индивидуальном объекте x относительно индивидуального объекта y ». Иными словами, категорически нельзя пользоваться вероятностями наступления событий p_i (определяемых, как известно, для *массовых* явлений) в случаях оценок количества

¹⁵ Часто говорят и пишут также о «*расстояниях*» Кульбака – Лейблера, что неверно: данный функционал не является, строго говоря, метрикой в пространстве распределений, поскольку он не удовлетворяет элементарному для налаживания расстояний условию «треугольника» и аксиоме симметричности. До меня это обстоятельство дошло своевременно, поскольку на определенном этапе развития «экстраполяционного подхода» к феномену информации мне *очень хотелось* показать генетическую близость информации (как таковой) и пространства (как такового). Видно, информация расположена в сугубо неметрическом пространстве.

¹⁶ Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987. С. 218.

информации в *единичном* акте, в *индивидуальном* событии. И тогда, согласно алгоритмическому подходу Колмогорова, энтропия $H(x, y)$ есть *минимальная длина программы* (частично рекурсивной функции) для «получения y из x »¹⁷.

Заметим, как своеобразно замкнулась (или «пошла по кругу») сама история этой большой идеи – оценивать количество информации: в начале пути Хартли свел задачу к подсчету длины некоего «машинного слова», в конце Колмогоров «усилил» этот результат, оценивая алгоритмическую сложность целых «программ» (длину совокупностей таких слов) #

Итак, примерно к концу 1974 года (стало быть, *прошло время начал*, минуло чуть больше года чернецкого житья, с немалыми его перипетиями – житейскими и интеллектуальными¹⁸) мне стало более-менее ясно, чем я хочу и могу конкретно «для себя, для души» заниматься.

Строго-настрою зафиксировал замысел в дневнике (запись 13.12.1974, см. «Приложение 2») и принялся усердно собирать «информацию об информации». Год (приблизительно) собирал нужное.

¹⁷ Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия... С. 220.

¹⁸ Было всё и сразу: начало армейской службы и инженерной деятельности, быстрая женитьба, мучительный поиск «места в науке»... О, восхвалим временные неудачи и гусарские излишества! Починал-то, признаться, плоховато. Надо же было мне умудриться, под водительством городковских ветеранов питейного дела, отыскать дорогу к Трофимычу и, явно «перебрав», пропустить на следующее утро встречу с Анатолием Сергеевичем Сыроватским, которому была дана привилегия выбирать новых сотрудников из числа красно-дипломной молодежи. [У меня сохранился обширный конспект по «машинной арифметике» в СОК, начатый 19 сентября 1973 года, – видимо, сразу после того фиаско]. Потому очутился на передающей позиции СРЛС, в отделе майора Масленникова, чтобы изучать только еще вводимую в строй аппаратуру К32А, служить (вскоре) взводником в технологической роте и тосковать по «утерянному раю». Так и получилось, что мне предоставили целый год для более-менее свободных поисков «темы по душе». А в наш программистский, он же алгоритмический отдел перевели своим чередом, хотя и не безболезненно: буквально накануне чаемого перевода получил взыскание от начальника штаба подразделения за упущения в карауле (проверяющий обнаружил в пирамиде отдыхающей смены карабин на боевом взводе). У меня сохранился, на трех страничках, план самостоятельной подготовки, утвержденный начальником отдела БА и БП подполковником-инженером А.С. Сыроватским 28 октября 1974 года. – Таким образом, если бы сразу, с осени 1973-го погрузился в программистскую круговерть, ни про какую «информацию» не стал бы задумываться, это факт, как говорится, медицинский.

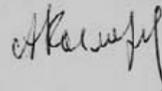
Примерный диапазон, куда вмещались мои познания той поры, если брать относительно как раз «качества» информации, вполне определялся двумя свежими изданиями монографий: сугубо классическая «Вероятность и информация», от «чистых» математиков Ягломов (1973), и чуть-чуть неклассическая «Качественная теория информации», от польского инженера и математика-прикладника М. Мазура (1974).

А когда – не слишком еще, конечно, широкий – круг моих знаний по части «количества» информации стал приблизительно такой, как изложено выше, в обзоре *Оном.–7* (правда, важнейшую работу А.Н. Колмогорова «Три подхода к определению понятия “количество информации”» еще не изучал, только ознакомился в чужом изложении), я решил поделиться сомнениями... с самим академиком Колмогоровым. На мое удивление, тот довольно быстро ответил лаконичным и четким письмом от 4.12.1975 (см. в «Приложении 2»), где дал несколько дельных советов и, заодно, вполне уместно «прочистил мозги» начинающему исследователю.

4/ Г.Чехов незалежно от Москви, так что учиться можно организоважно .Узнайте ,напримр, о курсах повышения математической квалификации инженеров на нашем Мехмате, или факультате вычисл.математики и кибернетики.Посмотрите ,какие у нас ,или еще где либо имеются семинары на интересующие Вас темы .Их перечни печатаются в сборниках "Информационные материалы – кибернетика" Научного совета по кибернетике АН СССР . См.придаваемый номер "материалов" .

Но повторяю,что жить нахеклою на великие свершения без способности просто ратоваться самому приобретению знаний и самому скромному участию в работе – ВРЕДНО.

Ваш

Благодаря подсказкам уважаемого академика я довольно быстро сориентировался, можно сказать, в пространстве возможностей. Во-первых, стало вполне очевидно, что сугубо математическими аспектами проблемы информации мне заниматься просто не с руки: это пусть строгий и умелый Колмогоров (с учениками) возводит, к примеру, свою излюбленную теорию вероятностей из глубоких недр теории информации (что у него, между прочим, так и не получилось), или расширяет число новых видов «энтропий», – в греческом языке буковок много, не одна только ε просится в дело¹⁹. Во-

¹⁹ Имеется в виду представление об ε -энтропии, по Колмогорову, которая создавалась отнюдь не для описания дискретных систем с конечным числом

вторых, яснее ясного понял, что мне интересны не какие-то абстрактные и пусть даже новые, «более глубокие основы» теории информации (о них, родимых, шла речь в том письме), но – содержание *самого феномена* информации, сама *природа информации*. Следовательно, пора мне было собираться в поход за содержательностью, за смыслами трогаться в путь.

И тут, напрямик от письма Колмогорова, пролегла дорожка в сторону *Юлия Анатольевича Шрейдера* (28.10.1927–24.08.1998). Думаю, абсолютно точно именно с него было списано однажды: «Видный ученый, он отличался не только талантливостью (талантливых было много), но и особой, из ряда вон плодovitостью. Чего только он не плодил; в каких жанрах не работал! Устные: доклады, выступления, “круглые столы”. Письменные: книги, статьи, эссе, предисловия... Темы – любые, от общей наукометрии до эстетики пчел. Писал неудержимо, писал в перерывах между заседаниями, телефонными разговорами, консультациями, приемами гостей, хождениями в гости. Писал развратным почерком, примостясь где попало – на краю стула, на пульте машины или на собственном колене, не выпуская изо рта сигареты, не нуждаясь ни в тишине, ни в уединении. Все, что он писал, было ярко, самобытно, талантливо. Все – за исключением одного: стихов»²⁰.

В ту пору Ю.А. был еще кандидатом физ.-мат. наук, ведущим научным сотрудником отдела семиотики ВИНТИ и руководил семинаром «Проблемы семиотики», за каковой семинар я, собственно говоря, сразу и

элементов (там прекрасно «работает» энтропия по Шеннону), но ради вычисления характеристик неопределенности для *непрерывных* (в различных метрических пространствах) систем, задаваемых «с точностью до ϵ ». А то, что в вопросе об энтропиях есть куда двигаться дальше, давно показал венгерский математик *А. Реньи* (1970), предложивший *обобщенную энтропию* (построена на выпуклых функциях, отличных от привычной формы вида $x \log x$) и, соответственно, вводил *обобщенные* «информационные расхождения».

²⁰ Из романа И. Грековой «Пороги» (1981), гл. «Шевчук». Доктор технических наук, известный математик *Елена Сергеевна Вентцель* (21.03.1907–15.04.2002), автор n -кратно изданной «Теории вероятностей», но она же – знаменитая писательница И. Грекова (псевдоним как изысканный поклон в сторону «и греческого», любимого значка математиков), она же – любимая теща Ю.А., взяла от мужа своей дочери Татьяны и наделила многими чертами некий институтский персонаж: *Даниил Романович Шевчук*. Характерно, что товарищ Шевчук был занят в некоем НИИКАТе тематикой «искусственного интеллекта» и строил, между прочим, роботизированное нечто под названием «Дуракон». Прямо по Шрейдеру. С одним лишь не соглашусь: и стихи у Ю.А. выходили, как минимум, не плохие.

зацепился. Одним из первых Ю.А. разрабатывал тогда «семантическую», иными словами, *на-самом-деле-качественную* теорию информации. А еще, на мое счастье, он оказался и большим математиком (по образованию), и большим философом (по духу), и настоящим Учителем уже персонально для меня, сирого. И еще – что было немаловажно в то время, и для моего «места» (Чернецкий хронотоп) крайне существенно, – при всем своем либерализме и свободомыслии он отнюдь не числился в диссидентах. Хотя, конечно, среди его многочисленных друзей-приятелей, как постепенно для меня выяснялось, были и о. Александр Мень, и в скором будущем «выехавшие туда» крупные ученые И.А. Мельчук, А.С. Есенин-Вольпин, С.К. Шаумян, В.А. Лефевр, Ю.А. Гастев (последнему, обещаю, еще будет посвящена небольшая притча мемуарного характера).

Некоторые подробности нашего общения со Шрейдером можно найти в «Приложении 2», где (без сокращений) приводятся все сохранившиеся письма Ю.А., примерно за 12 лет эпистолярной части нашей дружбы. Привожу их и, соответственно, там же комментирую с благодарным, особенно теплым чувством. Думается, эти небольшие тексты – чаще всего и не письма даже, но короткие записки, всякий раз стремительно составляемые (тем самым «развратным почерком») по конкретным и частным случаям, – они очень наглядно и со многими важными деталями рисуют довольно цельный и симпатичный образ этого удивительного ученого и благородного человека. Привожу посильное мое «спасибо».

Итак, при деятельной и, не побоюсь этого слова, творческой поддержке Ю.А. я быстро удовлетворил свои научные амбиции, и со скоростью примерно одной публикации в год вышли тогда работы: «Семиотическое существование» (1978), «Экстраполяционный подход к понятию информации» (1979), «Текст, информация, “эпистемация”» (1981), «Предвосхищение в коммуникации: время текста» (1982); далее, в «Приложении 1» воспроизведу только последнюю работу, поскольку она замыкает весь «информационный» цикл, вроде на четыре такта устроенный.

А двигаться дальше – дальше *вглубь природы информации* – мне стало как-то не интересно, даже очевидная идея «защититься» по достигнутым результатам не особо грела. Теперь могу, кажется, трезво судить, почему так получилось: на самом деле, встреча с Ю.А. стремительно уводила меня из области точных наук и делала в какой-то мере новообращенным гуманитарием или, вернее (эту новую область сужая или, наоборот,

расширяя?), философом²¹. Потому-то в данном «отчетном периоде» берут начало два других моих долговременных начинания:

а) хотя с раннего детства слыл книгочеем, принялся – будто кто заставлял меня срочно наверстывать упущенное! – весьма интенсивно и целенаправленно читать художественную литературу и синхронно вести (с 1979 года) «Чтиво» – регулярный дневник чтения, а также

б) с выходом на первый план уже философской литературы и философски значительных фигур, мне ставших близкими (для начала имена – Флоренский, Лосев и Бахтин), затеял многолетнее писание философических «Опытов» (с 1980 года).

В реализации последней затеи, сиречь в появлении пяти больших тетрадок с «Опытами» особенно «повинен» дорогой Ю.А. С самого начала выходило как-то так, что он всячески поощрял стихийное эссе-подобие присылаемых мною опусов. Да и сам, весьма обильно снабжая меня все новыми и новыми рукописями и публикациями, он неустанно подавал своему корреспонденту многочисленные примеры нестандартного, раскованного, лежащего явно «между жанрами» высказывания.

Осталось сознаться, что именно эти довольно объемные (и до сего времени остающиеся в рукописной форме, и только для «домашнего» употребления, и даже в компьютере до поры не набранные) результаты самостоятельного творчества от *а* до *б* мне особенно дороги, и очень хотелось сохранить их хотя бы в данных выпусках «Тропы». Потому-то выпусков и стало больше одного, – наверное, Бог даст, будет их четыре.

²¹ Еще, можно сказать, ваш покорный слуга оказался типичным Журденом, который не подозревал, что всю жизнь только и делает, что изъясняется прозой (кстати сказать, наш «мещанин во дворянстве» нанял себе, для подъема учености, именно *учителя философии*, от него и узнав правду о себе). Только естественный язык мысли, язык подлинной философии был поначалу сильно замутнен для меня, как и для многих моих коллег и сверстников: не считать же за таковой стандартную «марксистско-ленинскую философию», дюже мне, так скажем, сразу и навсегда не понравившуюся, хотя с легкостью получал за сии премудрости свои пять баллов. Впрочем, первая оценка за выступление на семинаре по МЛФ случилась у меня троечка с минусом. Когда, помню, после неудачного спича я сядился за свой стол и уже понимал, какой будет результат (оценки «препода» выводились позже – всем скопом, в конце семинара), мой сосед и друг Женька Благодарный довольно мрачно и обреченно прошептал: «Ты слишком много думал!». О, как же точно... Никак нельзя было *именно думать* в рамках той «философии».

А мой вклад в понимание *природы информации* можно изложить всего в нескольких коротких тезисах:

- сама категория информация в смысловом отношении яснее при ее представлении в следующих триадах, единящих близкие концепты:
пространство – время – информация (онтологический аспект),
данные – информация – знание (гносеологический аспект),
фасцинация – информация – эпистемация (практический аспект);
- от концепции *выбора* (комбинаторно-вероятностной) следует переходить к концепции *разности* (метрико-алгоритмической);
- информация суть разность (разница, расхождение, дивергенция) ожидаемого и действительного;
- в основе механизма информирования лежит экстраполяция, обеспечивающая эту разность;
- информация более первична (она логоснее), чем время;
- время является сопутствующим эффектом информирования.

К узловой идее экстраполяции (узловой – ибо самый *подход* к общему представлению об информации получил у меня величание, так получилось, *экстраполяционного*) добавлю только небольшой, вполне частный историко-биографический комментарий. Ибо он вытекает из бытия, из самой гущи житейской нашего «чернецкого хронотопа», вернее, даже прямо из его *радиолокационного* контекста.

Об этом достаточно подробно повествует давнее эссе под экспрессивным названием «Вам кусочком или порезать? – Куском!» (см. «Приложение 2»), а здесь мне остается только особо расставить некоторые акценты. Или – смысловые ударения.

Следует, именно, сказать так: уже тогда, по службе на Объекте, занятый задачами так называемой вторичной обработки радиолокационных измерений и даже почти возлюбивший, опять-таки по службе (моей специализацией поначалу была баллистическая обработка), великолепную рекуррентную фильтрацию по Калману²², я просто не мог не выделить *операцию экстраполяции* (в нашем случае – траекторий баллистических целей, – каковых в реальности промелькнуло передо мной многие сотни и

²² Проблеме траекторного сглаживания и, в особенности, фильтрации по Калману отводил много места в своей знаменитой и, одновременно, настольной книге нашего отдела харьковский математик и инженер *Сергей Захарович Кузьмин*. Поневоле (по службе) пришлось с нею сродниться. Позднее довелось делать в баллистической обработке кое-что «супротив» Калмана (и Кузьмина), существенно модифицируя, к примеру, логику расчета коэффициентов сглаживания.

тысячи) как заглавную, если угодно, узловую операцию. Или, еще так сформулирую: задача траекторного сглаживания и сопровождения стала попросту *задающей моделью* для понимания обобщенного процесса информирования.

Словом, вовсе не из «чистой» или, вернее, вычислительной математики (в пределах компетенции которой, к примеру, почти все и давно умеют аппроксимировать, интерполировать и даже экстраполировать всяческие функции), а из «чистой», точнее, практической радиолокации проявилась для меня фундаментальная роль экстраполяции²³. Лишь позднее, иные и многие книжки проштудировав, удалось по-настоящему почувствовать и оценить глубину или масштаб самой этой фундаментальности.

Именно, для таковой *экстраполяции*, особо артикулированной в пределах вновь строяемой теории информации, нельзя было не увидеть содержательные аналоги и более широкие смысловые эквиваленты. Они достаточно давно (и без меня) открылись для зрелой научной мысли:

- в философии и логике это была и есть *интенция*,
- в психологической науке – *антиципация* (интенция тоже изучается в пределах психологии, но, думаю, достаточно периферийно),
- наконец, в физиологии высшей нервной деятельности – *доминанта*²⁴.

²³ Экстраполяция вполне органична и неизбежна для радиолокации. Вот подтверждающий пример из ранней истории вычислительной техники: на первом вычислительном центре Министерства обороны СССР, которым руководил легендарный борец за кибернетику *Анатолий Иванович Китов* (09.08.1920–14.10.2005), «были созданы две специализированные вычислительные машины: М-100 и “Удар”. Первая предназначалась для обработки информации, поступающей от радиолокаторов кругового обзора, вторая – для подготовки стрельбы баллистическими ракетами. <...> Название “М-100” было дано самим Китовым, так как скорость работы этой ЭВМ составляла 100 тыс. операций в секунду, что для 1958 года было рекордным быстродействием по сравнению со всеми отечественными машинами. В машине были реализованы своеобразные **экстраполяционные** алгоритмы обработки информации, позволяющие по пришедшим данным найти ожидаемые области появления самолетов при следующем обзоре радиолокатора» (*Миронов Г.А.* Первый ВЦ и его основатель, см.: [http://www.kitov-anatoly.ru/...](http://www.kitov-anatoly.ru/)). Заодно напомним, что А.И. Китовым была защищена первая в истории Отечества программистская диссертация: «Программирование задач внешней баллистики ракет дальнего действия» (1952).

²⁴ Справка для любопытных, по узловым терминам последнего пассажа. Для пояснения интенции и интенциональности специально был создан экскурс

И, получалось, во всех случаях по-своему, специфически именуется одна-единственная, одна и та же сущность, которую мы могли бы теперь (воедино беря) назвать, к примеру, *обязательной векторностью*, или, сказать иначе, *направленностью* познания.

Как уже было сказано, разрабатывать «теорию» дальше, т.е. двигаться «вглубь информации» мне быстро расхотелось. И причиной тому стал не только очевидный крен в новую область интересов, гуманитарную и философскую. Еще пристальное всматривание (сколь было по силам) в эти глубины и вскоре полученное живое ощущение «обязательной векторности» приводили и привели меня к новой проблеме – *проблеме времени*. А уж тут... Вот где открывается широкое раздолье, горизонты где раздвигаются!

О времени надо говорить особо, и не только в рамках «Тропы». У меня в загатнике лежат еще темы, для будущих научных публикаций (е.б.ж.).

Вообще, думается, у всякого настоящего философа или даже «просто» серьезного мыслителя обязательно должен *по жизни* возникать этот сакраментальный (если угодно – изначально-детский) вопрос:

Onomatodoxia – 8. **Что такое время?** Особенно яркая и самая категоричная постановка этого вопроса обнаруживается, как известно, у *блаженного Августина*. Яркая – это понятно, это даже очень ожидаемо для случая первооткрывателя «индивида» и «персональности», каковым был Августин Аврелий. Потому без конца цитируют строчку из его «Исповеди» (ок. 397–400), где действительно впервые «цепляет» настолько лично поставленная познавательная загвоздка: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время». И где, далее, четко сформулирован основной парадокс темпоральности: «А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? <...>

Опоз. 5, в первом выпуске «Тропы». Об антиципации как способности действовать и принимать нужные решения с определенным пространственно-временным упреждением, на целом море экспериментально добытых фактов лучше всего повествует книга Б.Ф. Федорова и Е.Н. Суркова «Антиципация в структуре деятельности» (М., 1980). Учение о доминанте А.А. Ухтомского (на сей час литература здесь громадна) дает самое глубокое и первичное, – извлекаемое буквально из недр мозговых и психических процессов, – основание для всей этой многообразной «векторности». Нужно еще только подчеркнуть, что искренне верующий ученый Алексей Ухтомский шел к своей идее доминанты от изначально поставленной им (и для себя конкретно, и для науки) задачи: найти материальные, физиологические основы для *религиозной веры*, т.е. для обоснования глубинной, из нутра человеческого исходящей *направленности к Богу*.

Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?»²⁵

Но и сама категоричность и прямота вопрошания – тоже здесь: Августин доискивается ответа на принципиальный, страшный, воистину идиотский – ибо явно шире человеческого разума поставленный – вопрос о времени («Что делал Бог до сотворения неба и земли?»). И четко заявляет, прямо обращаясь к Творцу: «Всякое время создал Ты, и до всякого времени был Ты, и не было времени, когда времени вовсе не было»²⁶. И, отводя Богу сотворенное время и вечность, он оставляет человеку далеко не всякую «временность», но только *момент настоящего времени*, и само (доступное нам, человекам) время тогда становится целиком «психологическим», т.е. *внутренним*. Или, точнее: «есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память [memoria]; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание [contuitus]; настоящее будущего – его ожидание [expectatio]»; итого – «в тебе, душа моя, измеряю я время»²⁷.

Надо согласиться, что всё сказано здесь чрезвычайно ясно. Но все-таки Августинов ответ – один из многих. Из очень и очень многих. Воззрений и гипотез о времени как таковом (где выборка соответствующей «статистики» растягивается тысячи на три лет) накопилось столько, что впору устраивать среди них особые типологии и классификации, разбивая по традиционным школам, направлениям и даже модам. Лучше всего, на мой взгляд, эта громадная коллекция описана (широким взглядом окинута) в работах двух отечественных исследователей, а именно, у *Юрия Борисовича Молчанова* (1926–1997), с подразделением концепций времени на субстанциальную, реляционную, статическую и динамическую, с несколько большим вниманием к физическим аспектам времени, а также у *Пиамы Павловны*

²⁵ Те же два ключевых вопроса на латыни: duo ergo illa tempora, praeteritum et futurum, quomodo sunt, quando et praeteritum iam non est et futurum nondum est? <...> ut scilicet non vere dicamus tempus esse, nisi quia tendit non esse? <...> illa est, quia non erit, ut scilicet non vere dicamus tempus esse, nisi quia tendit non esse? (AUGUSTINI CONFESSIUM, Lib. XI, Part. XIV). По-русски здесь и далее цитирую по переводу *Марии Ефимовны Сергеевко* (1891–1987), образцовому переводу, который, с почтением напомним, был сотворен в блокадном Ленинграде.

²⁶ *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: Канон +, 2005. С. 215 (XI, 12), 217 (XI, 14).

²⁷ Там же, XI, 20 и XI, 27. Ключевые латинские термины в конце первой цитаты вставляю из соответствующей части латинского «исходника».

Гайденко (р. 1934), где особое внимание уделено теме вечности, а *большие* акценты сосредоточены на геологических и философских аспектах²⁸.

Приведу далее несколько (весьма задевших меня) конкретных, персонально-авторских «ответов» на вопрос, что же такое есть время. В основном они выходят за пределы «чернецкого» отрезка жизни, кроме первого и, отчасти, второго «ответов». С ними мне в разные годы довелось непосредственно встретиться, т.е. слышать их прямо в изложении авторов и (или) с авторами обсуждать. Можно сказать, мне вполне повезло быть свидетелем и очевидцем, а также и собирателем небольшого фрагмента из упомянутой великой коллекции разнообразных гипотез и подходов²⁹.

Первым, по жизни, повстречался «ответ» геолога и палеоботаника *Сергея Викторовича Мейена* (17.12.1935–30.03.1987). Как и блаженный Августин, Сергей Викторович (человек, видимо, неверующий) дерзнул рассматривать гигантских масштабов Время Творения, масштабов геологических периодов. И он пришел к выводу, что такое время *не обязательно меряется часами*, и что есть только *время индивидуальное*, время изменчивого индивида. Сама изменчивость и, соответственно, «порождение» времени «телом» индивида может быть, по Мейену, трояким: как *темпофиксация* (изменения оставляют след в структуре организма), как *темпосекреация* (изменения фиксируются на отделяющихся от организма частях) и как *темподесиненция*, «растворение» времени (когда следов изменений вовсе не остается)³⁰. Тогда *онтогенез*, или саму жизнь индивида можно представить как определенную траекторию в многомерном

²⁸ Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. – 192 с.; Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с. К чисто философской картине, хорошо представленной в этих двух книгах, надо бы прибавить панорамный взгляд филологов, философов и искусствоведов, охваченный двумя сборниками: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974 (с этой книги я когда-то начинал свою «темпорологию»); Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997, где особо выделю статью: *Потаенко Н.А.* Время в языке (опыт комплексного описания). С. 113–121.

²⁹ В эту коллекцию с большим удовольствием присоединяю набросок-фантазию о времени, составленный *Лешей Красновым* (23.03.2011) в ответ на мой тезис «чувство времени рождено нашим самочувствием», см. «Приложение 2», – прежде всего, для демонстрации непочерпаемого разнообразия присоединяю.

³⁰ *Мейен С.* Время без часов, или Похвальное слово создателям геохронологии // Знание – сила, № 12, 1986. С. 33–34.

признаковом пространстве. Объединение индивидов в таксоны, в свою очередь, дает *филогенез*, при котором так или иначе расходятся траектории индивидов, относящихся к одному таксону (иными словами, заметим, время индивида и время таксона – разные)³¹, и, наконец, совокупность траекторий всех организмов тождественна целному *биологическому времени*, как его понимал В.И. Вернадский.

Далее последовал «ответ» *Александра Петровича Левича* (17.07.1945–28.03.2016). Он, будучи специалистом в математической физике, начинал с проблемы информации³²: ему удалось найти оригинальное выражение для информации на языке *теории категорий*; на том же интеллектуальном поле, отмечу, трудились тогда А.А. Шаров и Ю.А. Шрейдер. В дальнейшем, уже как биофизик, с использованием того же теоретико-категориального аппарата он приступил к описанию структур живых систем, где и пришел к выводу, что они функционируют сразу в целой иерархии времён, ни одно из которых прямо не сводимо к смежному уровню. При этом за единицу отсчета следует принимать некое *субституционное время*, то есть период (интервал), в течение которого происходит замена одного элемента структуры другим, на том или ином уровне иерархии³³. Время как *эхо* или как *след* изменений системы – можно было бы так подытожить такой подход. Или выразиться с историко-философской аллюзией: наш Левич на языке теории категорий попытался развивать богатые потенции философии процессуальности, по Уайтхеду. Но лучше всего, пожалуй, сказано было в недавнем некрологе:

³¹ Не буду сильно углубляться, но одно замечу: С.В. Мейен, совместно с Ю.А. Шрейдером, создавал и фактически создал также замечательную общую теорию классификации (таксономия и мерономия). Тогда, если ставить время как таковое в зависимость от разнообразия организмов, т.е. отправляясь от их типологии, мы получаем *внеисторическую* концепцию времени, которую можно назвать *типологической*, причем двух сортов – *время таксономическое* (для эволюции как последовательного появления новых таксонов) и *время мерономическое* (эволюция как расширение признакового пространства).

³² Как и ваш покорный слуга. На Российском междисциплинарном семинаре по темпорологии, основанном и ведомом Левичем на биологическом факультете МГУ (семинар работал более 30 лет), по дружескому приглашению Александра Петровича несколько раз довелось выступать с докладами о времени. Здесь излагалась и обсуждалась, в частности, и гипотеза об энантиодромии (время с двумя знаками, или время встречных потоков).

³³ *Левич А.П.* Субституционное время естественных систем // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 57–69.

«Александр Петрович с безграничной самоотдачей относился к делу жизни – *найти истоки реки времени* – и увлек на этот путь уникальное сообщество, создав научную школу темпорологии, за которой будущее»³⁴.

«Ответ» физика-теоретика *Юрия Сергеевича Владимирова* (р. 1938) радикально отличался от построений названных выше палеонтолога и биолога. Если те, так или иначе, искали *перво-материю* времени, его, так сказать, жизненные истоки, то Ю.С. Владимиров (вслед за своим учителем Ю.И. Кулаковым, р. 1927) задавался целью найти *перво-структуру* времени. Точнее, предполагалась даже своеобразная «бурбакизация» всей физики, подведение в ее основание – вместо «полуинтуитивно» понимаемых образов вроде материальной частицы, поля, пространства или времени, – единственного и универсального понятия «физическая структура»³⁵. Время здесь становится окончательно *реляционным*, ибо оно задается, вернее, порождается в бинарной системе отношений (отношений вещественных чисел – у Ю.И. Кулакова, комплексных – у Ю.С. Владимирова).

Мне не раз приходилось своими глазами наблюдать, как простейшими (и, казалось, волшебными) манипуляциями с *парами* числовых отношений – для чего были неплохо приспособлены старинные определители Кэли–Менгера и их обобщения, – Ю.И. Кулаков дедуцировал целые разделы классической физики (например, закон Ома или закон Ньютона), а Ю.С. Владимиров в своей «бинарной геометрофизике» демонстрировал, к примеру, симметрии зарядов кварков в многообразных квантовых взаимодействиях и даже (теми же волшебными средствами) выводил «угол Вайнберга» для электрослабых взаимодействий³⁶.

А вот математик *Алексей Николаевич Паришин* (р. 07.11.1942) не стал задаваться «отвлеченным» вопросом, что такое время. Вместо этого он принял за абсолютную данность или, может быть, за единственно достоверный в «темпорологии» факт, что время есть именно и как раз то, что *измеряется часами*. До него так же настойчиво и то же предлагали «принимать во внимание» многие великие мыслители, например, Анри Пуанкаре, но при этом не доводили дело, так сказать, до логического конца.

Часы, как известно, отсчитывают или отображают *циклическое время*. И для правильного описания универсальной цикличности в картине мира (для

³⁴ Левич Александр Петрович // Метафизика. Век XXI. 2016, № 2 (20). С. 199.

³⁵ Кулаков Ю.И. Теория физических структур. Новосибирск: Альфа Виста, 2004. Лекции Ю.И. слушал и наблюдал раза четыре. В первый раз услышал о его изысканиях еще от Ю.А. Шрейдера, отзывавшегося на удивление хвалебно.

³⁶ Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ, 2002. С. 509–522.

согласования множества циклов различных периодов и разной природы)³⁷ А.Н. Паршину понадобилась (ему пришлось вводить!) *универсальное время*, объединяющее воедино все циклические времена и, вместе с тем, органично включающее ньютоновскую «стрелу времени» R . При этом, получалось, универсальное время «содержит не одну прямую R , а бесконечно много таких прямых, даже несчетно, континуально много, т.е. оно как будто толще, чем “обычное” время. Но это не так, на самом деле его “толщина” равна нулю. Имеющиеся в нем прямые все различны, не имеют общих точек (т.е. “параллельны”) и так плотно упакованы, что расстояние между ними в *любой* метрике равно *нулю*», так что «мы можем сказать, что “обычные” времена находятся в нем неслиянно, но и нераздельно»³⁸.

Или, строго алгебраически выражаясь: часы представляются как одномерная компактная группа Ли, снабженная инвариантной относительно сдвигов метрикой; далее, синхронизация всех часов – это сюръективный гомоморфизм таких групп, являющийся локально изометрией; универсальное время тогда суть проективный предел для системы часов; этот предел описывается на языке алгебраической геометрии с использованием групп конечных аделей и p -адических чисел³⁹.

Так вместо тривиальной прямой R (или «школьной» оси T , «оси времени») перед нами предстает своеобразный «тугой клубок, где каждая прямая подходит сколь угодно близко к каждой точке этого клубка, т.е. к каждой точке любой другой прямой»⁴⁰. *Время – тугой клубок*.

Не правда ли, при таком разнообразии «ответов» на трудный вопрос Августина поневоле голова пойдет кругом? – Уж не по циклам ли Паршина и, чего доброго, не тем же тугим клубком свиваясь? #

Именно такое ускользающее и многоликое, именно *само по себе* время стало для меня захватывающе интересным. Ушла озадаченность самой по себе информацией. Почал с информации, закономерно добрался до времени.

³⁷ Разумеется, нисколько не отрицая важность и полезность времени по Ньютону, «не отбрасывая при этом линейное, упорядоченное, растущее к будущему время» (Паршин А.Н. Средневековая космология и проблема времени // Вестник русского христианского движения, № 188, 2004. С. 137). «Линия времени», по Паршину, просто лишается здесь своего привилегированного положения.

³⁸ Там же. С. 143–144.

³⁹ Паршин А.Н. Циклы в Православии и естествознании // Труды семинара «Наука и вера» ПСТГУ. Вып. 1: «Вся премудростию сотворил еси...». М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 282–284 (математическое приложение).

⁴⁰ Там же. С. 284.

Информацию быстро отодвинул, со временем как объектом исследования и как проблемой, вожусь почему-то до сих пор. Конца не видать.

На пути (посильного мне) постижения времени – разумеется, маршрут описываю здесь сжато – можно выставить несколько памятных вех-отметин, и они тоже довольно быстро уходят за пределы нашего Чернецкого хронотопа, близко подводя к философическим вопрошаниям сего дня.

1) *Сопутствующий эффект*. Поначалу казалось, что мне удалось нащупать ответ на главный вопрос, почему время именно такое – само *сплошь один вопрос* = «ускользающее и многоликое». Из моей «теории информации» вроде бы выходил такой ответ: потому что время отнюдь не первично и не априорно (в чем нас давно заверял господин Кант), потому что оно *относительно*, и зыбкий облик времени предопределен сложной жизнью иной реальности, которая является в отношении времени задающей и более первичной, – *жизнью информации*. На обоснование этой точки зрения была снаряжена довольно большая статья «Предвосхищение в коммуникации: время текста» (1982). Выше она уже упоминалась, а также в «Приложении 1», по случаю, воспроизведена полностью.

2) *Фундаментальная векторность*. О ней тоже немного уже сказано ранее: легко обнаруживается некоторое объединяющее информацию и время начало – начало, воистину родовое для них. В разных сферах мысли оно получает не всегда похожие названия (таковы, например, интенция, доминанта, экстраполяция, предвосхищение-антиципация, пожалуй, можно еще добавить в список экзистенциальную «заботу», по Хайдеггеру), но имена эти выражают фактически общую, единую сущность. Те или иные проявления этой фундаментальной векторности предстают перед нами или как время, или как информация, или, в более частном аспекте и к примеру, как фасцинация (по Ю.Н. Кнорозову)⁴¹. Данный ход мысли впервые зафиксировали работы «Экстраполяционный подход к понятию информации» (1979) и упомянутое «Предвосхищение...» (1982).

⁴¹ *Ориентирующее волнение, или задающий ритм* – вот примерный смысл фасцинации, введенной великим лингвистом Юрием Николаевичем Кнорозовым в одном почти никому не ведомом сборнике по африканистике (1973), но почти сразу подхваченной Ю.А. Шрейдером в его работе «Логика знаковых систем» (1974): по этой брошюре про «фасцинацию» я и узнал. Мне сразу тогда показалось, что *фасцинация* Кнорозова задевает лишь какую-то частность коммуникации, и что шире и правильнее видеть *экстраполяцию* в любом акте получения информации. Слышал, недавно основана целая особая наука под названием «фасцинология», которую «пробивает» отечественный энтузиаст В.М Соковнин.

3) *Тело как «зомерида»*. Как видим, в нашей «теории информации» на первом плане выступает *субъект*, воспринимающий (получающий) информацию, его вклад и роль превалируют. Потому и само время, как «тень» информации, получает коммуникативную, т.е. субъективную окраску, потому же такую окраску должны получить и оба основных свойства времени – его направленность, или так называемая *стрела времени*, и его всегда ускользающий и преходящий *момент настоящего времени*. Первому свойству только что указано соответствие в субъективно-психической реальности (таков тезис о «фундаментальной векторности»), а соответствие второму свойству – в определенном смысле *постоянство самого тела* познающего (получающего информацию) субъекта. Время «нарезается» на отрезки разных масштабов – чем? или кем? воспринимающим телом, или, в широком смысле сказать, *зомеридой*. Гипотеза зомериды довольно долго «обкатывалась» на страницах «Опытов» (некоторые главки попали в данный выпуск «Тропы»), но публично лишь однажды излагалась на конференции по «искусственному интеллекту» (то было в Институте программных систем в г. Переславле-Залесском, см. тезисы «О конфигурации качеств...», 1988, в «Приложении 2») и, наконец, была опубликована в работе «О “предельных объектах”...» (2004), здесь тоже специально воспроизведенной.

4) *Аналог вечности*. В рамках всё той же «теории информации» вполне отыскивается замечательный аналог для предельного проявления времени, а именно, для категории *вечности*. И аналогом этим предстает некая «предельная информация», получившая у меня именование *эпистемации*⁴².

⁴² Здесь принимается, конечно, традиционно-греческое корнесловие: *ἐπιστήμη* – знание, умение. Термин вводился задолго до знакомства с книгой Мишеля Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966, по-русски 1977, читана в конце 1980-х), где заглавную роль во многом играет так называемая *эпистема* той или иной культуры. И задолго, надо сказать, до знакомства (очень дорогого для меня) с *Виктором Павловичем Визгиным*, переводчиком работы Фуко и многих других «продвинутых» французских мыслителей.

Отнюдь не берясь здесь достаточно аккуратно и подробно сопоставлять эпистемацию с эпистемой (М. Фуко) или парадигмой (Т. Кун), могу сказать главное: и эпистема и парадигма, по замыслу их крестных отцов, призваны были каким-то образом охватывать в своих структурах то ли «всю полноту», то ли некое смысловое ядро целых культурных эпох или периодов, тогда как эпистемация претендует на такой же широкий охват для очень конкретного культурного явления – *для данного текста*, из которого потенциальными читателями может быть извлечена или извлекается информация по мере неопределенно-долгого чтения.

Если в общей картине мира для информации, всегда вполне конечной и осязаемой по величине (потому-то ученый люд и занялся, прежде всего, *количеством* информации) есть соответствие в лице конкретного времени, то названной эпистематии, которая принимает естественную форму актуальной бесконечности, как раз соответствует вечность. Об этом, довольно осторожно и сдержанно, трактовала статья «Текст, информация, “эпистематия”» (1981), также ранее упомянутая.

5) *Время в системе первоначал*. Связь информации и времени, причем не обязательно прямая или, скажем, «по близкому соседству», выступает совсем иначе, если поставить вопрос о *системе начал* (не *начал*, в смысле действия, но *начал*, в смысле *ἀρχή*), потребных для составления общей картины мира. Как раз такую систему первоначал мне посчастливилось обнаружить, вернее, реконструировать в ранних работах А.Ф. Лосева. В таблично-конспективной форме, на пересечении строк и столбцов этой «периодической системы начал» (так я ее назвал, разумеется, с благодарным поклоном в сторону Д.И. Менделеева⁴³) получают свое *вполне естественное место* категории пространства, времени и информации, своеобразно вырастающие из лона неоплатонического *Перво-единого*. Идея была весьма подробно изложена, последовательно и дважды, в статьях «Информация и чудо» (1994) и «Введение в периодическую систему начал» (2000).

6) *Обобщенная форма времени*. А если отвлечься от вопроса об *относительной* сущности, о *содержании* времени и его месте в некотором мировом целом, то можно задаться вопросом, какова все-таки наиболее подходящая *форма времени*, в которой все известные нам темпоральные свойства могут быть охвачены и выражены. Так я однажды и сделал, буквально пойдя по стопам Павла Флоренского, Вячеслава Иванова, великих греческих диалектиков и, как выяснилось не сразу, Николая Кузанского. Мне кажется, имеет смысл рассматривать *обобщенную* или *интегральную* форму времени. Эта работа начата в статье «Гераклитова “энантиодромия” в

⁴³ Однажды тень великого ученого-систематика почти буквально возникла на заседании нашего семинара «Русская философия», во время обсуждения доклада о «периодической системе начал» по Лосеву (07.03.2006). Когда ваш покорный слуга принялся в очередной раз показывать, каким образом в данной системе возникает понятие-концепт «информация», дорогой мой старший товарищ и остролов известный *Сергей Михайлович Половинкин* (16.04.1935–17.07.2018) бросил с места веселую реплику: «Чего уж скромничать, надо говорить не “информация”, а “троицивий”», а потом еще и записал это системное обобщение в мой ежедневник, на память (храню с благодарностью).

космологических образах Серебряного века» (2004), а по сию пору «крайняя» точка зрения – в моем краковском докладе «Энантиодромия как обобщенная форма времени» (2018), что воспроизведен в «Приложении 1».

7) *Смысл путешествий во времени*. И, наконец, возможен еще такой несколько неожиданный результат последовательного применения идеи из первого тезиса: если все-таки само время, время в целом (или его, времени, достаточно существенная разновидность) зависимо и относительно, если оно есть «сопутствующий эффект информирования», то можно *очень точно* рассказать и показать, как строится... да, *машина времени*. Первый подход к пониманию реальности «путешествий во времени» зафиксирован в статье «Семиотическое существование» (1978), много размышлялось о «машине времени» на страницах «Опытов» (начиная с 1983 года), а в развернутой форме о том же трактует (на сей момент итоговая для меня, если все-таки держать отчет по информационной проблематике) не столь давняя работа «О “предельных объектах” семиотико-информационных исследований» (2004). Чтобы перемещаться во времени, нужно особым образом управлять и манипулировать потоками информации, – вот в чем вся соль.

Пожалуй, тезису последнему, седьмому в списке темпорологических достижений, в определенном смысле *конструктивному*, если не прямо конструкторскому тезису, стоит уделить чуть больше внимания.

Onomatodoxia – 9. Машина времени. Видимо, первым непосредственно о «машине времени» (далее – МВ) заговорил *H.G. Wells, Герберт Уэллс* (1866–1946). Имею в виду, конечно, его роман «Машина времени» (*The Time Machine*, 1895), а сама идея перемещения во времени оформилась у него чуть ранее, в рассказе «Аргонавты времени» (1888), из которого этот знаменитый роман и вырос. Здесь с помощью *непонятно какого* (при многочисленных пустяковых деталях и подробностях!) устройства оказалось возможным путешествовать как в далекое прошлое, так и в далекое будущее человечества и узнавать, тем самым, много нового и неожиданного о нашей цивилизации. И *непонятно как*, но путешественник, оседлав свою МВ, сумел двигаться во (или – по) времени как по некоторому особому *пространству*. Историки литературы раскопали свидетельство Г. Уэллса, что работа над романом давалась ему с огромным трудом (видимо, тяжело было осваивать непривычную идею?) и что сама мысль о таком путешествии родилась после обсуждения модной тогда книги *Чарльза Хинтона* «Что такое четвертое измерение» (1884). Получается, по Уэллсу, что с помощью МВ нужно было как-то проникать «туда» и далее перемещаться в этом дополнительном, допустим, четвертом измерении, как-то (но как?) ответственном за время.

Еще сотню лет после Уэллса все прочие фантастические МВ примерно так и «строились». За двумя, насколько мне удастся установить, важными исключениями. И оба новшества принадлежат (этим стоит гордиться!) *отечественным* писателям и, одновременно, очень серьезным мыслителям.

Первый – это *Сигизмунд Доминикович Кржижановский* (1887–1950), а нужная нам работа его называется очень терминологично и, одновременно, художественно: «Воспоминания о будущем» (1929). Главный герой повести, гражданин Максимиллиан Штерер, «изобретатель времяреза» (сиречь МВ), уже с легкостью приемлет не только многомерность пространства, вслед за Хинтоном и, допустим, Риманом, но и вполне усвоил новацию из недавно появившейся теории относительности, т.е. *единое пространство-время*. И, заметим, прямо указывает при этом на Г. Минковского, а мы можем отсылать к нашему экскурсу «Хронотоп», он же *Onom. 3*. «Наука, – говорил Штерер, – некогда резко отделявшая время от пространства, в настоящее время соединяет их в некое единое *space-time*. Вся моя задача сводилась, в сущности, к тому, чтобы пройти по дефису, отделяющему еще *time* от *space*, по этому мосту, брошенному над бездной из тысячелетий в тысячелетия»⁴⁴. А чтобы использовать это непростое единство, чтобы «пройти по дефису», и Штереру и Кржижановскому еще необходимо было вычленить в слитном пространстве-времени некий «временной поток» или «напор», а также знать, что само-то «время радиально». И вот, следовательно и в итоге, МВ предстает красивой яхтой или, как сказано, *времярезом*: «Мы держим путь во времени, по ветру секунд, но ведь можно же плыть и на косом парусе, поперек поперечника *t*, по кратчайшей, по прямой, в обгон изгибу *t*-мерностей»⁴⁵. Так новая конструкция МВ была возведена и, как по художественным, так и по философским меркам, она кажется вполне состоятельной.

Совсем иную версию МВ, можно сказать, *чисто-филологическую*, доставляет избыточная на юмор и, главное, архи-богатая на идеи сказка для младших научных сотрудников «Понедельник начинается в субботу» (1965). Известные братья-фантасты *Аркадий* (1925–1991) и *Борис* (1933–2012) *Стругацкие*, увлекательно изобразившие жизнь советско-фантастического НИИЧАВО, буквально в первых строках заключительной части «Всяческая суета» описывали детище изобретателя Луи Седлового. По сюжету, эта МВ обеспечивала перенос в будущее (или прошлое), если и только если оно

⁴⁴ *Кржижановский Сигизмунд*. Воспоминания о будущем / Сигизмунд Кржижановский. Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. СПб.: Symposium, 2001. С. 408.

⁴⁵ Там же. С. 409.

описано (изображено) *в литературе*, «удержано» в художественном тексте. Перемещаться во времени надо, мол, строго по писаному!

Доклад Луи Ивановича на семинаре отдела Абсолютного Знания потому и назывался «Осуществимость машины времени для передвижения во временных пространствах, сконструированных искусственно». Докладчик опирался на базовое утверждение, что «реально существует мир, в котором живут и действуют Анна Каренина, Дон-Кихот, Шерлок Холмс, Григорий Мелехов и даже капитан Немо. Этот мир обладает своими весьма любопытными свойствами и закономерностями, и люди, населяющие его, тем более яркие, реальны и индивидуальны, чем более талантливо, страстно и правдиво описали их авторы соответствующих произведений», – и нужно только в этот мир как-то проникнуть. Далее он перешел к описанию деталей технического устройства (все-таки научный семинар) и принялся излагать нечто «про конические декрементные шестерни, полихордовые темпоральные передачи и про какой-то пронизающий руль».

Но все ждали практического показа, и далее главный герой повести Александр Привалов отправился на экспериментальной модели МВ в будущее («в описываемое будущее... значит, всякие там фантастические романы и утопии... это будущее, наверное, дискретно, там должны быть огромные провалы времени, никакими авторами не заполненные»), в неопределенно-далекое будущее, худо-бедно обрисованное советской фантастикой... Здесь нужно, конечно, остановиться.

Осталось упомянуть, «до кучи» и бегло, известные *физические* модели МВ, основанные на эффектах специальной и общей теории относительности. А там требуются *очень большие* скорости движения или *очень большие* массы тел, дающие ощутимые релятивистские и гравитационные эффекты.

Теоретически, в относительно далекое будущее можно перенестись, используя релятивистский эффект «замедления времени», – перенос сей построен на *парадоксе близнецов*. Между прочим, парадокс был сформулирован Полем Ланжевеном специально для критики теории относительности Эйнштейна: сам перенос преподносился как парадокс.

Можно переноситься и в прошлое, если посчитать верным одно из решений космологического уравнения Эйнштейна, найденное Куртом Гёделем. При этом, правда, выдвигается очень сильное (экзотическое) условие *особого вращения* всего пространства-времени в целом.

А можно, говорят нам, просто использовать специальные «мосты» или «кротовые норы» (предсказаны и описаны еще Эйнштейном и Розеном), возникающие в местах особых гравитационных *сингулярностей*.

Конечно, всё это, дамы и господа, как говорится, «физики шутят», всё подобное – здесь и теперь – явно *физически* недостижимо #

Итак, мое понимание МВ, хотя оно и вытекало из выстраиваемой тогда (достаточно строгой) «теории информации», на самом деле было сугубо гуманитарным или, точнее, *литературно-художественным*. Главный тезис: единственно возможная и доступная нам МВ «попросту» есть настоящий, полноценный художественный текст! Текст вместе с хорошим читателем его. Ибо в литературном произведении (или в кинематографе, где тоже – «тексты») могут быть хорошо организованы «потoki информации», и это позволяет хорошему читателю с легкостью погружаться в «потoki времени».

Всё становится на свои места, если правильно понимать, что такое информация (текста) и как с нею связано получаемое время (текста)⁴⁶.

Кстати сказать, о впечатляющей фантастике братьев Стругацких я почему-то нисколько не вспоминал, когда оформлял свое рассуждение о «предельных объектах» в рамках семиотико-информационных исследований, прописывая там свою «филологическую» конструкцию МВ⁴⁷.

Зато передо мной буквально маячила картинка, почерпнутая из другого фантастического произведения – повести питерского писателя *Геннадия Самойловича Гора* (10.01.1907–06.01.1981) «Геометрический лес». Там весьма занятно, среди прочего не менее занимательного, демонстрировался некий «телевизор» из далекого будущего, а перед тогдашним внимательным читателем из Чернецкого, надо прибавить, возник настоящий *прототип* МВ:

⁴⁶ Эта простая идея, конечно, давно уже носилась в воздухе. К примеру, в 1989 году в «Политиздате» вышла книга хорошего писателя-фантаста и блестящего популяризатора науки *Р.Г. Подольного* (1933–1990) «Освоение времени», и в ней есть целая глава с характерным названием «Кому оно покоряется». Литературе и искусству, действительно, покоряется время! Мне приходилось (не раз бывая в редакции «Знания-сила») общаться с Романом Григорьевичем, вот только тему времени и его «покорения» мы ни разу не обсуждали. К сожалению, не знал тогда, что он «роет на соседней делянке», буквально.

⁴⁷ Кажется, легко объяснить эту забывчивость или, скорее, инстинктивное отторжение. В модели МВ, которую предлагали (скорее, в шутку) братья-фантасты, нужны еще какие-то технические приспособления для входа «в описываемую реальность». В моей модели МВ (полагаемой всерьез) такой вход доступен любому читателю, без всякой аппаратуры (разве что – очки на нос надобно нацепить), лишь бы он был культурно-грамотен и, так скажем, отзывчив сердцем. Никаких конструкций и завиральных теорий, только чтение само по себе!

«И тут меня подхватило и понесло. Сквозь леса. Сквозь реки. Сквозь озера. Мир развеществился, превратился в музыку, в миф. Скалы становились влажными и мягкими, как туман. Я проходил сквозь горы и годы.

Землетрясение. Ураган. Сидящая в лодке молодая прекрасная ведьма с распущенными волосами. <И далее вкусный перечень реальностей на три страницы, из которого приведу только концевые элементы коллекции:> группа космонавтов, высаживающаяся на планету, похожую на картину Матисса; брюхатый завмаг, объясняющийся в любви беременной кассирше; ... зеркало в лесу; рояль под открытым небом и пастух, играющий на нем для пасущихся на лугу коров...»⁴⁸.

О, не даром юноши и, отчасти, девушки любят читать фантастику! Видимо, потому так, что в научной фантастике легко помещаются и там поживают (словно невесты, дожидаясь своего принца) *юные идеи*.

За идеями и за вдохновением мне еще не раз случалось пойти к Геннадию Гору, особенно когда пришлось открывать для себя великую проблему знака и символа; но тому посвятим (надеюсь) отдельный рассказ.

А братья Стругацкие все-таки напомнили о себе, только много позже, когда подошла очередь размышлять об *обобщенной форме* времени, или *времени встречных потоков*, или об *энантиодромии*. Именно, в том же «Понедельнике» и в той же самой части «Всяческая суета» (где поначалу фигурирует, напомним, МВ конструкции Луи Седлового) авторы закрутили умопомрачительный сюжет с директором института Янусом Полуэктовичем и его попугайчиками, живущими во встречном потоке времени, из будущего в прошлое текущем. И даже вложили в уста пытливых сотрудников НИИЧАВО (долго ломавших голову над загадкой попугаев) очень ясный термин-неологизм, придуманный для уловления существа проблемы – *контрамоция*.

Новый термин родился, мне кажется, быстро. Просто очень прилично, университетски образованные братья взяли и подарили своим героям латинизированную «кальку» с давно известной (правда, в очень узких кругах) греческой *энантиодромии*, – «встречного бега» или «противо-движения».

Интересно было бы только узнать, слышали ли Стругацкие что-либо о гипотезе «встречных потоков времени», которую можно найти у столь для меня дорогих мыслителей – у Павла Флоренского и Вячеслава Иванова?

Ну, хорошо, здесь мы немного представили время как превеликое богатство художественной и фантастической литературы, а заодно и как своеобразную производную от «хорошо организованных» потоков

⁴⁸ Гор Геннадий. Геометрический лес. Повести и рассказы. – Л.: Советский писатель, 1975. С. 133, 136.

информации. А что же – с самим понятием информации, или – извините, философски выражусь, – как же ее *самость*? Чем тут кончилось дело, когда мы благополучно покинули его?

У меня вполне сложилось на сей счет собственное понимание, но не буду, пожалуй, «подводить итоги», что называется, своими словами⁴⁹, а воспользуюсь вполне подходящими случаями «чужой речи».

Первая оказия – в виде итоговой книги самого авторитетного западного знатока советской науки, профессора МИТ и Гарвардского университета *Лорена Грэхэма (Loren R. Graham, р. 1933)*, случилась для меня в начале 90-х годов. В главе «Кибернетика и компьютеры» этой замечательной книги можно найти следующую констатацию, весьма трезвую:

«Вопрос о природе “информации” остался одним из наиболее спорных философских вопросов кибернетики в Советском Союзе в 80-е годы. Свыше двух десятилетий этот вопрос обсуждался советскими естествоиспытателями и философами, но дебатам не было видно конца. Этот же вопрос привлекал внимание западных ученых и философов, но для советских теоретиков природа информации имеет особое значение, ибо они связывают ее с тем, что они называют “основным вопросом философии”, а именно: с взаимосвязью материи и познания. Исходя из этого существенного вопроса, они уверены,

⁴⁹ Не удержусь только от одного замечания. За прошедшие четверть века (с середины 1980-х отсчитывая), когда проблема *сущности информации* перестала быть лично моей проблемой, я все-таки «краем глаза» следил за литературой и все ждал: а вдруг что-то появится такое, что – ах... Ну оуы!

За все это время мне попала только достаточно интересная работа *Леонида Иосифовича Хромова (р. 1926)*. Он доктор технических наук, один из создателей отрасли космического телевидения в СССР, заслуженный питерский инженер-конструктор.

Л.И. Хромов всерьез озаботился учетом «качества» информации, в довольно зрелом возрасте занявшись «метафизикой информации»: он заговорил о необходимой познавательной триаде «форма – информация – цель», призвал перейти к изучению «нескалярной» информации (чу, слышу отголосок моей «экстраполяции») и предложил уравнение информационного равновесия в оптимальной системе связи (т.н. *уравнение Хромова–Ковригина*), которое эти «качества» и «нескалярности» как-то учитывает, как – не очень мне понятно. Основная его книга на сей счет (скорее это брошюра) у меня есть: *Хромов Л.И. Информационная революция и виртуальное познание*. СПб.: ЗАО ЭВС. 2000, 124 с. Однако в реальности искать Хромова и пообщаться с ним что-то не захотелось.

что позиции материализма нуждаются в постоянной защите от нападок идеалистических западных философов»⁵⁰.

И еще оценка Л. Грэхэма: «К началу 80-х годов стало ясно, что верх одерживают взгляды ведущих профессиональных философов: информация должна приписываться лишь процессам управления, а не всей материи. Большинство статей, выражающих противоположные, более честолобивые взгляды, были написаны в ранний период опьянения кибернетикой. В то время ведущие специалисты по теории информации делали невообразимо широкие заявления о значении их новой дисциплины. По прошествии лет, однако, более трезвые взгляды начали преобладать...»⁵¹.

Вторая оказия буквально *подвернулась под руку* примерно года четыре назад, – к старым идеям, как видим, присоединились новые люди, – когда Елена Виноградова, мой дорогой друг и коллега по «Дому А.Ф. Лосева» преподнесла мне книгу Ю.Н. Столярова (р. 1938) «Сущность информации»; надо сказать, что Юрий Николаевич был научным руководителем ее кандидатской диссертации, а также уже давно является бессменным и признанным классиком библиотеко-, документо- и библиографо-ведения. Не удивительно, что главного специалиста в особых науках об организации информационных потоков однажды особо заинтересовал главный (если, подозреваю, не единственный) предмет сих наук.

В этой небольшой книге Ю.Н. Столяров выбирает и рассматривает *шесть подходов* к проблеме сущности информации, в широчайшем диапазоне от полного отрицания ее существования (в любом смысле) до столь же полной «апологетики» в так называемой информатиологии, где информация понимается как ключевое, системное начало мира в целом.

Далее автор уверенно отстаивает широкую концепцию информации как *субъективной реальности*. Тут бы я, пожалуй, согласился с ним, только если

⁵⁰ Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 284–285. Американское издание книги, вышедшее в 1987 году, удачно пришлось на разгар нашей «перестройки».

⁵¹ Там же. С. 286–287. Должен прибавить, что в 2010-х годах у меня получилась небольшая переписка с Л. Грэхэмом, но она касалась только некоторых довольно частных вопросов философии математики и проблем имяславия; в том числе, Грэхэма интересовали научные контакты Н.Н. Лузина и А.Ф. Лосева.

В декабре 2011 года, по ходу презентации в «Доме А.Ф. Лосева» новой книги Грэхэма (совместно с французским математиком Ж.-М. Кантором), мы могли немного пообщаться уже очно, но вопроса о «сущности информации» затронуть как-то не удалось. До сих пор жалею!

«субъекта» понимать сугубо расширительно, например, в духе нашей «эомериды», или, еще лучше, извлекать из запасников истории философии концепцию *субстанциальных деятелей*, по Н.О. Лосскому.

Наконец, сам исходный вопрос Ю.Н. Столяровым торжественно *оставляется открытым*, но зато и чрезвычайно перспективным: «Если удастся раскрыть сущность информации, результат будет не менее, если не более значительным, чем раскрытие сущности атома <...> Третье тысячелетие – это тысячелетие информационное»⁵².

Выходит, по-прежнему остается в силе та самая *романтическая надежда*, о которой памятным письмом академика Колмогорова толковалось еще в далеком 1975 году. Так что – юные, сильные, вдумчивые, – дерзайте!

IV. ФОРМА ЧИСЛА

Господь, как известно, «вся мѣрю и числомъ и вѣсомъ расположилъ еси» (*Прем.* XI, 21). Блаженный Августин в свой черед уточнил: «мера сообщает всякой вещи определенность (*modum*), число – форму (*speciem*), а вес – покой и устойчивость»⁵³. По поводу веса точно не скажу (это в космонавтике, к примеру, проблема веса запускаемого в небеса объекта – решающая и критичная), а вот насчет меры и числа на нашем Объекте все было в порядке. Категория *меры* не могла и не может не фигурировать в самых основах радиолокации (хотя бы потому, что всякий радиолокатор суть *измеритель*), она же играет решающую роль в информатике (где все заняты *мерами* информации), – и о том, напомню, уже шла речь в предыдущей главе «Тропы». Настал черед поговорить о категории *числа*, которое всякой вещи, как сказано, сообщает (индивидуальную? общую?) *форму*.

С его величеством Числом, то бишь с информацией в числах и цифрах, в сплошном, нескончаемом *числовом потоке* мы пребывали, пожалуй, едва ли не всё своё – служебное и неслужебное – время.

Вот, для примера, обнаружена какая-то смутная куча отметок от потенциальных целей – вот часть из них уже объединилась в трассы – вот обнаружена траектория цели – вот окончательно определены ее скорости движения по всем нужным координатам – вот точности сопровождения и сглаживания оказались достаточными, чтобы решить, что это за цель, искусственный спутник земли или баллистическая ракета – вот принялись

⁵² *Столяров Ю.Н.* Сущность информации. М., 2000. С. 81. Книга в 108 стр. и тиражом 300 экз. издана Государственной публичной научно-технической библиотекой России, отнесена по департаменту «Библиотекосведение».

⁵³ *Августин Аврелий.* О Книге Бытия. IV, 3.

выдавать полезную информацию на вышестоящие командные пункты... и весь этот *радиолокационный эпос* творился на языке числа, в цифровом коде сочинялся нашим коллективным повествователем.

Но не хотелось бы предстать здесь в облике какого-то заскорузлого пифагорейца, числового экстремиста или ригориста. Конечно, были в некотором ходу и наглядные изображения интересующей нас информации⁵⁴, да и словесные высказывания иногда допускались, особенно между людьми. Я бы для начала особо выделил, пожалуй, только *отдельные буквы*, которые весьма своеобразно определяли интеллектуальную атмосферу среди наших программистов. Полагаю, что это И.Я. Акушский, приверженец классической школы в математической нотации, так специфически позаботился о нас: в известной монографии «Машинная арифметика в остаточных классах» знаки *греческого алфавита* так и мелькают, так и мелькают (ну, ладно, это все-таки книга, *то βιβλιο*), но они же активно используются и в технической документации на нашу вычислительную машину, да и в самой аппаратуре открыто, можно сказать, поддерживаются.

Причем поддерживаются в самых значимых и критичных местах – там, где для программиста или машиниста должно стоять жирное *нота бене*. Выполняется или не выполняется некоторое условие по управляющим

⁵⁴ Разумеется, потребность в *наглядном и чисто качественном* представлении цифровой информации была, и даже очень большая. Но поскольку графопостроители и прочая цифровая техника (для оперативного отображения) у нас тогда блистательно отсутствовала, мы все свои «картинки» благополучно строили вручную, вручную и не спеша. Имелась в арсенале аналитиков-алгоритмистов Объекта целая библиотека больших альбомов с миллиметровкой, в изобилии покрытых нашими (как правило, ночными) «художествами». Особенно много изображений пришлось сотворить для анализа *ложных баллистических целей* (ЛБЦ), о которых немного говорилось в первом выпуске «Тропы». Так составлялась *наших лебедей* внушительная портретная галерея...

Коллизия «цифра – картинка», вполне воспроизводимая в Чернецкой реальности, в недавнее время стала хорошо пониматься как в философии науки, так и историками науки. Для примера укажу на большую тему оппозиции «арифметического» (*Rechnen*) и «геометрического» (*Zeichnen*), о которой всерьез заговорили за рубежом Д. Фанг (см.: *Фанг Дж.* Между философией и математикой: их параллелизм в «параллаксе» // Вопросы истории естествознания и техники. 1992, № 2), а в России – К.И. Вальков (начиная с работы «Моделирование и формализация», Л., 1984). У нас на Объекте вроде бы повсеместно побеждало «рехнен», но без вовремя сделанного «цайхнен» и шагу было не ступить.

двоичным счетчикам – и программист обязан начертать ϕ («фи»), которое или $= 1$, или $= 0$) в нужном месте своей программы и грамотно реализовать какой-нибудь условный переход (в К340А, надо отметить, очень красивая система «передачи управления»). Если вычитается одно число из другого и в итоге получается отрицательная величина, то умелая К340, потрудившись в схеме «нулевизации», торжественно (да, торжественно – хотя бы потому, что определение отрицательных чисел в СОК суть немалая трудность) сообщит вам о γ (о «гамме»). Признак ω («омега») тут же доводится программисту, если в результате очередной операции получен «логический нуль». Мне очень нравится, что в управляющем устройстве К340А, таким образом, нашлось место дальнему родственнику тейяровой точки *Омега*.

Но уж совсем была беда, если на авансцену нашей (вполне реальной, но отчасти и театральной, – с большим множеством зрителей) действительности выходила какая-нибудь κ («каппа»), а их даже целых три могло случиться: или κ_1 – если число не совпало с его контрольной суммой (надо сказать, видел очень редко – только, пожалуй, в тестовых задачах), или κ_2 – если произошло переполнение разрядной сетки (о, не раз и не два приходилось согрешить!), κ_3 – при неверном обращении к оперативному запоминающему устройству (считалось самой позорной ошибкой для программиста).

Наконец, в большом ходу была еще буква δ , вернее, ее заглавный вариант – Δ («дельта»). Так-таки прямо и заявляли бравые российские программисты: «Эта траектория была сброшена по дельте».

Еще штрих к нашей словесной семантике, что стихийно оформлялась «по делам службы». Часто нашему брату программисту (не важно, мальчик он или же девочка – все так говорили) приходилось упоминать о *бантах*, нередко – о *бантиках* и даже производить сложноватые глагольные формы вроде (он или она – что делает?) *бантится* или (пора ему, или ей – что сделать?) *отбантиться* [здесь вижу, как текстовый редактор эти слова категорически не признаёт, красным цветом подчеркивая, ведь он не знает истории отечественного программирования]. Банты или бантики получались в силу специфики организации командной памяти нашей СЦВМ: она была чрезвычайно жесткой, поэтому, например, когда по ходу эволюции твоей программы надо было прибавить блок каких-либо новых вычислений или даже ввести еще одну (вроде бы простую) проверку некоего условия, программа не переписывалась целиком заново, но в нужном месте прежней программы ставился переход к свободному месту командной памяти, там что-либо нужное проделывалось, после чего следовал обратный переход к временно покинутому месту программы. Структурно-зрительно это выглядит, действительно, как своеобразный бант (можно – бантик).

Вообще, любопытно было наблюдать и свидетельствовать, как многие программы, будучи поначалу более-менее стройными и вполне себе линейными «граммами», по прошествии какого-то небольшого времени (времени усовершенствования и доработок) все больше превращались в монстров с очевидно-древесными структурами, на каждой ветке коих процветали эти самые банты и бантики⁵⁵. Конечно, громадное (для универсальных ЦВМ – просто непозволительное) количество *безусловных переходов* в программе, в смысле прагматической производительности и эффективности, не красило общего вида нашей продукции, и «бантиться» было, по сути дела, неизбежным злом. Так что изящный бантик (при желании и ежели к месту) мог, конечно, украсить коллегу-программистку, но вряд ли он особо украшал ее программу, не так ли?

Но возвратимся все-таки к числам и их изображениям. Надо сказать, что некоторые образцы числовых представлений, которыми в изобилии одаривала нас Чернецкая реальность, могли приводить (буквально) в ступор. Вот, для примера: изобразим *простую двоичную единицу*, допустим, в 45-разрядной сетке (как на К340А), и для краткости возьмем восьмеричную (триадную) запись, вполне универсальную –

000 000 000 000 001.

А теперь *то же самое* изобразим в том виде, как оно представлялось в конкретной «арифметике» нашей реальной К340А, т.е. в наборе остатков по взаимно-простым основаниям 61, 31, 13, 29, 19, 17, 63, 23, 5, 2, –

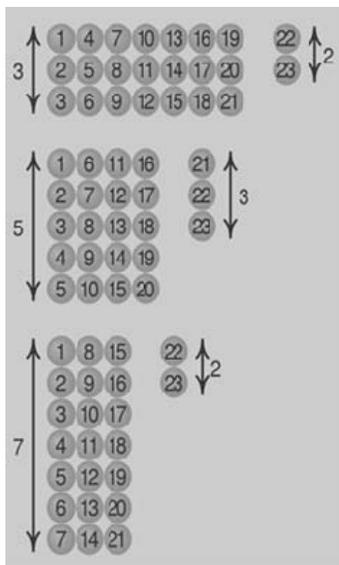
010 210 204 101 023.

Похоже? Вот что такое СОК.

Далее немного истории (идей и людей). Все-таки еще не слишком *общекультурны* идейные богатства этого довольно странного приема работы не с числами как таковыми, а с их кургузыми «остатками» или «вычетами».

⁵⁵ Только сейчас, по ходу завершения данной части «Тропы», поймал себя на неожиданной мысли (октябрь 2019): уж очень похоже устройство этого опуса на описанную структуру с «бантами». Буквально всюду правильная линейность моего письма и, вроде, очевидное повествовательное следование во времени всячески нарушаются. Тут без труда находятя и «банты» поменьше – в изобилии скобок простых и, реже, скобок прямых, тут тебе и многочисленные сноски-примечания, и большие «категориальные отступления» в виде серии *Опот.* и, наконец, всюду расставлены регулярные отсылки к двум обширным «Приложениям». Я-то воображал поначалу, что некоторым отдаленным образцом для меня (так уж получилось!) выступал многосложный «Столп» о Павла Флоренского. А оказывается – больше виновата «травматика» Чернецких впечатлений и навыков.

Onomatodoxia – 10. Китайская теорема и СОК. Как определить численность войска в большом-пребольшом строю? Говорили, что в далеком

древнем Китае военачальники давали несколько последовательных команд типа «В колонну по 7 становись!», «В колонну по 11 становись!», и всякий раз выясняли, сколько солдат осталось в последнем ряду. Далее, только по найденным остаткам и, видимо, таблично вычислялось общее количество солдат, – с помощью (справедливо названо) китайской теоремы об остатках. Начало этой долгой истории с хитрейшим счетом и вычислениями – именно *китайское*.

Во множестве старых (XIX века) историко-математических исследованиях обычно говорили о «задаче остатков» (*Le problème des restes*) и формулировали ее, к примеру, так: «Найти число, зная остатки, которое оно дает при делении на данные

числа»⁵⁶. Здесь возникает неопределенное уравнение, и первым (лет за сто до Диофанта) за него взялся китайский математик Сунь Цзы (III в.), описавший правило «Таэн» (*великое обобщение*), которое для приведенного на рисунке слева случая колонны войск и построений по три, по пять и по семь человек дает, в принятых современной арифметикой обозначениях⁵⁷, $x \equiv 2 \pmod{3} \equiv 3 \pmod{5} \equiv 2 \pmod{7}$ с решением $x = 23 + 3 \cdot 5 \cdot 7 \cdot k$, где $k \in \mathbb{Z}$. Строгое решение в дальнейшем нашел китайский математик Цинь Цзюшао (1247), а потом, уже совсем близко к нашим дням, но очень сходно с «Таэн», заново открыл великий Карл Гаусс (*Disquisitiones Arithmeticae*, 1801, § 36; и здесь же, заметим, вводилась современная нотация для теории сравнений).

Любопытно отметить, что почти параллельно китайцам – и несколько другое – решение подобных неопределенных уравнений нашли индусы, давшие методу говорящее название «*Cuttuca*» (*распыление*, обращение в

⁵⁶ Далее историю вопроса излагаю по статье: *Гольденберг А.* Задача остатков // Вестник опытной физики и элементарной математики. 1887, № 35. С. 247–253, с моими небольшими прибавлениями.

⁵⁷ В современной алгебраической нотации (для коммутативных колец и их идеалов) «китайская теорема об остатках» образцово формулируется у одного из Бурбаки, *Serge Lang* (1965): *Ленг С.* Алгебра. М.: Мир, 1968. С. 82.

пыль – очень красиво и верно сказано о работе с остатками!). Добавим еще, что в старинных математических рукописях на Руси (XVII в.) описывается решение задачи «О деньгахъ въ кучѣ вѣдати», где строго по китайскому методу пересчитывают уже не войско (скопом), а наличные деньги: «и ты из того перечню вычитай по 105, и что останется... то столько в куче и есть».

Найденное в китайской теореме взаимно однозначное соответствие между числом и набором его остатков, определяемых при делении на взаимно-простые числа (модули), на практике помогает работать не с длинными (полными) числами, а с наборами их коротких, по разрядности, остатков, и при этом *ничего* в «полноте» не потерять. В XX веке это обстоятельство стало активно использоваться в новых отраслях счета – в вычислительной технике (*модулярная арифметика*, с представлением чисел в *системе остаточных классов* – СОК) и в цифровой криптографии (в представлении и передаче чисел с шифрованием).

Проходя данную интеллектуальную развилку, весь вычислительный мир двинулся, по первому направлению, за чешскими исследователями, а по второму – вслед англо-американскому тренду⁵⁸. Нас здесь, конечно, будет больше интересовать *чешское, а затем советское* продолжение истории с китайской теоремой.

Идея непосредственного использования СОК для кодирования целых чисел в ЦВМ (целых – это важно оговорить; дробные числа и, особенно, представления с плавающей запятой – для СОК большая проблема) первой пришла в голову студента из Праги, будущего инженера *Миро Валаха*⁵⁹. Идею принял и подхватил его профессор по ВУЗу и, в дальнейшем, руководитель в КБ *Антонин Свобода* (1907–1980). Разработанная ими в 1958–1962 годах ламповая «Эпос» стала *первой в мире* модулярной ЦВМ. Мультипрограммная (до 5 программ) «Эпос» имела режим разделения времени и выполняла 5–20 тыс. оп/сек над десятичными 12-разрядными операндами. Транзисторные ее варианты «Эпос-2» с производительностью

⁵⁸ Очевидное отставание отечественных исследований в этом направлении отмечалось, например, в хорошей обзорной работе: *Ишмухаметов Ш.Т. Методы факторизации натуральных чисел*. Казань: Изд. Казанского у-та, 2011. С. 9. Приходится с печалью констатировать, что буквально все ключевые алгоритмы *быстрой факторизации* (разложений в виде произведения степеней простых чисел) носят только англо-саксонские имена.

⁵⁹ *Valach M. Vznik kodu a číselné soustavy zbytkových tříd // Stroje Na Zpracování Informací. Sborník III, 1955.* Последними тремя словами заголовка статьи как раз впервые вводился (пока еще по-чешски) термин «система остаточных классов».

до 40 тыс. оп/сек (под названиями ZPA-600 и ZPA-601) серийно выпускались в Чехословакии до 1973 года. Увы, в 1964 году А. Свобода эмигрировал в США, чем сильно, надо полагать, продвинул тамошнюю «модулярную арифметику».

Но она уже хорошо «струнулась» в СССР. Историки науки и техники внятно зафиксировали данный процесс⁶⁰.

Все началось у нас в конце 50-х годов со справки-реферата о перспективных работах в США – там великий чешский почин, как видим, уже оценили, – которую получил главный инженер КБ–1 (позднее НИИРП) *Федор Викторович Лукин* (1908–1971). Но поскольку в КБ–1 разработкой вычислительных машин вовсе тогда не занимались, эту справку В.Ф. Лукин переадресовал в СКБ–245 (позднее ВНИЭМ), где уже разрабатывалась первая серийная отечественная ЦВМ «Стрела». Там информация «от смежников» живо заинтересовала научного сотрудника *И.Я. Акушского*⁶¹ и его руководителя *Д.И. Юдицкого*⁶². Однако некоторые другие члены коллектива теоретиков СКБ–245 (Б.И. Рамеев, Ю.Я. Базилевский,

⁶⁰ *Малашевич Б.М.* Модулярная арифметика и модулярные компьютеры (<http://it-history.ru/index.php/>). Автор, *Борис Михайлович Малашевич* (р. 1941), участвовал в разработке проекта супер-ЭВМ 5Э53, далее на протяжении многих лет создавал микропроцессорную технику. Ныне Б.М. – ключевая фигура в написании истории отечественных ЭВМ и в деятельности Виртуального компьютерного музея (<http://computer-museum.ru/articles/soviet-muzeya/557/>). Он, еще обратив *prius*-внимание, составил прекрасное описание нашей КЗ40А и истории ее создания, а однажды, в 2010 году даже побывал у нас на Объекте (ему помог Н.И. Родионов), чтобы уместно полюбоваться на воспетое им **чудо** математики и техники.

⁶¹ *Израиль Яковлевич Акушский* (30.11.1911–02.04.1992), главный идеолог и энтузиаст «машинной арифметики в остаточных классах». Доктор технических наук и профессор, он не имел законченного университетского или даже просто высшего образования, – математический самородок. В последние годы много работал над применением СОК для вычислений в сверх-больших диапазонах (с числами в сотни тысяч разрядов) и распространением ее на область сложных алгебраических объектов. Разрабатывал общую теорию непоозиционных систем счисления.

⁶² *Давлет Исламович Юдицкий* (22.09.1929–23.05.1983), блестящий инженер-организатор, автор теории живучести вычислительных средств, соавтор (вместе с Акушским) «машинной арифметики в остаточных классах», инициатор и непосредственный участник создания первых отечественных микропроцессоров и микро-ЭВМ. Умер от инфаркта еще совсем молодым, находясь в командировке на нашем полигоне в Приозерске.

упоминается также Ю.А. Шрейдер) не разделили их энтузиазма⁶³. Но уже вскоре, в 1960 году, когда Ф.В. Лукин становится директором НИИ–37 (позднее – наш НИИДАР), он приглашает Юдицкого и Акушского в новую лабораторию, где и было успешно завершено проектирование первых в стране специализированных ЦВМ, работающих в СОК – экспериментальной модели ТЗ40А (с 1962 года работала на полигонной СРЛС «Дунай–ЗУП») и серийной КЗ40А (с 1966 года). Аппаратурную часть этих работ возглавил инженер Е.С. Андрианов; буква «А» в шифре машины, кажется, пришла от него (или все-таки от Акушского? есть разные мнения). Опытный завод НИИДАР и Свердловский завод радиоаппаратуры выпустили около 50 комплектов СЦВМ КЗ40А, и на Чернецком Объекте до сих пор работают 10 таких машин, некоторые из которых – 1968 (!) года выпуска.

Отечественная ЦВМ КЗ40А явилась, действительно, первой в мире (однопроцессорной) вычислительной машиной второго поколения, производительность которой превысила 1 млн. оп / сек, при самом низком в СССР (наверное, даже наверняка – и в мире) соотношении «эффективности» *стоимость / производительность* – 25 копеек за одну операцию в секунду; оказывается, хорошие инженеры при «развитом» социализме вполне могли выступать как ярые капиталисты. Видимо, уже давно пора потревожить «Книгу рекордов» Гиннеса, по разделу «самая живучая и надежная ЦВМ».

То был, конечно, триумф и расцвет идей СОК.

Но однажды наступил и закат. Когда пришла пора создавать вторую очередь системы ПРО г. Москвы (проект МКСК «Аргунь»), только инженеры и математики коллектива Д.И. Юдицкого и И.Я. Акушского (все они дружно перешли, опять вслед за Ф.В. Лукиным, во вновь создаваемый тогда Центр микроэлектроники в г. Зеленограде) сумели, оказывается, выполнить «неподъемные» требования по производительности и надежности ЦВМ, которые поставил Генеральный конструктор системы Г.В. Кисунько. Конечно, к тому времени на передний план выходила совершенно новая элементная база – интегральные схемы. Но спасительной и во главе угла стояла все та же модулярная арифметика, а также новая (системно-архитектурная) идея использования сразу трех типов вычислительных устройств, – классических в двоичной арифметике, модулярных устройств и, наконец, устройств предварительной цифровой обработки непрерывного

⁶³ Чуть иначе и с другими действующими лицами описывается творческий путь И.Я. Акушского к идеям СОК в работе: *Малиновский Б.Н.* Основоположник нетрадиционной компьютерной арифметики // Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. Киев: КИТ, ПТОО «АСК», 1995. С. 290.

сигнала⁶⁴. Так появился проект «Алмаз» (начало – 1968) и первая его экспериментальная реализация в виде комплекса супер-ЭВМ 5Э53 (на 1971-й год приходится завершение испытаний и полная разработка технологической документации). Увы, к этому времени работы по проекту «Аргунь» были стремительно свернуты, всесильный Григорий Васильевич Кисунько проиграл административно-министерскую «батахромиомахию»⁶⁵, и алмазо-подобная чудо-машина, едва просияв, больше никому не понадобилась.

СОК, таким образом, и у нас, и за рубежом, перестали применять в «большой» вычислительной технике, ибо скорости стало проще наращивать за счет развития элементной базы (все дальше проникая вглубь микромира), а параллелизация вычислений двинулась, наоборот, от элементарного вычислительного акта к уровню многоактности (многопроцессорности). Но больших идей и, следовательно, перспектив меньше не стало. Об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы материалы международной научной конференции «Модулярная арифметика»⁶⁶, проведенная в 2005 году аккурат к 50-летию пионерской публикации юного Мира Валаха #

По ходу сложившейся биографии – т.е. в общей жизни многих людей и идей, каково она развевалась перед моим заинтересованным взором, – случились, по меньшей мере, две памятных встречи или пересечения с

⁶⁴ В рамках проекта «Алмаз» этот третий тип – непрограммируемое устройство предварительной обработки РЛ-информации, или «преобразователь информации», в современной терминологии носил бы название процессора цифровой обработки сигналов.

Вообще у меня складывается такое впечатление, что разработчики «Алмаза» создавали его как своеобразный конспект или концентрат той *распределенной вычислительной системы*, что была уже сотворена на нашем «Дунае». Ведь даже идея максимального вынесения «цифры» вперед, как можно ближе к приемной антенне (что блестяще воплотилось в проекте А.Н. Мусатова по «Волге»), уже вполне была намечена в устройении «Дуная»: вспомним об элементарных спектроанализаторах (ЭСА), квантизаторах (АКИ) и аппаратуре распределения первичной информации (АРПИ), вовсю «шурующих в цифре» за пределами основного вычислительного комплекса.

⁶⁵ См. детальное описание известных «марковских процессов» (инициированных В.И. Марковым, главным противником Кисунько) в монографии: *Кисунько Г.В. Секретная зона: Исповедь генерального конструктора*. М.: Современник, 1996. С. 472–495. Упомянутая здесь ЭВМ «Электроника» (с. 494) – это рабочее название интересующего нас проекта «Алмаз».

⁶⁶ Текст сб.: <http://www.computer-museum.ru/histussr/sokconf0.htm>.

данной СОК-историей. В первой встрече принял участие Ю.А. Шрейдер, и она прилась еще на чернецкий период моего бытия-бывания.

Как-то раз, был случай, мы разговорились о вычислительной технике (надо сказать, редкая тема – обычно предметы нашего обсуждения случались более возвышены), и вот Юлий Анатольевич поведал, к моему немалому удивлению, как в далекой молодости ему довелось работать в одной, как он выразился тогда, «шарашке». Здесь под руководством *Башира Рамеева* они дружно сотворили ЦВМ «Стрела»⁶⁷ (следовательно, то было СКБ-245), – единственную в СССР программируемую вычислительную машину, первой реально пошедшую в производство [с 1953 года было создано восемь экземпляров машины, кои установлены в нашем КБ-1 (пред-серийный экземпляр), в «Стекловке» АН СССР и на ВЦ самых серьезных министерств, решавших задачи атомного проекта и космических исследований⁶⁸; не грех будет упомянуть смешное быстродействие этого первенца – 2000 оп / сек]. А когда я только едва заикнулся, что мне приходилось работать на ЦВМ в «остаточных классах», как пришел черед удивляться уже дорогому Юлию Анатольевичу. Скажу больше – он, скорее, *даже взволновался*. «Вот уж не думал, что из этой фантазии может получиться что-то путное», – приблизительно так, озадачен, выразился он, и с удовольствием принялся рассказывать о жарких дебатах вокруг идеи Акушского–Юдицкого (с особым вкусом произнося полное имя последнего – *Давлет-Гирей Ислам-Гиреевич*), припомнив, что ему-то очень не нравилось, что представление чисел в СОК выходит слишком громоздкое и даже какое-то *противоестественное*, ведь по внешнему виду таких чисел ничего нельзя сказать об их величине. Пришлось мне уверить великого ученого (и великого, действительно, «смысловика»), что эта, в сущности, небольшая трудность вполне устранима путем надлежащего сервиса при обращениях с «цифирью» в СОК. Я уж не стал рассказывать (а очень, помнится, подмывало), что на практике моим

⁶⁷ Позднее в научной библиографии Ю.А. Шрейдера (в ней к началу 1997 года значится 751 позиция) нашел ссылки на три авторских свидетельства (1950–1951), к сожалению, без подробного описания, полученные им в соавторстве с Б.И. Рамеевым. К обоюдному удовольствию, в том разговоре мы констатировали, что когда я еще только появился на свет, 25-летний Ю.А. уже придумал, как легко превратить трехадресную ЦВМ в двухадресную, для чего следует только проявить особое почтение к информации выходного регистра арифметического устройства, т.е. с пользой для дела *поименовать* его, снабдив идентификационным кодом. Вот что, оказывается, значит доброе имя в вычислительной технике!

⁶⁸ См.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрела_\(вычислительная_машина\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрела_(вычислительная_машина)).

коллегам приходилось, к примеру, сталкиваться с реальной трудностью для СОК – реализацией операции деления чисел в аппаратуре, – и лихо считать зубодробительные «минимальные псевдоортогональные числа» только ради сдачи экзаменов на повышенную классную квалификацию...

Говоря о второй встрече в пределах истории СОК «в большом деле», нужно попросту пересказать здесь один наш разговор с Г.В. Кисунько, пришедшийся на софринский отрезок жизни. Давно уж пенсионер, Григорий Васильевич однажды поведал мне, как он в начале 1970-х годов очень осознанно и – характерно для него – *очень последовательно* ставил основную для развития противоракетной обороны (напомню – ПРО) задачу, задачу создания новой ЦВМ с фантастическим (тогда) быстродействием в 100 миллионов оп / сек и, что столь же важно и обязательно, с возможностью обеспечения высокой многоканальности при обработке информации. Теперь совершенно ясно, что то была никакая не блажь, не прихоть и не фантазия Генерального: без подобного рода парка «машин» нельзя было решить большинства проблем ПРО, особенно касательно селекции, то бишь получения сигнальных портретов объектов, входящих в сложные (многоэлементные и оснащенные разнообразными средствами преодоления ПРО) баллистические цели и, уж тем более, нельзя было даже отдаленно подступиться к проблеме отражения массированных ударов таких целей. И он действительно уповал на проект «Алмаз», обещавший достичь очень многого. Что в итоге получилось – см. выше.

... О, нет, я грубо ошибся, насчитав только две памятные встречи. Конечно же, была еще третья, и самая главная и долгая – прямая встреча моя и моих дорогих сослуживцев и соработников с главным детищем Акушского–Юдицкого–Андрианова, с ЦВМ К340А. Точнее, нужно говорить о СЦВМ, где «С» означает *специализированная*, чтобы подчеркнуть, что программа для работы К340А размещалась не в оперативном запоминающем устройстве (ОЗУ), как в классических, или *универсальных* ЦВМ⁶⁹, а в

⁶⁹ Конечно, сама жизнь заставила превратить нашу СЦВМ (или вернуть ее) в ЦВМ, без несколько обидного «С»: в конце 70-х годов группа умельцев построила специальный *интерпретатор*, который позволял считывать слова, хранимые в оперативном запоминающем устройстве, и расшифровывать их как слова команд для устройства управления. Соответствующие программы выполнялись тогда в несколько раз медленнее, чем при считывании из НК, но зато и объемы их могли становиться сколь угодно большими. На этом крохотном интерпретаторе у нас возросла целая библиотека различных вспомогательных программ обработки и статистики – там, где не обязательно спешить с миллионами операций в секунду.

специальных «накопителях команд» (НК), которые были исполнены как постоянные запоминающие устройства (ПЗУ). Впрочем, впору поставить еще одно «П» [заметьте, какая симпатичная аллитерация на «п»], ибо это ПЗУ было *программируемое* – ППЗУ, для чего применялись тонкие ферритовые сердечники. С простым содержанием: один феррит = один бит машинной команды. Вот гениальное завершение долгой эпопеи с единицей *количества информации* (см. *Опот. 7*): хороший бит есть удлиненный цилиндр из ферромагнитного сплава диаметром 1,5 мм и высотой 12 мм, достаточно удобно берется двумя пальцами руки, тонкими девичьими пальчиками – лучше.

О, эти ферриты и эти их накопители! Многие годы они регулярно являлись ко мне во сне, а когда-то в чернецком прошлом – особенно когда наставали горячие деньки больших «перечней доработок», – наоборот, попросту мешали заснуть и всё плыли, плыли и плыли перед глазами.

Да и теперь, до сих пор на книжной полке в моем рабочем кабинете стоит аккуратная коробочка, доверху наполненная черными, тускло слегка мерцающими высокотехнологичными палочками. Лежат и вещно, зримо свидетельствуют о всесиили двоичной системы счисления и, заодно, о драгоценном былом (и думам) ненавязчиво напоминают...

Вообще-то довольно диковинное зрелище – введение программы на КЗ40А. Ферриты нужно было аккуратно вставлять в маленькие отверстия

специальной плоской кассеты, строго по 45-разрядной сетке каждого «машинного слова». Но вся премудрость не кончалась на вопросе, каким именно концом сию палочку нужно вводить в сие лоно [одно время был такой типовой вопрос на шутовском конкурсе в рамках традиционного нашего «Дня программиста»], или на строгом следовании тем записям, что явлены на скрижалях твоего (давно выстрадавшего) текста программы. Даже если ты вполне правильно *засыпал* все свои цилиндрические стержни, следовало еще поколдовать сразу с тремя дополнительными ферритами в разрядах для компенсации (иначе, в редких случаях, команда будет считываться неверно), а еще особенных торопыг поджидал сюрприз, когда не слишком плотно застегнута пластиковая крышка кассеты, и часть бережно введенных ферритов, извините, почему-то бессильно повисает в воздухе (кассеты были двухсторонние). Словом, больша-а-а-я наука. «Кто у нас сегодня на засыпке?» – хороший, жизненный и, одновременно, двусмысленный вопрос. На наших *засыпках*, особенно массивированных, творимых по нескончаемым «перечням» доработок, всегда маячил здоровенный шанс, извините, всерьез и надолго *засыпаться*.

Впрочем, *составлять* программы сразу в *машинных кодах* [какие там, прости Господи, трансляторы или ассемблеры?! О, о, о, о, сколько же специфических особенностей функционирования СЦВМ надо знать и учитывать!], или *засыпать* эти программы горстями вечно падающих *ферритов* (не промахнись, вставляй куда надобно, и никуда не спеши!), – все-таки не проблема. Нет, перед нами маячили не проблемы, но только лишь трудности. Специфика программистского ремесла в том, по сути дела, и состояла, чтобы не возникало проблем и «не усложнять», чтобы для дела, в конце концов, оставалось только трудное, постепенно и незаметно вполне переходящее в простое и легкое, и даже способное доставлять удовольствие.

А для меня встреча с СОК все-таки принесла, действительно, *проблему*. Настоящую, интереснейшую, философскую проблему⁷⁰. Именно, проблему *формы*, здесь – *формы числа*. Проблему, доставившую массу удовольствия. Но тут, чтобы всё и всем было понятно, надо снова изъясниться подробнее о терминологии, которая только на первый взгляд кажется привычной.

⁷⁰ Одно время я думал, что интересную математическую (и конструкторскую) «проблему» составляет вопрос об *оптимальном составе* самого множества взаимно-простых чисел. Даже записал себе домашнее задание в виде темы «Применение алгоритмов линейного программирования для выбора оснований СОК» (лето 1976 года), для чего почти сразу «оседлал» симплекс-метод и... быстро понял, что подход и выбор Акушского–Юдицкого был *идеальным*.

Onomatodoxia – 11. Число как форма. Кажется, любой современный программист или специалист по информатике знает и помнит, что *формы представления числа* в ЦВМ бывают двух сортов:

а) с фиксированной запятой (в западной традиции предпочитают говорить в данном случае – с точкой) и

б) с плавающей запятой (плавающей точкой). Тут что называется, без комментариев, это классика или даже уровень нынешней средней школы⁷¹.

Добавим, что для оценки производительности вычислительных систем, базированных на втором типе представления, закрепился термин FLOPS (сокр. *floating-point operations per second* – «операций с плавающей запятой в секунду»), задающий *меру* быстродействия ЦВМ⁷² и широко, кажется, прижившийся. В том же представлении стало традицией выделять «крайние» случаи или границы «числового бытия», по стандарту IEEE 754 – машинное *не число* (т.е. результат деления на ноль), а также машинную *бесконечность* («достигается» при превышении конструктивного числового диапазона).

Очевидно, все *формы числа* в современной информатике были и есть сугубо служебные, операциональные, *производственные*. Они полностью определены традициями вычислений, заданы прагматикой счёта.

Но точно такие же, по природе своей, формы постепенно *проступали* и по ходу развития всей традиционной (немашинной) математики.

Действительно, здесь издавна известны числа: а) *натуральные* – получаемые в процессе счёта и сложения, составляющие *натуральный ряд*

⁷¹ Только одно замечание: кто бы тут поспорил, что отечественная запятая обладает *большой плавучестью*, чем тривиальная (сразу – на дно) точка англосаксов. Друзья, наша запятая – самая плавучая в мире!

⁷² Список компьютеров-миллионников возглавляет, как уже было сказано, наша машина К340А, которой отдают (на 1963 год) целых 2,4 мегафлопса, и ближайшим конкурентом ей указывают американскую систему CDC 7600 с 10 мегафлопсами (1969 год). Но так получается довольно смешной список, вроде как у веселого интеллектуала Х. Борхеса описывался (бывают, де, тигры манчжурские, полосатые и нарисованные тонкой кисточкой на рисовой бумаге). Действительно, несурзаца получается: с одной стороны, К340А работает с *фиксированной запятой*, и флопсы на нее, извините, попросту не «натягиваются» (и вообще число с фиксированной запятой обрабатывается быстрее, чем с плавающей), с другой стороны, CDC 7600 суть *многопроцессорный* монстр, тогда как в нашей К340А весь параллелизм составил из одновременной, независимой обработки правой (арифметической) и левой (логической) частей командного слова. Так что, со всех сторон получается, арифметика в СОК – ну очень быстрая!

чисел; нуль в натуральном ряду традицией не принято включать⁷³; б) *простые* – часть натуральных чисел, не раскладывающихся на сомножители (ключевой выступает операция умножения); в) *целые* – снова натуральные числа, их противоположности (отрицательные числа, получаемые при вычитании как операции, обратной сложению), и нуль; г) *рациональные* – целые и дробные (получаемые при делении как операции, обратной умножению) числа; д) *действительные* – рациональные и *иррациональные* (не представимые дробью вида m/n , где m – целое, n – простое) числа.

Дальнейшие усложнения числовых форм были связаны, уже в Новое и новейшее время, с решениями уравнений в степенных многочленах. Так появились: е) *комплексные* (или *мнимые*) числа, получаемые при извлечении корней различной степени из отрицательных чисел; ж) *алгебраические* числа, которые являются корнями степенных многочленов с рациональными (или целочисленными) коэффициентами; а также з) *трансцендентные* числа, которые таковыми корнями не являются, ибо, по словам Л. Эйлера, сие разделение благополучно введшего, «превосходят мощность алгебраических методов» (среди них много *замечательных* чисел, вроде e или π). В XX веке, с построением общей теории алгоритмов, добавились также и) *вычислимые* (или *рекурсивные*) числа – за достижимое время они могут быть получены на абстрактной вычислительной машине (Тьюринга или Поста), и, если соответственно отрицать исходный посыл, к) *невычислимые* числа⁷⁴.

Итак, всё перечисленное суть *формы числа*, целиком определяемые операциями (манипуляциями, действиями) с *количеством*. Можно с уверенностью сказать, что обрисованная выше классификация дает нам различные *формы количеств*. Подчеркнем также, что само употребление ключевого термина «форма», в данном контексте, носит смысл сугубо *типологический* и *описательный*. Форма здесь – внешняя, извне данная.

Слово «форма» призвано передать само разнообразие и множество, да и тяготеет, в свою очередь, к множественному числу при грамматическом употреблении, потому и изрекаем привычно – *формы*.

⁷³ Заметим по случаю, однако, что во всех *логических теориях числа* (Фреге, Пеано, фон Нейман) необходимую индукцию начинают с величины $\{0\}$, – при всем при том, что 0 – число особое, поскольку на него *нельзя делить*, в отличие от любого другого (законного) члена натурального ряда чисел.

⁷⁴ Оставляю за пределами этого конспективного обзора все то море идей, что связано с теорией бесконечных множеств Кантора и, более поздними, *радикальными* числами Гензеля, и нестандартным анализом; надеюсь вернуться к *особым формам числа* в экскурсе «Символы бесконечности» (Опт. 15).

Но есть еще и другая традиция, чрезвычайно древняя, которая изначально была обращена к *внутреннему*, и число здесь выступает как *форма качеств*. Опишем данную традицию пунктирно и дадим, условно говоря, ее исходное «начало», промежуточную «середину» и современный «конец».

Начнем с «псифической арифметики» Еврита Тарентского (V–IV вв. до н.э.). Он, по удачному выражению сербского исследователя Н.Д. Лечича, занимался своеобразным «философским перформансом», выкладывая контуры вещи при помощи камушков, а затем выводил ее, этой вещи, «определение» (*ῥος*) на основе самого факта очерчивания и того, сколько камушков (*ψῆφος*) ему для такого «познания» понадобилось⁷⁵. Похожим и даже более размашистым «перформансом» занимался и великий Платон (в диалоге «Тимей»), который решился описывать самые главные «вещи» всего мира – первоэлементы (*στοιχεῖα*), из которых, как считали эллины, мир составлен, – обрисовывал их посредством правильных многогранников, или *платоновых тел*: тетраэдр = огонь, октаэдр = воздух, икосаэдр = вода, куб = земля. Взятый им гипер-размах математических «определений» не мог не охватить всего космоса – потому пятый многогранник, додекаэдр, по Платону, «бог определил для Вселенной» (*Tim.* 55c: ἐπὶ τὸ πᾶν ὁ θεὸς).

У нас нет достаточного места и времени (наличного хронотопа свободы), чтобы проследить «качественную математику» на сколько-нибудь значимых этапах и подробностях. Но пройти мимо одного важнейшего эпизода из истории идей позднего Средневековья просто невозможно.

Таков трактат *Орема* (лат. *Nikolaus Oresme*, около 1330 – 11.07.1382) *De configurationibus qualitatum et motum*, «О конфигурации качеств и движений» (1371). Французский схоласт предлагал здесь удобные представления «широты форм» (*latitudo formarum*), т.е. графические описания любых качеств любых объектов, будь то скорости их движения (*velocitatum*), или состояния людских добродетелей и грехов, будь то физические характеристики вроде теплоты, будь то музыкальные высоты и тональности (на примерах фуг и ораторий), и прочее и прочее такое. Он изображал «экстенсию» качества при помощи горизонтальной прямой линии, на которой с определенным шагом выстраивался ряд перпендикуляров, переменные длины которых были пропорциональны интенсивности такого

⁷⁵ Лечич Н.Д. Граница и камушки: о чем говорил Еврит? // СХОЛН. № 11.1 (2017). С. 261. Современный историк очень сочувственно отнесся к нашему пифагорейцу. Единственным в античности периода высокой классики, кто (разумеется, критически) высказывался о глубококомысленных упражнениях Еврита, был Аристотель в «Метафизике»: *Met.* 1092 b 8–25.

качества. Огибающая, т.е. некая кривая поверх перпендикуляров описывала эволюцию качества, давала его своеобразный «портрет», а площадь под кривой составляла... да, количество качества (*quantitas qualitatis*), как говорил Орем, т.е. числовую оценку качества, буквально.

Конечно, здесь историку идей увидится ранний предшественник прямоугольной, или декартовой системы координат. Только в представлении Николя Орема (как, между прочим, спустя полтысячелетия и у Рене Декарта в его «Геометрии») еще полностью отсутствовала вертикальная координата, ибо и поскольку качество «живет» не здесь, не на этой «оси», но в самой огибающей, которую поддерживают (образуют) наборы перпендикуляров, отмеряющих те или иные числа; точно так же вспомогательные подпорки или шесты, поддерживающие тканевый полог, не есть ещё сам этот полог, столь необходимый для жизненно-практических нужд.

«Трактат о конфигурации качеств и движений» достаточно хорошо известен отечественным историкам науки и даже, кажется, усвоен в широкой культуре – в своё время его блестяще перевёл и прокомментировал *Василий Павлович Зубов* (01.08.1900–08.04.1963). Работа эта впервые опубликована в «Историко-математических исследованиях» в 1958 году (вып. 11)⁷⁶. В свою очередь, сделаем маленькое доброе дело и приведём здесь блистательный парад «конфигураций качеств» или «широт форм», по Орему, воспользовавшись изображениями из другого его трактата, еще не слишком широко известного мыслителям в России

– *De latitudinibus formarum*, «О широте [протяжении] форм». Заметим, как

⁷⁶ В свое время этот перевод и исследование В.П. Зубова, как и мощный импульс, по части «оцифровки» качеств переданный Оремом из древности, очень мне пригодились для плавного перехода к темам «искусственного интеллекта», см. публикацию (тезисы) «О конфигурации качеств, лингвистической переменной и “эомериде”» в «Приложении 2». Могу гордиться, что, уже работая в «Доме А.Ф. Лосева», познакомился и до сих пор поддерживаю творческие отношения с *Марией Васильевной Зубовой* (р. 1939), дочерью великого ученого.

нужное нам ключевое слово «форма» выставлено у Орема на передний план заголовка. Это представляется вполне естественным для философа, интуиция которого явно предпочитала «картинку» перед «цифрой» (*Zeichnen* прежде *Rechnen* – см. выше).

Переходим к XX веку. Здесь для нас выступает как знаковая, прежде всего, небольшая статья *Павла Александровича Флоренского* (9.01.1882–8.12.1937) «Пифагоровы числа» (1922), в которой впервые внятно показано, какая именно «форма» должна выйти – и выходит! – на первый план в наступившем веке. (Подробнее эта работа рассмотрена в нашей заметке «Идея П.А. Флоренского...», «Приложение 1»), и здесь, конечно, нет резона дублировать соответствующие выкладки). Не в смысле *типологическом* и *описательном*, как в иной традиции, но в смысле *индивидуальном* и *онтологическом* выступает, по Флоренскому, число как форма. То самое число, которое *сообщает всякой вещи форму (speciem)*, как давно разъяснил Августин в комментарии на знаменитую фразу из «Премудростей Соломона» (фразой этой мы открывали данную часть «Тропы»). Фактически русский философ предлагает нам вернуться к исконно-платоническому пониманию числа, к числу как максимально осязаемому и доступному *выражению идеи*, идеального. Собственно, тут будет уместно напомнить также, что и аристотелевская *μορφή*, как системный термин, была попросту иным словесным способом выразить *идею* (или *эйдос*, или «*что видно*») Платона.

Кажется, наиболее яркая демонстрация скрытого платонизма в самой философии числа разворачивается ныне, начиная с 90-х годов XX века, когда прямо на наших глазах весь «вычисляющий» мир смело бросил «великий вызов будущему»⁷⁷ – ринулся в гонку по созданию *квантового компьютера*. В таком компьютере основная «единица» представления информации (своего рода минимальный арифметический объект) – кубит⁷⁸ – должна получить *естественную* для реализации *параллельных вычислений* (как еще можно или мыслимо ускоряться?) форму из двух состояний, обозначаемых,

⁷⁷ *Нильсен М., Чанг И.* Квантовые вычисления и квантовая информация. М.: Мир, 2006. С. 27. Гонка началась сразу после того, как американский математик П. Шор (*P. Shor*, р.1959) разработал эффективный *полиномиальный* алгоритм разложения больших чисел на простые сомножители (все та же задача факторизации) для предполагаемого квантового компьютера (1994).

⁷⁸ Слово «*qubit*» ввел в употребление *Б. Шумахер* (США) в 1995 году, а *А.К. Звездин* (2000) в своей статье в отечественном журнале «Природа» предложил вариант перевода «*q*-бит». Кажется, это даже правильнее. Буквочка *q* призвана строго напоминать, что «ноги растут» именно из квантовой механики.

согласно Дираку, $|0\rangle$ и $|1\rangle$, которые могут также находиться в квантовой суперпозиции, дающей спектр состояний в непрерывном распределении, или своеобразной «размазанности» $A|0\rangle + B|1\rangle$, где $A^2 + B^2 = 1$. Иными словами, вместо двух ярко выраженных полюсов, как в классическом «бите», в «кубите» перед нашим умственным взором простираются два относительно твердых берега *вместе с бескрайним океаном* возможных состояний меж этими берегами.

Осталось прибавить, что вводимый здесь новый «квантовый бит» изображается вектором в многомерном гильбертовом пространстве, а для достижения «квантового превосходства» в тех же задачах факторизации требуется создать многие миллионы кубитов (в реальном «железе» – возводя конструкции на ядерном магнитном резонансе, детектируя одиночные фотоны, организуя магнитные потоки сквозь сверхпроводящие контуры и т.п. запредельное⁷⁹), да еще и суметь грамотно, пока неизвестно как, управляться с ними #

Одолов последний экскурс, мы незаметно прошли довольно длинный (примерно за полвека истории идей, да еще с длинной «доисторической бородой») путь *от феррита до кубита*. Но, конечно, в Чернецком периоде этой истории передо мной и моими друзьями возвышался только один громадный и загадочный феномен – СОК. Поразительная числовая система! Получалось так, что привычную «цифр» как специфический вид информации можно записывать (представлять) столь изошренно и столь непривычно, что с такими *специально оформленными*, с такими *конкретно-изображенными* числами можно творить настоящие чудеса.

За счет чего это происходит? Откуда именно появляются новые возможности счета, откуда у подобных числовых представлений «вдруг» берутся неожиданные свойства и качества?

Мне хватило сил (собственного ума и образования) только на эти недоумения. Лишь на само принципиальное «почему» хватило. А нужный ответ получил почти сразу после того, как стал общаться со Шрейдером или, точнее, когда однажды он – можно посмотреть по переписке, – прислал мне два ксерокса статей Павла Флоренского, одна из них называлась «Обратная перспектива», а другая – «Пифагоровы числа»⁸⁰.

⁷⁹ Нильсен М., Чанг И. Квантовые вычисления и квантовая информация. С. 346–439 (гл. «Квантовые компьютеры: физическая реализация»).

⁸⁰ Соответственно, первую статью Ю.А. копировал из тартусских «Трудов по знаковым системам» (1967, сб. 3), вторую – из тех же «Трудов» (1971, сб. 5). Заодно я впервые узнал о существовании легендарного лотмановского издания.

Тогда и так (с конца 1976 года) для меня начинался длинный и увлекательный период освоения идей Флоренского, который длится, можно сказать, до сих пор. Примерно через год стартовал в будущее (такой же длинный) «период Лосева», параллельный первому.

Прочие же, как оказалось, вполне доступные вещи Флоренского – «Столп», «Мнимости в геометрии», «Смысл идеализма» и мн. др., несколько позже я стал добывать уже сам, получая редкостные возможности сбежать в Москву и там, насколько хватало времени (его-то всегда было мало) и энтузиазма (а он вроде бы долго, многие годы не иссякал), просиживать в зале микрофильмов «Ленинки»⁸¹. В творческом арсенале Флоренского отыскалось огромное множество интересных тем и прорывных идей. Из них «о числе», надо признать, зафиксирована едва ли не самая малая.

Тем не менее, и самая небольшая идея получала у Флоренского ясные очертания, – как раз в «Пифагоровых числах» автор призывал понимать число *именно как форму*, ему четко выделялись «числа, – конкретные, изображенные числа, – как индивидуальности, как первоорганизмы»⁸². Да, именно как носители или, лучше сказать, передатчики, переносчики *качеств*.

⁸¹ В то время большинство работ П.А. Флоренского никому, кажется, не выдавалось из основного фонда Библиотеки, но почти все они были представлены на микрофильмах, – сколько хочешь, столько себе и читай! Чтение это, конечно, чрезвычайно вредно для глаз (аппаратура была отвратительная), особенно если ты расхрабрился и принялся раскручивать гигантский рулон (форменное колесо!) главной книги о Павла «Столп и утверждение Истины» (1914), в которой 814 страниц, да еще почти половина из них – вовсе слепым петитом... Мало того, до подобного добровольного испытания *нужно было еще дожить*: на микрофильм со «Столпом» была длинная очередь, и я дожидался своего часа и подгадывал свободные выходные дни еще примерно полгода.

Случались в этом зале микрофильмов и особые *нечаянные радости*. Так, однажды (это было в *мае 1988* года, мой Чернецкий период тогда завершился) взял просмотреть ранний вариант «Столпа» (1908, письмо «Тварь») и – с немалым удивлением – прочел на титуле надпись, черными чернилами: «*В. Троицкой 1909, II, 16*», а в конце письма прибавок теми же чернилами: «*Павель Флоренский*». Будто бы прямо мне адресовано! – К этому времени я уже твердо знал, что Флоренский – *очень мой мыслитель*, но не подозревал, что довольно скоро смогу держать в руках еще не опубликованные рукописи о Павла и храбро вчитываться в его знаменитые (среди флоренсковедов) нечитаемые иероглифы.

⁸² *Священник Павел Флоренский*. Пифагоровы числа // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Том 2. – М.: Мысль, 1995. С. 643.

Правда, «Пифагоровы числа» мы со Шрейдером почему-то никогда не обсуждали (теперь жалею, что об этом я специально не озаботился). О другой статье, об «Обратной перспективе», точно, заходила речь, и хорошо помню, с особым акцентом на богословских мотивах – прежде всего, потому, что нас обоих интересовала специфика иконы как особого «окна в мир иной».

А об этой встрече с идеями Флоренского впервые сделал публикации уже много позже времен Чернецкого, и даже когда Софринский период жизни моей вполне заканчивался. Выходило так, что нужно было подождать, без спешки подумать (а такое «подумать» могло, конечно, происходить только урывками, в перерывах между испытательно-программистскими «боями»), а еще следовало – куда ж без того – и философски вырасти и подучиться, да к тому же, к исходной постановке вопроса в «Пифагоровых числах», и новые оригинальные тексты прибавить.

Следующей была работа Флоренского «Приведение чисел». Изучал в «Ленинке» (конспект датирован 04.02.1984) отдельный оттиск этой статьи из «Богословского вестника» (июнь 1916), еще не подозревая, что она напрямую связана с «Пифагоровыми числами». Здесь автор обсуждал некое «общечеловеческое убеждение в возможности заменять, при символических рассуждениях, число суммой его цифр», называл подобное действие над числом его *приведением*, или *редукцией*, и далее подробно рассматривал арифметические (и даже геометрические) свойства таких редукций⁸³. Сразу заставили поволноваться два ближайших параграфа, в которых Флоренский доказывал и иллюстрировал особую теорему о *сравнимости по модулю $\alpha - 1$* (где α – основание системы счисления) любого числа и всех его редукций⁸⁴. Вот где заложено *приближение к возможностям нашей СОК* – подумалось тогда. Но больше всего порадовал о. Павел, когда он (в заключительных параграфах статьи) принялся геометрически изображать числа через их редукции, – именно, показывая условный обход от редукции к редукции на простейших круговых диаграммах. И резюмировал: «Таким образом, число изображается не только точкою [точка ставится на привычной нам числовой оси – *В.Т.*], но и многоугольником. Представление числа многоугольником позволяет узнать внутреннюю природу его, так сказать, кладет число под микроскоп. Точка-бутон раскрывает в многоугольнике-цветке свои потенции, и то, что ранее, в точке, было доступно только одному умозрению, тут делается интуитивно-очевидным; то, что было в своей реальности предметом

⁸³ Флоренский П.А. Приведение чисел (к математическому обоснованию числовой символики). Сергиев Посад, 1916. С. 3. Отдельный оттиск.

⁸⁴ Там же. С. 6–9.

убеждения, делается опытно-проверяемым»⁸⁵. Тут, конечно, главное сказано – об *очевидном и внутренней природе* числа. Наконец, Флоренский делал еще один шаг в описании подлинной внутренней жизни чисел – кроме редукций, использовал представление о *сродных* числах (на редукционных диаграммах они представляются парно-симметричными многоугольниками), и с удовлетворением констатировал: «Таковы подлинные кирпичи, атомы α -ичной системы счисления, и с одним из них сходно *каждое* число в этой системе, как бы оно ни было велико. Как известное число несводимых друг к другу фонетических элементов, – корней –, лежит в основании группы языков и производит из себя все многообразие лексики», так и эти числовые «атомы» «являются фундаментом α -ичной системы счисления и порождают из себя все многообразие *арифметического лексикона* данной системы»⁸⁶.

Очередной шаг этой довольно медленной – сколь она передо мною как внешним наблюдателем, вернее, перед *заинтересованным свидетелем* разворачивалась, – медленной истории шаг пришелся на 1996 год. Пришла (и во многом уже прошла) «перестройка», стало можно печатать и читать *почти всё*, и вот в издательстве «Мысль» принялись один за другим выходить тома Собрания сочинений Флоренского. Из 2-го тома, где воспроизводились «Пифагоровы числа» (с необходимым прибавлением хороших комментариев С.М. Половинкина), можно было узнать, что эта работа еще в 1922 году планировалась автором как первая часть книги «Число как форма». Туда же, как следующая глава, должна была войти работа «Приведение чисел» (мы говорили о ней выше), а еще в домашнем архиве Флоренского уцелела и рукопись третьей части, глава «Повышение чисел». – Вот так всё и сошлось!

Впрочем, еще не всё. Книгу «Число как форма» долгие годы никто из исследователей не брался готовить к печати. Уже давно закончился мой Софринский отрезок жизни, и однажды игумен Андроник (Трубачев), как распорядитель архива Флоренского, поручил эту задачу мне. Пришлось просмотреть много вариантов рукописей, в разных степенях готовности и понятности. Некоторые формальные выкладки пришлось перепроверять и скорректировать. Но теперь (фиксирую момент написания данного «теперь» *октябрем 2019* года) книга Флоренского «Число как форма» окончательно собрана, расшифрована и полностью подготовлена мною к печати. По решению о. Андроника, все материалы для нее пересланы в Италию, где

⁸⁵ Там же. С. 23.

⁸⁶ Там же. С. 26–32. В конце цитаты сохранена авторская пунктуация; мне доводилось сделать о таковой особую публикацию «Почему можно не любить скобки, или О стиле философствования П.А. Флоренского» (2008).

запланировано параллельное издание сразу на трех языках (русском, английском и итальянском), переводческими и издательскими трудами проф. *Andrea Dezi*. Что делать, будем ждать. – В России нужно жить долго.

Еще только один штрих, он сразу и к теме нашей СОК, и к творческому наследию П.А. Флоренского (возможно) относится. Когда готовился т.н. реальный комментарий к книге «Число как форма», в поле зрения мое случайно попала давняя небольшая работа *Ф.А. Слудского* (1841–1897), к моменту выхода заметки уже двойного доктора наук и будущего декана физико-математического факультета Московского университета, «Заметка о числе и форме простых чисел». Вопрос о подсчете количества простых чисел в заданном интервале [задача старая и весьма почтенная – когда-то для ее решения было изобретено, например, *решето Эратосфена*; в XX веке многие занимались тонким ремеслом про- или у-мысленного применения «просеивающих функций» – *V. Brun, A. Selberg*, Н.Н. Лузин и др.] русский математик разрешал с помощью (так и записано!) особой *формы*, которую он явно выписывал на языке *теории сравнений* по фиксированным модулям⁸⁷.

Вот и подумалось: не отсюда ли, не из этой ли изящной и крохотной заметки зародился и в дальнейшем развился долгий и стойкий интерес – и к проблеме числа как формы (Флоренский), и к богатейшим возможностям исчисления остатков (Акушский)? Тут уступаю место историкам науки.

Внутренняя уверенность в правильности подхода Флоренского к феномену (и сущности) числа – *числа как формы* – окончательно укрепилась для меня во второй половине 1990-х годов, с того самого момента, когда судьба расщедрилась и надолго привела на Арбат, чтобы разбирать еще не опубликованные рукописи А.Ф. Лосева, идейного ученика Флоренского. Или даже немного раньше: когда пришлось комментировать и (даже) разъяснять для современного читателя некоторые философско-математические сюжеты из лосевского первого «восьмикнижия» 1920-х годов. Так появилось несколько послесловий в известной теперь серии, выпущенной издательством «Мысль» в 1993–1999 годах.

Описывать здесь весь тот широчайший круг проблем, который пришлось при этом затронуть (или по-новому сформулировать, или даже

⁸⁷ *Слудский Ф.А.* Заметка о числе и форме простых чисел // Математический сборник. 1868, т. 3, № 3. С. 214–216. Замечу по случаю, что наш Федор Алексеевич явно тяготел к широкой проблематике формо-описания или, скажем, *морфологии*. Он много занимался астрономией и геодезией, проделав цикл исследований по теории *фигуры Земли* (геоид), за что в 1890 году получил Константиновскую медаль – высшую награду Российского Географического общества.

впервые поставить), конечно же, я не буду. Избранный жанр и ограничения «Тропы» не позволяют. Но попробую все-таки вкратце – в тезисной форме, как поступал и в предыдущих тематических блоках, – указать основные идеи, как они прояснились при изучении лосевской *философии числа*⁸⁸, и как они мне видятся в применении и развитии к теме *числа как формы*, когда-то впервые на Тропе нашей робко «оттопанной».

Ссылки на соответствующие публикации, из соображений краткости и не занудствуя, позволю себе опустить⁸⁹. Итак, основное:

Идеальные и математические числа. Лосев возвращает нас к той давней развилке, где Аристотель и Платон спорили по ключевому вопросу о существовании идей (соотв. главы из «Метафизики»). Допустим, есть *числа математические*, возникшие из счета. В каком смысле существуют *числа идеальные*, «голому» счету не подлежащие? Иначе, – числа как формы?

Негомогенные числа. Или – неоднородные, разнокачественные. Мир так понимаемых чисел много шире мира арифметики, и это доказывается многочисленными примерами из различных культур, как древних, так и новых. Числа как формы передают не только *количества*, и даже не столько, сколько *качества*. Обнаруживается традиция «качественной» математики.

Несводимость негомогенных чисел. Всякое число как форма сугубо *индивидуально*, оно качественно отлично от других чисел. Уже Аристотель нашел этому всех-от-каждого-и-каждого-от-всех отличию термин *ασιμβλητος* (*Met.* 1080 a 19), для которого уже ваш покорный слуга, Лосева почитавши и современные контексты учтя, предлагает русский аналог *несводимое*.

Неединственность натурального ряда чисел. Такие негомогенные, несводимые числа не могут составить привычный нам т.н. *натуральный* ряд чисел. В реальности богатая на свойства и качества натура полагает столько таких рядов, сколько мы сможем найти выражений или форм числа. О такой неединственности в XX веке, действительно, заговорили.

Число как форма в мировой иерархии. Резюмируя в своем обширном «восьмикнижии» неоплатоническую картину мира, Лосев ставит число максимально высоко, т.е. ближе всего к Первоединому, и предлагает некий *пентадный код* (форму форм?) для универсального изображения числа: «единичность подвижного покоя самотождественного различия».

⁸⁸ А.Ф. Лосев сам называл себя «философом имени, числа и мифа». Стараюсь никогда не упускать из виду эту краткую и точнейшую формулировку.

⁸⁹ Большинство относящихся к делу работ по «философии числа» (но далеко не все) представлены в сборнике: *Троицкий В.П.* Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М.: Аграф, 2007. 448 с.

Число как форма в математике. Таковым кодом модулируются или, тоже правильно будет сказать, *оформляются* все основные категории, необходимые в данной картине мира (что показано в «восьмикнижии»), и все основные математические представления, известные к началу XX века (чему посвящены обширные «Диалектические основы математики» Лосева).

По-хорошему, конечно, эти тезисы нужно разворачивать и доказывать, но для этого пришлось бы всерьез замахнуться на толстую монографию. (Смогу ли? хочу ли?). «Взамен» мне кажется полезным обратить внимание благосклонного читателя на весьма заметную роль отрицательной частицы в только что приведенном конспективном описании нашей темы: *не*гомогенные, *нес*водимость, *не*единственность... Предлагаю небольшой комментарий о месте этой малой частицы в философии (и практике применения) математики.

Надо понимать, вновь потребуется терминологический экскурс.

Onomatodoxia – 12. **Великие НЕ математики.** Начать можно с известного приема «доказательства от противного», *contradictio in contrarium*, ибо на сознательном и даже специально логически-организованном отрицании построена львиная доля доказательной базы *классической* математики. Сразу же и прибавим: на отрицании этого систематического доверия к отрицанию в XX веке родилась *другая* математика, которую принято называть *интуиционистской*.

По случаю можно сформулировать и простое «правило индикатора»: появление НЕ в истории идей симптоматично, оно символизирует или *индицирует* возможность рождения *другой* идеи. Вероятно, это «правило» не всеобъемлюще, поскольку и отрицания бывают разные, – большие и маленькие, радикальные и не-, внутренние и внешние⁹⁰ и прочее. Но в истории математики, если для образца «жизни идей» брать ее, «правило» без труда подтверждается многочисленными указаниями.

Та же *несоизмеримость*, открывшаяся еще античным пифагорейцам, повлекла появление *другой* математики, которая постепенно выучилась

⁹⁰ Чтобы далеко не заходить: именно разграничение «внутреннего» и «внешнего» отрицаний понадобилось современным исследователям для суровой (и, кажется, справедливой) критики «*диагонального метода*» Кантора, как раз и позволявшего показать существование *несчетных* множеств и, следовательно, *другой* математики. См.: Бычков С.Н., Зайцев Е.А., Шашкин Л.О. Диагональная процедура Г. Кантора и теория множеств (историко-научный и логический контекст) // Историко-математические исследования, сер. 2, вып. 4 (39), 1999. С. 318–324.

работать с «неантичными» иррациональными числами. XIX век в список великих НЕ добавил *нечетность*, которая принесла (другую) математику трансфинитных множеств, в рамках которой пришлось существенно изменить казавшиеся неизбежными представления о количестве и порядке. Недавно ушедший XX век, в свой черед, принес новые фундаментальные отрицания: это открытие *невычислимости*, столь актуальное в современной теории алгоритмов и даже в современной вычислительной практике, и *недоказуемости*, о которой после довольно давних работ Курта Гёделя продолжают много говорить и размышлять до сих пор⁹¹.

Так открывшаяся «негативная» область точного знания по ходу недавней истории математики и вычислительной техники получила дальнейшие смысловые коннотации, всякий раз узнаваемые по облику:

неразрешимые проблемы (первым заговорил Н.Н. Лузин),
несводимые друг к другу свойства (парадокс иерархий *G. Mannouri*)⁹²,
неименуемость (невыразимость) некоторых алгоритмов (*G. Chaitin*),
неописанные функции (в недрах прагматичной Win API).

О вычислительной технике (учитывая тематику «Тропы»), а также о неожиданной близости принципиального НЕ в реальных вычислительных задачах следует сказать здесь особо, вспоминая так называемый *предел Бремерманна*. Этот предел возможных вычислений, впервые полученный в

⁹¹ И дают при этом, что примечательно и важно, свои варианты *другой* (?) математики. Например, акад. А.Н. Паршин (в докладе 1984 года), отправляясь от теоремы Гёделя и прямо учитывая ее результаты, выдвинул описание единого «умопостигаемого пространства», в котором располагаются (причем, возможно, *все*) математические идеи, и это особое вместилище – диковинный *p*-адический континуум, своеобразное «древесное» пространство (*Паршин А.Н. Размышления над теоремой Гёделя // Паршин А.Н. Путь. Математика и другие миры. М.: Добросвет, 2002. С. 67–101*).

⁹² *Несводимое* – в свое время с удивлением и радостью обнаружил «мой термин» в научно-популярной книге *Виктора Викторовича Мадера* (08.10.1920–18.05.2012), им однажды мне подаренной, «Тайны ряда *N*» (М.: Просвещение, 1995. С. 145), – обнаружил как раз в изложении «парадокса Маннури», в главе с характерным названием «Спутанные иерархии и удивительные петли».

Получается, я был не совсем одинок! Впрочем, о «несводимости» числовых объектов или, точнее сказать, об их «неприводимости» и «качественной различённости» задолго до нас с В.В. Мадером заговорил уже П.А. Флоренский: Пифагоровы числа // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Том 2. – М.: Мысль, 1995. С. 640.

серии работ *H.J. Bremermann* (1962)⁹³, оценивается для гипотетической вычислительной системы, из которой технически «выжаты» все мыслимые возможности дескрипции состояний, – пущены в ход эйнштейнов принцип эквивалентности массы и энергии вместе с соотношением неопределенности Гейзенберга, главенствующие в квантовой механике. В итоге получается приближительная оценка вида

$$c^2 / h \approx 1,36 \times 10^{47} \text{ бит в секунду на грамм веса «аппаратуры»};$$

здесь, как обычно, c – скорость света в вакууме, h – постоянная Планка.

Тогда «предельный компьютер» с массой, равной массе Земли, мог бы выполнять, *по абсолютному максимуму*, около 10^{75} операций в секунду. Эта сумасшедшая величина, в нынешней практике, выполняет вполне реальную «судейскую» роль в оценке криптографических алгоритмов. Так, прямой перебор «ключей» в хеш-кодах (для целей «взлома» их) при реализации на данном «предельном компьютере» предстанет так: для типичного 128-битного ключа на «взлом» требуется промежуток времени 10^{-36} секунды, для 256-битного ключа, который уже используется в некоторых архи-серьезных системах, – около двух минут, а для 512-битного ключа – около 10^{72} лет.

В задачах криптографии предел Бремерманна выступает как весьма удобная и наглядная «оценка с самого верху». Уж здесь-то, дамы и господа, никакая не «заоблачная» теория, здесь на первый план выходит сермяжная правда прагматики вычислений (здесь – защиты данных).

Могу прибавить. В свое время (на научной конференции в одном высшем военном заведении, в июне 1996 года) мне приходилось делать доклад «О “проклятии размерности” в сложных технических системах и числе Бремерманна». В частности, показывалось, что широкий класс задач диагностики и контроля аппаратуры, столь необходимых для поддержания функционирования *сложных технических систем*, совершенно реально (во многих практических случаях) может «зашкаливать», по своей громоздкости, за названный предел. Тупой и бесхитростный перебор состояний в таких системах – бесперспективен и даже преступен.

Затронув тему «сложных систем» и не покидая заявленную тему о «фундаментальных НЕ», прибавлю еще отсылку к одной из главных идей нашей довольно давней и небольшой монографии «Диалог со сложными техническими системами» (1996). Идея очевидная: т.н. «сложные» системы принципиально от(раз)личаются от т.н. «простых» систем по методу *систематического отрицания*. «Сложная» система *не* имеет единственной

⁹³ *Bremermann H. J.* Optimization through evolution and recombination // Self-Organizing systems 1962 / Eds. M. Yovits et al., Spartan Books: Wash. P. 93–106.

структуры; она до конца *не* описывается; она есть *не* механизм, но организм, она есть *не* только объект, но и субъект; она *не* прогнозируема; она *нелинейна*; она, наконец, нуждается в *неединственности* числовых представлений (немудряще, брал названия некоторых глав монографии)⁹⁴.

По тому же пути – об этом я узнал позже, – пошел один из лидеров в проблематике «искусственного интеллекта» *Александр Семенович Нариньяни* (02.11.1937–26.04.2010)⁹⁵, который выдвинул развернутую концепцию *НЕ-факторов*, необходимых для разграничения классических формальных систем и систем т.н. «искусственного интеллекта». Именно, для разрешения проблем «искусственного интеллекта», по Нариньяни, потребуются систематическое отрицание (преодоление) таких свойств создаваемых систем, как точность, определенность, однозначность, полнота, непротиворечивость, «четкость» (откуда – нечеткие множества) и др.

Подобное же *видение* фундаментальных НЕ, необходимых для рождения (выявления, проявления) *других* идей, четко обрисовал *Карл Поппер* (1902–1994), великий философ науки. Он попытался показать новый путь европейской философии и, отчасти, науки как систематическое отрицание давних «заветов Парменида», и предложил нам следующую табличку «противоположностей», где в столбце слева приводятся «категории», описывающие классическую рациональность по Пармениду, а справа – новые для нее антагонисты новой рациональности⁹⁶:

Необходимость	Случайность
Совершенство	Несовершенство
Точность	Приближенность
Обратимость	Необратимость
Повторяемость	Изменчивость
Вещи	Процессы
Инвариантность	Возникновение #

⁹⁴ *Троицкий В.П.* Диалог со сложными техническими системами. Тверь: Изд. ВКА ПВО, 1996. С. 16–69.

⁹⁵ Имел удовольствие дважды слышать его интереснейшие выступления: на научной конференции в ИПИ РАН (1999) и на семинаре у С.С. Хоружего в ИФ РАН (март 2010, за месяц до кончины ученого). Назову первую публикацию по тематике НЕ-факторов: *Нариньяни А.С.* Искусственный интеллект: стагнация или новая перспектива? // Сборник научных трудов VI Национальной конференции по искусственному интеллекту. Т. 1. Пущино: Изд. РАИИ, 1998. С. 15–29.

⁹⁶ *Поппер Карл.* За пределами поиска инвариантов // Вопросы истории естествознания и техники. 2003, № 2. С. 97.

За пределами экскурсии о «НЕ в математике» попробую уместить еще одно довольно свежее впечатление, которое мне пришлось получить, наблюдая появление и эволюцию некоторых «свежих» идей в современной философии. Еще не так давно (2011–2015) был задуман и воплощался в жизнь франко-российский научный проект «Европейские идентичности и мировые пространства» (инициатор и руководитель проф. *Maryze Denn*, из Бордо, дорогой мой друг *Марица Денн*), в рамках которого мы рассказывали французским интеллектуалам о достижениях русской философии, а они нам излагали свои «новинки». Наш семинар довольно активно действовал попеременно в Москве, Париже и Бордо. Чаще всего при этом, надо отметить, случались выступления крупного французского философа Франсуа Ларюэля (*François Laruelle*, р. 22.08.1937), знаменитого критика модных Деррида и Бадью, который сам едва ли не всю жизнь, оказывается, разрабатывал собственную *не-философию*. И мы эту не-философию (причем в разных вариантах) многократно обсуждали и пытались усвоить.

Ваш покорный слуга имел удовольствие несколько раз переспрашивать у Франсуа – обязательно ли применение *частицы не* в его глобальных построениях, и не те же самые смысловые функции могли бы выполнить другие стандартные словоформы – *мета-философия*, *пара-философия*, *нео-философия* или, наконец, *другая философия*. Но Ларюэль всякий раз энергично возражал и настаивал: *non-philosophy*.

В этой версии «философии» Ларюэля отказано многим классическим завоеваниям, например, нет места точно фиксируемым категориям, и даже просто смыслы привычных слов, бывает, ставятся под вопрос. Здесь экспортируются «идеи» из квантовой механики (отсюда «гравитация концептов» и «волновые» движения понятий), здесь вполне сочетаются «маргинальность» и «мессианичность», и вообще предполагается, в итоге, «создать христо-логическую науку», поскольку, заявил однажды Ларюэль, «Христос позволил соединить двух моих учителей – Платона и Лёвинаса»...

Строгий на язык и едкий на оценки *Сергей Сергеевич Хоружий* (мы вместе работали в упомянутом семинаре) однажды предложил поместить подобную не-философию «между Сциллой *сциентизма* и Харибдой *зауми*». Похоже, тем самым очертился весьма точный портрет той гигантской области мысли, что скрывает (приоткрывает) всякое радикальное НЕ.

Продолжение, надеюсь, следует. Далее прошу принять, для справок и дальнейших размышлений, два «Приложения», первое из которых содержит некоторые опубликованные тексты, а второе вводит в оборот материалы, ранее пребывавшие только в рукописной форме.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ В КОММУНИКАЦИИ: ВРЕМЯ ТЕКСТА⁹⁷

Время и текст. Время в тексте. Время текста... Тонкие смысловые нюансы этих сочетаний в какой-то мере отражают спектр интересов и воззрений, высказываемых современными исследователями в той области знания, которая дала тему нашей статьи.

Для специалистов по информационно-поисковым системам время и текст связаны вполне определенно – в рамках известной проблемы задержки между моментами поступления запроса и выдачи искомого документа. Иной оттенок мы находим в литературоведческих исследованиях, посвященных изучению воззрений тех или иных писателей на время, а также анализу особенностей показа времени в ткани конкретных произведений литературы. Наконец, известны факты осознания проблемы как самостоятельной и достаточно широкой; в этой связи симптоматично следующее высказывание одного из отечественных ученых: «Мы вправе говорить не только о показе и передаче реального времени в образе, но и о *концепции* времени и пространства в произведении, об их художественной семиотике» [1, 213]. Наиболее яркий пример подобной концепции, на наш взгляд, являет собой понятие хронотопа (М.М. Бахтин), включающее «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, 234].

Оценки «соседства» понятий текста и времени многообразны – от простого, прямо-таки механистического их *соположения* в технических дисциплинах до глубочайшего *соединения* в сфере некоторых философских обобщений. Что до частностей, то место излагаемого ниже подхода к этому «соседству» определено в заголовке. Более конкретно, мы попытаемся показать, что временной фактор (или, говоря менее осторожно – само время) плодотворно рассматривать не как нечто внешнее по отношению к тексту, но как его собственный неотъемлемый атрибут. В качестве необходимого связующего звена, на определенной стадии соответствующих доказательств, к анализу будет привлечена категория информации. Главным в данной работе является идея о значительной общности «времяобразующих»

⁹⁷ Впервые опубликовано в журнале ВИНТИ РАН: Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1982, № 6. С. 1–7.

структурных элементов (художественного) произведения и той организации текста, которая ответственна за информацию в нем.

§ 1. Текст и концептуальное осознание времени

Время «как явление самой художественной ткани литературного произведения» [3, 211] – тема работ таких крупных советских исследователей, как Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, А.Я. Гуревич, М.М. Бахтин. На полученных ими результатах, имеющих в основном ретроспективную направленность, легко проследить эволюцию форм времени в художественных и других текстах; некоторые работы последних лет (см., например, ряд исследований из [4]) дополняют общий взгляд на время текста анализом современных тенденций и формулировкой соответствующих методологических проблем.

Безусловно, систематическое изложение истории проблемы времени в художественной литературе – задача, только стоящая на очереди [3, 219]. Ясно также, что движение вперед здесь невозможно без четкого понимания определенных принципов, как «схватывающих» специфику проблемы времени текста, так и указующих возможные перспективы. Такие принципы мы попытаемся сформулировать. Ни о какой универсальности и всеобъемлемости их, разумеется, нет речи – просто иногда достаточно категоричные суждения полезнее нейтральных общих мест.

Начнем с «принципа синхронности». Он состоит в том, что для любых периодов человеческой культуры соблюдалось и соблюдается примерное соответствие естественнонаучных концепций темпоральности и художественного понимания времени. И «физики» и «лирики» носят одинаковые шоры на глазах, поскольку их достижения и ошибки определены общекультурным климатом данного «среза» цивилизации, а в конечном итоге – господствующими общественно-экономическими отношениями.

Принцип синхронности выполним для любых «интервалов неразличимости» на оси истории, идет ли речь о многовековых догмах либо о пионерских идеях, только еще обретающих биографию. Скажем, в «Божественной комедии» время фактически «выключено», события располагаются на вертикали вневременности, и здесь мы обнаруживаем полное соответствие дантовского космоса и той специфической категории средневековой системы мира, чье имя – несотворенная вечность. Другой пример – пример синхронии на этапе зарождения свежих тенденций – связан с открытием Августином субъективной формы времени. Исторически замыкая линию религиозно-философской мысли поздней античности и зачиная пути патристики, этот философ первым выделил «время мыслимое»

и «время переживаемое». При всей новизне такого разделения августиново «что есть время?» не звучит гласом вопиющего в пустыне: попытки выражения «одинокое самосознания» (М.М. Бахтин), обостренное внимание к событиям частной жизни мы находим в (синхронных или почти синхронных для «Исповеди») художественных текстах Сенеки и Марка Аврелия. Когда по истечении веков субъективное время стало привычным элементом поэтики художественной литературы, в согласии с тем же принципом синхронности соответствующая тенденция ярко обозначилась и в философии – таково, например, преувеличенное внимание к социально-психологическим аспектам времени у экзистенциалистов. Кстати, «физик» Ж.-П. Сартр одним из первых исследовал особенности времени в романах «лирика» У. Фолкнера, черпая у последнего примеры, вдохновляющие на метафизические подвиги. Как видим, принцип синхронности предопределяет и такие прямые встречи.

В целом же сознательное использование принципа вызывает к жизни определенную методологию изучения проблемы времени: обнаружив что-либо новое в сфере «физики» (или, наоборот, «лирики»), необходимо искать или создавать аналоги «у лириков» (соответственно – «физиков»). Эту формулу подтверждают упомянутые выше примеры; чтобы не создавалось впечатления, что они исчерпывают список нужных нам иллюстраций, набрасываем эскизы еще некоторых из них.

Вспомним сначала о широко известной «легкости» обращения со временем в литературе конца XIX – XX веков, где мы обнаружим всяческие заглядывания наперед и возвраты вспять, наплывы, перекрытия временных отрезков в пределах повествования («Улисс» Д. Джойса, «Шум и ярость» У. Фолкнера, «Легкое дыхание» И. Бунина, «Берег» Ю. Бондарева и др.) – в них автор, уже знающий судьбу своих героев, расставляет события в некотором пространстве, для которого тщательно и сознательно изломана координата времени, и тем вынуждает читателя двигаться от точки к точке этого пространства, восстанавливая нормальную «связь времен». Но такое пространство-время произведения как нельзя лучше соответствует «блок-вселенной» Минковского, той статичной вселенной, где наше сознание лишь «наталкивается» на некие «точки» прошлого, настоящего и будущего, переживая такие столкновения в «сейчас».

Для получения другого примера вчитаемся в некоторые рассказы И.А. Бунина («Поздней ночью», «Туман», «Антоновские яблоки» и др.), где мы легко найдем страстное желание автора остановить, запечатлеть, удержать в руках все преходящее, мимолетное, сиюминутное. И для этой художественной антитезы сакраментальному «Все проходит!» несложно

отыскать параллельные тенденции, скажем, в философских оценках статуса принадлежности настоящему, к «теперь» в физике – для этого рассмотрим известные возражения А. Грюнбаума против понятия становления физических событий или отказ от «парадоксальной» процедуры установления момента настоящего времени по Д. Мак-Тагарту и сопоставим все это с многочисленными попытками непротиворечиво выразить и в итоге сохранить «настоящее время» в общей картине мира (Я.Ф. Аскин, Ю.Б. Молчанов, Э.М. Чудинов и др.).

Если принцип синхронности выполняет позитивные функции, указывая направление движения мысли по пути аналогий, то следующий принцип играет как ограничительную роль, предостерегая от неизбежных трудностей при дискурсивном анализе времени текста, так и роль созидующую, обнажая эти трудности, делая их более осознанными и, как следствие, менее непреодолимыми. Это – «принцип неразличимости» (или «неуловимости») времени. Видимо, впервые он был явно выражен в известном (скорее эмоциональном, чем рассудочном) высказывании все того же Августина по поводу непонятности вопроса о времени: «... пока меня никто о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик», «... у нас постоянно на языке слова: “время и время”, “времена и времена”. Кажется, ничего нет яснее и обыкновеннее; а между тем, в сущности, нет ничего непонятнее и сокровеннее и более вызывающего на размышления» (цит. по [5, 102]). Конечно, речь идет не о какой-то мистической тайне или метафизической непознаваемости времени. Дело в его, времени, **концептуальной** неразличимости, которая подчеркивается обескураживающим разрывом между интуитивным чувством готовности, *данности* времени и неудовлетворенностью попытками уточнить понятие времени или сопоставить его с другими более ясными научными категориями. Недаром процесс развития представлений о времени «привел пока только к разграничению разных подходов и определению понятия времени» [6, 189], и этакий «разброд и шатание» в стане «физиков» дает все основания на самостоятельное осмысление времени в художественной литературе вплоть до установления специфических временных «мер» – наподобие «стареющих» ботинок у Валентина Катаева («Святой колодец» из «Новой прозы») или образа метро в творчестве Хулио Кортасара («Преследователь» и др. произведения).

Оформление принципа «неразличимости» и, соответственно, наличное стремление его преодолеть позволяют усмотреть в современной познавательной ситуации (применительно к проблеме времени, разумеется)

особую черту переходного момента – «перерождение слова в термин» [7, 46], особенно характерную для эпохи *становления* философии в период «от Фалеса до Аристотеля». Но теперь речь идет о становлении только одного из философских понятий, когда сама философия давно *стала*: «рождение философского языка из житейского языка» состоялось, но еще продолжается кристаллизация понятия времени в насыщенном растворе научной интуиции и языковой стихии. Поэтому уяснение «поэтики философствования», о которой говорил С.С. Аверинцев, имея в виду платоновы «Диалоги», важно не только при исследовании текстов ранней философской мысли – по всей видимости, и на современном материале такое уяснение полезно, конечно, при условии, что и для уточнения понятия времени «подвижный процесс мышления, отложившийся в слове, становится объектом литературоведческого анализа» [7, 58].

Взятие бастиона «неразличимости» путем лобовой атаки – скорее, затея безосновательная. Тому порукой – длительная история гуманитарных штудий о времени и та усложненность физической картины мира, что рождена трудами ученых XIX–XX веков. Потому-то полезны обходные маневры и сознательный учет принципа синхронности: изучение времени текста соответствует не только нуждам литературоведения, но и задаче понимания времени «вообще»; полезна и транспортировка идей из сферы общих рассуждений или находок естествоиспытателей для создания философии времени текста. Пример успешного обмена идеями дает уже упоминавшаяся ранее концепция хронотопа, если она рассматривается в «переключке» с физическим четырехмерным континуумом. Возможно, не меньшее значение для («физико-лирического») освоения времени может иметь своеобразное концептуальное сращивание его не только с категорией пространства, но и с категорией информации.

§ 2. Информация и время – опыт совместного анализа

Отметим, прежде всего, что попыток такого анализа не так уж много, а применительно к проблеме текста – тем паче. Даже одна из статей Вяч. Вс. Иванова, посвященная времени в художественном тексте и содержащая целый раздел, названный «Время и информация» [4, 50–56], в интересующей нас части сводится к тезису о том, что «стрела» времени (времени «вообще») как-то связана с процессом накопления информации, борьбой с хаосом и возникновением ноосферы в смысле Вернадского (добавим – и Тейяра). При этом совершенно не раскрывается характер этого «как-то» – может быть, потому, что уже сам факт связи информации и времени справедливо

понимается здесь как самоценный, сам по себе заслуживающий нетривиальных движений мысли.

Попытку установить некую более явную функциональную зависимость времени и информации (вплоть до построения графиков в декартовых координатах) мы находим у И. Земана, который по аналогии с релятивистским замедлением времени рассуждает о замедлении времени с развитием познания, причем аргументом для убывающей функции времени является объем накапливаемой информации. Оценить эту точку зрения еще предстоит в ходе дальнейшего изложения, пока же остается отметить, что в доказательствах чешского философа отсутствовал ряд необходимых логических ходов, и потому за полтора десятка лет с момента публикации книги [8] приверженцев его скорее умозрительной теории не объявилось.

В ряде исследований последних лет, внешне не связанных с гипотезой И. Земана, делаются попытки углубления представлений о метризации времени с учетом меры информации. Эта работа далека от завершенности, о чем свидетельствует характерная разноголосица мнений – полифония вплоть до диссонансов. Обратимся к примерам.

В работе [9] ленинградским философом В.А. Скоробогатовым провозглашается полное отсутствие связей «в обычном смысле» между временем и информацией. Основание на то – мнение, что данные категории уже качественно несопоставимы: время расценивается сугубо материальным явлением, а информация – как абстракция высокого порядка, не представленная в мире реалей. В таком случае допустимо только сопоставление времени и *меры* информации, так как они уже близки по своей природе [9, 112]. Только своеобразный «спуск» от информации-абстракции до «вещного» количества информации дает здесь основания для желаемого сопоставления.

Однако эти рассуждения бьют мимо цели, и на то есть по крайней мере две причины. Во-первых, возможна полная инверсия построенной В.А. Скоробогатовым схемы: информация может выступать в роли объекта реальности, в виде «особой части энергии», к примеру (точка зрения Т. Павлова, Ю.С. Степанова и др.), а время начисто теряет свою субстанциальность в реляционных концепциях, поныне здравствующих с легкой руки Лейбница. Во-вторых, на самом-то деле автор сопоставляет меру времени и меру информации, поскольку он ссылается на связь количества информации с физическими параметрами сигнала, переносящего эту информацию – с его мощностью, шириной спектра и *длительностью*. Безусловно, на этом уровне легко соизмерять количество возможного разнообразия (в битах) с числом временных отрезков (в секундах или долях

их), являющихся всего лишь компонентом такого разнообразия. Ни о какой специфике *подсчета* временных отрезков по сравнению с определением величины амплитуды сигнала или гармоник в его спектре здесь не может быть и речи: единообразная оцифровка трех взаимно-ортогональных осей позволяет только высчитать число «кубиков», заключенных в пространстве между ними. Но и ничего кроме такого подсчета сопоставление мер информации и времени не дает и дать не может. Мораль: полезно отложить вопрос о количествах (мерах) времени и информации, а также об отношениях этих количеств до той поры, пока не будет выяснена природа данных категорий, пока они не будут соотнесены на уровне их *сущности*.

Поначалу мало проясняет отношения информации и времени (мало – на уровне сущности!) прямо противоположная попытка определения времени *через* информацию в интересной статье Л.Н. Любинской [10]. Здесь взаимосвязь не отрицается – она выражается представлением времени «как множества с максимальным количеством информации» [10, 58], – однако увлечение метризацией вновь составляет угрозу для выяснения природы времени. Неслучайно поэтому автор вносит далее уточнение, призванное сохранить специфику чуть было не обезличенного «максимального разнообразия» указанием разного сорта логик для переработки информации о трех известных модусах времени – прошлом, настоящем и будущем [10, 61]. Это – уже шаг к неметрическому описанию времени и его взаимосвязи с информацией.

Особый акцент на совместном анализе информации и времени делается в одной из работ Ю.А. Шрейдера [11]. Показательно, что для введения важного разграничения собственного и физического времени системы здесь указывается мера так называемой «силы выбора»; однако суть не в метризациях – сам автор оговаривает их вспомогательную роль: «нам достаточно выбранной процедуры измерения, чтобы опереть на нее свою интуицию» [11, 168], – главное, скорее всего, состоит в обнаружении глубинного родства понятий информации и (психологического ли только?) времени. Это родство, *implicité* «схваченное» указанным разграничением «модусов» времени, в терминах [11] может быть выражено следующим образом.

Будем различать две системы – свободную, осуществляющую выбор, и несвободную (детерминированную), функционирующую в чистой причинности или, что то же, без выбора. Каждому факту выбора можно приписать некое содержание; информационной мерой «силы выбора» может быть, например, логарифм вероятности выбора, взятый с обратным знаком [11, 168]. Сумма информационных мер выборов, осуществляемых системой,

является важной характеристикой «свободы» данной системы; для несвободных систем указанная сумма тождественно равна нулю. С интуитивной точки зрения правомочен важный шаг, позволяющий далее напрямую считать полученную меру «свободы» и как меру «собственного» (психологического) времени системы: блуждание в «пространстве выборов» тем более длительно, чем больше затрачено такого «времени». Несвободная система неподвижна относительно «пространства выборов» и, соответственно, затрачивает нулевое «собственное» время.

В итоге связь информации и («собственного») времени выражается через «снятие неопределенности» – обе категории в своих операциональных определениях имеют общую процедуру выбора. Заметим здесь проявление факта равномогности: информацию можно соотносить и с *каждым* выбором и с целой их серией, «собственное» время также связано и с такой серией (с информацией, ей соответствующей) и – в вырожденном случае – оно сводится к информационному содержанию единственного выбора. Более того, путем соответствующих нормировок можно получить, что «собственное» время системы есть просто сумма информации, полученной системой за определенный промежуток физического времени, или, заострив формулировки, – что «собственное» время есть информация.

Подобных экстремистских заявлений в [11] нет, приведенную «реконструкцию» можно считать только *одним из* возможных логических следствий информационного подхода ко времени (в идейных рамках процедуры выбора!). Но насколько неожиданно полученное сближение?

Возможно, в этом пункте мы сталкиваемся с интереснейшей культурно-эпистемологической ситуацией: на одну плоскость ставятся две категории, имеющие совершенно разную «родословную» (осмысление информационных проблем заняло лишь последние несколько десятков лет, загадка же времени имеет почти тридцати-вековую историю); бурная экспансия информационного подхода в различные области познания дает нам исходные основания для свежего взгляда на темпоральность (можно вести речь о «моде» либо, на иной вкус, усматривать естественным желание опробовать новый концептуальный аппарат на старых проблемах); выясняется, что необъятное, неуловимое время аккумулировало в себе, в собственной расплывчатой понятийной структуре, будущие дифференциации и сопоставления (от принципа «неразличимости» – к его преодолению); наконец, неизбежно встает вопрос о субординации: самозначимо ли время (модификация – «собственное» время) или его необходимо подчинить неким верховным процессам (может быть, только тысячелетняя интеллектуальная инерция мешала видеть такие процессы, потому и понятие информации так

«молодо» при всей его простоте и вполне-приемлемости для достаточно ранний уровень научной рефлексии).

В итоге интересующий нас генезис представим следующей схемой парадигм:

- развитие концепций времени – «есть время»;
- оформление информационной проблематики – «есть информация»;
- обнаружение точек соприкосновения понятий информации и времени, вплоть до тезиса «некое время есть информация»;
- понимание самой темпоральности как *порождения* информационных процессов – «некое время есть продукт информации».

Мы уже отчасти коснулись третьего пункта этой последовательности, обсуждая известные нам попытки сопоставления информации и времени.

Всю оставшуюся часть статьи посвятим обоснованию и развертыванию тезиса из четвертого пункта. Сообразно теме, нас будет интересовать достаточно специфическая форма времени – *время текста*, время в акте коммуникации посредством треугольника «автор – текст – читатель». Физическая сторона проблемы времени в связи с информацией составляет особый вопрос. Понимание важной роли наблюдателя в физической картине мира – этот один из главных результатов теории относительности А. Эйнштейна – по необходимости заставляет идти от релятивизации времени к оценкам статуса информации при установлении одновременности, выявлении специфики «теперь» и т.п. Остается уповать на всесильность принципа «синхронности» и ожидать, что подобные естественнонаучные оценки будут более активно появляться (единичные они есть и ныне) после сближения категорий информации и времени в пределах гуманитарного пласта науки.

§ 3. *Время текста*

Консеквентность времени текста, его *следование* из информационных процессов чтения будем доказывать с привлечением следующих аргументов: «от линейности», «от направленности», «от экстраполяции» и «от плотности событий». Любой из аргументов, взятый сам по себе, скорее не имеет решающего значения и несамостоятелен по отношению к «соседям». Однако, как представляется автору, в точке *пересечения* всех этих аргументов, там, где лежит их идейная подоплека, там – и доказательство.

Начнем с аргумента «от линейности». Наша гутенбергова цивилизация «линейна», поскольку она читающая и пишущая. Неважно, как располагать письма – в строки слева направо (как европейцы) или справа налево (как семиты), столбиком сверху вниз (как народы Юго-Восточной Азии),

спирально (как на Фестском диске) или индейским «бустрофедоном», – только ограниченность «страниц» и прагматика исполнения письменных источников не позволяет нам иметь дело с вытянутыми в единую линию последовательностями «букв». Скользя взглядом по этим линиям, мы («линейно») получаем информацию текста. Но тогда и время как одномерный поток вполне соответствует такой схеме. И соответствие зафиксировано достаточно давно и ясно хотя бы известной классификацией по Лессингу: в живописи и других *пространственных* искусствах «подробности» выступают «одна подле другой», а в литературе и вообще во *временных* искусствах – «одна за другой» [12, 270]. Временной параметр, таким образом, есть отличительный атрибут линейного текста.

В свете сказанного появляется возможность с новых позиций оценить характер движущих сил культуры, приведших к фундаментальной смене воззрений на время. Имеется в виду переход от архаического «циклического» времени к «стреле времени», от философии *вечного возвращения* к философии *развития истории*. Конечно, основную роль здесь сыграла смена общественных формаций и институтов [13, 195–203]; однако кажется неслучайным и тот факт, что данный переход совпал с заменой устной мифологической традиции на письменную. «Чтение» Книги Природы с ее от века повторяющимися «эпизодами» (периодичность смены времен года и суток, вечный круговорот династий и властителей, неизбежность социального зла) закономерно давало замкнутое время; книжность письменной традиции в согласии с новым общественным климатом работала на «спрямление» времени. Стоит только линеаризовать восприятие, как появляется феномен времени – в привычном понимании одномерного потока. На то, кстати, имеются прецеденты не только в далеком прошлом. Уже в нашем веке П.А. Флоренский, критикуя традиционное разделение искусств на пространственные и временные, в своем «Анализе пространственности в произведениях изобразительного искусства» отмечал: «Ничто не мешает мне разрывать клубок ниток где попало или где попало раскрывать книгу, но *если* я хочу иметь цельную нитку, я ищу конец клубка и от него уже иду по всем оборотам нити. Точно так же, если я хочу воспринять книгу как логическое и художественное целое, я открываю ее на первой странице и иду согласно нумерации страниц последовательно. Изобразительное произведение, конечно, доступно моему осмотру, с любого места начиная и в любом порядке. Но *если* я подхожу к нему как к художественному, то произвольным чутьем отыскиваю первое, с чего надо начать, второе, за ним последующее, и, бессознательно следуя руководящей схеме его, расправляю его внутренним ритмом. Произведение так построено, что это

преобразование схемы в ритм делается само собой... Ведь произведения изобразительных искусств, пока они не прочитаны и не осуществлены во времени, вообще для нас не стали искусством» (цитир. по [4, 96–97])⁹⁸. Комментарии здесь излишни. Остается только посоветовать, что Флоренский еще не мог рассматривать акт прочтения текста с позиций информационного подхода.

Перейдем к аргументу «от направленности». Структура художественного произведения *направлена* на реализацию замысла автора, эта же структура призвана и «подталкивать» читающих к тем или иным итогам оценки повествования. Поэтому, кстати, не следует доверять иронии К. Федина по поводу тенденциозности его собственного романа «Города и годы», когда он посмеивается над заголовком одной из частей произведения («Ягоды») и призывает читателя не ждать от него сентенций, построенных по схеме «были цветочки – теперь вот и ягодки...». Несмотря на многочисленные отступления и временные «перевертыши» (роман начат с 1922 г., продолжен с 1914 г. и закончен 1920 г.), тенденция все-таки есть: это история двух человеческих «пылинок», Андрея и Мари, влекомых вихрями войн и революций. Такой тенденции имеется и другое имя: фабула или порядок событий, в противоположность сюжету, порядку изложения – воспользуемся важным различием, усмотренным русской формалистической школой 20-х годов. Современная лингвистика оформляет еще целый ряд категорий, призванных выразить направленность связанного текста: на грамматическом уровне выделяется фактор «насыщения» (вербализации) данного высказывания соседними высказываниями [14, 144–146], при семантическом анализе многими авторами подчеркивается роль пресуппозиции (презумпции), а также указывается важность когезии – внутритекстовой связи [15, 73–86]. Эти и другие *системные* особенности

⁹⁸ Напомню (*сентябрь 2019*), сколь трудно шли к нам тогда работы о. Павла. Вот и я немного ошибся при передаче названия главного искусствоведческого труда П.А. Флоренского: «Анализ пространственности в художественно-изобразительных искусствах» (1924). Саму цитату почерпнул из статьи М.А. Сапарова в указанном сборнике (1974), который, в свою очередь, указывал, что он излагает П.А. Флоренского «по рукописи, хранящейся в архиве К.П. Флоренского» (сына философа). Прибавлю, что при первой полной публикации данного произведения (1993) название было несколько уточнено: «Анализ пространственности и времени» и т.д. Не родственник ли М.А. Сапаров нашему Флоренскому, по его материнской линии?

текстов обеспечивают информационный стержень повествования, задают его смысловую и логическую тенденцию, его *причинность*.

Причинность и время издавна соседствуют в научных построениях. И – ненаучных: достаточно вспомнить об известной логической ошибке *post hoc, ergo propter hoc*. Однако обращение данной формулы («по причине этого, значит после этого») не оспаривается ни логикой, ни эпистемологией, ни выводами специальной теории относительности (ср.: «“раньше” и “позже” имеют абсолютный смысл для причинно связанных событий, и только для них одних» [16, 84]). Значит, только в причинных процессах «стрела времени» получает оперение и наконечник! Время создается причинностью.

Кстати, у М. Бунге есть примечательное высказывание по сходному поводу: «... причинение не исчерпывается регулярной ассоциацией во времени (или, скорее, *порождают* (выделено мною – В.Т.) время)» [16, 91]. Удивительно, сколько перспективных догадок ютятся еще на задворках мысли – в скобках и примечаниях научных текстов. Вот и здесь аргентинский философ потратил полемический запал на критику позитивистского сведения причинности к неизменному следованию во времени, но прошел мимо анализа возможностей противоположной установки. Отметим, что детальная оценка причинной теории времени с использованием «симметричного причинного отношения» и логицированного «бездременного» отношения «между» содержится в монографии А. Грюнбаума [17, 227–264]⁹⁹. Логическая и временная организация текста, с позиций причинности, анализируется также в интересной статье Ц. Тодорова [18, 79–84].

Теперь, в необходимой степени затронув вопрос о «причинности» времени (лишь затронув, поскольку у данной статьи иные цели), вернемся к паре «информация – время». Логическим звеном для такого перехода будет указание понятия «становление сознания», проводимое в терминологическом разделении с «похожим» понятием «становление *от* сознания». Это последнее является предметом еще не утихших дискуссий среди философов от физики (см., например, попытки «субъективизации» становления материальных явлений в упомянутой книге А. Грюнбаума [17, 382–421] и возражения редактора перевода Э.М. Чудинова [17, 556]). Что же касается

⁹⁹ Эту важную теорию Грюнбаума и, особенно, ценное рассмотрение у него универсального *отношения «между»* неплохо было бы присоединить (помета сентября 2019 года) к нашему проекту «О расширенной теории отношений», см. «Приложение 2».

«становления сознания», то очерчиваемый этим понятием круг идей как нельзя лучше подходит для информационного понимания текста.

Тенденциозность, направленность, причинность связанного текста определены прежде всего его «онтологией», его объективными системными характеристиками, а вот время и информация текста впервые появляются только как «гносеологические» характеристики, как следствия «становления сознания» при чтении этого текста. Итоговая схема такова:

причинность => «становление сознания» => информация.

Время текста рождается во втором звене этой цепи как некий индикатор «становления сознания» и, в какой-то мере, как побочный (промежуточный) продукт процесса получения информации.

Изложенный аргумент «от направленности», при всей его настораживающей умозрительности, является необходимым уточнением для аргумента «от линейности», разъясняя, как в линейном тексте рождается время. Более конкретен аргумент «от экстраполяции»; именно здесь и вернемся из эмпирей к эмпирике. Для этого придется сконструировать некоторый «таксон» фактов с тем, чтобы подвергнуть его классифицированию, исходя из конечной цели нашего доказательства.

В свое время С.М. Эйзенштейн высказал мысль о том, что восприятие произведения искусства во многом определено пережиточным воздействием «первичного инстинкта преследования добычи» [19, 93]. Зная, насколько великий режиссер увлекался психоанализом, можно истолковать это утверждение в духе «архетипов» К. Юнга, идейно примыкавших к фрейдовскому пониманию психической мотивации. Однако с высот современных достижений физиологии и психологии (назовем учение И.П. Павлова, концепции «опережающего отражения действительности» П.К. Анохина, «модели потребного будущего» по Н.А. Бернштейну, «установки» Д.Н. Узнадзе, исследования прогностических функций мышления А.В. Брушлинским) догадка об архаическом «инстинкте охоты» видится совсем иначе при понимании глубинной роли предсказания, антиципации в психологии мышления и деятельности, см. [20] и особенно [21]. В таком свете обоснованнее выглядят и более строгие, чем эйзенштейновы, рассуждения о «континууме» художественного текста, о явлениях ретроспекции и проспекции в рамках лингвистики, такие, например, как у И.Р. Гальперина [15, 87–97, 105–113]). Далее. Активная роль приемника в коммуникационных цепях, антиципирующая деятельность познающего субъекта существенным образом учитывается так называемым экстраполяционным подходом к понятию информации [22, 23]. Обобщенная формулировка подхода такова: информация есть результат оценки разницы

ожидаемого и действительного («экстраполированного» и «измеренного»). Существенным шагом здесь является отказ от традиции информационной проблематики – опоры на выбор среди альтернатив, – в пользу прогнозирования, предвосхищения результатов. В [22] на то приводится логико-гносеологическая аргументация. Можно указать также на свежие тенденции психологической науки в рамках критики «дизъюнктивности», подкрепляемые экспериментальными исследованиями и доводами философского плана [21, 154–216].

Только что завершенный абзац позволяет нам с более определенных позиций продолжать (теперь – «от экстраполяции») упорядочение информационно-временных отношений в тексте. «Становление сознания», появившееся в связи с аргументом «от направленности», теперь в некоторой существенной своей части может быть совмещено с явлением антиципации¹⁰⁰; последнее же вполне справедливо имеет как

¹⁰⁰ Актуальный комментарий к термину (*октябрь 2019*). Тогда, в начале 80-х годов я спокойно заимствовал само понятие антиципации у современных психологов, а те, в свою очередь, просто опирались на словарные значения этого слова как в латыни (*anticipatio*), так и в большинстве западных языков, см. [20, 5]. В историю и этимологию термина я не вникал вовсе. Но когда уже вполне расстался с информационной проблематикой, а в изучении Лосевского творческого наследия для меня настал обширный «античный период» (это было в середине 90-х), однажды не мог не обнаружить роскошный комментарий А.Ф. Лосева к слову «антиципация», промелькнувшему в трактате *Секста Эмпирика* «Против ученых» (во второй книге «против логиков»).

Вот этот комментарий, в сокращении: «*Антиципация* – перевод греческого термина *πρόληψις* (букв. “предвзятие”, т.е. одновременно и предвосхищение и предвзятость), занимающего важное место в эпикурейской и стоической гносеологии. Эпикур первый ввел этот термин в язык философии для обозначения способности души воспринимать что-либо как таковое <...>. Антиципация – латинская калька термина *πρόληψις*, введенная в философское словоупотребление Цицероном, причем тот же Цицерон объяснял *πρόληψις* как *anteceptam animo rei quondam informationem* “некую предвзятую душой информацию [отображение] вещи” (“О природе богов”, I, 16, 43). В употреблении стоиков *πρόληψις* обозначает запас впечатлений, ощущений и т.п., иначе говоря, предшествующий опыт...” (*Секст Эмпирик*. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 390).

В очередной раз убедился, что **в Греции всё было** (в том числе, и мой «экстраполяционный подход» уже вполне предвосхищался там), и с большим удовольствием узнал, что сам великий Цицерон однажды озаботился моими

естественнонаучный, так и междисциплинарный статус. Извлекаемая из текста информация есть результат антиципации читающего, а сам процесс предвосхищения (построение «ожидаемого») как необходимый этап на пути к информации характеризуется временными понятиями «раньше», «теперь», «прошлое», «будущее». Итак, время – сопутствующий эффект информирования.

В этом пункте легко предугадать упрек: а разве нельзя, наоборот, считать информацию одним из следствий временной организации текста, т.е. попросту изменить отношение включения (не информация «включает» время, а время – информацию)? Коль время рождается до информации, не является ли время *причиной* информации? Не будем совершать уже прокомментированную выше логическую ошибку, употребляя пресловутое *ergo* для не причинных связей. Характеристика информации не сводится только к временным аспектам, она включает разнообразные синтаксические, семантические и прагматические оттенки. Уже потому информирование можно описать без ссылок на время, балансируя между крайностями описаний «внутреннего» и «внешнего» мира воспринимающей организованной системы. В терминах [22] информация определима через сопоставление двух результатов – оценки данных (для нашей темы это – чтение, актуальное членение текста) и самооценки тезауруса (здесь – оживление убеждений и навыков читающего). Первая оценка выступает как «внешнее» по отношению к читателю, вторая – как «внутреннее», информирование же представляется как а) получение «внешнего» и «внутреннего» с последующим б) переводом «внешнего» во «внутреннее». Категории информации и времени появляются здесь только как привычные спецификации этих столь абстрактно выраженных процессов.

Возвратимся к гипотезе И. Земана, упомянутой в § 2, и перейдем к аргументу «от плотности событий». Чешский философ отмечал: «По мере развития познания в человеческой памяти конденсируется все большее количество информации, для получения которой человечеству уже больше не требуется времени. Таким образом, убывание энтропии благодаря памяти связано с определенным изменением временных характеристик. Можно высказать мнение, что, тогда как обычное солнечное время течет равномерно, время в развитии познания течет относительно солнечного времени неравномерно благодаря именно памяти, конденсирующей информацию, т.е. это время сравнительно замедляется по мере роста

«доказательствами» и, видимо, первым соединил буквально в одной строчке «антиципацию» и «информацию». Правда же, хорошо устроена история идей!

информации. Конкретно это означает, что в течение одинакового интервала обычного солнечного времени в нашем распоряжении имеется или мы можем воспроизвести в памяти все большее количество информации» [8, 195]. С ростом плотности информации происходит замедление времени – эту мысль автор рассматривает как дальнейшее углубление и развитие выводов специальной теории относительности о зависимости времени от движения тел: гипотеза «означает объединение понятия времени с более высокими качествами движения, а отсюда и с понятием энтропии и упорядоченности» [8, 199]. В пределе, если «информация об объективной реальности была бы конечной и исчерпывающей, время в развитии познания свелось бы к нулю подобно релятивистскому замедлению времени при достижении движущимся телом скорости света: любая информация всегда в наличии и не требуется временных задержек на ее получение» [8, 211].

Фактически И. Земан изложил аргумент «от плотности событий», а нам остается сделать лишь уточнения. Правильнее было бы в связи с замедлением времени говорить не о накоплении информации, а о росте *знаний* (см. разделение «данные – информация – знания» в [22]): с ростом знаний один и тот же фрагмент реальности в тенденции дает все меньше информации, точно так же как для более подготовленного читателя некий текст может быть менее информативен, чем для читателя неискушенного (возьмем в качестве «данных» пример «бульварной» литературы). Поэтому гипотезу И. Земана необходимо переформулировать так: замедление (ускорение) времени связано с убыванием (возрастанием) потока знаний. И еще одно уточнение. В работе [22] проводится качественная зависимость информации от соотношения данных и «богатства» тезауруса (знаний): предельно «бедный» и предельно «богатый» тезаурусы не извлекают информацию из соответствующих данных. Аналогичную выпуклую кривую можно было бы построить и для времени при информировании: для непонимающего или крайне пассивного тезауруса нет информации и времени (что – время для бульжника на мостовой?!), с ростом потока информации растет «сотворенное время» (вспомним о «собственном времени» из [11]), когда же тезаурус достигает всезнайства (все «внешнее» становится его «внутренним»), поток информации иссякает и время останавливается – всеисильный и всеведающий «Бог» пребывает в безвременьи «Вечности»¹⁰¹.

¹⁰¹ До сих пор удивляюсь (прибавление от октября 2019): как вообще могли пропустить тогда – напомним, шел 1981 год – подобную философскую поповщину? Наивно расставленные кавычки вряд ли могли кого ввести в заблуждение. Вообще, должен констатировать, эта моя статья о «времени текста» *не подвергалась*

§ 4. Заключение

Изложение аргументов в предыдущем параграфе, хотя оно и предназначалось для выявления специфики *времени текста*, во многом базировалось на привлечении таких «посторонних» понятий как причинность, «становление сознания», антиципация, использовалась даже нетривиальная попытка И. Земана указать нерелятивистские основания для замедления времени.

Предлагаемый синтез следует рассматривать как пример сознательного использования «принципа синхронности» перед лицом трудностей «неразличимости» времени.

Теперь – о перспективах. Сопоставление информации и времени текста позволяет с новых позиций рассматривать интегральные механизмы текстовой системности и связности. Далее, прояснение связи времени и информации для «систем с субъективностью» – текстов Литературы – может способствовать выявлению специфики психологического времени и пролить свет на некоторые трудности проблемы создания искусственного интеллекта. Здесь имеется в виду, прежде всего, возможность диалектического понимания отношений времени и сознания, возможность развенчания мистической концепции «времени-творчества» по А. Бергсону, – путем объективного исследования информационных процессов. Наконец, совместный анализ информации и времени становится необходимым для дальнейшего уточнения роли наблюдателя в современной физической картине мира. Все это – возможные темы будущих разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гей Н.К. *Время и пространство в структуре произведения* // Контекст 1974. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 213–228.

2. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. (Очерки по исторической поэтике)* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.* М.: Худ. литература, 1975. С. 234–408.

изменениям или изъятиям. Или только так и должны завершаться «периоды ученичества»? Прислал же мне Шрейдер ко многому обязывающие слова в день, когда статья официально поступила тогда в редакцию: «Вы написали работу, принадлежащую к очень редкому кругу тех, где выдана “на-гора” крупная идея. Независимо от того, что будет дальше – эта работа обеспечивает Вам определенное место в истории мысли».

3. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. 358 с.
4. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. 300 с.
5. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
6. *Молчанов Ю.Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. 192 с.
7. *Аверинцев С.С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979. С. 41–81.
8. *Земан И.* Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М.: Прогресс, 1966. 254 с.
9. *Скоробогатов В.А.* О временном аспекте отражения и информации // Философские аспекты проблемы времени. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1978. С. 107–113.
10. *Любинская Л.Н.* Время и информация // Философские науки, 1979, № 5. С. 55–61.
11. *Шрейдер Ю.А.* Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежегодник, 1975. М.: Наука, 1976. С. 149–171.
12. *Ингарден Р.* «Лаокоон» Лессинга // Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 261–272.
13. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.
14. *Ревзин И.И.* Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 288 с.
15. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
16. *Бунге М.* Причинность. Место причинности в современной науке. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 510 с.
17. *Грюнбаум А.* Философские проблемы пространства и времени. М.: Прогресс, 1969. 564 с.
18. *Тодоров Ц.* Поэтика // Структурализм – «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 37–111.
19. *Иванов В.В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 304 с.
20. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. 278 с.
21. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. (Логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979. 230 с.

22. Троицкий В.П. Экстраполяционный подход к понятию информации // НТИ, сер. 2, 1979, № 12. С. 1–7.

23. Троицкий В.П. Текст, информация, «эпистемация» // НТИ, сер. 2, 1981, № 2. С. 1–5.

1982

О «ПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ» СЕМИОТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹⁰²

§ 1. «Предельные объекты» и реальность

В целях ориентировки читателя несколько уточним, какой именно смысл предлагается вкладывать в слова, отмеченные в заголовке кавычками. Вернее, разъясним, почему вполне известные понятия предела и объекта, во-первых, образовали здесь далеко не привычную пару и, во-вторых, собственно получили кавычки.

Что касается предельности, то все запланированные оттенки этого термина будут раскрываться непосредственно по ходу изложения и процесс этот, похоже, завершится едва ли не с последней точкой текста. Для начала же полезно взять в расчет наличие некоей *тенденции* развитых (или еще развивающихся) направлений мысли, некоей *максималистской* тенденции, проще всего указываемой примерами. Абсолютная упругость тел в классической механике, бесконечная длина ленты машины Тьюринга в теории алгоритмов, определенного рода всеведение «демона» Максвелла в термодинамике, – эти и подобные свойства и качества весьма специфического характера не только необходимы для устройства фундаментальных закономерностей в тех или иных областях знания, но и сами по необходимости требуют своего «устройства», т. е. существования некоторого рода устройств, конструкций и вообще объектов, являющихся носителями этих свойств и качеств. При этом объекты-носители (им в терминах методологии науки соответствуют теоретические конструкты) всегда состоят на правах потенциального, умозрительного, нездешнего, это – особые, воистину предельные конструкции. Скажем, соударение двух встречно движущихся шаров легко наблюдать в простейшем натурном эксперименте, но абсолютно упругие шары существуют только в

¹⁰² Впервые опубликовано: Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2004, № 2. С. 1–11. Эта публикация в сборниках НТИ состоялась, увы, без Юлия Шрейдера и его доброй опеки.

воображении теоретика, их свойства являются пределом практически наблюдаемых свойств реальных тел.

Так вот, семиотико-информационная проблематика как область ныне развивающегося теоретизирования (и обширная область, скорее всего, фундаментальных знаний) также должна иметь, – и мы попытаемся доказать, что имеет, – свои «предельные объекты». Один из них под названием «искусственного интеллекта» (далее – ИИ) с недавних пор обсуждается, изучается и даже главенствует в некоторых обобщающих монографиях и периодических изданиях. Другой же объект, каковой мы назовем «машиной времени» (далее – МВ), еще вовсе не присутствовал, насколько мы можем судить, на страницах серьезных научных изданий. А поскольку первая из упомянутых конструкций пока носит скорее экзотический характер, а вторая – даже фантастический (кстати сказать, вплоть до особого уточнения мы будем пользоваться «обиходным» толкованием МВ, зафиксированным в текстах научно-фантастической литературы начиная с каноничного образца Г. Уэллса), то употребление кавычек при квалификации их как объектов представляется оправданным, если иметь в виду рациональные, вещные (в аспекте реализуемости, достижимости) оттенки термина «объект». Подчеркиваемая таким способом умозрительность и даже, на вкус, эфемерность предельных конструкций предопределены собственно родовыми качествами «предельного».

Так понятия ИИ и МВ, по-своему ценные уже и порознь, еще более интересны в соседстве, при совместном – пусть и не обязательно вещном (без кавычек), – их существовании.

Прежде всего, эти «предельные объекты» могут выступать как *плодотворные фикции*, оформляющие некие важнейшие потребности в общем горизонте семиотико-информационных исследований. Горизонт, как водится, имеет свойство ускользать при движении к нему, однако он всегда может быть указан, всегда в наличии. Необходимость предела или горизонта вообще типична для познания как сферы постоянного роста и развития, и на методологическую оправданность научных фикций указывало уже немало исследователей. Следует, может быть, лишь особо отметить в этой связи ярко выраженную и энергичную позицию А.А. Любищева [1, 120–121].

Рассмотрение ИИ и МВ как полезных фикций доставляет небесспорную, конечно, возможность закрепления за этими «объектами» определенного *уровня существования* и, тем самым, получить дополнительный стимул в их осмыслении и (конструкции надлежит конструировать) представлении. Нынешний статус существования названных «предельных объектов» явно не одинаков. Путь в понимании ИИ до сих пор

проходил, можно сказать, *по нисходящей*, а именно от ранней веры в грядущее рождение гомункула (как сформулировано у Гёте в передаче Б. Пастернака: «С годами мозг мыслителя искусный / Мыслителя искусственно создаст») через простительный оптимизм младо-кибернетиков до современного весьма укрепившегося скептицизма. Потому, напоминая теперь о фикциях, мы попросту следуем логике вопроса. Иначе обстоит дело в случае МВ: собственно история этого «предельного объекта» еще ждет своего сказителя, да и о *подъеме* понимания МВ от небытия до уровня (хотя бы) плодотворной фикции еще предстоит специально позаботиться. Соответствующая попытка предполагается ниже.

Далее, размещение ИИ и МВ на одном, пусть и не слишком высоком уровне реальности может быть использовано для *взаимного доопределения* самих этих «объектов». Скажем и так: рассмотрение неких умозрительно конструируемых «машин» заставляет заново обращаться к анализу определенных фундаментальных категорий, этими конструкциями «овеществляемых», так что доопределяются тут прежде всего элементы понятийной сферы, те самые «предельные качества», о которых мы уже вели речь. Использование фикций, не отягощенных грузом эмпирической вещи, позволяет сконцентрировать внимание на том общем, что инвариантно относительно частностей культурных пристрастий и преходящих побед (сколь и поражений) в научно-технических разработках. Два инварианта в облике двух фундаментальных понятий как раз и выставляются здесь, поначалу в изоляции, каждое – на ключевой роли в своей сфере. А именно, *информация* (некие операции с ней) главенствуют в области ИИ, *время же* (скажем, в задаче некоего «преодоления» времени) – в МВ. Однако уже самое первичное и, главное, совместное рассмотрение ИИ и МВ показывает, сколь условна изоляция этих «предельных объектов» и, параллельно, сколь искусственна и условна же изоляция известных представлений о времени и информации.

Отметим и аспект системного и даже системотехнического, если угодно, порядка. Введение «предельных объектов» с выделением принципиальных (информационно-временных) аспектов их строения дает новую методологическую оправданность изучению интегральных свойств вполне реально функционирующих социокультурных и технических систем, позволяет и здесь за частью видеть целое, за тенденцией – предел. Реальность системных *свойств и отношений* удобно изучать в реальности заново (или впервые) создаваемой *вещи*. В качестве таких «вещей» и призваны явиться здесь ИИ и МВ. При посещении соответствующих предметных областей, в силу сказанного, нам понадобятся потому не только

факты из теории автоматов, программирования, семиотики или теоретической биологии, но и те, что правильнее всего относить по ведомству гуманитарных наук.

Принимая разделение «вещей» и вещей, необходимо остерегаться от двух крайностей, между которыми пролегает, что называется, наименее ошибочный подход. С одной стороны, не следует рассматривать «предельный объект» как некоторого рода «конечный продукт производства», даже если «производство» вообразить чрезвычайно изошренным и длительным, иными словами, не следует «вещь» рассматривать будущей вещью. Существующее в возможности *уже существует* каким-то своим способом, хотя и отличается от существующего в действительности, – отличается настолько, что при всей элементарности устройства и кажущейся технологичности той же «машины Тьюринга» никто и никогда не исполнит ее «в металле» (именно ее, а не те или иные расширения или, напротив, усечения таковой «машины»). С другой стороны, любая «вещь» все-таки *стремится быть* вещью, иначе попросту пришлось бы помещать в кавычки иное слово, нежели «вещь». Потому-то рассмотрение ИИ как фикции доставляет возможность добавить нечто содержательное к изучению вполне земных материй, скажем, в области деяний инженера, решающего бионическую задачу воспроизведения некоторых функций нейрона головного мозга или занятого «очувствлением» исполнительных органов робота. Аналогичное не трудно указать не только для казуса информации, но и для времени.

§ 2. «Искусственный интеллект» и время

Приведем теперь некоторые уточнения относительно ИИ. Как уже отмечалось, с этим «предельным объектом» прежде всего связана информация, т. е. получение, хранение и преобразование последней. Нужно только добавить для полноты картины, что ИИ, как объект именно «предельный», отличается от реально существующих технических конструкций тем, что операции с информацией он должен осуществлять *так же, как естественный интеллект*, тогда как упомянутые конструкции могут лишь в той или иной мере приближаться к этому идеалу. Рассмотрим далее, что меняется в понимании феномена ИИ, если наряду с понятием информации признать не менее значимым для него (но тогда и тесно связанным с информацией) представление о времени.

Нельзя, пожалуй, утверждать, что в кибернетической литературе тема тесного соседства информации и времени активно эксплуатировалась, однако и говорить об интеллектуальной пустыне тоже не приходится. Так, еще в 60-

х годах чешский философ И. Земан [2] рассмотрел возможность связи «хода» времени, – времени в некоторой организованной системе, – с количеством поступающей в систему информации. К похожей гипотезе, согласно которой «относительная скорость информационных процессов способна породить изменение относительного масштаба времени», самостоятельно, без видимой опоры на построения И. Земана, пришла и современная системотехника [3, 43]. Более того, дело уже дошло до явного введения «внутреннего отсчета времени» и различения внешнего времени и «собственного времени систем» [4, 168], показывается даже *неизбежность* наличия особых «сортов» времени в системах, полагающих перед собой цели [5, 247–251]. Вместе с тем, эти во многом симптоматичные настроения еще не нашли себе широкого применения, а тем более должного выражения на фундаментальном уровне.

Возможно, не в последнюю очередь с этим связано то, например, обстоятельство, что абстрактная теория автоматов до сих пор не включила в свою смысловую сферу понятий информации и цели. На наш взгляд, плохо осознаваемым препятствием тут служит чересчур пассивное использование *временных* категорий и, в частности, пренебрежение одним из модусов времени – будущим. Традиционно исследуются автоматы «без памяти» (комбинационные схемы) и автоматы «с прошлым» (классические автоматы Мили и Мура), последние имеют внутренние состояния «памяти». Вместе с тем автоматы «с будущим» до недавних пор не рассматривались. И даже когда в одной известной монографии по теории автоматов сопоставляются понятия «предвосхищения» и «веса» (как меры «памяти») автомата, первое из них если и не отвергается полностью, то уж во всяком случае никак не используется при дальнейшем исследовании автоматов – в силу следующей констатации: «каков бы ни был инициальный (с выделенным начальным состоянием – *B.T.*) автомат, его поведение очевидным образом является оператором без предвосхищения; это непосредственно вытекает из рекуррентного способа вычисления текущего выходного символа автомата» [6, 119]. Если выразиться по-другому, едва декларированное «автоматное будущее» тут же элиминируется.

Естественной реакцией на неудовлетворительность известных безвременных и квази-временных подходов послужила недавно возникшая концепция «гиромата» (работы Д.А. Поспелова и В.Н. Пушкина). Согласно этой концепции, для решения подлинно интеллектуальных задач – именно, «экстраполяционных задач с неопределенной областью поиска», – признается обязательным «модельный эксперимент», немислимый, в свою очередь, без *предвосхищающего отражения* как внешнего по отношению к «гиромату» мира, так и его собственного вклада в состояния этого мира

[7, 176]. Идея «гиромата» получила воплощение и развитие в комплексе эвристических алгоритмов, объединенных рамками так называемого ситуационного управления большими системами [8]; базу «метапроцедур» в этом методе составляют прогностические операции, сочетающие понятия информации и времени на инженерно-доступном (вычислительном) уровне. Можно сказать, что «гиромат» настолько же интереснее классического абстрактного автомата, насколько «время по Бергсону» идейно богаче и ближе к живой действительности, чем «время по Ньютону», – отсылаем читателя к известной оппозиции из «Кибернетики» Н. Винера.

От понимания важнейшей роли предвосхищения в общей (принципиальной, логической) структуре систем, перерабатывающих информацию, нетрудно перейти к определенному обновлению представлений об информации как таковой. Дело в том, что любая попытка введения меры информации явно либо неявно предполагает некий способ структурирования универсума во времени, т. е. подразумевает то или иное отношение к самому времени. Так, основанный еще К. Шенноном традиционный подход дает меру информации для остановленного в «теперь», для целиком и сразу данного мира или значимого его фрагмента. Главенствующим же принципом меры предстает здесь выбор среди альтернатив: подсчитать вероятность данного исхода, – именно она лежит в основе искомой оценки, – можно лишь тогда, когда имеются в наличии все прочие исходы, пусть они и возможны только теоретически. Заведомое огрубление временной картины оказалось плодотворным, например, в статистической теории связи, где мера по Шеннону не вступила в противоречие с размерами ограниченной, а потому вполне обозримой и тем самым *измеримой* реальности. Но теперь уже стало общеизвестным, что данный подход вовсе не универсален. Типичные же оправдания, что, мол, Шеннонова мера слишком синтаксична и даже изначально не приспособлена для задач с семантикой, следует считать неудовлетворительными уже в силу сложившейся практики – давно появились многочисленные примеры построения семантических мер информации, в принципе воспроизводящих базовую схему асемантического прообраза. Даже теория М. Мазура как наиболее далеко, казалось бы, продвинутая попытка выявления «качественной» стороны информирования в итоге свелась к «количеству информации» по Шеннону [9, 211–232]. Семантика здесь вторична, первичны скорее концептуальные пристрастия. И в первую очередь выступает принципиальное ограничение – использование *статичных описаний*, серьезно мешающее чаемой универсальности.

Отсюда и рецепт: новые возможности доставляет иная концепция, предполагающая «оживление» представлений о мире с переходом к становящейся (а не сразу – ставшей) данности, с опорой на течение времени в ней, на принцип *прогнозирования*. Соответствующая попытка оформлена нами в рамках так называемого *экстраполяционного подхода* к понятию информации [10; 11]. Подкрепленная критикой «панаприоризма» по Шеннону и анализом положительных черт обыденного (следовательно, еще до-теоретического) понимания информации как «разницы ожидаемого и действительного», введенная здесь схема (алгоритм) извлечения информации через сопоставление *оценки данных* («действительного») и *самооценки тезауруса* («ожидаемого»), получающего эти данные, представляется удобной для выражения информационной или, вернее, информационно-временной проблематики ИИ.

Если характеризовать «экстраполяционный подход» с этой стороны, можно с надлежащей беглостью указать следующие присущие ему свойства:

согласованность с общим принципом отражения и активности сознания, а также идейная близость с выдвинутой П.К. Анохиным концепцией «опережающего отражения действительности»,

естественность выражения семантической (через описание тезаурусов) и прагматической (посредством прогнозирования в цепи целеполагания) сторон информации,

возможность прямого описания рефлексивных сторон разумной деятельности – способностей на самооценку, контроль и корректировку, – благодаря специфике самой схемы получения информации,

близость (вплоть до изоморфизма при некоторых уточнениях) указанной схемы «получения разности» к фундаментальному принципу обратной связи.

Подробное обсуждение и развитие намеченных тезисов не входит в наши намерения. Здесь важно было лишь пунктирно обрисовать мысль о том, что на пути установления глубинных взаимоотношений информации и времени имеются обнадеживающие перспективы. На материалах вокруг ИИ мы судим об этих взаимоотношениях больше со стороны информации, критикуя ее классическое понимание с учетом фактора другой стороны (аналогично, в разделе, посвященном МВ, мы переместим акцент соответственно на время, а нужные привнесения будем ожидать из сферы информации).

Продолжим развивать тему данного раздела. Важнейший для проблематики ИИ метод выявления закономерностей переработки информации мозгом с последующим переводом их на язык машинной

обработки [12, 42] на практике сталкивается с огромными трудностями изучения сложнейших информационных процессов и структур. Справедливости ради нужно отметить, что пусть и не часто, но в качестве одного из главных источников затруднений указывается социально-историческая обусловленность мышления. Однако после такой констатации много реже можно обнаружить какой-то специальный анализ этого источника. Конечно, не в счет будет и неконструктивное или прямо метафорическое *упоминание* времени для обозначения историзма естественного интеллекта. Такова, например, итоговая «формула», которую можно найти в книге философа Ф.Т. Михайлова с характерным названием «Загадка человеческого я»: мыслить – это «когда реальное историческое время развития культуры становится <...> личной биографией» [13, 279]. Становится – да, не будем возражать; но – *как именно* становится?

В связи с затронутой, безусловно, обширной темой трудно не вспомнить о так называемом эволюционном моделировании. Здесь намерение отобразить историзм мышления явлено в чистом виде: поскольку «готовый» ИИ *сразу построят* не удастся, нужно начать *ab ovo*, воссоздавая *эволюцию* интеллекта от его зарождения на простейшем уровне до итоговой совершенной стадии. В основу эволюционных моделей положены принципы синтетической теории эволюции, главенствующие в современной теоретической биологии. Практика последних лет показала полезность эволюционных алгоритмов для решения ряда задач в условиях информационной недостаточности и сложной динамики объектов [14], однако пока не видно, сколь реально это направление мысли «мыслителя искусственно создаст». Во всяком случае, эволюционное моделирование, задуманное как альтернатива другому интеллектуальному поветрию – эвристическому программированию (планированию), на деле смыкается с последним на основе главного недостатка: сохраняется противоречие между необходимостью генерации *всех возможных* вариантов (мутаций) и такой же необходимостью реализации интеллектуального, *направленного отбора* без прямого перебора всех мыслимых возможностей. Трудности эволюционного моделирования в значительной своей части повторяют трудности собственно синтетической теории эволюции – постольку, поскольку хорошее моделирование призвано воспроизводить основные черты моделируемого объекта.

Положения синтетической теории эволюции, напомним, критически пересмотрены в рамках концепции номогенеза (Л.С. Берг, А.А. Любищев, С.В. Мейен). Мы не будем излагать эти достаточно известные идеи и далее, как вполне готовым, воспользуемся основным номогенетическим

представлением об *органической форме* [1, 118–119, 199–245]. При этом в попытке внесения небольшого самостоятельного вклада в представления о номогенезе мы предложим некоторую логическую аргументацию, вполне (как представляется) ведущую к признанию важнейшей роли именно «формы». Разумеется, получит дальнейшее развитие и наша сквозная тема о времени и информации.

Но начнем не с логики, а со знаменитой поэтической формулировки *неконечности человека*, которая содержится в строках «Песни о себе» Уолта Уитмена: «Я умираю вместе с умирающими / И рождаюсь с только что обмытым младенцем, / Я весь не вмещаюсь между башмаками и шляпой». И еще прочитаем оттуда же, после впечатляющего перечисления многочисленных персон и сословий человечества: «И все они льются в меня, / И я вливаюсь в них, / И все они – я, / Из них изо всех и из каждого / Я тку эту песню о себе» [15, 54, 62]. Эта красивая художественная «дефиниция» должна дать нам запас интеллектуальной смелости для номологической *критики тела*, основанной на *критике времени*.

В самом деле, при размышлениях о времени несомненный интерес и, вместе, несомненную трудность вызывает вопрос о сквозь-пальцы-текущем понятии «теперь», этом «движущемся лезвии ножа» (Д. Уитроу), этой неуловимой границе между прошлым и будущим. Среди немногих попыток дать конструктивное уточнение для «теперь» обращает на себя внимание подход, обоснованный в работах московского философа Ю.Б. Молчанова. По существу здесь используется чисто информационная (уточним – в окраске через аспекты разнообразия, качественной разнородности) трактовка момента настоящего времени – он, цитируем, для «любой материальной системы есть промежуток времени, на протяжении которого система сохраняет свою качественную определенность», причем «поскольку не существует никаких физических принципов, которые устанавливали <бы> единый для всей Вселенной “момент настоящего времени”, правомерно считать, что каждой системе физических событий может быть поставлено в соответствие собственное настоящее время» [16, 167]. С принятием такой позиции тут же получает принципиальное объяснение феномен *естественного масштаба времени*: неудобно отмерять жизнь человека в микросекундах, или с помощью собственного пульса засекают длительность вспышки молнии. Потому-то, с той же логикой, наше собственное тело, такое привычное и по статусу, априори занимающее привилегированное положение, живое тело человека оказывается исходной системой отсчета для «теперь» в самой обиходной шкале времени. К примеру, длительность интервала времени примерно в одну секунду кажется естественной именно в

силу своей заданности двумя смежными телесными фиксациями, когда человек совершает один шаг, а его сердце – один удар.

В целом кажется вполне правдоподобной гипотеза о том, что наше *чувство времени определено нашим самочувствием*. Подчеркнем, что речь идет именно и только о чувстве времени как переживании «теперь». Для отыскания детерминант других характеристик времени, скажем, его направленности или необратимости, следует обращаться к иным объективным прообразам, вовсе не обязательно относимым к индивидуальному телу.

Приведенная гипотеза, возможно, обладает самостоятельной ценностью и заслуживает развернутых комментариев. Однако для нас ее принятие необходимо больше для оправдания следующего шага в наших построениях. А именно, попробуем изменять интервал времени, каждый раз относимый к интервалу «теперь», и будем сочетать получаемую «шкалу времен» с некоторой «шкалой тел».

Начнем с интервала в доли секунды (примерно $1/25$), который разумно оценить за единицу для вычленения минимально различимого дискрета движущегося тела человека. Именно этот уровень наших двух «шкал» практически используется в кинематографе, когда определенной частоты мелькание кадров киноплетки (оно соответствует «шкале времен») воспроизводит *естественное* движение, а сам единичный кадр фиксирует границы минимального (для человеческого восприятия, не вооруженного приборами) участка «шкалы тел».

Далее, упомянув еще раз для порядка интервал в одну секунду и минуя прочие относительно небольшие интервалы, отмеряемые с помощью часов, обратимся к таким традиционным спецификациям состояния человека, как детство, зрелость или старость. Здесь уже требуются отрезки в несколько лет, причем небезынтересно отметить *разные скорости* изменения тела и, синхронно тому, течения времени на этих интервалах: стремительные метаморфозы детства, например, разительно отличаются от нереволюционной поры взрослости. Если мы выдержим паузу в несколько лет, разлучаясь с 30-летней женщиной и годовалой девочкой, то при новой встрече не отметим особых изменений в облике первой (вплоть до подозрения, что время остановилось либо вообще пошло вспять: «Вы всё хорошеете...»), зато при взгляде на вторую почти неизбежно вырывается сакраментальное: «Ах, как быстро растут чужие дети...» Уточнение о «чужих» не случайно, ибо с собственным ребенком родители общаются, как правило, далеко не с годичной, а с ежечасной или ежедневной частотой, они находятся в ином информационном потоке тождеств и различий, потому и

время для них, – специфическое внутрисемейное время, – течет относительно медленно.

Вслед за интервалом возраста нетрудно выделить поколение, т. е. интервал в несколько десятков лет, отмеряющий границы «тела» меж двух рождений, родителя и его потомка. Способ измерения времени и (параллельно) способ рассечения непрерывного потока человеческих особей в единицах поколений или колен характерен для архаических родоплеменных сообществ, его мы находим в традициях иудаизма, например, и в практике генеалогических описаний. Свежий и не вполне типичный пример художественного освоения интервала сразу в несколько поколений обнаруживается в хронике В. Катаева «Кладбище в Скулянах», где автор излагает как собственные воспоминания, так и мемуары деда и прадеда от имени *единого первого лица*, причем делается это с характерной чуткостью именно к временным модусам: «Время окончательно потеряло надо мной свою власть. Оно потекло в разные стороны, иногда даже в противоположном направлении <...> Кто правнук и кто прадед? Я превратился в него, и оба мы стали некоторым единым существом» [17, 3].

Переходим к более длительным интервалам времени в сотни и тысячи лет. Здесь также без особого труда отыскивается вполне употребительная номенклатура из единой «шкалы тел» – таковы этнос или цивилизация. Но и столь размашисто понятое «тело» предстает дробной и даже исчезающе малой частью на фоне более широкого объединения, сохраняющего некую качественную определенность: вспомним ходовое выражение о кратких вспышках жизни великих культур, уместившихся в точку на оси безмерного времени. Далее, интервал в многие тысячелетия также соответствует некоторому подразделению потока человеческих жизней – здесь потоку, взятому в целом, потоку физиологически однородных и друг в друга переходящих особей. Любопытно, что и этому «телу» может быть указано *рядовое* место и соответствие в единой «шкале времен». Так у И.С. Тургенева (стихотворение в прозе «Разговор») две альпийские горные вершины успели перекинуться десятком фраз, – как безошибочно определил автор, подслушивая разговор и глядя на воображаемые литературно-философские часы, всего-то «несколько минут» ушло [18, 9], – а на их подножии успело родиться, пожить и исчезнуть целое человечество.

Наконец, расширение интервала (времени и тела) до миллионов лет с необходимостью объединяет человека с его «меньшими братьями» (как велики смысловые глубины этого словесного клише, говоримого о животных!) вплоть до, скажем, первых земноводных.

При всем своем многообразии интервалы на наших «шкалах» единообразно выделялись по общему правилу установления границ качественной определенности, будь то постоянство положения элементов (органов) живого организма, внешний облик индивидуума, семейно-родовая общность или культурная принадлежность, видовая неизменность или генетическая связь на уровне структуры ДНК. Зададимся теперь вопросом, отнюдь не риторическим: с каким естественным «телом» должен соотносить свои построения исследователь проблемы ИИ – «телом» для интервала «теперь» секундного, годового или, может быть, тысячелетнего отрезка?

Приведем конспект всего сказанного о времени и «теле», а затем одно терминологическое уточнение, чтобы несколько переформулировать наш базовый вопрос. Сначала мы только наметили эмпирическую связку времени и «тела» (через «самочувствие» последнего); далее из арсенала истории науки извлекается свидетельство о неизбежном отрыве понятия от его материального двойника, времени от его телесного коррелята – время мыслится самостоятельным; однако едва ли не первое серьезное уточнение «момента настоящего времени» заставляет возвращать время для сочетания с «телом»; но поскольку в пору мнимой своей самостоятельности время обрело различные масштабы и единицы, то справедливо будет теперь усомниться и в единственности принятого масштаба нашего «тела», – параллельно «шкале времен» приходится располагать «шкалу тел».

Полученная, тем самым, критика «тела» заставляет судить о целом *спектре органических форм* и, строго говоря, требует специальной терминологической фиксации указанной спектральности. Отсутствие такого термина до сих пор понуждало нас всякий раз громоздить кавычки при упоминании тела. Иными словами, выходит, что к уже имеющемуся довольно внушительному списку живых систем – организмам, популяциям, биотам, биоценозам, геомериде (таково уникальное объединение организмов всей Земли как единого организма, по терминологии К.Д. Старынкевича и В.Н. Беклемишева)¹⁰³, биосфере и ноосфере, – необходимо добавить еще

¹⁰³ Внесу важную историко-терминологическую подробность (запись от ноября 2018 года). Представление о *геомериде*, как и сам этот новый термин, введены в научный оборот, как сказано, Константином Дмитриевичем Старынкевичем (01.02.1888–09.02.1926), они зафиксированы в его посмертно изданной книге: *Старынкевич К.Д. Строение жизни / С предисловием проф. Н.О. Лосского*. – Прага, 1931, с. 24–33. Данный небольшой труд, название которого, вероятно, принадлежит Н.О. Лосскому, представляет собой некоторое развитие доклада, прочитанного Старынкевичем незадолго до эмиграции в «Обществе философских, исторических и социальных знаний» при Таврическом университете

одно объединение живой материи. По типу терминологической конструкции с геомеридой (но без особой опоры на аналогию в области смысла) мы назовем его «эомеридой», от греческого *эон* – «век» или даже «вечность». *Эомерида* – это органическая форма или «тело», сохраняющее известную качественную определенность на протяжении некоторого заданного отрезка времени. Важно подчеркнуть: все выше перечисленные биосистемы несут преимущественно пространственный характер, любую из них можно отличить от всякой другой, фиксируя на одном и том же отрезке времени; эомерида же, по определению, есть некая совокупность живого, рассматриваемая преимущественно на временной оси, так что различие эомерид фиксируется только на отрезках времени разной длины.

Переформулируем теперь вопрос к исследователям проблем ИИ: какой именно эомеридой, эомеридой для какого определенного интервала «теперь» они хотели бы заниматься? Или спросим еще и так: не происходят ли многие трудности в проблематике ИИ от смешения и неразличения эомерид различных уровней? Разумеется, мы не собираемся давать здесь не то чтобы дефиницию, но даже и гипотезу, *какая именно эомерида суть человек*. Но будем надеяться, что усилия, затраченные хотя бы на наши вопрошания, когда-нибудь скажутся на возможных и позитивных ответах.

В данном разделе остается отметить, что номологическая «критика тела как критика времени» может показаться схожей по использованию некоторых базовых понятий с известными возражениями Х. Дрейфуса против так называемых «допущений» относительно ИИ. По мнению американского философа, основной порок этих допущений сводится (у тех, кто вполне безуспешно строит ИИ или надеется на успех такого строительства) к полному игнорированию того факта, что «у человека есть тело», ибо именно «телесная организация» естественного интеллекта обеспечивает ускользающий от анализа «глобальный контекст познания», предопределяя «постижение целого» посредством универсального

(1919, Симферополь). Здесь же автор вводит понятие *биомериды* или просто *мериды*: «мерида есть органически целостный элемент (часть) некоторого высшего органического комплекса, обладающий следующими свойствами: во-первых, определенным типическим строением и, во-вторых, определенным динамическим равновесием, способным при помощи саморегуляции поддерживать и при надобности восстанавливать свое характерное строение» (с. 22). Автор указывает своего предшественника в выборе термина («*биомеры*» для гистологических единств, введенные М. Гайденгайном в работе «*Plasma und Zelle*», 1912) и особо ставит своей главной исследовательской задачей «рассматривать отношение человека к меридам высшего порядка» (там же).

«предвосхищения-антиципации» [19, 199, 182, 202]. Целиком присоединяясь к данной констатации, мы вправе подчеркнуть, что Х. Дрейфус вынес свой вердикт традиционному подходу к ИИ, не покидая пределов *традиционного* же понимания этой самой «телесной организации», т. е. справедливо высказался *о частностях*. При несомненном сходстве тех или иных ключевых понятий и общей критической направленности принципиальное отличие нашего подхода от критики Дрейфуса заключается в отправном понимании «тела». «Строители» ИИ не только игнорируют одно какое-то (неопределенное) «тело», но и вовсе не принимают в расчет куда более значительную реальность – целый «телесный ряд» эмерид.

§ 3. «Машина времени» и информация

Сразу скажем, что нас не будет здесь интересовать возможная физическая интерпретация МВ, связанная с известным «парадоксом близнецов» в релятивистской механике. В стороне останутся также и многочисленные фантастические «реализации» неких аппаратов, предназначенных для транспортировки людей в прошлое и будущее. По примеру проведенного исследования в сфере ИИ второй из «предельных объектов» будет тоже рассматриваться сквозь призму информационно-временных отношений, а точнее, через изучение проблемы их, отношений этих, воспроизводства. Возможно, представление о МВ имеет конструктивный характер единственно при таком подходе. Однако настаивать на оном со всею категоричностью было бы и наивно и преждевременно.

А начать удобно с феномена чтения художественной литературы. Сейчас вряд ли удастся установить, из чьих уст впервые вырвалась фраза – думается, скорее всего, она родилась метафорой, а не продуманным обобщением, – фраза о настоящей литературе, которая удивительным образом способна «переносить» читателя в невероятные ситуации, дальние страны и вообще *в иные времена*. (Заметим в порядке некоторого отступления, сколь типичны факты забвения дат рождения и авторства многих важных идей. Из числа нетривиальных примеров сошлемся на недавнюю «тихую революцию» в картине мира, приведшую к пониманию физических полей как разных «сортов связности» [20, 18–20] – у этого фундаментального представления о единстве мира весьма неопределенное прошлое. Идеи, как говорят, витают в воздухе, и подчас подолгу. Кстати сказать, вышеупомянутое воззрение на животных как на «братьев наших меньших» можно квалифицировать и как раннюю догадку о происхождении видов по Дарвину, – но нам эта ассоциация не столь интересна, – и как

предвосхищение «телесной шкалы» эмерид.) Да, чтение достаточно широкого класса художественных текстов действительно доставляет нам если не образец, то очевидный *прообраз* МВ: богатства литературного языка, рисующего лица, пейзажи и сюжеты, позволяют создать перед читателем то, что удачно называется «эффектом присутствия». Подчеркнем, не само присутствие, а его «эффект», его видимость.

Более точно механизм литературно-художественных «переносов во времени» попробуем изобразить следующим описанием, где ключевую роль занимает представление об информации:

поток информации, исходящий (получаемый) со страниц текста, выступает заместителем, моделью того фрагмента выдуманного или реального мира, который был воплощен в тексте по воле автора;

плотность потока информации («пульс событий», «напор жизни» в литературоведческом выражении) определяет, далее, ход собственного времени чтения, отмеряет читателю срок и степень пребывания там, в чужом «теперь»; потому-то при чтении можно «позабыть обо всем на свете» либо же с успехом «убить время» – подобные идиомы верны, получается, по сути;

в свою очередь, в силу собственной природы семиозиса, сам текст как знаковая система существует или, вернее, осуществляется только в настоящее время, только в читательском «теперь», поскольку набор печатных знаков способен отдавать информацию только актуально, только непосредственно в акте понимающего чтения, т. е. после включения или, строже говоря, в самый момент включения текста в знаковую ситуацию (более развернуто нам приходилось рассмотреть этот фундаментальный акт в работе [21], причем в прямой связи с «переносами» во времени);

так в процессе поступления информации при чтении объединяется «свое» и «чужое» в едином (общем) «теперь», так реализуется специфическое свойство МВ – «переносить» во времени.

Алфавитный язык представляет собой наиболее гибкую и универсальную знаковую систему, он позволяет описывать как явления внешне-материальные, так и внутренне-субъективные. Однако за универсальность взимается плата – плата утеранных красок. Другие знаковые искусства способны достичь большей изобразительности в ограниченных пределах своих притязаний. Таков кинематограф, еще один прообраз (или даже – вариант?) МВ в предлагаемом нами понимании. В самом деле, хороший исторический кинофильм делает воистину *наглядной* саму возможность путешествий во времени, здесь – в прошлое. Остро и широко мысливший Ю.Н. Тынянов не даром констатировал уже довольно давно, когда техника съемок фильмов отнюдь не приближалась еще к нынешней

изошренности: «Время в кино текуче; оно отвлечено от определенного места; это текучее время заполняет полотно несслыханным разнообразием вещей и предметов. Оно допускает залеты назад и в сторону» [22, 320–321]. В свой черед А.А. Любищев, размышляя о реальности «идеи, воплощенной в материи», как бы добавлял к сказанному: «В обычной человеческой практике мы говорим, что художник или изобретатель воплотил свою идею в форме картины, статуи или в том или ином изобретении. <...> Идея воплощения получила в XX веке вполне материалистическую интерпретацию в форме радио и телевидения» [1, 125]. Способность «воплощать идею» и потому «залетать назад и в сторону» – не это ли родовые качества знаковых систем?

А будущее, вероятно, принадлежит (неведомому пока) синтетическому умению оперировать веществами и силовыми полями для манипулирования информацией. Недаром уже сейчас случается повстречать характерные терминологические столкновения, входящие в обиход, но пока еще остающиеся довольно диковинными (потому что они толком не осмыслены). Скажем, можно почти наугад взять работу по эстетической проблематике и прочесть о «сочных звуках красок». Благодаря известной стилистической раскованности искусствоведов мы получаем неожиданный привет из того самого будущего, в котором «читатель» (с тем же правом и тоже с кавычками нужно добавить – и «зритель», и «осеязающий» и пр.) сможет получать информацию по каналам всех своих органов чувств, порознь или в совокупности. – Нужно, нужно услышать голоса, которые уже ныне раздаются в пользу информационных систем нового типа, призванных синтезировать, к примеру сказать, «музыку цветов и форм» [23]. Хочется верить, что так уже наметила мощная и многообещающая тенденция.

Но оставим сомнительную область прогнозов и уточним, наконец, что же мы выяснили касательно интересующего нас «предельного объекта» – МВ. Итоговое определение таково: под МВ понимается специально организованная моделирующая система, способная *воспроизводить информацию* о заданном объекте или круге явлений с необходимой (видимо, в принципе – любой) точностью соответствия. Как не трудно заметить, в определении вовсе не упомянуто время. Это должно означать, да и означает, что время трактуется здесь как производная, как *эпифеномен* информационных процессов. Полнота «переноса во времени» определяется только степенью воспроизводства информации. И еще напомним: мы не изучаем вопрос о соотношении информации и времени применительно к «чисто объективному» миру; об этом соотношении правомочно говорить только для мира, окрашенного и украшенного человеческим присутствием, а

в мире за вычетом человека, думается, нет ни информации, ни машин, ни пределов для них.

Понимание МВ через (таким образом расширенное) представление об информационном моделировании в определенном смысле противоположно тому, что зафиксировано идеей «машин времени» в научно-фантастической литературе. Если попытаться охарактеризовать все варианты путешествий, предложенных вслед за Г. Уэллсом адептами «машин времени», то не обойтись без известного термина «экспорт». Нашего путешественника предполагается «вывозить» из настоящего в прошлое или из настоящего же в будущее. При этом именно путешественник должен доставляться на конечный пункт, а сам переход во времени традиционно содержит скачок, так что всегда остается доподлинно неизвестным, как данный переход может быть реализован (многочисленные подчас подробности вокруг этого скачка лишь по внешнему камуфляжу научны, но всегда фантастичны по сути). Напротив, МВ в предлагаемом здесь понимании выполняет не экспорт, не «вывоз», а «ввоз», любитель странствий должен оставить свой дорожный посох, «импортируя» в собственное «теперь» реалии из иных эпох, вернее, модели этих реалий на основании информации о них. Сами объекты такого «импорта» никуда не перевозятся, они реконструируются, воспроизводятся на конечном пункте «путешествия». И, что особенно интересно, теперь обретает *принципиальную* ясность как раз сам «процесс переноса во времени» – нужно только воспроизводить все известное, здесь и теперь, в максимально адекватной форме. Конечный же результат такого переноса, напротив, окончательно не фиксируется, он в принципе остается потенциальным, т. е. именно предельным.

Итак, информационно-модельное понимание МВ противоположно литературно-фантастической «конструкторской» мысли по следующим характеристикам «переноса во времени»:

а) по направлению переноса и пункту прибытия («сюда» и, соответственно, «туда»),

б) по содержательности и конструктивности осуществления переноса («известно, как делать» – «не известно»),

в) по известной степени вещности, реальности результата переноса («потенциально достижим» – «догматически дан»),

г) по материальной основе переноса («передача информации» – «перемещение тела»).

Последнее противопоставление, правда, без упоминания путешествий во времени, четко сформулировано Н. Винером в известном рассуждении о возможности перемещения человека при помощи... телеграфа. Идея эта, в

основе которой лежит «не столько передача человеческих тел, сколько передача человеческой информации» [24, 111], весьма примечательно комментировалась отечественными философами Б.В. Бирюковым и И.Б. Гутчиным как идея, которая вовсе «не является абсурдной сама по себе, сколь бы далека она не была от реализации» [12, 16]. Внимание: здесь по существу и по форме *признается реальность* именно «предельного объекта».

В русле информационно-модельного понимания МВ, – здесь мы, вновь упомянув Н. Винера, касаемся темы аналогий, идейных переключек и предшествований, – лежит одна не слишком часто поминаемая философская традиция, известная под именем *герменевтики*. Особый метод познания культурно-исторических явлений через их *имманентное понимание* носит в герменевтике отчетливо предельный характер, ибо здесь предполагается некий максимально возможный уровень коммуникации, максимальное приближение читающего к прочитываемому. Один из главных поборников этого метода В. Дильтей за образец интерпретации древних текстов (герменевтика, напомним, во многом начиналась с проблем толкования Св. Писания) почитал отношение к ним как отношение «я» к «ты», т. е. именно как прямое понимающее общение двух личностей. Мы, далее, сочтем за благо не навязывать собственного комментария о возможностях «герменевтической информатики», а только воспользуемся подходящим изложением на сей счет у П.П. Гайденко. В этом изложении на ключевых ролях выступают важные для нас понятия и выпуклы нужные нам оттенки. «Истинная интерпретация, по Дильтею, совершает чудо: преодолевая время, превращает прошлое в настоящее. Прошлое восстанавливается во всей его неповторимо-индивидуальной целостности» [25, 140]. Идея «переноса во времени» здесь выражена впрямую, причем со всей отчетливостью видно, что «перевозке тел» герменевтика предпочитает «передачу информации». Единственно что неприемлемо для нас, так это чисто психологическая основа «переносов» по Дильтею. А именно, утверждал Дильтей, «в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего не было бы в познающем субъекте» (цитир. по [25, 141]). Иными словами, в основе сближения «времен далековатых» решающим оказывается неизменность собственного «я», времена здесь смыкаются пресловутым герменевтическим кругом, в произвольно расширенном «теперь» на самом деле нет места ни новому, ни потерям, здесь не обнаружить ничего кроме себя и только себя.

С тем и завершим (на данный момент посылное нам) изложение подхода к «предельным объектам», специфицирующим проблемы и перспективы в той обширной области, что в наши дни принято называть семиотикой и информатикой.

Остается добавить разве что несколько слов в оправдание избранной здесь формы изъяснения. Уклончивые стилистические фигуры и признания в эскизности многих предлагаемых формулировок, особенно если они призваны сопровождать индивидуально-авторские, претендующие на новизну, построения, всё это, конечно, мало содействует убедительности. Но тут – просьба к читателю, – надо бы принять в расчет уже самый тот факт, что выделение «предельных объектов» (ИИ и МВ) и рассмотрение их под ракурсом пристального интереса к представлениям об информации и времени суть задача новая, не имеющая ни укорененных в традиции ориентиров, ни сколько-нибудь устоявшейся терминологии. Более того, как неустойчивые, как требующие дополнительного изучения предстают здесь и сами эти фундаментальные представления – когда, напомним, в обиход информационного анализа ИИ мы вносили существенную временную составляющую, а при рассуждениях о МВ пришлось чуть ли не отказывать времени в существовании на идейном фоне широко понимаемой информации (информационной подоплеке самой темпоральности). Всегда, конечно, можно отнести идейную неустойчивость на индивидуальный счет, и тогда ценность предложенной попытки рассмотрения «предельных объектов» сводится к минимуму. Интереснее и плодотворнее, однако, хотя бы и с недоверием принять, что отмеченная неустойчивость сигнализирует о наличии важной точки роста, что она имеет несравненно более широкий смысл и масштаб...

Для подходящего выражения полагаемой познавательной широты рискнем прибегнуть к метафоре, за которой обратимся к наследию «первого диалектика» Гераклита Эфесского. Греческое слово *bios* при ударе на первом слоге понимается как «жизнь», а на втором – как «лук», то есть орудие смерти. Потому и подмечено: «имя луку – жизнь, а дело его – смерть»; афоризм Гераклита цитируем по работе [26, 65]. Так вот, представления об информации и времени, больше порознь характеризующие принципы упорядоченности мира и степень его понимания нами, эти во многом противоречивые представления пока не пребывают в слитости *bios*'а. Однако предпосылки к соответствующему синтезу уже имеются. Взаимное тяготение испытывают и «предельные объекты», также пока больше порознь манифестирующие информационные и временные аспекты существования сложных систем. Как ИИ, так и МВ правильнее понимать преимущественно в философском, нежели в технологическом смысле. Они суть не машины, но «машины», а их «предельность» призвана заострить ситуацию с наличием тезиса и антитезиса, наметившихся в рамках теоретической мысли и не позволяющих последней выйти на практически-технологический уровень без

их диалектического объединения. Можно только гадать, каким возможен грядущий *bios* понятий информации и времени. Как известно, скорость приращения фундаментальных представлений невелика, пока не произойдет скачок отчетливо диалектического характера. Что же касается ИИ и МВ как «машин», то их возможному синтезу и, следовательно, их совместной реальности уже можно подыскать интерпретацию из техногенной, возможно, области. Это будет несомненно интеллектуальная и жизнеспособная (*bios*) информационно-поисковая система или Универсальный Ответчик, запросы к которому или, вернее, разнообразные виды общения с которым могут удовлетворяться информацией любого качества, степени пространности или сжатия и любой формы вплоть до тождественного представления соответствующих прообразов, как идеальных, так и материальных. В будущем тут будут реализованы, опосредованы, «сняты» теперешние фикции «предельных объектов»: поиск, порождение и преобразование информации Универсальным Ответчиком напомнит тогда о вкладе ИИ, а доставка ответов в максимально приемлемом виде – о МВ.

§ 4. Историко-философское добавление 1993 года

Время завершения работы над текстом, представленным выше, относится к 1983 году. Спустя десять лет, в некоторой надежде на выход к читателям, он был подвергнут лишь незначительной правке сугубо косметического характера. Спрашивается, почему нам кажется заслуживающим интереса именно такой способ публикации – без глубокой переработки прежнего материала, с одной стороны, и с не обязательным, казалось бы, введением нижеследующего экскурса в историю мысли вплоть до событий довольно далеких, с другой стороны. Впрочем, и на дистанцию примерно в десятилетие от сего дня, оговоримся сразу, тоже предстоит взглянуть.

С последнего и начнем, а на вопрос вскоре ответим. Конечно, не памятником своему времени (на то нужны слишком веские основания), но красноречивым его, времени *свидетельством* данный текст о «предельных объектах» определенно является. Недаром статью так и не удалось опубликовать, хотя в целом положительно о рукописи отзывались и в судьбе ее участвовали такие авторитетные исследователи, как Ю.М. Лотман, Д.А. Поспелов, Ю.А. Шрейдер, довольно долго и безуспешно хлопотала о ней Т.Н. Лаппалайнен. Можно констатировать, что *внешние причины* отвержения попытки судить о «предельных объектах» были понятны: это не слишком академичная форма изложения и не слишком материалистическое, идеологически сомнительное содержание изложенного. Потому публикацию

удалось бы «пробить» (и попутно искорежить текст до неузнаваемости) только при много большей изворотливости и тренированности в условиях последних лет пресловутого «застоя». Однако не здесь главное. Главное как раз в «атмосферическом» обстоятельстве, в контексте для обсуждаемого текста: при всех стараниях следовать логике и не забывать о подкрепляющих фактах и мнениях предшественников, при всем том автора ни на минуту не покидало ощущение, что его доводы, при интуитивной уверенности в их позитивном характере, все-таки повисают в воздухе (сказано – дело в атмосфере), т. е. лишены главного, лишены поддержки мощной и длительной идейной традиции. За этим ощущением, как теперь становится ясно, скрывалась *внутренняя причина*, по которой тогдашняя публикация была не ко времени.

С тех пор довольно много воды утекло, десятилетняя выдержка для фактически автономно появившейся идеи о «предельных объектах» оказалось нужной. К «малому» времени присоединилось время «большое» (вспомним важное культурологическое разделение М.М. Бахтина), тексту отыскался глобальный контекст, а именно русская философская мысль конца XIX – начала XX веков. Сам-то текст заметно проиграл *на таком* фоне (трудное изобретение «нового» во многом обернулось «повторением пройденного»), но зато явно выиграла логика *единого мыслительного процесса*. Разумеется, нет речи о строго линейной логике, логике каузального следования событий в сфере мысли. Сама-то линия традиции была давно и надолго оборвана, а рядовые работники (к каковым относится и автор этих строк) смогли получить о ней полноценное представление только после 1985 года, да и тогда не тотчас. Речь идет о многолинейной логике, логике «независимого эксперимента», когда при следовании в русле несхожих интуиций, но при обращении к сходным, одного порядка основаниям параллельно вырабатывается сходный результат.

О каких же идейных переключках и сходствах, имея в виду некоторые тенденции времен Серебряного века, или «золотого века» русской философии, мы можем говорить здесь и теперь?

Первое, что необходимо назвать, это *онтологизм*, непреходящая убежденность в неразрывной связи идеи и материи, вернее, в реальной весомости понятия, категории, идеи и, вместе с тем, просвеченности материи идеей – то, с чем прежде всего возвращается к нам «софийный идеализм» Вл. С. Соловьева и примыкающая к нему «философия хозяйства» С.Н. Булгакова, «конкретная метафизика» о. П. Флоренского, «сущностно-меональная» (или «абсолютная») диалектика А.Ф. Лосева. Введение в рассмотрение «предельных объектов», по сути своей *овеществляющих*

понятия (здесь – времени и информации), вполне соответствует этой убежденности. А если что и мешает видеть сходства, так это внешняя сторона когда-то избранной нами фразеологии. Остается только просить прощение за неуклюжесть тех неофитских построений 1970–80-х годов, которым не хватало адекватного философского оснащения.

Интересно отметить, что одно из крайних течений русского онтологизма, в лице *имяславия* (оно зародилось в начале XX века в монашеской среде, а потом вовлекло в свое русло и ряд московских интеллектуалов) заставило с новой силой поставить вопрос о соотношении знака (имени) и вещи, придав вопросу религиозно-философскую окраску. Начав с важнейшего для православия вопроса, как и насколько в Имени Божием присутствует, воспроизводится или дана Высшая реальность, т. е. Сам Бог, теоретики имяславия привлекли для аргументации в пользу существенной и сущностной реальности Имени Божия значительный арсенал философии, филологии и даже математики своего времени. Так возникли сразу несколько учений об имени, отличающихся в деталях, но совпадающих в главном, – в утверждении *подлинного реализма* слова, знака, символа. Все основные варианты «философии имени», зафиксированные в работах о. П. Флоренского, о. С. Булгакова и А.Ф. Лосева, не были академично-созерцательными, в них отчетливо видна практическая нацеленность. Но, пожалуй, ярче всего онтологизм имяславия выразился в «предельно-инженерном» пафосе (с прямо-таки теургийным оттенком) построений В.Н. Муравьева, который призывал искать «обладания в деле тем, что в слове дано как проект», и далее прямо утверждал: «Имя славие, чтобы сохранить то, чего оно достигло, должно стать Имя действием» (цитир. по рукописи, хранящейся в Отделе рукописей РГБ, ф. 189, п. 13, е.х. 24б, лл. 4, 7)¹⁰⁴.

Нельзя не упомянуть в нашем экскурсе и о философии *всеединства*. Многообразно проявляясь в различных направлениях русской религиозно-философской мысли, идея всеединства особо выказала себя в теме

¹⁰⁴ Сделаю необходимое прибавление от *ноября 2018* года: теперь многие религиозно-философские сочинения Валериана Муравьева, сохранившиеся в указанном архиве, благополучно опубликованы, прежде всего, благодаря усилиям великолепной А.Г. Гачевой, см. *Муравьев В.Н. Сочинения*. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2011, 704 с.; Кн. 2, 720 с. Об имени «как орудии» и об имяславии как «методе пророков» В.Н. Муравьев действительно заявляет в своей рукописи, но другой (п. 13, е.х. 24а), а пассаж, который цитирован мною выше, – это установила Анастасия Гачева, – относится к рукописи А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (п. 13, е.х. 24б), известных единомышленников Муравьева.

преодоления разрывов в пространстве-времени путем реализации грандиозных замыслов «патрофикации» (восстановления умерших), по Н.Ф. Федорову, и «овладения временем» по проекту уже упомянутого В.Н. Муравьева.

К этому же перечню, видимо, следует отнести и учение о. П. Флоренского об «органических цельностях» или «надвременных единствах», которые фиксируются на произвольных, в том числе на относительно больших отрезках времени. Это учение вполне четко изложено в лекциях «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», которые составлены в середине 1920-х и впервые полностью опубликованы только в 1993 году. Примеры из намеченного ряда можно отыскать и в творчестве других мыслителей той замечательной поры.

Наконец, нельзя не указать, как значимое, рассмотрение и обоснование *нравственного* измерения технической деятельности человека – как несомненную заслугу русской религиозно-философской мысли. Уже давно, можно сказать, пусть в несколько других терминах и по специфическим методикам, выстраивалась своя «критика тела» и «критика времени», намечалось конструирование своих «предельных объектов» совместной – одолевающей рознь, – человеческой деятельности.

Таким образом, если размышления о «предельных объектах» и стоило публиковать, то нужно было и сопоставлять их, многим рискуя, с несравненно более богатыми идеями старой отечественной философии. Стоило уже затем, чтобы лишний раз убедиться, сколь актуальна эта последняя, сколь еще не востребован ее потенциал в наш век компьютеров и повальной информатизации.

Зияния и прорехи в картине мира, каковые современная мысль едва только обнаруживает и робко пытается залатать, уже были когда-то не только указаны, но и одолевались тогда, пусть отчасти, в могучем творческом дерзновении.

§ 5. Инженерно-философское заключение 2003 года

С момента написания первой части данной работы миновало уже 20 лет, а от последующего экскурса в область истории русской философии прошло хоть и вдвое меньше, но тоже срок немалый. Что изменилось за это время? *Слишком многое.*

Если в начале 80-х годов, к примеру скажем, о «сети сетей» знали очень немногие, – тогда примерно два десятка научных центров США были

связаны такой коммуникационной сетью, то теперь Интернет вошел (или может без хлопот войти) в каждый дом на планете Земля.

Настал век информационных технологий. Инженеры успешно учатся работать с «расширенными» или «дополненными» реальностями, а философы заговорили о новой фундаментальной онтологии и всерьез заняты, к примеру, теоретической виртуалистикой.

Если раскрыть вышедший на рубеже «миллениума» сборник «Концепция виртуальных миров и научное познание» [27], подготовленный сотрудниками Института философии РАН, то здесь без труда можно отыскать обсуждение вопросов о пределах наблюдателя в искусственно созданных системах, а также о принципиальных границах человеческого тела и вообще биологических систем, о «переселении душ» в компьютер, о работе с «объектами огромной информационной емкости» и возможностях путешествий в прошлое, даже о трансцензуе, «исчезновении времени».

Остается теперь с определенным удовлетворением отослать читателей к началу нашей работы, где некоторые важные проблемы информационно-временной виртуалистики ставились *в исходном*, а потому и несколько романтическом, пожалуй, виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любичев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М.: Наука, 1982.
2. Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М.: Прогресс, 1966.
3. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии (проблемы теории сложных систем). М.: Советское радио, 1976.
4. Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежегодник, 1975. М., 1976. С. 149–171.
5. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.
6. Трахтенброт Б.А., Барздинь Я.М. Конечные автоматы (поведение и синтез). М.: Наука, 1970.
7. Поспелов Д.А., Пушкин В.Н. Мышление и автоматы. М.: Советское радио, 1972.
8. Поспелов Д.А. Логико-лингвистические модели в системах управления. М.: Энергоиздат, 1981.
9. Мазур М. Качественная теория информации. М.: Мир, 1974.
10. Троицкий В.П. Экстраполяционный подход к понятию информации // НТИ. Сер. 2. 1979, № 12. С. 1–7.

11. *Троицкий В.П.* Предвосхищение в коммуникации: время текста // НТИ. Сер. 2. 1982, № 6. С. 1–7.
12. *Бирюков Б.В., Гутчин И.Б.* Машина и творчество. Результаты, проблемы, перспективы. М.: Радио и связь, 1982.
13. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. М.: Политиздат, 1976.
14. *Букатова И.Л.* Эволюционное моделирование и его приложения. М.: Наука, 1979.
15. *Уитмен У.* Листья травы. М.: Художественная литература, 1982.
16. *Молчанов Ю.Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977.
17. *Катаев В.* Кладбище в Скулянах. М.: 1977. Роман-газета. № 8 (622).
18. *Тургенев И.С.* Стихотворения в прозе // Собр. соч. в 10 томах. Т. 10. М.: Художественная литература, 1962. – С. 7–45.
19. *Дрейфус Х.* Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978.
20. *Манин Ю.И.* Математика и физика. М.: Знание, 1979.
21. *Троицкий В.П.* Семиотическое существование // Семиотика и информатика. 1979, № 11. С. 52 – 65.
22. *Тынянов Ю.Н.* Кино – слово – музыка // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. С. 320 – 322.
23. *Пухначев Ю.В.* Четыре измерения искусства // Число и мысль. – Вып. 4. М.: 1981.
24. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
25. *Гайденко П.* Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции // Вопросы литературы. 1977, № 5.
26. *Кессиди Ф. Х.* Гераклит. М.: Мысль, 1982.
27. Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000.

2004

**ИДЕЯ П.А. ФЛОРЕНСКОГО
ОБ «ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ»
МАТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАТИКИ¹⁰⁵**

Когда в 1937 году незадолго до своей гибели о. Павел Флоренский, «мысленно просматривая свою жизнь», в одном из посланий к родным (письмо из Соловецкого лагеря от 13 мая) перечислял те области знания, в которых он достиг пионерских результатов или впервые выдвинул принципиальной важности вопросы, среди довольно длинного перечня значился и следующий пункт: «Индивидуальность чисел (число–форма)» [1, 702]. Именно этой короткой записи будут в основном посвящены наши заметки об «индивидуальности» математических объектов. Задача состоит в том, чтобы показать, сколь на самом деле многообещающее или даже *прорывное* направление мысли (и последующей научно-технической деятельности, ее реализующей) укрылось за строкой давнего соловецкого перечня П.А. Флоренского.

Впрочем, попутно нам по необходимости придется воспроизвести еще две строки оттуда же, они следуют за указанным выше пунктом о числах: «изучение геометрических кривых *in concreto*» и «методика изучения формы». В этих тезисах мы видим свидетельство того, что свойства «индивидуальности» о. Павел обнаруживал и исследовал не только для арифметических объектов, но еще и в области геометрической, ставя, кроме того, и вопрос о форме вообще, как таковой. Говоря коротко (геометрическому ответвлению нашей темы следует посвятить отдельное исследование, здесь, к сожалению, не вмещаемое), изыскания Флоренского теперь видятся не столько и не только как анализ отвлеченной «морфе», но, прежде всего, как предвосхищение современной проблематики распознавания геометрических образов, имеющей прямую практическую направленность. Для примера приведем задачу, по нынешним временам уже ставшую сугубо технической, которая состоит в определении формы удаленных воздушных и (или) космических объектов по данным радиолокационных измерений или оптических наблюдений. Обнаруживаются поразительные переключки и даже совпадения созданного

¹⁰⁵ Опубликовано в сб.: София: Альманах. Вып. 2: П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев: род, миф, история. – Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2007. С. 108–112; далее, с небольшой правкой, в сб.: Павел Александрович Флоренский / Сер.: Философия России первой половины XX века. – М.: РОССПЭН, 2013. С. 306–314.

здесь (созданного, насколько мне известно, большим коллективом ученых) аппарата обработки информации с «натуральной геометрией кривых», как называл свое детище Флоренский – см. упоминание таковой «натуральной геометрии» в письме с Соловков от 19 июня 1937 года, при изложении приемов восстановления формы кривой линии по известным радиусам ее кривизны [1, 713]. Кроме лагерной переписки, где, как видим, отыскиваются следы размышлений о Павла по проблеме «морфометрии», нужно принять во внимание также довольно большую рукопись «Измерение формы. К вопросу о стандартизации песка» (1932), сохранившуюся в архиве Флоренского и до сих пор еще не опубликованную. Последняя работа имеет важное теоретическое введение – относительно частный инженерно-технический «повод» сполна использован автором для общего анализа проблемы «морфе» в науке и культуре, – и «заодно», так скажем, открывает новые пути к разрешению ряда трудных прикладных задач материаловедения.

Больше этой темы мы здесь касаться не будем, только обозначив и указав в данном пункте на богатое идейное содержание, сопряженное с очевидно практическим выходом еще одного из давних начинаний П.А. Флоренского.

Итак, в пределах данных заметок нас в дальнейшем будет интересовать только тема *числа как формы*. Мы покажем, что, как и по многим другим позициям указанного соловецкого перечня, творческая интуиция не обманула Флоренского и здесь – в отношении философско-математической идеи об *индивидуальности чисел*.

Эта идея развивалась автором в 1910–20-е годы и получила некоторое заметное оформление в большой работе «Число как форма», которая готовилась Флоренским к печати в 1922 году. Отметим, что, как и для «Мнимостей в геометрии» (издано как раз в том же 1922 году), обложка данной книги в виде киелографического оттиска была уже подготовлена тогда В.А. Фаворским. Книгу составили следующие части¹⁰⁶, из которых к настоящему времени узнали печатный станок только первые две, причем всякий раз в отдельном, самостоятельном виде:

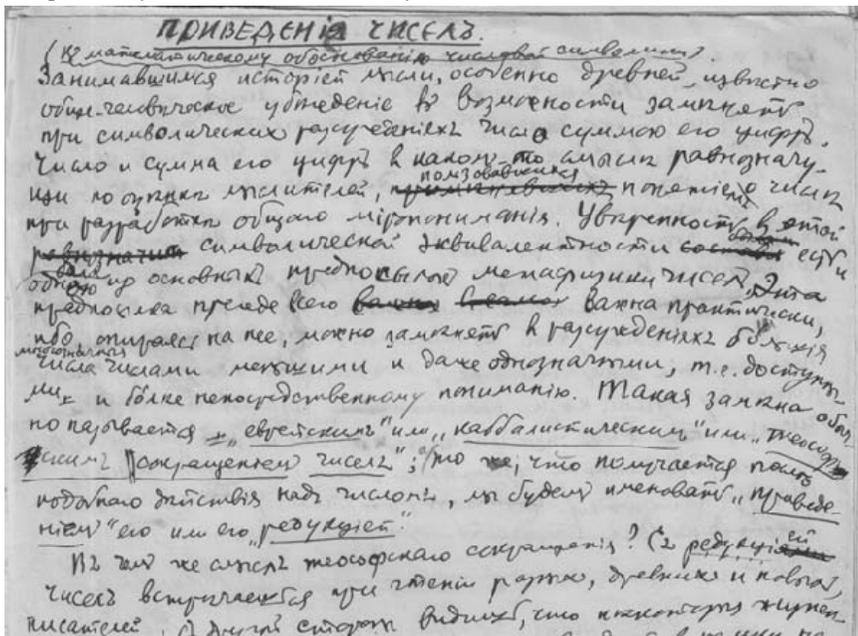
«Пифагоровы числа» (первая публикация состоялась в 1971 г.),

«Приведение чисел» (опубликовано самим автором в 1916 г.),

«Повышение чисел» (рукопись сохранилась).

¹⁰⁶ Указание на этот состав см. в комментарии С.М. Половинкина к работе «Пифагоровы числа» [2, 800]. Здесь же ошибочно упоминается работа «Элементарное введение в топологию» (лекционный курс), на самом деле не включенная автором в состав книги «Число как форма».

Насколько можно судить по опубликованным материалам из этого исследования, в общем и сжатом виде «индивидуальность» чисел, по Флоренскому, можно описать в следующих базовых тезисах.

Именно, математикам и в математике настоятельно необходимо:

а) различать в любом числе – количественную и качественную (оформленную, структурно выраженную и потому индивидуальную) стороны и, следовательно,

б) реализовывать и использовать в вычислительных процессах в той или иной мере подходящие, в определенном смысле *естественные изображения* чисел, так или иначе учитывающие особенности этой качественной стороны-формы.

Сразу отметим ту весьма своеобразную роль, в которой выступает П.А. Флоренский, выдвигая свой подход к числу: он одновременно и *архаист* и *новатор*. И роль эта, в известной мере, поровну поделена как раз между указанными выше аспектами.

В первом отношении, там, где затрагивается природа числа, нетрудно зафиксировать соотнесение такой точки зрения действительно с архаикой. Как известно, качественные аспекты числа выделяют и эксплуатируют так называемые *негомогенные числовые системы*, известные со времен античных пифагорейцев, и до Нового времени донесенные и сохраненные

построениями типа каббалистических исчислений и нумерологическими учениями. Один из простых примеров, показывающих различие гомогенных (абстрактно-математических) и указанных негомогенных (качественно-аритмологических, по Флоренскому) числовых систем, известен на самом обычном, бытовом уровне. Рассмотрим натуральный ряд чисел и в нем соседние его члены, числа 12 и 13. С точки зрения «голового» (чисто количественного, бескачественного) счета эти числа «очевидно» близки, различаясь всего лишь на единицу. Если же признавать за этими числами некое несомое ими *качество* (и многие культурные традиции так делали и делают), то различие между ними получает принципиальный характер, их отделяет настоящая пропасть противоположности: число 12, в традиции, выражает некоторого рода завершенность и благополучие (хорошо известен обычай фиксации дюжинами однотипных предметов, составляющих бытовые удобства в их полноте), тогда как число 13 сигнализирует, напротив, о каком-то неблагополучии либо незавершенности какого-то целого («несчастливое» число, «чертова дюжина»). Можно рассматривать и другие сопоставления чисел, различающихся на «плюс единицу», причем исторически более интересные и качественно более изощренные, чем пара 12 и 13. Таковы, например, соседние числа 5040 и 5039, о которых размышлял Платон в диалоге «Государство», желая указать оптимальное число граждан в идеальном городе-государстве. Укрывшуюся здесь старинную «магию чисел» в свое время блестяще указал и прокомментировал Г. Вейль [3, 68 и далее].

Вообще, затрагивая тему *качества* числа как формы, приходится говорить об одном *великом не-* в математике. В свое время, напомним, человечеству стала известна *не-соизмеримость*, открытая еще античностью и повлекшая необходимость представления об иррациональных числах. Уже в XIX веке к списку великих *не-* добавилась *не-счетность*, которую пришлось вводить в рамках теории бесконечных множеств, обобщившей представления о количестве и порядке. Далее, XX век в свой черед принес открытие *не-вычислимости* в современной теории алгоритмов и *не-доказуемости*, о которой заговорили едва ли не все после работ Курта Гёделя. Так вот, давно уже назрела необходимость ясно зафиксировать в культурном багаже считающего человечества и представление о *не-гомогенности* чисел, или, если выражаться ближе к стилистике указанных выше *не-*, следует говорить о *не-сводимости* чисел: если всякое число в некотором смысле индивидуально, оно не может – без утраты качества, – быть сводимо на любое другое число. Изложение многих увлекательных логико-философских проблем в связи с затронутой темой, равно как и немалую, на самом-то деле, историю вопроса

мы, к сожалению, вынуждены оставлять за пределами данного повествования¹⁰⁷. С большим удовлетворением отметим только, что у Флоренского в тех же «Пифагоровых числах» можно найти не только энергичный общий призыв «изучать числа, – конкретные, изображенные числа, – как индивидуальности, как первоорганизмы, схемы и первообразы всего устроенного и организованного» [4, 643], но и (в духе затронутой выше терминологии) вполне ясную констатацию «о формах конечных множеств, как о *неприводимых* друг к другу, качественно различных между собою» [4, 640]. Подчеркивание слова «неприводимых» в цитате принадлежит самому Флоренскому, что тоже приходится отметить не без удовольствия: он явно акцентировал наше внимание на особом типе математического *не-*.

Во втором отношении, когда речь идет собственно об организации вычислительных процессов сообразно с качественными свойствами (индивидуальной формой) чисел, нам уже сейчас видится прямой выход идей Флоренского в область современных технологий, – что и предполагается далее к рассмотрению. Отметим сразу, что сам о. Павел Флоренский вполне предвосхищал или даже отчетливо видел разворачивающиеся здесь горизонты. Именно, в конце работы «Пифагоровы числа» он заговорил о возможности создания и освоения таких сфер техники, где будут передаваться и преобразовываться «не большие количества энергии, а некоторые смысловые соотношения, знаки, сигналы» [4, 646]. Здесь, в нашем теперешнем понимании, содержится абсолютно точное указание на сферу информатики и вычислительной техники, или, что то же, на область применения современных *цифровых технологий*.

Сетую на то, что «число изображенное» до сих пор еще «почти не сделано темой исследования» [4, 643], Флоренский видел самый прямой путь от чисел «вообще» к числам «в частности» [4, 641] при специальном изучении и развитии *систем счисления*. Основное направление поиска естественных – в той или иной области применения, – *изображений* чисел он указывал именно здесь. Любопытно, что в качестве одного из опорных примеров таковых естественных изображений у автора «Пифагоровых чисел» выступает *двоичная* система счисления. Задолго до прихода эры цифровой вычислительной техники, практически целиком основанной, как известно, на использовании именно двоичного способа представления

¹⁰⁷ Терминологически понятие *несводимости* впервые закреплено лишь недавно. Отсылаем читателя к нашим работам «О смысле чисел» и «Кантор *plus* Лосев (О неединственности натурального ряда чисел)» в кн.: *Троицкий В.П. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева.* – М.: Аграф, 2007. С. 189–215. Вторая из указанных работ воспроизведена в данном издании.

информации, Флоренский отмечал, в частности, что «многие вопросы теории функций легко разрешаются при пользовании двоичной системой, равно как и вопросы символической логики, например у Буля» [4, 643]. Напомним, что упомянутая булева логика или, точнее, булева алгебра ныне составляет и теоретическую и практическую основу проектирования элементной базы современных электронных вычислительных машин (ЭВМ).

Разумеется, теперь «число изображенное» изучается отнюдь не в одних только элементарных руководствах или в сборниках занимательных задач для любителей математики, как это констатировал в свое время (и для своего времени) Флоренский. Теперь уже и прогресс вычислительной техники в немалой степени определяется новыми подходами к кодированию, целенаправленному *оформлению* числовой информации. К примеру, выявлено ряд достоинств *троичной* системы счисления, более оптимальной в применении, чем двоичная система, по критерию «минимума оборудования при заданном уровне надежности». Троичная система счисления была даже в полном смысле слова *реализована* в отечественном проекте ЭВМ типа «Сетунь». Правда, до сих пор не удалось построить оптимального системотехнического элемента, который бы позволял без особых осложнений представлять не два, как в известных триггерных схемах, а три устойчивых состояния. Возможно, вычислительные устройства на троичных элементах окажутся более приспособленными для решения сложных задач *неформального (диалектического)* характера, – там, где не хватает ресурсов обычной (бинарной) формальной логики.

Как показали работы ряда отечественных исследователей (см., например, широко известные результаты А.П. Стахова в рамках так называемой *алгоритмической теории измерения*), важные преимущества имеет кодирование на основе рядов Фибоначчи. В системах такого рода используются представления чисел в счислениях с функционально связанными, причем нецелыми и даже иррациональными основаниями. Фибоначчиевы коды позволяют, в частности, принципиальным образом решить проблему переносов и «соседнего кодирования», ощутимо мешающих при использовании обычной двоичной системы (как и любых других систем счисления с целым основанием), и тем самым создается база для кардинального увеличения скорости физических измерений. Уже достигнутые результаты и, в особенности, перспективы в данной области столь интересны, что заставляют снова с почтением и удивлением вспоминать давнее предсказание Флоренского о «соответственно избранных системах счисления», которые могут быть (заметим, что Флоренский достаточно осторожен в выборе модальности) построены «с переменным по

тому или другому закону основанием», чем в итоге позволяют «самими числами выразить внутренний ритм и строй обсуждаемого явления» [4, 643].

Еще один любопытный пример предвосхищения некоторых тенденций в области оптимальной «организации вычислительных процессов» мы находим на страницах уже упомянутой работы (главы) «Приведение чисел». Здесь Флоренский ставит на первый взгляд частную и даже несколько странную задачу математического обоснования старинных практик типа «каббалистического сокращения»: исходное многоразрядное число представляется в виде поразрядной суммы, полученная сумма как новое число меньшей разрядности вновь подвергается процедуре поразрядного сложения, и так необходимо продолжать до тех пор, пока окончательная, редуцированная сумма не станет меньше основания данной системы счисления. В итоге Флоренский построил универсальный алгоритм *редукции чисел* и получил некий минимальный (вполне обозримый, описанный в конечном графическом виде) «арифметический лексикон» [5, 31–32], на своеобразном языке которого можно представить любое число произвольной величины. Нетрудно видеть, что подобного рода «сокращения» во многом связаны с задачей *повышения плотности упаковки* цифровой информации, столь актуальной ныне, при безудержном мировом росте потоков данных.

Для полноты коллекции современных поисков по-новому «изображенных чисел» укажем еще на область новых и новейших исследований, направленных на создание так называемого *квантового компьютера*. В основе названного – пока еще гипотетического, – вычислительного устройства лежит представление данных в «квантовых битах» («кубитах») вместо привычного представления в обычных двоичных единицах, в битах. Квантовый компьютер предполагает совершенно новое содержание работы с числовыми объектами, он имеет необычные свойства, связанные с квантовым параллелизмом и интерференцией (глубинной связью) вычислений. Квантовых компьютеров, что называется, «в железе» еще нет, но работы по их созданию ведутся во всем мире. Уже сейчас исследования в области квантовых вычислений заставляют во многом пересматривать фундаментальные представления о *сложности вычислений*: некоторые классические задачи, на «обычном» компьютере выполняемые чрезвычайно долго, могут решаться с немислимой скоростью на квантовом компьютере. И все дело в отыскании *более естественных*, для данного класса вычислительных задач, способов представления числовой информации.

В самом деле, современная цивилизация все больше и больше учится оперировать с числами так, чтобы (в последний раз обратимся к статье

«Пифагоровы числа») «счет действительности производился правильно, т. е. без искажения структуры считаемого» [4, 643].

Таким образом, можно констатировать, что совокупные усилия инженерной и научной мысли второй половины XX века, и теперь уже и века XXI-го вполне продвигаются – пусть во многом и не ведая о пионерских работах Флоренского, – в направлении, указанном Флоренским еще в начале XX века. В одиночестве карабкаясь на очередной «водораздел мысли» (мы затронули только один такой водораздел, отмечающий различные аспекты вычислительной деятельности человечества), о. Павел не мог, конечно, различать многих важных деталей и подробностей, многого не мог даже подозревать (например, появление проекта квантового компьютера), но зато ему раскрывались дали, – он хорошо видел, куда направляются те или иные потоки, сбегающие по склонам от этого водораздела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Том 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1998.

2. [Примечания] // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1995. С. 800–803.

3. *Вейль Г.* О символизме математики и математической физики // Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука, 1989.

4. *Священник Павел Флоренский*. Пифагоровы числа // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1995. С. 632–646.

5. *Священник Павел Флоренский*. Приведение чисел (к математическому обоснованию числовой символики). Сергиев Посад, 1916 (отдельный оттиск).

2007, 2013

К ПРОБЛЕМЕ НЕЕДИНСТВЕННОСТИ НАТУРАЛЬНОГО РЯДА ЧИСЕЛ

1. В самой, пожалуй, четкой и современной форме проблема *неединственности натурального ряда чисел* фактически поставлена и представлена в работе П.К. Рашевского «О догмате натурального ряда» (1973), где, «в порядке обсуждения» и в (несколько извинительных) рамках «письма в редакцию», выдвигается гипотеза о «принципиальном сбивании со счета», а также столь же принципиальном «невосстановлении слагаемых» по

мере продвижения в достаточно далекую часть натурального ряда, при росте величины чисел [1, 244, 246]. Укажем и работу А.С. Есенина-Вольпина «Которой проблеме Гильберта» (1969), в которой отказ от классического представления о натуральном ряде предстает как решающий момент «новой критики оснований математики» в рамках программы так называемого *ультраинтуиционизма* [2].

2. Нельзя не вспомнить здесь и главный пафос небольшой статьи Н.Н. Лузина «О множествах всегда первой категории» (1933), кажется, первым в истории науки заговорившего о «конечных недостижимых» числах и прямо указавшего при этом на «жгучую проблему о единственности последовательности целых положительных чисел», в связи с чем – но уже в другой работе – Н.Н. Лузиным даже был нарисован весьма драматический образ его (ряда) как «функции головы того математика», который в данное время и в данном месте определенно мыслит сей натуральный ряд [3, 259–260]. Советские ученые-современники по достоинству оценили столь опасные «функции головы» – а именно, когда затевалось знаменитое «дело академика Лузина», профессиональный погромщик Э. Кольман сразу же припомнил эти слова, чтобы по случаю убедительно аттестовать «воинствующий идеализм» Н.Н. Лузина [4, 18].

Возможно, поэтому даже в куда более спокойное время, но еще с некоторой опаской, предпочитал выражаться упомянутый П.К. Рашевский, когда завершал то памятное (скромно названное) «письмо в редакцию», весьма осторожно указывая на своего предшественника: «по-видимому, в чем-то родственные соображения относительно натурального ряда высказывал в свое время Н.Н. Лузин» [1, 246].

3. Качественно своеобразие области «больших чисел» достаточно хорошо выявляется и проявляется на известных трансфинитных обобщениях, которые – рассматривая их на определенном, конечно, вкус, – могут представлять парадоксальными, если сопоставлять свойства этой зоны с «привычными» свойствами малых, конечных чисел: это *ряд ординалов*, на произвольной части которого, как известно, не существует непосредственно предшествующего элемента, и *последовательность Сколема*, в которой всегда нет наименьшего элемента в произвольно взятой группе.

Таким образом, здесь вполне можно говорить о качественных неоднородностях (вплоть до разрывов в числовой последовательности), возникающих перед математиком-наблюдателем по мере движения вдоль числового ряда или «над» ним.

4. К проблеме неединственности натурального ряда можно подойти также из области «малых» чисел, если вспомнить, что *число как таковое*

далеко не всегда представлялось безликой количественной абстракцией, или что подлинной, т.е. «внутренней», собственной жизни чисел когда-то посвящались вдохновенные трактаты, и не только натурфилософского, но и художественного и даже мистического характера. Соответствующие этому настроению числовые системы известны в науке как «негомогенные» [5, 629], современной математикой они не изучаются и, скорее, относятся только по ведомству исследований архаических культур либо – если все-таки переходить к реалиям сегодняшнего дня – характерны для некоторых «пифагорействующих» мифопоэтических построений художественных произведений.

Натуральный ряд из так понимаемых «негомогенных» чисел существенно отличается от привычного ряда с тем же названием, ибо каждый его элемент существенно индивидуален и потому выделен – относительно соседей по ряду он именно выделен, и не простым наращиванием «количества», но *отличен* уже в аспекте «индивидуальной смысловой качественности» [6, 596], *выделен* по самому смыслу его содержательной неоднородности и отличности.

5. Различение «гомогенных» (т. е. качественно однородных) и «негомогенных» (соответственно, разнородных) числовых областей (систем) совершенно определенно зафиксировано еще в античности. Традицию в явном виде можно проследить, начиная со спора между Аристотелем и Платоном относительно природы «идеальных» и «математических» чисел (или, сказать иначе – *в каком именно смысле идея числа присутствует в числе?*), зафиксированным в «Метафизике» первого. Существо полемики великих философов подробно исследовано и переосмыслено А.Ф. Лосевым в известной работе «Критика платонизма у Аристотеля» (1929).

6. В порядке некоторого развития и уточнения принятого в данной традиции сочетания «идеальных» и «математических» чисел в нашей недавней работе [7] вводится представление о *несводимости чисел* в «негомогенных» числовых системах, где сам ключевой термин является попыткой адекватной передачи древнего греческого понятия *ασύμβλητος*, из той же «Метафизики» заимствованного (1080 a 19). Таковые индивидуально-семантизированные числа, скажем мы теперь, вполне можно подвергать счету, сосчитывать, но нельзя их «сводить» друг к другу, качественно их нивелировать.

7. Далее, покажем, что любое конечное число натурального ряда можно представить *несводимым*, т.е. имеющим индивидуальные приметы, и одновременно *счислимым*, т.е. получаемым в результате однородных операций арифметического характера. Тем самым, возможна «надстройка»

над обычным (в традиции – уникальным) натуральным рядом, еще одного ряда его своеобразных «копий», причем, как только появляется второй числовой «этаж», сразу становится понятным механизм роста сколь угодно высь всего числового миро-здания. С этой целью можно использовать, например, прием особого кодирования, известный как *гёделлизация*. В нумерации по Гёделю, к примеру, выражения для одного и того же числа, скажем, $4 = 2 \cdot 2$ или $4 = 3 + 1$, получают существенно разные числовые эквиваленты-копии. Система координат, возникающая при геделевской нумерации, имеет существенно «недекартовы» и «неархимедовы» свойства, – см. важные разъяснения на этот счет в работе [8, 78–82].

«Копии» чисел натурального ряда хорошо известны также в построении *диагонального метода* Кантора (как координаты «места» всякого простого числа на «маршруте» обхода числовой совокупности), причем сами эти «копии», манипуляции с ними играют ключевую роль в указанном методе.

8. Таковое представление о неединственности натурального ряда чисел в обновленном виде повторяет вопрос, в свое время и в несколько других терминах сформулированный о Павлом Флоренским – именно, вопрос об *индивидуальности чисел* и, следовательно, о *форме любого числа*. Прогресс современной вычислительной техники (особенно с недавним появлением проектов, к примеру, квантового компьютера) и развитие фундаментальных представлений о вычислениях и вычислимости прямо заставляют обращаться к более естественным (для данного класса вычислительных задач) способам представления числовой информации [9].

Назрело и необходимое (для людей мыслящих и вычисляющих) задание, – выразим его словами того же П.А. Флоренского из давней работы «Пифагоровы числа» (1922), – чтобы именно *изображенность* числа стала, наконец, существенно входить «в самый акт числового познания» с тем, чтобы «счет действительности производился *правильно*, т.е. без искажения структуры считаемого» [10, 643].

Конечно же, известные нам *форма, структура и структурность* в построениях П.А. Флоренского, – они выступают аналогом или синонимом *качества* (качественности) числа, о котором мы и дерзнули здесь говорить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рашевский П.К.* О догмате натурального ряда // Успехи математических наук. 1973. Т. XXVIII. Вып. 4 (172). С. 243–246.
2. *Есенин-Вольпин А.С.* Ко второй проблеме Гильберта // Проблемы Гильберта. – М.: Наука, 1969. С. 80–91.

3. Отчет Н.Н. Лузина о командировке на международный конгресс в Болонье, сделанный им на общем собрании АН СССР 29 ноября 1930 г. // Историко-математические исследования. Вып. XXXII–XXXIII, 1990.

4. Демидов С.С., Есаков В.Д. «Дело академика Н.Н. Лузина» в коллективной памяти научного сообщества // Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб.: РХГА, 1999. С. 9–50.

5. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 629–631.

6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1. М.: Издание автора, 1930.

7. Троицкий В.П. О неединственности натурального ряда чисел (Кантор *plus* Лосев) // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 135–140.

8. Паршин А.Н. Размышления над теоремой Гёделя // Паршин А.Н. Путь. Математика и другие миры. М.: Добросвет, 2002. С. 67–101.

9. Троицкий В.П. Идея П.А. Флоренского об «индивидуальности» математических объектов и перспективы современной информатики // София. Вып. 2. П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа, 2007. С. 110–112.

10. Флоренский П.А., свящ. Пифагоровы числа // Сочинения в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1995. С. 632–646.

2009

Небольшой комментарий от сентября 2019 года.

Выше приведены тезисы доклада, прочитанного 29 мая 2009 года на философском факультете МГУ, в рамках программы Второй Международной научной конференции «Философия математики: актуальные проблемы». Опубликованы в сборнике конференции.

Дорогое и, одновременно, трудное воспоминание: на мое выступление специально пришел акад. А.Н. Паршин, по ходу обсуждения доклада подавший сочувственную и развернутую реплику. Хотя само выступление мое, должен честно сказать, было вполне провальным, – с превеликим трудом заставлял себя говорить из-за тогдашних внутренних, так сказать, обстоятельств.

ГИПОКСИТЕМПОРОЛОГИЯ¹⁰⁸

А вот в «Марфино» пользуют нормобарической гипокситерапией. Тут пять минут дыши обычным воздухом, затем, надевши маску на лицо, воздухом инобытия, заметно разреженным, и тоже пять минут. Всякий час разграфлён, в итоге, на равные дольки, живи «в долине» и «на вершине шеститысячника».

Каждая минута подсвечена огоньками на пульте.

Живи, за лампочками следи, чередуй, дыши.

Дыханье «в горах» явно глубже и длиннее.

На очередном сеансе 12 января 2010 года

таки дошло: не только дышится иначе,
в «горном» интервале и время тянется
заметно – на глаз заметно – медленнее!

Так спустя многие годы нашёл прямое
подтверждение своей давней гипотезе,
которая была вчерне сформулирована
в статье 1982-го года о соотношении
категорий информации и времени:

о, да, «чувство времени рождено
нашим самочувствием»,
нашим дыханием и
сердца биением
нашим

Сквозь тесный лок вдоха

Дух-пневма подьѐмлет

Тяжкую цепь бытия.

Неслышимый уху

Скрежет её

Не есть ли

ВРЕМЯ

Само?

¹⁰⁸ Опубликовано в сборнике: *Троицкий Виктор. Поводы и случаи, или Exempla obiter* (М: Перо, 2016), с. 149. Миниатюру эту особенно оценила *Мила Гоготшвили*, кажется, среди очень немногих моих «пиитических» удач выделяя.

ЭНАНТИДРОМИЯ КАК ОБОБЩЕННАЯ ФОРМА ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В ряде наших работ мы уже обращали внимание исследователей на оригинальную космологическую *модель*, или *гипотезу* времени, которую не трудно обнаружить в творческом наследии Вяч. Иванова, и прежде всего, в его поэме «Сон Мелампа» (1911), мелопее «Человек» (1915) и стихотворении «Деревья» (1918). Модель выражена здесь в своеобразной мифо-поэтической форме, в наиболее развернутом виде поданной через сновидения гомеровского героя и соответствующие подробности «космологического» характера, в этом сне сообщаемые герою от имени космологических причин или начал, олицетворяемых в образе вселенских змей.

Представляется достаточным изложить эту модель, следуя космологической линии, в частности, «Сна Мелампа»¹⁰⁹ (напомним, что содержательная ткань поэмы составлена из множества мифологических пластов, данная линия – одна из многих). Так, сквозь «шип тайнозвучный и шопот» спящий Меламп получает, во-первых, главное известие об устройстве мирового целого: само по себе пространство-время не однородно, не едино, вернее, «не едина вся вечность» (99)¹¹⁰, и далее следует рассказ о загадочных морских (мировых) просторах, в которых обитают души, «вольным дельфином» ныряющие:

Движутся в море глубоком моря, те – к зарям, те – к закатам;
Поверху волны стремятся на полдень, ниже – на полночь:
Разно-текущих потоков немало в темной пучине,
И в океане пурпурном подводные катятся реки.

Меламп, конечно, заинтригован, он просит разъяснений и даже полного посвящения в тайну, и змеи соглашаются. Они берут «вещую душу» Мелампа и погружают ее в «бездны бездонные» Змеиной Нивы, где рассказ о мироздании обретает подробности уже в «пени», «звоне» и «шорохах смутных» этой Нивы. Там спящий Меламп узнает, во-вторых, что «не единая» вечность составлена из Вечных Причин и Вечных Целей. Первые из них суть «Змеи-Причины», представляющие начало женское, видимое, земное, а вторые суть «Змии Целей», представляющие начало мужское,

¹⁰⁹ Используем результаты анализа поэмы «Сон Мелампа» Вяч. Иванова, приведенные в нашей работе [1].

¹¹⁰ Цифрами в скобках даются ссылки на страницы по первому изданию поэмы «Сон Мелампа» в составе кн. [2].

невидимое, небесное. Они взаимосвязаны, образуют вселенское целое, их «обручила судьба» (100).

Далее рассказ возвращается к образу вселенского «моря», с тем добавлением, что «разно-текущие потоки» получают еще и понятийную спецификацию, нам уже отчасти известную (100):

Так из грядущаго Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антирройя Ройю встречает.

В своем прозаическом комментарии к поэме Вяч. Иванов посчитал нужным разъяснить, что Рояя, собственно *поток* (или *течение*) по-гречески и Антирройя, собственно *противо-течение* суть два «технических термина», необходимых в его метафизической концепции (105). Рояя – это поток причинности, воспринимаемый нами «во временной последовательности движения из прошлого в будущее», а Антирройя – «из будущего в прошедшее». Еще одно важное разъяснение делается поэтом относительно увязки Антирройи с Целями – именно, особо подчеркивает автор, «вопреки тексту поэмы», он принимает эту увязку «лишь условно» и советует рассматривать Антирройю просто, как «встречную причинность» (105). Другими словами, Вяч. Иванов с некоторой заметной осторожностью связывал собственные *termini technici* с известным разделением причин на формальные и телеологические, восходящим к Аристотелю.

Итак, художник нарисовал два «разно-текущих» или встречных, парно-сопряженных потока причинности и, соответственно, не один, но два *противоположно направленных потока времени*. Заметим кстати, что вместо архаичного «потока» современная культура более приспособилась употреблять образ «стрелы времени» (А. Эддингтон). Образ двух «разно-текущих» потоков, двух друг другу навстречу летящих «стрел времени», который дал нам «Сон Мелампа», требует особого внимания, ибо такой парно-встречной модели времени, в отличие от модели линейной и модели циклической (широко известных и привычных), до сих пор еще не нашлось достойного места в современной культуре.

В нашей работе «Гераклитова энантидромия в космологических образах Серебряного века» [3, 120–127] мы уже назвали ряд концептов-предшественников (разумеется, ряд этот – пунктирный, и еще необходимо специальное исследование для получения более полной картины) относительно изучаемой здесь модели времени – это метафизическое учение о «реке рождения» и встречно текущей «реке уничтожения», приписываемое

Гераклиту Эфесскому, собственно, *энантиодромия*¹¹¹, и это схема *парадигмы*, рожденная богатой наглядно-геометрической интуицией Николая Кузанского и введенная в философский оборот трактатом «О предположениях» (*De coniecturis*, около 1444). Ко времени, более близкому созданию поэмы «Сон Мелампа», относится творчество священника Павла Флоренского, в ряде работ которого также можно, и без особого труда, отыскать мотив «двух стрел времени».

Так, идея обратного течения времени во сне явно фиксируется, к примеру, в работе П. Флоренского «Иконостас» (закончена в 1922 году). Представление о двойственном (и, следовательно, антиномичном) устройстве мира, о наличии «изнанки» мира и противоположности «хода времени» на разных его сторонах развивалось им в книге «Мнимости в геометрии» (1922), а также в цикле «У водоразделов мысли» (составлялся в 1918–1922 гг.). Наконец, памятуя о «Сне Мелампа» и обсуждаемой «новой» модели времени, нельзя не упомянуть работу П.А. Флоренского «Пределы гносеологии. Основная антиномия теории знания», опубликованную в «Богословском вестнике» (1913). Развиваемая там теория «ряда потенций сознания» позволяет описывать сразу оба направления во времени – из прошлого в будущее и, попятно, из будущего в прошлое. (Разумеется, мы не можем здесь специально разбирать вопросы о преемстве и реальных идейных связях В. Иванова и П. Флоренского, имея в виду теорию «встречно-текучих потоков», это – задача отдельного историко-философского исследования).

Надо сказать, что представления о «разно-текущих потоках» времени обнаруживают также некоторые современные физические и математические теории (возможно – в некоторых случаях, только проекты таких теорий), в том числе, надо сказать, весьма экзотические, о которых уже известно современным физикам и историкам науки [3, 122–123, 126], [5, 90–92], [6], [7, 49–59], [8, 306–325], [9, 161–179]. Наконец, к указанной коллекции теорий из области точных наук следует присоединить современные психологические теории, или теории высшей нервной деятельности. Таковыми, к примеру, являются: учение К. Юнга о механизме компенсации и уравнивания

¹¹¹ «Разве есть хоть одно мгновение, когда бы в нас самих не присутствовала смерть? Как говорит Гераклит: “Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти [противоположности], переменявшись, суть те, а те, вновь переменявшись, суть эти”... и эта река рождения будет непрерывно течь и никогда не остановится, равно как и текущая ей навстречу река уничтожения...» [4, 213–214, перевод А.В. Лебедева]. Это – известный фрагмент 88 по нумерации Г. Дильса, из «Утешения к Аполлонию» Псевдо-Плутарха. Авторство Гераклита Эфесского рядом ученых оспаривается.

сознательных и бессознательных («встречных») движений психики (между прочим, Юнг прямо реанимирует термин «энантиодромия» при описании этого механизма), или учение о доминанте и системообразующих механизмах «встречного» функционально-физиологического сопротивления ей, принадлежащее академику-физиологу А. Ухтомскому. Все это, как нам представляется, говорит лишь о том, что в поэме «Сон Мелампа» поэт и философ Вяч. Иванов уловил и обрисовал действительно фундаментальную проблему.

Прибавим, что недавно выполнено обстоятельное исследование Валерия Петрова (Институт философии РАН), в котором показано весьма впечатляющее разнообразие интертекстуальных связей (в том числе идейно-генетических) и перекличек этой идеи «разно-текучих потоков» времени, обнаруживаемое в сугубо гуманитарной сфере литературного творчества; перед нами предстают здесь, в частности, имена и труды Шиллера, Шелли, Лейбница, Платона [10, 23–54].

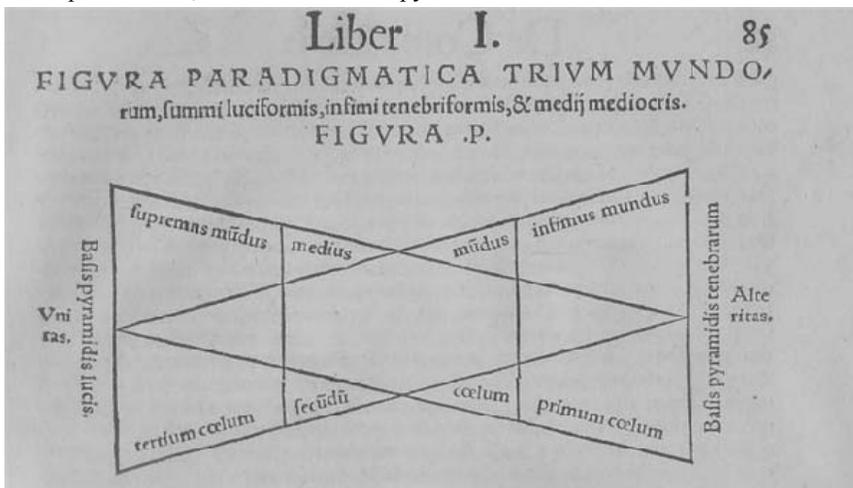
Указанные результаты и обстоятельства вполне позволяют нам выдвинуть и рассмотреть представление о некоторой обобщенной, или универсальной, форме времени, счастливо отмеченной у Вяч. Иванова и о. П. Флоренского. Обобщенность, универсальность таковой формы состоит хотя бы в том, что данная модель времени включает в себя, как вполне частные случаи, большинство ранее известных (выработанных в науке и культуре) модусов темпоральности и, может быть, *даже все* из их числа.

Для демонстрации возможностей обобщенной формы времени прибегнем к несложной геометрической абстракции, уже подсказанной по ходу нашего изложения – воспользуемся специальной «*диаграммой времён*», которую построим здесь по образцу или, вернее, в подражание «парадигме» Николая Кузанского. В указанном выше трактате «О предположениях» она графически представлена в виде двух взаимопроникающих и встречно направленных треугольников, один из которых символизирует «пирамиду света» (или «*единство*»), убывающую в сторону «тьмы», а второй – «пирамиду тьмы» (или «*инаковость*»), входящую с симметричным убыванием в область «света».

Как раз данную фигуру Кузанец предпочитал называть на греческий манер *парадигмой*, т. е. моделью, или *порождающей моделью*¹¹², и призывал использовать ее «во всех исследованиях», всячески научаясь видеть «Вселенную, сведенную усилием ума», именно, к данной универсальной

¹¹² Терминологический выбор А.Ф. Лосева; порождающей моделью он называл платоновскую *идею*, понимаемую как *парадигму*.

фигуре [11, 207]. Заметим исторической справедливости ради, что никаких отсылок к Гераклиту Эфесскому у нашего средневекового диалектика нет, как не обнаруживается и прямого употребления термина «энантиодромия». Однако специфическую стилистику «течений» и «потоков», причем *разнонаправленных*, Николай Кузанский использует в текстах не только непосредственно, но и весьма конструктивно.

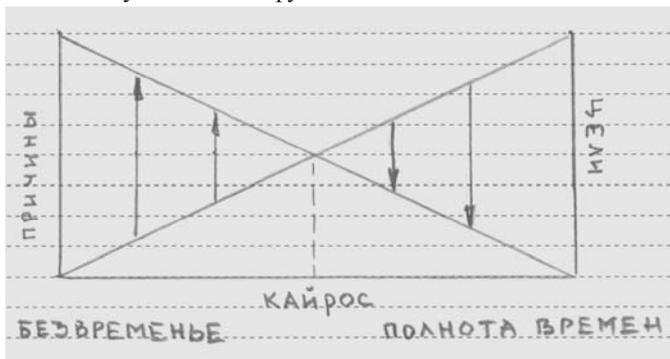

К примеру, в том же трактате, рассуждая о связях универсальных элементов (начал) и составленных из них индивидов, он говорит о «нисхождении» универсального к индивидуальному (а для индивидуального – о «восхождении» к универсальному), и прибегает далее к характерному пояснению: «индивид есть как бы конец истечения элементов и начало их возвратного течения, а самое универсальное – как бы начало истечения элементов и конец их возвратного течения» [11, 235]¹¹³.

Воспользуемся призывом Николая Кузанского и будем считать один из его «треугольников» в составе парадигмы (допустим, ориентированный *слева направо*) как поток времени, направленный из прошлого в будущее: это будет спадающая кусочно-линейная функция. Другой «треугольник» из состава парадигмы, ориентированный тогда *справа налево*, будем рассматривать как «встречный» поток времени, движущийся из будущего в

¹¹³ Укажем примечательную смену или взаимный диалектический обмен «нисхождений» и «восхождений», составляющие содержательную трудность для перевода данного места трактата (см. примечания 18 и 19 переводчика на стр. 476 указанного издания). Здесь, в этой самой смене-перемене, наиболее явственно, кажется, присутствие *энантиодромии* как таковой.

прошлое: это будет вторая кусочно-линейная функция, симметричная первой¹¹⁴. Тогда суммарная (общая, обобщенная) темпоральность, или *результатирующее время*, представляется как обычная арифметическая разность этих двух линейных функций.

На построенной таким способом «диаграмме времён» можно указать «естественные места» (топосы) фактически для всех известных форм темпоральности (всех мыслимых хроно-топов), каковыми являются:

- две формы «вечности» (как замечено у Вяч. Иванова, «*не едина вся вечность*»), которые расположены по краям диаграммы, на основаниях (базисах) «встречных» треугольников, или потоков, одна из которых суть «безвремье», а другая – «полнота времен»,

- две хорошо известные формы «стрелы времени» (таковы каждый из треугольников или потоков, взятые в отдельности), представленные в «дневной» и «ночной» жизни, по Флоренскому, или идущие, соответственно, от «причин» и от «целей», по Вяч. Иванову,

- циклическое время, которое строится по мере перемещения наблюдателя из зоны одного треугольника, или потока, в зону противоположного треугольника, или потока; сама цикличность обеспечивается сменой знака разности двух функций (графически показано направлением «стрелок»),

¹¹⁴ Здесь нам понадобится небольшая модификация схемы Кузанца. Сохраняя, конечно, в неприкосновенности базовую идею наглядной передачи самой «встречности», мы от треугольников произвольной формы переходим к *прямоугольным* треугольникам, тем самым погружая искомую диаграмму в привычную декартову систему координат, – посредством последней традиция давно научилась представлять и удерживать функциональные зависимости.

– зона темпорального равновесия, или «кайроса» (строго средняя часть диаграммы), которую выделяли еще древние греки как «точечное время», или некоторого рода «благоприятный момент» [12, 137–142].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троицкий В.П.* Об одной модели времени у Вяч. Иванова // Символ, № 53–54 (2008): Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное.
2. *Иванов Вячеслав.* Сог Ardens. Часть первая. М.: Скорпион, 1911.
3. *Троицкий В.П.* Гераклитова «энантиодромия» в космологических образах Серебряного века // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
5. *Фейнман Р.* Квантовая электродинамика. М.: Наука, 1964.
6. *Рязанов Г.В.* Путь к новым смыслам. М.: Гнозис, 1993.
7. *Буданов В.Г.* Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и смысл (синергетический опыт языка). М.: ИФ РАН, 1999.
8. *Кузнецова О.В.* Из истории физики с двумя знаками времени // Исследования по истории физики и механики. М.: Наука, 2003.
9. *Векишенов С.А.* Метафизический язык математики // Метафизика, 2012, № 4 (6).
10. *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в *Сне Мелампа* Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Euroa Orientalis*, 2017, № 29: Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова.
11. *Николай Кузанский.* О предположениях // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х томах. Т. 1, М.: Мысль, 1979.
12. *Суриков И.Е.* Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад.* М.: Кругъ, 2010.

2018

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИЗ ДНЕВНИКА

13.12.1974. Оставлю помету на этих листках – решил упорядочить свои замыслы. Чтоб не ушел «вдруг» в сторону, по обыкновению своему, вот и оставляю этот обличающий (если что) документ.

Коды – информация – энтропия. Связать эти глобальные понятия (круг идей), освоить максимум сведений из этого «треугольника», – а там, глядишь, и свое что-то появится, если окажусь дюж.

Тема действительно глобальная, очень интересная и трудная. Необходимо более упорядоченно заниматься наукой, необходимо потратить уйму времени на поиск необходимого материала. Нужно много пахать.

Да, да, нужно, всё нужно!.. Будет ли достойный результат от моих поползновений, трудно сказать. Сомневаться очень даже можно, ведь совсем мизерное у меня образование, чтоб «творить» в столь серьезных областях.

Зато интересно: это большие области математической логики, теории вероятностей, теории кодирования, да еще целую кучу «смежных» специальностей придется перечислять – ибо нет же единой науки для покрытия моего «треугольника». А как же отдел? Ведь так мало общего между моими программами (будь они трижды боевые и ультрасовременные) и этими занятиями в сферах какой-то общей информатики.

Что ж, я особенно не волен выбирать. И так будет еще долго, если не до конца жизни, – всегда останется трудная совместность увлечений и, может быть, подлинных целей жизни и выполняемых по жизни задач и обязанностей. – Ну, посмотрим, салага.

Прибавление в *августе 2019* года. Чаемый понятийный «треугольник» оформился после листания и, местами, усердного изучения известной книги А.М. и И.М. Ягломов «Вероятность и информация», которая справедливо считалась, как сказано в аннотации, «общедоступным введением в новую область математики – *теорию информации*», и вышла в 1973 году уже третьим изданием. Приобрел ее на Новом Арбате – помечено на моем (содержащем вопиющую ошибку на титуле¹¹⁵) томе – 27.10.1973: отсюда

¹¹⁵ Самая-самая что ни есть «Главная **редкция** физико-математической литературы» издательства «Наука» позволила мне, в учебных целях, немного порезвиться и подсчитать некую «информационную избыточность» (точнее,

отсчитываю начало темы *информация-на-наш-взгляд*. Как я теперь понимаю, формулировка «коды – информация – энтропия» была неудачной: она вполне могла приниматься как своеобразный конспект содержания книги товарищей Ягломов, т.е. резюмировала уже полученные *математические* результаты и предполагала некоторое движение, допустим, в сторону непочерпаемых задач подсчета энтропий конкретных типов сообщений и текстов. Мне это показалось не слишком интересным. Потому почти сразу же «треугольник» стал изменяться и трансформироваться, всё более становясь, по качеству его элементов, однородным, обобщенным и *философичным*: сначала, по ходу пробуждающегося интереса к семиотике и, соответственно, по мере отхода от тематики прикладного кодирования, он предстал как «знак – информация – время» (1977), а в итоге закрепилась конфигурация «пространство – информация – время» (1982).

Пожалуй, в одном только наш *салага* оказался на удивление прозорлив: всю жизнь его так и сопровождает или преследует «трудная совместность».

ПИСЬМО А.Н. КОЛМОГорова

4 декабря <19>75

Дорогой товарищ Троицкий!

1) Двадцать четыре года – возраст, когда еще ничего не упущено и можно начинать учиться в новом направлении. Но при одном условии: субъективной молодости, готовности чувствовать себя восемнадцатилетним.

2) Не плохо с самого начала иметь в виде приманки большую цель. Мой ученик А.М. Обухов еще школьником хотел предсказывать погоду и в самом деле сделался директором Института Атмосферы АН СССР. Цель – создавать новые, более глубокие основы теории информации – выбрана разумно. Есть надежда, что к тому времени, когда Вы будете готовы к самостоятельной работе, задача еще не будет исчерпана.

3) Но

перифразируя слова К.А. Станиславского <так!> надо «ЛЮБИТЬ НАУКУ В СЕБЕ, А НЕ СЕБЯ В НАУКЕ». Иными словами надо учиться, радуясь тому, что открывается, хотя бы оно и сделано уже другими, а потом участвовать в общем движении науки, берясь за любую очередную частную задачу, если она кажется Вам находящейся в русле движения к большим целям, не задумываясь над тем, доведется Вам самому сделать решающие

недостаточность) буквы «а» в данном конкретном написании, и быстро понять, что «в эту сторону» я не ходок.

шаги, или Ваши усилия вольются в общий поток, не будучи как-либо особо отмечены.

4) Г. Чехов недалеко от Москвы, так что учиться можно организовано. Узнайте, например, о курсах повышения квалификации инженеров на нашем Мехмате, или на факультете вычислительной математики и кибернетики. Посмотрите, какие у нас, или еще где-либо имеются семинары на интересующие Вас темы. Их перечни печатаются в сборниках «Информационные материалы – кибернетика» Научного совета по кибернетике АН СССР. См. прилагаемый номер «материалов».

Но повторяю, что жить надеждой на великие свершения без способности просто радоваться самому приобретению знаний и самому скромному участию в работе – ВРЕДНО.

Ваш А. Колмогоров

Прибавление в *июне* 2019 года. Письмо пришло на адрес моих тестя с тещей, где тогда проживала и Тамара (142300, г. Чехов-4, ул. Гагарина 45 кв. 35, на мое имя), со штампом «Лаборатории статистических методов» МГУ, обратный адрес (рукой автора): «Отпр. А.Н. Колмогоров Москва В 234, корп. Л. кв. 10». Пришло, по штампу, 12.12.1975, т.е. «ползло» неделю.

Помнится, в своем довольно жалком письме к А.Н. Колмогорову я не только спрашивал совета, стоит ли мне заниматься проблемой информации, но и сам (вот же болван!) подавал совет знаменитому ученому, – мол, давно мы, ваши почитатели, ждем появления перечня *главных тем* в математике, вроде известного «Ландау-минимума» (для физиков составленного) или «списка проблем» Гильберта, и вот не будет ли там указана, смею надеяться, задача поиска оснований теории информации... О подобном «перечне» Колмогоров, конечно, не захотел со мной разговаривать, а вот по существу дела дал исчерпывающие и нужные советы. К тому времени, правда, я уже вполне осознанно любил (как и сейчас по-прежнему люблю) «науку в себе», а не себя... ну, и так далее, однако строгость Колмогоровская была, пожалуй, явно не лишней.

Обучаться новым наукам «на стороне» мне, разумеется, никто бы не позволил, да и когда – надо было Родину защищать, Объект принимать, с «ложняками» активно бороться... Ну, и заниматься привычным делом – самообразованием. Книжки читать. Однако Колмогоров не только *очень вовремя* меня приободрил, но еще, можно сказать, *прямо направил* к Юлию Шрейдеру. Точнее же, дело было так: в драгоценной брошюре присланных тогда «Информационных материалов» [ярко-желтая обложка с красным околышем, и выходит серия давно, с 1967 года – в моих руках благодаря

Колмогорову оказался № 1 (83) за 1975 год] я проставил тогда несколько жирных галочек возле некоторых «действующих семинаров».

Глянувшись, в частности, «Проблемы кибернетики» (акад. А.И. Берг, проходил в Доме ученых), «Математические вопросы кибернетики» (чл.-корр. С.В. Яблонский, МГУ), «Алгоритмы, автоматы, грамматики» (М.В. Ломковская, МГУ), «Теория информации и теория кодирования» (д.ф.-м. н. Р.Л. Добрушин, ИППИ), «Кодирование и обработка информации в сложных системах» (д.т.н. С.И. Самойленко, Научный совет по кибернетике), «Проблемы искусственного интеллекта» (чл.-корр. Г.С. Поспелов, д.т.н. Д.А. Поспелов). Проставил галочки и потом под некоторые, было дело, даже «заходил» иногда, послушать умных людей.

Последним в этом списке оказался семинар «Проблемы семиотики» (руководители д.ф.-м.н. В.А. Успенский, к.ф.-м.н. Ю.А. Шрейдер, ВИНТИ), куда я не забредал почему-то ни разу, а вот со Шрейдера – с ним как-то быстро «списался». Впрочем, дальше следует уже совсем другая история.

А Колмогорова я больше не беспокоил. Единственное, что было возможно, когда ровно через три года напечатали в серьезном научном журнале мой опус «Экстраполяционный подход к понятию информации». Тогда я немного поколебался, слать ли статью Андрею Николаевичу, но все-таки постеснялся. Ведь даже если была в ней какая-то философская мысль, то математики же – *нет никакой*...

Да и о чем было мне поведать великому ученому, когда, посильно размышляя о проблеме информации, я «споткнулся» тогда (в математической части задачи) на самом, казалось бы, наивнейшем месте, обнаружив принципиальное и даже, пожалуй, онтологическое различие *простейших арифметических операций* сложения, вычитания и деления, каковое различие (мне опять-таки казалось тогда) математики – и философы тоже – почему-то не чувствуют и толком не осмыслили.

Только спустя многие годы (даже точнее скажу – истекло *четверть века*, прежде чем судьба даровала мне возможность работать с давней рукописью «Диалектических основ математики» А.Ф. Лосева, готовя ее к выходу в свет) пришло некоторое понимание действительной глубины этого «наивного» или «детского» вопроса:

что есть число? – ...

ПИСЬМА Ю.А. ШРЕЙДЕРА

1.

13.10.76

Дорогой Виктор!

С большим удовольствием прочел Ваше письмо. Разумеется, присылайте Ваши тексты – с интересом посмотрю и свое мнение выскажу нелицеприятно.

Факультета семиотики в нар<одном> университете ВИНИТИ нету, есть факультет по информатике, а это, судя по Вашим интересам, пустой номер.

Изучать семиотику стоит систематически. Включив туда логику. Попробуйте выписать на сл<едующий> год сб. «Семиотика и информатика» через Союзпечать. Кстати, 7-й и 8-й номера можно еще попытаться заказать на комбинате ВИНИТИ в Люберцах, эти номера еще не вышли, а они должны быть интересны.

С 1-го ноября я начинаю по понедельникам с 17 часов читать курс «Семиотика и теория систем» на биологич<еском> факультете МГУ. Может быть, Вам удастся посещать?

Спасибо Вам, что отметили мое старание по поводу Любищева и Флоренского. Этих людей я в высшей степени почитаю и они близки в чем-то главным друг к другу. Кстати, публикации Любищева есть в журн<але> «Наука и Техника» (Рига), № 8 1976. В следующих номерах будет еще Любищев и моя статейка о формальном понятии «большинства». В ВИНИТИ у меня депонирована рукопись «Язык и смысл». Может быть, она Вам будет близка – ее можно заказать на том же комбинате.

Жду Ваши тексты. Желаю всего доброго Вам, жене и дочке.

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление в *июне* 2019 года. В своем первом письме к Шрейдеру (частично сохранился черновик оногo) я немного рассказывал о себе, о своих самостоятельных занятиях (при этом зачем-то упоминалось начало работы по теме «Об иерархии толерантностей на размытых множествах», – вовсе не помню, о какой там задумывался особой «иерархии»), и далее задавал своему потенциальному корреспонденту три вполне деловых вопроса:

– можно ли простым смертным заниматься на факультете семиотики при ВИНИТИ?

– как и по каким именно источникам следует самостоятельно изучать эту самую семиотику?

– можно ли прислать к Вам, Юлий Анатольевич, на отзыв изложения моих идей, именно, а) о логических свойствах отношения толерантности, б) о новом взгляде на природу информации.

Разумеется, к тому времени, почти сразу после ответного письма Колмогорова, я уже вполне проштудировал с десяток работ Ю.А. Шрейдера, в том числе его знаменитую книгу «Равенство, сходство, порядок» (М., 1971), от которой и заразился – несколько, пожалуй, болезненным и преувеличенным, – интересом к проблеме типологии бинарных отношений. Мою заметку, вернее, эссе на сей счет Ю.А. вежливо (и, подозреваю, не без ревности, вполне понятной) разнесет в пух и прах в письме 3, см. далее. Текст заметки все-таки привожу, в «Приложении 2», дабы хоть как-то сохранить «для вечности» свою первую попытку серьезной теоретической работы. Да и хотелось бы мне передать далее (потомкам?) чрезвычайно интересную тему, как некоторую идейную эстафету.

По той же причине ввожу еще *PS*, специально для «Тропы» составленный: «О расширенной теории отношений». Заодно попробую немного, да еще и задним числом, поспорить с Юлием Анатольевичем. – Осталось разве что прибавить, что другие мои проекты, каковые закрубились тогда вокруг представлений об информации (экстраполяция, консеквентность времени, эпистемация), оказались в итоге чуть более удачливы.

Нужно ли говорить, что буквально каждая из отсылок к какому-либо имени или тексту-публикации, что регулярно появлялись в письмах Шрейдера, мною прилежно бралась, тоже буквально, на вооружение. С тем и возрос, и тогдашнее общение со Шрейдером ускоренно прибавляло мне образования и самостояния, в основном, философского.

И еще: как теперь понимаю, с самого начала меня вводили также в круг полутайного или полузапретного знания, которое в самые глухие времена «застоя» распространялось, оказывается, через систему депонирования научных работ. «Может быть, она Вам будет близка», – бросил Шрейдер осторожное слово о своей депонированной (№ 3959-72) рукописи. Я ее, конечно, заказал на комбинате ВИНТИ, и вскоре по почте пришла брошюра («получил январь 1977» – помечено мною на обложке): «Язык и смысл. Язык науки и что за ним скрывается».

Многое из того, что философ будет «в открытую» излагать после «перестройки», уже содержалось в этой рукописи 1971 года. Где ж еще можно было тогда почерпнуть, к примеру, обширные цитаты из «махровых идеалистов» вроде Вл. Соловьева или С.Н. Булгакова, да еще и увидеть их в сочувственном ключе, без полагающейся идеологической критики, или вот

такое длинное (на пять страниц) «рассуждение человека, сознательно вставшего на религиозно-христианскую точку зрения», как главное зерно теоретичной главы «Смысл и свобода выбора».

Могу теперь констатировать: конечно, не сразу, постепенно, но мне эти шрейдеровы «постановки вопросов» и «подчеркивания трудностей» стали действительно близки, очень даже близки и жизненно необходимы.

Осталось прибавить, что вместе с тем первым ответным письмом пришло от Ю.А. Шрейдера и первое его дарение – брошюра «Семиотические основы информатики» (М., 1975), выпущенная вторым изданием под эгидой Института повышения квалификации информационных работников. Дарственная надпись на обложке еще строго-нейтральна: «В.П. Троицкому с уважением от автора. 12.10.1976».

2.

21.10.76

Дорогой Виктор!

Вводная часть у меня не вызвала улыбки – Вы сказали то, что сейчас (года 2–3) упорно повторяют разные методологи науки (начиная с Б.М. Кедрова – акад<емика> и прочая). Что важен путь. Он не логичен, разорван, но всегда поучителен. Другое дело, что идя по этому пути, Вы столкнулись с не очень для меня приемлемой доктриной эволюции. Изучение Любищева убедило меня, что в эволюции естественный отбор малосущественен. Но для главного тезиса Вашего это не играет роли.

Теперь о главном: идея экстраполяции в высшей степени разумна. Мне даже удивительно, что я на нее не наткнулся – всё лежало очень близко к моим поискам. Я думаю, идея стоит хорошей разработки. Это во-первых.

Во-вторых, стоит, как ни странно, попытаться написать популярную статью – подав ее как компиляцию о разных теориях информации. Попробуйте подать идею экстраполяции как методический прием, помогающий понять суть уже известного. Не бойтесь, новизна знатоками будет понята, а пройдет так лучше. И ничто так не оттачивает стиль, как попытка писать популярно. Думаю, что я смогу поспособствовать устройству статьи в Изобр<етатель> и рац<ионализатор>, но при одном условии: если она будет действительно хорошо написана.

Посылаю Вам пару моих статей. Про фантомы прошу вернуть, а про ритуалы – это Вам подарок.

Всего Вам доброго.

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление (*июнь 2019* года). Надо подчеркнуть, что Ю.А. регулярно присылал мне свои рукописи, – заметим, или еще вовсе, или еще мало знакомому ему молодому человеку – присылал буквально «с колес», своим чередом подчас долго потом пробиваясь к собственной публикации: статья Шрейдера «Кое-что о фантомах» увидит свет в конце 1978 года, а работа «Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания» – в 1979-м. Да-да, он действительно сеял идеями направо и налево.

3.

19.11.76

Дорогой Виктор!

Случилась простейшая вещь – я выкинул конверт, не списав адрес. Хорошо, что Вы написали. Статья по информации – это интересное введение к будущей статье, но еще не статья. У Вас явно есть возможности для писания, но пока они не развиты. Выход один – писать.

Что ж Вы не подошли ко мне в МГУ?

Теперь о присланном: для кого это? Если популяризация, то нельзя опираться на готовое знание, если научная работа, то пока конкретных результатов маловато. Теорема 3 не верна. $X > Y$ антисимметрично и антирефлексивно, $X \geq Y$ антисимметрично и рефлексивно.

Удачна интерпретация [«иерархия сходного» – зачерк.] «приблизительно сходен с». Вообще из таких штучек можно сделать вполне хорошую статью для «Знания – Сила». Не попадались ли Вам «Вопросы философии» № 10 с моим выст<уплением> на круглом столе. Посылаю Вам два моих оттиска. Один явно из сферы В<аших> интересов.

Всего доброго.

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление (*июнь 2019* года): «Что ж Вы не подошли ко мне в МГУ?». – С немалыми трудностями, но мне удалось прослушать почти весь курс лекций Ю.А. на биофаке МГУ. И еще: я все-таки «подошел» *после третьей лекции*, и наши отношения, стало быть, получили новое свойство, – много большей материальности. Посмотрели друг другу в глаза. Остальное описано позднее в мемуарной части моих «Опытов» (запись *сентябрь 1998*):

ЛЕКЦИЯ НА БИОФАКЕ

Когда я в первый раз видел и слышал Юлия Анатольевича Шрейдера? Был уже в полном разгаре наш «эпистолярный роман». Накануне, в неожиданном приветливом письме, мне предлагалось вырваться из своего

леса, чтобы послушать лекции – Ю.А. тогда начинал вести спецкурс «Семиотика и теория систем» на биологическом факультете Университета. [То первое занятие состоялось 1 ноября 1976 года – вот заглянул в архивный чемодан и уточнил дату по тетради с записями лекций. Этот спецкурс Ю.А. Шрейдера по дружбе и, конечно же, вопреки официальным программам устроил ему С.В. Мейен]. Уж не помню как, но удалось сорваться с цепи службы и, на плечо откинувши язык, взбежать сюда, на Воробьёвы горы. Кажется, то было первое моё посещение Храма (или Джунглей?) Науки, так что проплутал в сих дебрях довольно долго, пока не вышел на свет костра и юные громкие голоса. Аудиторию быстро заполняли действительно говорливые мальчишки и девицы раскованных повадок, и тут мне неожиданно (покуда мы дожидались лектора) представилась любопытная возможность наблюдать за ними, выделяя среди публики характерные и симпатичные типажи и, конечно, завидовать, завидовать, завидовать...

Вон там, по правую руку, бодрая парочка (он и она в похожих «попсовых» брючках) со знанием дела и довольно громко дискутирует о применимости дисперсий по Фишеру, – а я с оторопью начинаю понимать, что их, юных биологов МГУ математическая подготовка явно приличнее, чем моя, крутого технаря-испытателя и доморощенного математика. Вот за передним столом расположился классический очкарик с плакатным видом самого круглого отличника, он преспокойно, среди галдежа, листает «Проблемы семантики» Тондла (как же, хорошо знакома; много крови попортил, прежде чем «догнал» эту книгу), чуть позже томик уже подложен под диктофон, так лекция и будет фиксироваться. Потом Ю.А., между прочим, не без удовлетворения заметит, что все лекционные записи удалось расшифровать и перепечатать, и почему-то посетует: не знаю, уцелел ли тот обширный текст? [Прошло 10 лет после составления этой заметки, и на специальной научной конференции, памяти Шрейдера посвященной, в Институте философии РАН довелось мне, наконец, познакомиться с тем «плакатным отличником» и любителем новомодной, на ту пору, логической семантики – с дорогим *Александром Александровичем Шаровым*. Давно живёт и работает в Штатах, давно лидер в целой научной отрасли, успешно развивает биосемиотику. – Пусть не много, но вкусно тогда пообщались. Он оставил росчерк, для памяти, на книге «Системы и модели» (М., 1982), которую я специально прихватил для встречи. Ведь сюда, как выяснилось, в основном и ушли те записи Шрейдеровых лекций плюс добавились главы с его, А.А. Шарова, участием, – там, где им трактован теоретико-категорный подход к информации... А было то 5 ноября 2008 года]. Вот, помню, обочь

мне, сидит долговязый юноша, всё-то время лекции занятый тем, что неотрывно и явно демонстративно читал Кэрролову «Алису» на языке оригинала (читал-читал, это точно! – я краем глаза замечал, как он то и дело чёркал рабочие пометки на полях), и в то же время, как выяснилось, внимательно следил за ходом мысли нашего лектора, – в конце вечера он встал-приподнялся, помянутую долговязость вполне обнаруживши, и чётко выдал довольно едкий и одновременно весьма дельный, впапад прозвучавший вопрос...

Вот и лектор явился. Чуть больше среднего роста, животик в наличии, грива породистых волос, столь же породист замечательно фактурный нос, глаза улыбочивы, лучатся доброжелательностью: буквально весь и во всём направлен к публике. Слегка неряшливо, немного косо сидящий и потёртый пиджак изобильно попачкан сигаретным пеплом. Голос чуть хрипловатый (выдаёт курильщика завязтого) и, кажется, временами едва заметно превышающий размеры аудитории (и курильщика глуховатого). Никаких бумажек в руках нет, речения порождаются явно «здесь и сейчас». Вот принялся бодро набрасывать какие-то алгебраические обозначения, формулки строить, и тут же слегка спутался в индексациях. Эту особенность заметил потом и на других его лекциях, – Ю.А. любил, всегда был готов тасовать и перекраивать условные значки прямо на глазах многих свидетелей, в этойкой наглядной борьбе формалистики супротив неё, – искомой (чаемой) содержательности...

Впрочем, на той лекции речь как раз и зашла о познавательных установках, о парадигмах в науке, о праве исследователя на выбор способа или даже стиля мышления. Тогда, на самой первой встрече, я уже получал от Шрейдера и первый завет: нужно относиться к научным проблемам строго-типологически и, как следствие тому, в обязательном порядке выдавливать из себя раба, раба тупого позитивизма. – Дорогой Юлий Анатольевич, как мог, я выдавливал. И давлню поныне, как могу...

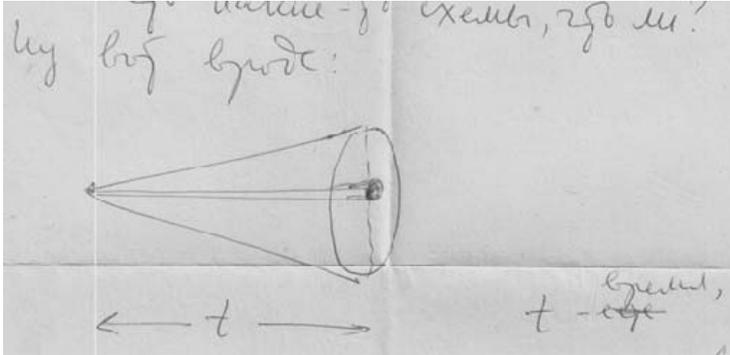
А последняя встреча, весной 1998 года, дала завет, увы, тоже последний: должно мне составить «краткого» Лосева, особо описать «диалектическую логику» его, пора через то, мол, приблизить необъятное творчество титана к широким и мыслящим массам. «Уверен, Виктор, у Вас получится»... – Будем стараться.

Так за два десятка лет Юлий Анатольевич (как две скобки зримо-чётко обрамляют повествовательную реплику) наделил мой путь в науке некими заметными вехами, ориентирами долженствования. А ещё – в сфере «общего» жизне-чувствия, – он непрерывно и исподволь сообщал завет (если угодно, третий) – завет верного пути к Новому Завету.

Дорогой Виктор!

Послал Вам сегодня Флоренского. Сообщите о получении и о впечатлении, ладно?

Ваши соображения об экстраполяции вполне кондиционны, но к ним надо добавить какие-то схемы, что ли? Ну вот вроде:

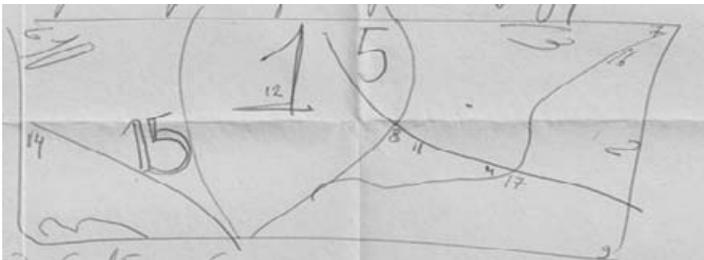

t – [есте – зачерк.] время, а чертеж – это конус естественного рассеяния событий. Экстраполяция (информация) делает поведение прицельным (см. внутренний конус).

Теперь смотрите:

- 1) есть информация J_1 – описание конуса возможностей (рассеяния событий),
- 2) есть информация J_2 – выделение пятна экстраполяции,
- 3) информация J_3 , используемая при экстраполяции.

В тексте художественном скорее всего присутствуют все три J . Они вместе дают время. Может быть, время и существует только, если есть конус возможностей?

А теперь представьте себе картинку из «Науки и жизни» – тест на внимательность, где примерно так расп<оложены> цифры.

Представьте себе, что экстраполяция дала сведения $x < 6$, а пятно на этой картинке получится очень рассеянным. Какая информация здесь велика, а какая мала? А если экстраполяция дала «попадание в первый верхний угол»?

Надо бы Вам пофантазировать с такими схемками и попробовать сформулировать серию точных гипотез про экстраполяцию. Попробуйте, ладно?

Сердечный поклон Елене Викторовне.

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление (*июнь 2019* года). Ю.А. Шрейдер прислал тогда очень хорошую ксерокопию статьи П.А. Флоренского «Обратная перспектива», пионерской публикации в «Трудах по знаковым системам» (1967). Копию снимал со своего экземпляра «Трудов». Потом были подарены еще «Пифагоровы числа», того же Флоренского.

С копированием вообще и особенно с ксерокопированием в тогдaшнее время, озаменованное неусыпным контролем «старшего брата», были о-о-о-очень большие трудности. Лишь небольшие служебные послабления, надо полагать, еще делались для «информационных работников» в том же ВИНТИ и, видимо, в ИНИОНе. Вспомнил тут же реплику Ю.А., когда я спросил, как они, технари и естественники из ВИНТИ поделили сферы влияния в информатике с гуманитариями и общественниками ИНИОНа: «Соблюдаем вооруженный нейтралитет».

Замечу, что Ю.А. всегда присылал подобные копии, как и машинописи своих статей, в виде отдельной бандероли, которая шла по почте независимо, параллельно с письмом.

Уже чисто историческая, можно сказать, подробность.

Прибавлю, что о вечных проблемах копирования и тиражирования, в том числе при распространении «самиздата» и редких книг, мне не раз и в красках рассказывали С.М. Половинкин и Н.В. Котрелёв, ветераны книжного делания в «глухое» советское время.

А с «экстраполяцией» (в коммуникативном и когнитивном аспектах) я провозился тогда довольно долго. Впрочем, разных вариантов единственной статьи о «семиотическом существовании» пришлось составить все-таки много больше, чем об «экстраполяции».

5.

9.03.77

Дорогой Виктор!

Тезисы безусловно интересны и заслуживают дальнейшего развертывания. Я не уверен, послал ли Вам статью свою «Текст, автор, семантика» из «Семиотики и информатики» вып. 7? Он к этому прикасается. Еще надо смотреть статью Любищева «Критерии реальности в таксономии» – это в сб. «Информационные вопросы семиотики, матем<атической> лингвистики и авт<оматического> перевода», вып. 1, 1970. Это я смогу Вам достать в ксерокопии. Моя лекция будет в понед<ельник> 14-го в 17.30. Это последняя, но не зависящая от других. Мы подготовили записи, так что Вы сможете все что нужно посмотреть.

Всего Вам доброго.

Ваш Ю. Шрейдер

6.

3.06.77

Дорогой Виктор!

Текст сильно выиграл, можно говорить о его публикации в сб. «Семиотика и информатика». Я хочу с ним немного повозиться – подумать о прочности рассуждений, но ответить захотелось Вам сразу.

Посылаю тезисы моего доклада на близкую тему. Надеюсь из этого сделать со временем развернутую публикацию. Это тезисы доклада в Моск<овском> обществе испыт<ателей> природы 7 апреля 77 года. (Это был Страстной четверг). Если что из этих мыслей пригодится – буду рад.

Понятие времени связано с категорией нормы, статус-кво, «быть как было». А с другой стороны, время (напор его) – это отмеченные решения, нарушения нормы и т.п. Но это – до встречи.

Всего Вам доброго.

Ваш Ю. Шрейдер

7.

27.06.77

Дорогой Виктор!

Ваш последний текст интересен, я послал его К. Левитину в «Знание–сила». Не знаю, что выйдет, но попробуем. Ко мне пришла в голову такая идея. Попробуйте эти же идеи выстроить вокруг «Алгоритма изобретения», покажите, что суть здесь в диалоге, что это не алгоритм, а эвристика (или комплекс эвристик), что в этом есть подоплека, которую сам автор алгоритма

не раскрыл, что здесь возможны дальнейшие ходы и т.д. Все в духе уже написанного. Тогда это можно послать в журнал «Изобретатель и Рационализатор» – зам. гл. редактора Юлию Эммануиловичу Медведеву. Можете сослаться, что это я Вам посоветовал, и напишите кто Вы.

Я думаю, что это уже будет иметь серьезные шансы на публикацию. Надо только выстроить всё вокруг этого алгоритма. Вопрос сейчас актуален – об алгоритме изобретения идут большие споры, автор явный рекламист, а противники его считают, что все это не научно. Ваша позиция позволяет начать трезвый разговор на эту тему. Хорошо бы снабдить иллюстративными примерами.

Всего Вам доброго.

Ю. Шрейдер

Прибавление (*июль 2019* года), относится к истории моих первых попыток публикации в широкой печати, вполне неудачных. Сначала о статье для журнала «Изобретатель и рационализатор», куда посоветовал «постучаться» Шрейдер: заметку я написал и отправил по адресу, но – увы. Правда, теперь она напечатана, см. текст «Еще раз об АРИЗе» в первом выпуске «Тропы» (там же – о некоторых привходящих обстоятельствах той не-публикации). Скажу еще об упомянутом «последнем тексте», который Юлий Анатольевич переправил Карлу Левитину в «Знания – сила». То были мои посильные размышления о новом методе «множественных гипотез» С. Смирнова, с ними я хотел тогда подключиться к обсуждению этого начинания в журнале. Статью пришлось немного переделывать (в первом варианте ее фигурировала, как ключевая, длинная цитата из книги Владимира Лефевра «Конфликтующие структуры», а этот господин взял и «выехал» в Штаты... понятное дело), новый вариант под названием «...И метод изучения науки» благополучно сочинил (в конце декабря 1977-го), быстро отправил и – и получил вежливый ответ ответственного секретаря журнала Е.А. Темчина (от 02.02.1978): «К сожалению, Вы опоздали. Дело в том, что в ближайшем номере мы публикуем отклики на статью С. Смирнова и на этом редакция решила закончить обсуждение этой статьи», далее же следовало приглашение заехать в редакцию – «может быть, мы условимся о какой-либо другой Вашей статье». Помнится, я чрезвычайно тогда расстроился, и в редакцию не поехал, и статью эту – рукопись сохранилась и лежит сейчас передо мной – даже сейчас пропечатывать (здесь, к примеру) как-то иррационально не хочется. [Немного жаль, но так пропадёт одна писательская находка. Наш молодой автор, желая критиковать «диалогизм», входивший тогда в гуманитарную моду, взял и применил весьма

нетривиальный ход, а заодно выказал некоторую эрудицию: напомнил господам методологам, что сам по себе диалог ни от чего не гарантирует и может приводить к прямо противоположным результатам, – и пришлось ему комментировать спор (о существовании абстракций) между мифическими Филонусом и Гиласом, сначала у Дж. Беркли, а потом, спустя 250 лет и с теми же героями-носителями идей, – у Марио Бунге]. А чаемый почин на страницах «Знания–сила» состоялся через четыре года. То было «Слово в похвалу чтения», как популярная переработка (или как «живенькое такое» введение для –) серьезной работы «Предвосхищение в коммуникации: время текста». Это «Слово» опубликовано в первом выпуске «Тропы».

8.

<открытка> 7.12.77

Виктор, Вы – молодец!

Поздравляю удачей. Отношу с полож<ительной> рецензией в «Семиотику и информатику» (в № 11). Надеюсь, что все будет в порядке. Всего доброго.

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление (*июль 2019* года): речь идет о моем первенце, работе «Семиотическое существование», – она, как видим, благополучно пошла в «Семиотику и информатику» за 1978 год. Увы, выход самого сборника задержится, он выйдет в середине 1979 года, и эта столь дорогая *первая публикушечка* почти сравняется по времени с выходом второй статьи, «Экстраполяционный подход к понятию информации», которая упомянута в следующем письме Шрейдера и сама увидит свет к концу 1979 года.

9.

8.01.78

Дорогой Виктор!

Я отнес Вашу рукопись об информации в редакцию НТИ вместе с отзывом. Но: нужно иметь два экземпляра, напечатанные через два интервала. Лучше это сделать побыстрее и самому связаться с редакцией, либо с Надеждой Павловной Жуковой, либо с Ильей Васильевичем, либо с Татьяной Николаевной. Им нужен и акт экспертизы, но это я Вам попробую сделать, если на работе не получается. Впрочем, попробуйте и этот вариант. Ведь я могу Вам делать только для НТИ, а Вам надо проверить и автономный канал.

Ваш экземпляр стихов возвращаю – сам знаю, что у автора всегда нехватка. Не обижайтесь за критику, само занятие я очень ценю и даже думаю, что оно необходимо. Я мог бы Вам указать шероховатости, но не в них даже дело. Дело в том, что Ваши стихи еще несвободны. Во многом они не Ваши, а только воспроизведение готовых клише. Вы это и сами поймете.

Посылаю Вам в обмен свой цикл стихов. К ним нужны, вероятно, ссылки, кои прилагаю ниже.

Всего Вам доброго.

Ваш Ю.Ш.

Примечания к циклу <далее на полстраницы следуют ссылки на Новый Завет (по главам и стихам «Евангелий» и «Деяний апостолов») для стихотворений Шрейдера «Камень», «Павел», «Иоанн»>.

Как прибавление (*июль 2019* года), привожу близкую по теме запись из своего дневника (03.05.1978):

«Странно, однако ж факт – я стал активно писать стихи. Не стоит привирать: ко мне не приходит Муза, и я не дрожу в неукротимом иступлении. Стихи для меня – удобное и свежее средство заполнить вынужденные паузы в жизни, будь то поездка в автобусе, скучное совещание или просто усталое ничегонеделание. Начинать обычно трудно, но войनावойнишка со словами быстро втягивает... Дело, конечно, не столько в изысканном времяпровождении. Кажется, влечет меня ожидание постоянной новизны – прежде всего. Удивительно (будто – сами) сплетаются слова, рождаются неожиданные-негаданные метафоры, мысль странно протискивается в теснине строгих ограничений и прихотливо прокладывает себе новый путь, подобно своенравной горной речке. Стихи – добыча и модель смысла, процесс создания стихов – модель жизни».

10.

28.12.78

Дорогой Виктор!

Ваше письмо доставило мне массу удовольствия. Дочка – это же прекрасно, даже если вторая! Знакомство с Лосевым – это событие. Это живая связь времен.

И статьи. По-моему, Вы здорово наловчились выражать свои мысли, и статья про информацию содержит важные новые идеи. Идея увеличения многообразия, расшатывания стереотипов плодотворна и очень уместно высказана. Идея экстраполяции тесно связана с идеями Бернштейна в психологии, хотя ссылку найти не могу. (Впрочем, через страницу увидел, что Вы Бернштейна цитируете). Кое в чем с Вами поспорить я мог бы, но для

этого я должен сформулировать некоторые изменения в своей прежней позиции. Я хочу заняться в январе написанием некоторого текста по информации и тогда Вам его пошлю. Тут очень важно различать информацию как многообразие и информацию об организации этого многообразия. Именно последняя определяет готовность тезауруса «понимать», но она хуже измерима. Вашу статью я и сам попробую еще осмыслить и рекомендую в НТИ.

А писать Вы стали и стилистически несравненно уверенней, появилось звучание в строчках. (Да, с актом экспертизы все улажено).

Мне кажется, что Ваша потребность писать стихи очень естественна и необходима как некий этап. Они мне напоминают стихи Чижевского. Правда, эти стихи Ваши еще не стихи – слишком много стереотипных образов, неряшлива звуковая фактура, ритм порой просто хромает – во второй строчке иной раз возникает размер отличный от первой, словесные обороты часто заимствованы, расхожи. (Не очень я на Вас навалился?!). Но вместе с тем, в этом явно есть [попытка – зачерк.] понимание, что некоторые ходы мысли только в стихе и появляются, есть ощущение хотя бы субъективной обязательности этих стихов. Будете ли Вы писать хорошие стихи или нет, это вопрос будущего. Но, что через этот опыт необходимо пройти, это точно. Не сожалейте о потерянном времени. Оно не потеряно, а найдено. Признаюсь Вам – в 1973 году я и сам начал тянуться к стихам. Кое-что переводил, кое-что написал, всего за эти пять лет – штук 200–250 стихотворений. Много откровенно неважных, но думаю, что с десяток или другой пристойных найдется. Правда, тематика у меня несколько другая. Но я по своему опыту понимаю необходимость этого занятия для души.

«Драконы» хорошо сделаны, но нельзя кончать на критике Кассирера. Тут лучше добавить более подробный разбор приводимой таблицы, которая мне показалась очень славной.

С кем Вы имеете дело в «Знание-сила»? Не с Ириной Прусс? Или с Левитиным?

Бога ради простите меня, что в тот день когда Вы позвонили, я не смог с Вами встретиться. У меня был цейтнот особый и, кроме того, вечером был выпивон, после которого необходимо было лишний час выспаться. А Вам я рад всегда и меня очень воодушевляет, что Вы растете и мужаете на глазах.

Желаю Вам всяческих благ в Новом году, здоровья детям, хорошего настроения жене и т.д., и т.д.!

Ваш Ю. Шрейдер

Добавление в *июне 2019* года. Вот, по черновику, первая часть моего письма, на которое отвечал Ю.А., с опусканием второй, более «бытовой» части оного:

Здравствуйтесь, Юлий Анатольевич!

Мне вроде есть с чем предстать пред Ваши очи, что я и делаю. Вы легко узнаете в присланном то, что я пытался излагать ровно 2 года назад – с того началось наше знакомство. Как ни странно, идеи сии ждали только одного – когда у нас родится вторая дочь (с 25 августа у меня тоже есть Машка) и когда пойду в отпуск стирать пеленки и вымучивать статью. Статья – перед Вами.

Как жил? Много было серьезного на служебном поприще, да о том говорить не придется. Из интересного же Вам могу сообщить: совершенно случайно познакомился не с кем иным, как с А.Ф. Лосевым. Ему сейчас 85 лет и живет он на Арбате. За все время знакомства (с год уже) трижды обменялись мы письмами. Ему понравились мои рассуждения о многомерности знака. К дню его рождения отправил стихи с посвящением – «В мировом масштабе». Эти стихи мне очень дороги именно потому, что их посредством смог я, кажется, доставить некоторое удовольствие великому старцу. Заговорив же о стихах, было бы не этично не послать их и Вам.

Кроме статьи об экстраполяции, шлю еще один набросок – о драконах. Предназначается он для «Знания-сила» (там уже готовится к печати моя компиляция «Что такое семиотика?») и вроде бы есть к кому слать и этот опус), но я пока не буду отправлять сие по адресу без Вашего на то благословения. Считаю, что фикции и их реальность – Ваша тема, потому мое вторжение в нее должно быть корректным.

Очень хочется повидать Вас – соскучился по умным людям. Да уж собраться ли? <...>

Еще добавление (*июль 2019* года) – об упомянутой заметке, или о скромно названном «наброске»: статья «К вопросу о драконах» в итоге, конечно, нигде не публиковалась и даже в редакцию «Знания – сила» я, кажется, так и не отправил ее. У меня был соблазн воспроизвести старую заметку здесь – не пропадать же добру! – тем более, что она Шрейдеру явно понравилась («хорошо сделана»). Но все основные идеи из этой «пробы пера» очень неплохо отобразились на страницах моих тогдашних «Опытов», так что см. ниже эссе «Матрица: Пятиглав, сиречь Стоглав во младости». Как раз там фигурирует веселая таблица, т.е. «Матрица» (она доставила ее автору много радостных переживаний, а потом и разочарований, скорее мрачных), которая Шрейдеру тоже «показалась очень славной».

Чувствую еще, что где-то в продолжении нашей «Тропы» придется прибавить несколько новых размышлений «к вопросу о драконах» и, следовательно, чуть ближе продвинуться к анонсированному сорок лет назад Стоглаву. Чувство ожидания и предвкушения, надо сказать, свежее: с удивлением обнаруживаю массу красивых (и до странного похожих на мои, юношеские или даже детские) идей, нынче осваивая «философию техники» *Жильбера Симондона* (1924–1989) и сочувственно, как собрата, оценивая его храбрые вылазки в «темную зону между формой и материей». Думается, мне еще предстоит особо обратиться к его потрясающей диссертации «Индивидуация в свете понятий формы и информации» (1958), всеми когда-то забытой как во Франции, так и у нас в Союзе; впрочем, у нас попросту, можно сказать, неведомой, – во всяком случае, всезнающий Юлий Шрейдер о революционных идеях Симондона, точно, не знал.

11.

12.01.79

Дорогой Виктор!

Эти стихи сильно лучше. Хорошо – Чюрленис. Чувствуется, что это очень Ваше и сам художник очень Ваш. Здесь нет общих мест и красивый повтор. Хорошо про науку: «смешенье бескорыстий...». «Единожды при жизни длинной» плохо одним. Нельзя сравнивать «нам дано... как не дано». Это неуклюже. Тут лучше было бы «нам дано любить – как лишь однажды нам дано родиться».

Стих «Мне – Бог, мне непременно нужен Бог», был бы очень хорош, если бы не вторая и четвертая строки. Они и по ритму выбиваются (дактилическая рифма вместо женской) и по смыслу. Вот варианты (я не пытаюсь Вас редактировать, а в предложениях высказать, что не совсем хорошо):

2-я строка

Простой как знак, как символ высшей власти

4-я

Унять свои языческие страсти.

Или

Унять нетерпеливость резкой страсти.

Я не предлагаю брать эти, но – попытаться достичь абсолютной точности. «Монотеизм» слишком академическое (богословское) слово. Здесь оно замораживает.

Исполняю Вашу просьбу. Посылаю еще свой давний стишок (я начал писать в 1973 г.) и два перевода.

Всяких Вам благ!

Ю.Ш.

P.S. Статья Ваша понравилась и редактору из НТИ Татьяне Николаевне. Присылайте поскорей перепечатку.

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление (*июль 2019* года). К письму тогда прилагались два перевода из Честертона в исполнении Шрейдера, «Мы гуманисты» и «Память племени (исповедь потрясенного дарвиниста)», а также лирическое стихотворение «Пустили побег осенние...».

Придется уж привести здесь мои рифмоиды, из числа тех, что вполне выделил мой строгий и справедливый критик. Где возможно, даю (скорый, беглый) вариант от Шрейдера, в скобках.

Воспоминание о Чюрлёнисе

В ладонях руки солнце развернули,
Что озарит улыбкою счастливой,
И музыку на полотно плеснули...

Мерцает имя на волне бурливой.

Крылом сокрыла птица океаны,
На небе четок контур Девы милой,
Под звездами молчат меридианы...

Мерцает имя на волне бурливой.

Царевны не забыть печальный зов,
Загадочной и, может, не красивой,
И одуванчик, что один среди миров...

Мерцает имя на волне бурливой.

Вселенных песни, легких ветров хоры
Рождаются под кистью терпеливой,
В простом откроются бескрайние просторы...

Мерцает имя на волне бурливой.

24.06.1978

Мне – Бог,
мне непременно нужен Бог
Простой, монотеизма порожденье,
[Простой как знак, как символ высшей власти]
Удобный, чтобы я скорее смог

Язычества унять коловращенье
[Унять свои языческие страсти]
И в самый темный угол затолкать
Кумиров непочтительно и смело,
Поспешно башмаками истоптать
Огонь, зажженный трудно, неумело,
Захлопнуть кельи кованую дверь,
Пойти дорогой ясной и прямою...
Но сомневаюсь, буду ли теперь
Не кем-нибудь, но мною,
только мною.

03.09.1978

Смешенье бескорыстных и амбиций,
Открытий, спекуляций, дефиниций,
Приправленное радостью и мукой
Привычно именуется *наукой*.

02.10.1978

12.

7.09.79

Дорогой Виктор!

Простите великодушнейше за молчание. Эти три месяца я [из-за – зачерк.] из всех сил старался написать свою диссертацию, автореферат и сопутствующие вещи. Поэтому позволил себе сбрасывать все не имеющие прямого отношения к этому делу. Вы оказались жертвой этой моей крайней ситуации.

Ответ Вам требовал определенных усилий. Идея Вашей статьи интересна, но выражена очень лоскутно. Первую статью (публикацию) мы с Вами довели до ума, и стыдиться ее не стоит. Она занимает свое законное место. Эту же тему нужно разрабатывать вглубь. Она того стоит и я готов об этом говорить, но... чуть позже. У меня 24 сентября предзащита на кафедре – там, где Вы были в МГУ – в 4 часа.

«Гум<анитаризация> знаний» ждет решения в издательстве. Пока отсрочки идут формальные. О времени Мейен написал в еще не опубликованной статье, и пока этот сборник вылетел из плана «Науки».

Пишутся ли стихи? Это важный показатель внутреннего состояния.
Пока ограничиваюсь этим текстом и сажусь за окончание своих дел.
Всего доброго!

Ваш Ю. Шрейдер

P.S. Пишите и не теряйте со мной контакта. Мое молчание чисто ситуационно.

Ю.Ш.

13.

<21.04.1980 – по штемпелю на конверте>

Дорогой Виктор Петрович!

Письмо Ваше меня очень обрадовало. Во-первых, текст получился интересный и зрелый. Это не завершение работы, а начало очень серьезных вещей по теме «онтология культуры». По-видимому, можно различать текст как сообщение (обладающий только информацией) и текст как культурное событие, созидающий «эпистемацию» и вводящий в культуру нечто не бывшее и, поэтому, бесконечно творческое. Об этом я бы с радостью поговорил бы отдельно.

Радуюсь вместе с Вами открытию о. Тейяра и Алисы. Это очень удачное сочетание и очень дорогие для меня факты культуры. Стихи очень удачны.

Статью несу в НТИ (для Сем<иотики> и инф<орматики>). Сейчас мое влияние там резко уменьшилось, но все же я надеюсь это пробить, благо объем не очень велик.

Всего Вам доброго!

Ваш Ю. Шрейдер

Прибавление (июнь 2019 года). Стихотворение о девочке Алисе, называемое «Загадка Кэрролла», вошло в состав моих «Опытов», запись от февраля 1984 года; опубликовано в составе первого выпуска недавней нашей затеи «Тропа и путь» (с. 146). Это по лирике. Касательно научной части, «физики» – Юлий Анатольевич сразу одобрил тогда (и сразу «огнес в НТИ») мою статью «Текст, информация, “эпистемация”» (НТИ. 1981. № 2. С. 1–5). Краткие реплики Ю.А. относительно последней работы очень цепко и точно ухватывали суть моего новшества. В самом деле, предлагаемое различение *информация / эпистемация* буквально заставляло говорить о разных типах реальности и, следовательно, об «онтологии культуры» и даже о «бытийной иерархии» в пространстве культуры, когда первый феномен (информация) почти всегда конечен или, в лучшем случае, лишь тяготеет к потенциальной бесконечности, тогда как второй (эпистемация) – актуально бесконечен или, по Шрейдера, суть «бесконечно творческое». Увы, продолжить это начинание – или «развивать концепцию», как настоятельно советовал более

опытный корреспондент в письме от 12 сентября 1982 года, – мне было не суждено. Лишь чуть-чуть продвинулся дальше или, скорее, чуть в сторону только по вопросу о связи информации и времени, да еще – робко и осмотрительно, – немного проговорил вслух ряд соображений о «предельных объектах» в информатике, и, пожалуй, *только* в информатике, – на широкий философский контекст пороку не хватило, даже очевидным для меня уже тогда ходом в сторону «виртуалистики» не воспользовался.

14.

<Новогодняя открытка, штемпель отправления – 28.12.1980>

Дорогой Виктор!

Желаю в Новом году очередных творческих свершений! Знаете ли Вы, что в НТИ № 2 уже утверждена Ваша статья? Вы уже вышли на уровень, когда к Вам можно относиться только как к опытному профессионалу.

Всего доброго!

Ю. Шрейдер

15.

15.09.81

Дорогой Виктор!

Рад Вашему письму и ощущаемому в нем тону. Я не очень много публиковал, ибо всю энергию отняла защита, коя и прошла 1 июня (в День защиты детей). Посылаю Вам бандеролью автореферат и вышедшую рецензию. Сейчас выходит статья о классификации в НТИ № 11, сделал статью о теории систем и написал 30 стр. рукописи о принципах прогнозирования н<аучно-> т<ехнической> и<нформации>. Вот – что могу сказать о себе.

Встретиться с Вами буду очень рад. Вопрос в том, являются ли для Вас единственной возможностью субботы и воскресенья? Если так, то давайте перенесем встречу числа на 10 октября. До этого я буду ездить на свой садовый участок. Если Вам подходит другой день, то напишите заранее, и я постараюсь быть. Особенно, если между 8 и 9 утра Вы позвоните. Только с 22 по 26 сентября я собираюсь быть на школе молодых философов в Монино.

Жду ответа и желаю всяческих благ. Искренне Ваш

Ю. Шрейдер

Дорогому Виктору Трогуну
с дружкой и верой
Ю. Шрейдер
14.09.81

Специализированный совет (Д 053.05.20)
по философским наукам

На правах рукописи

ШРЕЙДЕР Юлий Анатольевич

ЭПНОВОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
В СЕТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

(09.00.08 – Философские вопросы естествознания)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1980

16.

26.09.81

Дорогой Виктор!

Спасибо за поздравление. Буду рад Вас повидать 10 октября. Только предупредите о времени (т.е. о часе) встречи.

Всего Вам доброго!

Ваш Ю. Шрейдер

17.

15.10.81

Дорогой Виктор!

Я выяснял сегодня возможности в нашем отделе аспирантуры. При наличии соответствующего письма от начальника части все вполне реально.

Надо позвонить зав. отделом аспирантуры – его зовут Владимир Павлович, и вступить с ним в контакт, сославшись на наш с ним разговор. Он скажет все что надо сделать. Его телефон 155-43-85.

Так что все это можно пустить в ход. Как Вам мой текст об отце Тейяре? Очень рад был осуществившейся встрече, и давайте ее как-нибудь повторим, ладно?

Ваш Ю. Шрейдер

18.

19.10.81

Дорогой Виктор!

Простите, что тороплю Вас, но меня просили срочно дать посмотреть текст о Тейяре, а у меня больше нет экземпляров. Так что вынужден просить Вас срочно мне прислать. Разумеется, если Вы не прочитали, то дня два можно подержать.

Получили ли Вы мое письмо с телефоном отдела аспирантуры? На всякий случай, повторяю 155-43-85, Владимир Павлович. По-моему, этот вариант вполне серьезен.

Жду Вашей реакции на тезисы и Тейяра. Кстати, достаньте Вопросы Литературы № 9 с очень интересной статьей Давыдова.

Ваш Ю. Шрейдер

19.

4.12.81

Дорогой Виктор!

Поздравляю Вас от души. Период ученичества кончился. Вы написали работу, принадлежащую к очень редкому кругу тех, где выдана «на-гора» крупная идея. Независимо от того, что будет дальше – эта работа обеспечивает Вам определенное место в истории мысли. Я постараюсь ее опубликовать в НТИ, но хочу и другие варианты публикации посмотреть. Мне это очень нравится.

Теперь, по поводу плана, т.е. темы диссертации. По сути – это хорошо и интересно. По названию – слишком общо и не понятно, как соотнести с

НТИ? То есть надо зацепиться за практический выход – «системы-обнаружители». Чего обнаружители? Может быть, каких-нибудь регулярностей в публикациях? Или, может быть, речь идет о модели процесса информирования и так и назвать работу? Но что это за модель? Пока не могу дать отчетливых предложений, но хотел откликнуться на рукопись – подлинное достижение Ваше.

Всего доброго.

Ваш Ю. Шрейдер

P.S. Нужны ли Вам мои тезисы? Я не помню уже, дарил ли я Вам их или дал почитать, но у меня сейчас нет ни одного экземпляра и я просто хотел бы их спечатать.

Ю.Ш.

<вложена новогодняя открытка, текст красным фломастером:>

Виктор!

Всяких Вам благ в Новом году вместе с женой и дочкой!

Наилучшие поздравления с наступающим праздником Рождества Христова!

Ю. Шрейдер

Прибавление (*июнь 2019*). Так Ю.А. похвалил («обеспечивает Вам определенное место в истории мысли») мою работу «Предвосхищение в коммуникации: время текста», опубли.: НТИ. 1982. № 6. С. 1–7. Мне почему-то казалась – да и сейчас тоже кажется – более претендующей на подобное «место» предыдущая статья: «Текст, информация, “эпистемация”» (НТИ. 1981. № 2. С. 1–5). Наверное, именно такое предпочтение случилось в моем случае потому, что мысль об «эпистемации» родилась как-то внезапно, буквально громыхнув среди ясного неба или свалившись откуда-то, а вот со «временем текста» возился довольно долго, и подходы к теме понадобились с самых разных сторон, в том числе сугубо эмпирические и даже подчас крохоборские, – целенаправленно собирал, к примеру, всяческие наблюдения вокруг процесса чтения (преимущественно художественных) текстов.

Далее приведу запись из дневника 1982 года, где изложил основное содержание письма к Шрейдеру (полных копий писем я никогда, увы, не оставлял); именно на это послание он ответил в письме 20 («Нужно развивать концепцию»). А с темой в целом я немного поспекулировал через три года, в «Опытах», см. ниже миниатюру «Вам кусочком или порезать? – Куском!», но дальше «развивать концепцию» не стал. Не сумел. Вот старый набросок:

«Тезисы из письма Ю.А. Шрейдеру (06.09.1982):

1. Три понятия – информации, пространства и времени (И, П, В), – долго эксплуатировались, использовались и развивались порознь. Напрасно. Даром ли каждое из них выступает для нас неким *началом упорядочения* мира. Общее уже здесь!

2. Спор не о терминологии, речь идет о попытке просветленно-античного взгляда на бытие, в извечной тяге к гармонии, слитости, порядку.

3. Парные сопоставления, конечно, делались: этакое проведение отрезков прямых “от сих и до сих” – без должного понимания, что эти отрезки составляют цельный “треугольник”.

4. Прочерченность его “сторон” такова, как мне представляется:

– П&В – четырехмерный континуум в СТО; только нужны уточнения;

– В&И – на этом идейном стыке несколько попыток, в том числе и моя;

– И&П – здесь еще надо работать; не знаю, есть ли уже выполненные хорошие исследования.

5. Одна из возможностей строить или достроить “треугольник” – начать как раз с последней из названных “сторон”. Не есть ли И просто некая модификация П?

6. В основе концепции П лежит представление о расстоянии. Но ведь и И – тоже расстояние, только в некоем пространстве возможностей (допустим, такова “разница ожидаемого и действительного”).

7. Возможность – категория не онтологическая, а гносеологическая, а потому И – расстояние очеловеченное, идеально-релятивное, *для кого-то*.

8. Σ : расстояние “вообще” (= П) – “окрашенное” расстояние (= И) – эффект “окраски” (= В). Не уверен, правда, что в итоге получается “треугольник”; похоже, планиметрия здесь более серьезная.

20.

12.09.82

Дорогой Виктор!

Очень рад был Вашему письму. И я Вас поздравляю с публикацией!

Было бы очень хорошо нам как-нибудь встретиться. Сейчас я уезжаю в отпуск. Хочу совместить отдых в Паланге и участие в конференции «Логика и методология науки», которая там должна происходить с 26 по 29 сентября. Там я докладываю новую работу о природе научных движений. Еще у меня ожидается публикация в «Знания – сила».

А встретиться нам было бы возможно в октябре. Мне не хочется комментировать Ваши содержательные соображения, они требуют разговора. Вам уже не стоит работать фрагментарно. Нужно развивать концепцию. Но

для этого необходимо осознать собственную мировоззренческую позицию. А ее нельзя взять готовой даже у самого авторитетного для Вас человека. Поглядите в ближайших номерах «Вопросов философии» (скорее всего в № 9) статью В.М. Межуева о проблемах культуры. Но обо всем этом более эффективно поговорить лично.

Желаю Вам всяческих благ и до встречи!

Ваш Ю. Шрейдер

21.

<На карточке для шахматного соревнования по переписке> 13.09.83

В этом, безусловно, что-то есть! Надо подумать.

Ваш Ю. Шрейдер

22.

15.07. 85

Дорогой Виктор!

Мне очень понравились Ваши соображения про цели и про ценности, очень точно различие их способа бытия. Сразу хочется продолжать: цель – здесь-сейчасная, ценность – всюду-всегдашняя. Цель – [будущее – зачерк.] преодоление прошлого, ценность – сохранение прошлого. Ценность только проектируется на время-пространство, цель только в них и существует. Словом, всё это очень любопытно и важно.

Я написал зимой эссе «Этика и практика». С радостью бы Вам показал. При встречах забывал об этом сказать. То, что Вы писали в письме, очень важно и, мне представляется, глубоко верно. Надо только найти форму, в которую это следует облечь. Быть может, это надо писать как «Принципы этического поведения»?

Всего Вам доброго!

Ваш Ю.Ш.

Прибавление (прилежно рылся в тетрадках чуть ли не весь июль 2019 года): жаль, но следов моего послания («о целях и ценностях») не сохранилось, или, вернее, на сей момент не могу их сыскать среди старых записей. Помню только, что излагал тогда очень свежие (для себя, по мне) мысли о том, что «ценности» располагаются где-то вне времени, т.е. в вечности, что «цели» развернуты в особом времени, отличном от времени «причин» [но при этом довольно ясном темпоральном противопоставлении «причин» и «целей», свидетельствую, мне в голову тогда еще не приходила идея о «встречных потоках времени», об *энантиодромии*, – идее понадобился еще десяток лет

для созревания], и что вообще пора бы заново строить темпорологию и, возможно, новую информатику, наблюдая качественные различия в давно известной триаде Причины – Цели – Ценности.

Впрочем, в моем дневнике оказалась (вот, только что наткнулся!) запись, предшествующая этому письму «о целях и ценностях», она датирована 2.07.1985; вот и привожу ее:

«Снова пишу сюда, чтобы элементарно потянуть себя за язык иль потрясти грушу – вдруг что падет, хоть и не дозрев.

Различают цель и ценность, причем ценность заподозрена более первичным компонентом деятельности, чем цель. Вроде бы так: вот падает камень... трасса его падения описывает путь к цели (“упасть на землю?”)... а ценность здесь само притяжение и прочие окружающие, внешние для камня факторы, приводящие к цели (порывы ветра, всякая аэродинамика и проч.). И все-таки ясного разделения *цель / ценность* я не встречал. Это возможно? Не описательно, на примерах, а в теории, философски?

Можно попробовать представить эти категории в некотором “пространстве–времени”, точнее, различить их по отношению к пространственным и временным характеристикам. (Термины беру, конечно, сугубо рабочие и самые безответственные).

	ЦЕЛЬ	ЦЕННОСТЬ
в “пространстве”	очерчена; локальна	диффузна; распростерта
во “времени”	в будущем; установлена на кончике луча	всюду; тяготеет не к мгновению, но к вечности

Мелькнуло также смутное: отношение *цели / ценности* сродни отношению *счетное множество / континуум*. Что здесь – правда?

[Более поздняя приписка:] (Изложил Шрейдеру в письме 12.08.1985; ему “очень понравилось”»).

Друзья, есть над чем и сейчас подумать, не правда ли?

23.

4.07.86

Дорогой Виктор!

Спасибо от имени Гавриила Ардальоновича Иволгина. Ваше письмо очень адекватно выражает некоторое умонастроение, которое я с Вами полностью разделяю, хотя выражаю в своем сознании несколько иначе. [Совре – *зачерк.*] Наука возникла как способ понять нас самих и наше отношение к миру, но делает это, исключая человека из мира. Это тупик,

нужны средства познания адекватные целям – самопознанию, открытию своего отношения к миру (генетического и структурного). Рассуждение о стиле мне понадобилось, чтобы показать личностный характер знания.

Вы правы, что здесь все мы дилетанты, и наше дело выработать традицию, предуготовливать возможность профессиональной работы. Думаю, что это не противоречит Вашим высказываниям в письме. Мне они были очень приятны и созвучны. Я очень рад нашей дружбе. К сожалению, мне не удалось конкретно Вам помочь, хотя хотелось мне этого.

Всего Вам доброго!

Всегда Ваш Ю. Шрейдер

P.S. Видимо, в ИР № 8 будут статьи Г. Иволгина и Ю. Шрейдера.

Прибавление в *июне 2019* года. Сохранился черновик моего письма (датирован 27.06.1986), на которое – уже на самом закате, увы, нашего эпистолярного со-общения или со-знания (выражусь по Визгину), – столь сочувственно откликнулся тогда Ю.А. Признаться, я немного порезвился:

... Прошу передать привет господину Иволгину и некоторые мои впечатления от его недавней вылазки в «Знания – сила».

1) Кажется, изыскания по части «человеческой стороны дела» (речь о познании и его стилях) уже становятся настолько многочисленными, что невольно задаешься вопросом: с каким же всесильным демоном воюют эти силы добра? Или, чуть строже формулируя: в лексиконе методологов науки работает вполне благополучная и осторожная терминология, до сих пор плохо оформляющая корневые, исподние процессы в познании, и потому – что же не прозвучало, что не артикулировано у них?

2) Достойно – терминологически и понятийно – оформить нынешнюю познавательную ситуацию смогут только потомки наши. Против природы (против стиля и духа времени) не попрешь, не так ли? Сейчас же остается уповать на гибкость и расплывчатость *метафоры*, или на глубину художественного *символа*, ибо они хоть краешком да накрывают область жителя истины. – Рискну изъясниться еще более «мифологически».

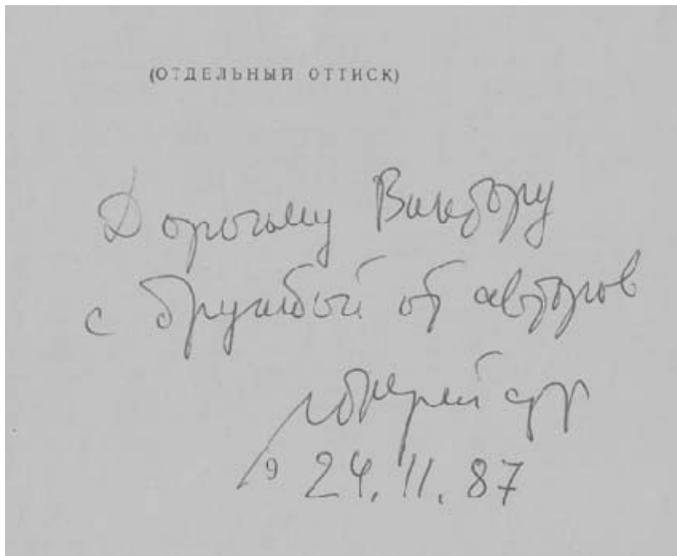
3) Строя параллель аполлоновскому и дионисийскому началам в искусстве, есть резон увидеть или выставить близкие начала и в науке: «европейское» (позитивистское) и «индийское» (гностическое?). Помечу в скобках, что параллель оппозиций можно продлить в область классической философии, помянув одиозные «объект» и «субъект». И как подлинная

диалектика видит субъект и объект во взаимном перетекании, так и наука (истинная) идет к «индо-европейской» форме. За *дефис* и драчка.

4) Превеликая ноша возлежит на плечах дилетантов. (К таковым надобно относить и ученых, профессионально занятых методологией науки или, так скажем, культурологией – их междисциплинарный статус предполагает обязательное-чего-то-не-знание). А нынешняя, конечно же, необходимая специализация не позволяет выделять достаточные творческие силы на фронтальное наведение мостов, сиречь – на смелое водворение того самого «дефиса». Наиважнейшим (для будущего) занимаются, похоже, наислабейшие (таковые, конечно, на сей час).

5) Хотя какой-то «навар» покамест может, думается, давать появление новых (или, виноват, старых – натурфилософских, к примеру) форм умствования, позволяющих сочетать дефиниции с сомнениями, аксиоматику с поэзией, изложение истории вопроса с автобиографическими признаниями, строгую логичность с играющей фантазией. Да, пусть живет некий лабораторно-эссенцистически-исповедальный жанр (раз)мышления, сугубо *вопрошающий*, а не вещающий! – Я наивен? Или смешон?

Буду рад получить листок со знакомым стремительным почерком...

Дорогой Виктор!

Очень рад Вашему письму. Мотивы совершенно не причем. Идея – очень хорошая и реалистичная. Вы правы, что нужно годик «покрутиться в среде».

Приходите 5 апреля (вторник) в Институт философии на чтения памяти Любичева (это в 10.00 в конференц-зале на 5-м этаже на Волхонке д. 14).

Может быть, Вы найдете что сказать (минут на 5)? Это стало бы первой заявкой на вхождение «в среду».

Теперь одна принципиальная вещь. Философская работа должна быть сфокусирована не на своей оригинальной идее устройства мира, а на месте сходных идей в истории человеческой мысли, их соотношения, преемственности *etc.* Для Вас хорошая тема была бы примерно такой: «Гуманитарные (или семиотические) идеи в физической картине мира». Нарушение сформулированного принципа привело к провалу диссертации Е.А. Седова – 2 года назад.

Думаю, что начинание Ваше имеет все шансы на успех, главное – Ваше хотение и целеустремленность.

Всего доброго!

Ваш Ю. Шрейдер

Наша небольшая переписка (прибавление от *июля 2019* года) здесь заканчивается. Конечно, ни в какую аспирантуру при ВИНИТИ, пусть даже заочную, меня не отпустили уже по «служебной необходимости», – к тому же всегда маячила возможность всяческих инцидентов с пресловутым «режимом секретности», при всей моей «чистой философии». И еще, наступивший 1988-й год принес две чрезвычайно важные «умопремены»: именно, с самого начала 1988 года, по делам инженерно-философско-программистским уже наступала десятилетняя *эра «Дона»*, а по историко-философским – почти одновременно, если отсчитывать от кончины Алексея Федоровича в мае 1988 года, начиналась долгая *Лосевская эпопея*, по сию пору длящаяся (к последней затее надо еще прибавить необходимое разворачивание панорамы чуть ли не «всей» русской философии). Настроения этого ключевого, переломного года неплохо отобразились в письме к Шрейдеру, которое оставило след в моей черновой тетрадке 17 декабря 1988 года. Подозреваю, заметный критический пафос письма не был подкреплён достаточно готовой «теорией», – тогда я только вслух немного посомневался, как мне казалось, вежливо и культурно:

Здравствуйте, Юлий Анатольевич!

Прочел Вашу недавнюю статью в Знание – сила [имеется в виду: Шрейдер Ю. В поисках сознания // Знание – сила. 1988. № 11. С. 50–54] и, синхронно, заметку в свежем номере Вопросы философии [Шрейдер Ю.А. Диалектика точного и неточного // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 9–11], обе о проблемах сознания, и – не позволите ли мнение?

Мне кажется, что волнующие Вас и трактуемые Вашими коллегами темы (огрубленный их перечень вижу таковым: происхождение нового; символизация и мифологика; наблюдаемость и воспроизводимость опыта; текст как зонд в сферу смыслов; сознание и большее сознание; семантика притчи и «растучесть духа», по Флоренскому), при всей их широте и значительности, не покрывают – разве что, касаются только краешком, – той гигантской области, что условно назову здесь «я-онтологией». После многолетнего общения с Вами, после изучения Любищевских текстов об уровнях реальности, после открытия для себя (благодаря Лосеву и Флоренскому) неоплатонизма и русской философии «всеединства» – уже не могу, как прежде, довольствоваться «голым» сопоставлением субъекта и объекта, а человека (субъекта познания) определять габаритами от головы до пят, от сердца до затылка, от рождения до смерти. Почему-то не дает покоя старый назойливый мотив из адвоката Патлена: «Я – это я? С чего вы взяли?» Насмешливое вопрошание XV века, произнесенное на пороге века XXI-го, звучит серьезным упреком сегодняшней ученой братии. Знаем ли мы, где пролегает *граница* – человека и его сознания? Ведь так?!

Вы уж простите мои наскоки. Возможно, я просто дичаю в своем (полу-добровольном и полу-навязанном) отшельничестве. Да еще этот недавний и еще не забытый месяц май виноват: испытывал тогда мощный, могучий подъем сил душевных, замыслы теснили друг дружку толпой веселой, и тут пришла оглушительная весть – успение Лосева...

Ощущение – будто кто безжалостно ампутировал часть твоей плоти. Я, сирый, утратил свою целостность. А болит – душа...

Где и что еще можно почитать из Ваших текстов? Какую продукцию уже выдал Межведомственный научный совет по проблеме «Сознание»? [Об этом «научном совете» – куда-то он вскоре исчез, так и не начав толком работы – и об очередной конференции по семиотике в Тарту сообщал обзор, вышедший в «Вестнике АН СССР», № 9, 1987, авторы Вяч. Вс. Иванов и Ю.А. Шрейдер; в ноябре 1987 года Юлий Анатольевич прислал отдельный оттиск, без сопровождающего письма, см. картинку выше, перед письмом 24; на две статьи Шрейдера, указанные в начале письма, и на данный обзор я и пытался реагировать]. Слыхивал я, что Вячеслав Всеволодович Иванов

собрался читать цикл публичных («про культуру») лекций – не подскажите, что да как? <...>

Со Шрейдером в дальнейшем не раз встречался и беседовал, иногда (без всякой регулярности) звонил ему по телефону, – что было, то было. Но эпистолярной коммуникации больше не случилось, и на последнее мое письмо, отчасти приведенное выше, он уже не откликнулся. Впрочем, нет, то послание – декабря 1988-го, – было предпоследнее (и я не уверен, было ли оно отправлено). А последнее мое письмо, так и оставшееся только в черновике, т.е. точно не отправленное (почему-то постеснялся? или просто не справился с трудным соединением общественного и личного мотивов, здесь помышленным?), писалось урывками в два вечера, 2 и 6 октября 1991 года, вскоре после августовского путча и наступившего тогда, как казалось, освобождения от «легкого ига» Компартии. Вот оно (отрывок):

Здравствуйте, Юлий Анатольевич!

Не могу отделаться от значительного, яркого ощущения – позвольте им поделиться с Вами, – ощущения, что в эти дни и месяцы наше духовное (да и материальное) бытие вступило в некую особую неравновесную фазу, в качестве спецификации которой вспоминается нечто из Флоренского – *растучесть духа*. (Особо остро я ощутил это в незабвенные дни конца августа года сего, но только сейчас оказался способен к простейшей артикуляции). Воистину, *что-то прорвало...*

Во всяком случае, уже одно то, что номера «Нового мира» и «Вопросов философии» с Вашими текстами дружно столпились на малом пятачке этого загадочного *сего-дня*, для меня убедительно самим наличием, самой чистой феномена. [Имелась в виду статья «Синдром освобождения» в «Новом мире» и «Движение к экуменическому сознанию» в «Вопросах философии». А всего за этот революционный 1991-й год у Шрейдера было опубликовано более 45 (!) работ]. В тот же микро-эон случай втолкнул столько еще *всякого, мне дорогого...* упомяну хотя бы выход в свет сборника «Лосевских чтений», еще недавно совершенно невозможный ни в целом, ни по специфике затронутых там тем... но нет, я не хочу что-то кому-то «доказывать».

[Далее в черновике следует вариант другого продолжения:] Говоря о собственной биографии, смело констатирую: да, в некоторые микро-зоны жизни случай (Судьба? Верховный Водитель?) втискивает столько всего, что уже в самом воздухе явственно пахнет... грозой. Как и сейчас. Я намеренно не перечисляю и не аргументирую, что же именно «втиснуто» – перечень будет индивидуален и не слишком мал, но в некоторых *фокальных точках*

(беру Ваш науковедческий термин) он обязательно пересечется с перечнем, вполне характерным для *другого* человека. Как и в нашем случае.

Главные такие точки-вешки я всегда находил в Ваших публикациях и в общении с Вами. Признаюсь теперь: не раз сознательно ставя себе задачу «освободиться» от Вашего влияния, и даже годами не читая *ничего шрейдеровского*, я всякий раз убеждался, что продолжаю держать путь именно по Вашим вешкам. Причем путь – всегда с очевидным отставанием на шаг-другой.

Так, когда я штудировал Ваши теоретико-информационные работы и по складам выучивал грамоту семиотики, Вас уже больше интересовали философские и богословские вопросы эволюции. Когда я стал вдруг соображать, что семиотика «немного в тупике», и добрался до текстов Бергсона, о. Тейяра и о. Павла Флоренского, наконец поняв, почему идея прогресса непрогрессивна, Ваша сфера интересов сместилась в область психологии сознания, на ниву когнитивности. Вот, кажется, и для меня стали вняты «бормотания» Мамардашвили, а Вы – Вы уже были заняты большой христианской этикой и делом «двух легких Европы». (Я пока еще толком не ведаю, чем и как дышу).

Разумеется, я многое упрощаю, заговорив о *путях духа*, особенно же дерзнув судить именно о Вашем пути. Но, может быть, Вы мне простите навязанные здесь сопоставления хотя бы только из соображений юбилейных: ровно 15 лет назад, в октябре 1976 года началось наше знакомство, ставшее дружбой, столь лестной и жизненно-необходимой для меня.

Потому сегодня, мысленно обозревая свою жизненную траекторию, я не могу не вспоминать о Вас. <...>

ПИСЬМА Т.Н. ЛАПЛАЙНЕН

1.

Уважаемый Виктор Петрович!

Начинаю с комплимента: редко мне нравится что-либо так, как понравилась Ваша статья. Очень оригинальная, интересная и перспективная точка зрения – простите, подход! И прекрасно написано! Несколько «капочек», как мы говорим, я отметила: подумайте над ними сами, мне не хочется нарушать Ваш стиль. Посылаю 2-й экземпляр, потому что 1-й, естественно, не будет перепечатываться. Это пойдет в набор, в 12-й номер. Если бы знала, что это так хорошо, я бы открыла Вашей статьей 1-й номер 80-го года, но теперь уже поздно. Пусть читатели получают ее на десерт. Статью верните поскорее, если с чем не согласны, а если все в порядке –

можете просто позвонить (155-44-88, Лаппалайнен Татьяне Николаевне). И еще просьба: сочините реферат побольше – можно на страницу; маленький пойдет у нас, а большие мы оставляем для Р<еферативного> Ж<урнала> «Информатика».

Пишите еще!

Т. Лаппалайнен

Прибавление в *апреле 2019* года. Дата отправки на конверте с данным письмом – 24.09.1979; чистовой вариант моей статьи «Экстраполяционный подход к понятию информации» был завершен в сентябре 1978-го, так что миновал ровно год небольшой издательской эпопеи. В выходных данных публикации значится: «Статья поступила в редакцию 29 января 1979 г.».

Редакционных пометок Татьяны Николаевны Лаппалайнен (многие годы, работая в ВИНИТИ, она входила в редколлегии журналов «Научно-техническая информация» и сборника «Семиотика и информатика», где держала, как известно, «первую ручку») было совсем мало. Главная из них коснулась списка использованной литературы: напротив пункта «15. *Гастев Ю.А. Гомоморфизмы и модели: Логико-алгебраические аспекты моделирования.* – М.: Наука, 1975» стояла ее запись: «Не уверена, что на него можно сослаться». Упоминание «одиозного» имени, действительно, тогда убрали, однако в основном тексте осталась довольно странная безымянная отсылка, – тем самым получалось, что наш автор храбро рекомендовал информационным работникам шире использовать некую «структурную эпистемологию», т.е. конкретное начинание именно Юрия Гастева, диссидента и изгнанника.

Еще один эпизод не был намечен у Т.Н. Лаппалайнен, так что великая «цензурная» драма разгорелась тогда уже без моего прямого участия. В главе «Коммуникация и экстраполяция», где давались разные примеры игры с читательской экстраполяцией, в моей рукописи, в частности, значилось: «Еще один пример уже следующего уровня – это как А.Т. Твардовский закончил свою эпопею о Василии Тёркине: только большому художнику дано столь неожиданно и, вместе с тем, столь удачно отправить героя в бюрократический ад (“Тёркин на том свете”))». Не знаю, кто именно и к чему тут придирался. Но тогда Юлию Анатольевичу, в спешном порядке (иначе статью снимали с публикации), пришлось взамен дать такой текст: «Подобные примеры на более высоком уровне экстраполяции можно найти и у больших художников. Развязка сюжета “Евгения Онегина”, казалось бы, не может предсказываться началом, где любовь Татьяны к главному герою заставляет ожидать трагических событий, но отнюдь не благополучного

брака героини». Вот такая у нас классическая художественная литература – излишне философичная, оказывается.

2.

Уважаемый Виктор Петрович!

Ю.А. работает в ВИНТИ, но в отделе «Информатика», старшим науч<ым> сотрудником. Ему можно позвонить по тел. 155-42-24 (кроме понедельника). Но он никем не руководит, нигде не выступает и какое-то время (у нас, по крайней мере) не будет печататься.

Как сам он говорит: Нельзя же, чтобы все время так везло – неприлично (!). Вот теперь не повезло (у него больше нет красной книжечки), но общаться с ним можно по-прежнему, что все и делают. Его дом<ашний> тел. 212-13-70, я думаю, он будет рад поговорить с Вами об эпистемации, например.

Кстати, почему «квазинаучные»? Я, честное слово, считаю Ваши статьи в «НТИ» лучшими (наряду с некоторыми – не всеми! – статьями Шрейдера) из того, что там было. Другое дело, что информатика сама – какой-то квазинаучный конгломерат, правда, конгломерат вполне уважаемых наук. Если не на ниве конгломерата, то на ниве одного из членов конъюнкции, мне думается, интересно трудиться человеку Ваших способностей.

Желаю Вам успехов!

Если всё останется с Ю.А. так, как есть, то это не самый плохой вариант.

Будьте здоровы.

Т. Н.

Прибавление в *апреле* 2019 года. Штемпель отправки на конверте с данным письмом Т.Н. Лаппалайнен – 28.09.1984. Это был ответ на мое осторожное вопрошание, куда пропал Шрейдер, почему не отвечает на мою корреспонденцию. А звонить к нему домой – телефон был, конечно, хорошо мне известен, – я тогда опасался, толком не зная, что случилось, и вообще-то думая, не я ли повинен в этой неожиданной эпистолярной паузе. – Но так, оказывается, к нам тихо подкрадывалась «перестройка». Как раз в 1984 году (точнее указать, по дню и месяцу, не знаю) Шрейдера исключили из партии, как выяснилось, за участие в крещении взрослого человека в католичество. Его сняли с должности заведующего сектором, вообще убрали из теоретиков и перевели на самую «низовую» работу. И великий мыслитель и создатель новых направлений в науке, успешно приближавшийся к седьмому десятку

лет своей плодотворной жизни, стал элементарным поденщиком, принялся составлять и редактировать всяческие рефераты по информатике (и здесь, как всегда, действовал с интересом, успешно и в пре-изобилии: «Виктор, нет худа без добра: судя по финансовой ведомости, я сейчас зарабатываю больше всех в ВИНТИИ»; правда, тут же прибавил не без печали: «Но теперь не смогу ничего печатать об эволюции и Тейяре»). В 1989 году – когда «перестройка» уже благополучно расцвела пышным «всё теперь можно», – он перешел на работу в академический Институт проблем передачи информации (ИППИ), под крылышко дорогого Николая Львовича Мухелишвили. И там, можно смело сказать, окончательно процвели его философские и богословские таланты.

Приведу относящуюся к этому позднему (вернее, прощальному для нас с Ю.А.) времени запись из «Дневника встреч», который я весьма прилежно вёл все 1990-е годы, активно – в перерывах между «боями», по военной службе, за новую систему ПРО, – занимаясь тогда Лосевскими публикациями (и потому часто встречаясь, конечно, с А.А. Тахо-Годи):

ДВА ВИЗИТА (20.01.1998)

На сей день, из числа заслуживающих фиксации, пришлись два кванта хорошего времени – два часа у Шрейдера (в ИППИ) и четыре часа у Азы Алибековны.

Ю.А. выглядит молодцом, он вовсе не изменился, хотя и видел я его последний раз уже без малого десятков лет назад (изредка, конечно, телефонировали), – не изменился ни внешне, ни по духовному строю. Ему я подарил сборник «Имя» и свой тверской опус о сложных системах, в ответ была им обещана – вот-вот выйдет, – книга о христианской этике. Разговор, начавшись с Лосева, порхал вокруг трудных тем истории советской науки (о злобном Кольмане и хитроумной Яновской, почему активно развивали ВИЭМ и преследовали психологов и биологов, о трудах Мао, которые курировались московскими диаматчиками, и пр.). По ходу беседы Н.Л. Мухелишвили, участвовавший в первой части разговора, подарил мне старую книжку (полный ксерокс, в добротном переплете) одного из фигурантов нашей беседы – А.Г. Гурвича о морфогенетическом поле.

На мои архивариусные вопросы была вполне конструктивная реакция. В частности, а) Ю.А. берется сыскать следы бумаг С. Яновской через ее приемного сына, ныне живущего в Штатах, и б) он считает, что в архивном фонде Любищева, в Питере искать мне будет нечего («его платонизм все-таки простенький, этакий либерально-просветительский»).

Уходил с хорошим чувством, – даже несмотря на то, что славная компания отказалась употребить принесенный мною коньяк с фруктами (Ю.А. был явно не прочь, но воспротивился Николай Львович – еще надо, мол, «нам работать»).

У А.А. сначала поговорили о составе VII тома лосевского собрания сочинений, потом продолжили (прерванное неделю назад) рытьё в бумагах – в прежнем стиле: А.А. изучала переписку 30-х годов, я внимательно перебирал бумаги, намедни отобранные наспех и предварительно. Рылись и обменивались репликами по ходу дела, сидя на ящике (А.А.) и на полу (я). <...> Но особенно почему-то взволновал листок, с обеих сторон густо исписанный планом какой-то работы, явно имяславской, по характеру примыкающей к «Вещи и имени» (указаны страницы к отдельным тезисам) и содержащей рафинированные математические рассуждения весьма общего характера – о соотношениях части и целого, актуальных бесконечностях, природе множеств¹¹⁶. Что это?!

Едва поспел на последний софринский автобус.

ПИСЬМО А.Г. КРАСНОВА

Виктор, добрый день!

Спасибо, что делишься сокровенным¹¹⁷. Такого рода потенциал ощущался давно, еще в наших полуночных беседах. И стихи, да и дневниковая проза (которая – тоже стихи, только другого цвета), – один из

¹¹⁶ В итоге разобрался: это в 20-е годы А.Ф. Лосев задумал большую работу по «переводу» (или установлению соответствий) основных положений теории бесконечных множеств и богословских утверждений имяславского характера. Спустя семь лет опубликовал работу: Имяславие и теория множеств. (Опыт медленного чтения одной рукописи из архива А.Ф. Лосева) // СОФИЯ: Альманах: Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. – Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2005. – С. 63–72.

¹¹⁷ Тогда Алексей получил по электронной почте небольшую порцию моих дневниковых миниатюр («поводов и случаев»), которыми я потихоньку стал потчевать приятелей, задолго до публикации (книга вышла в 2016 году). Лёша развернуто – целым самостоятельным трактатом! – откликнулся на крошечную идею, меня в ту пору долго не отпускавшую и отложившуюся в миниатюре «Гипокситемпорология»; она здесь воспроизведена в «Приложении 1». Мне было интересно следить, куда пошла мысль (или фантазия) Алексея, – ведь совсем в другую сторону, нежели моя, отправляясь вроде бы из общей исходной точки.

неизбежных способов самовыражения богатых натур, стало быть, сам факт существования твоих стихов не удивляет.

Удивляет конкретика: парадоксальные падения в глубину и форсажи к высокому. Эти «качели» захватывают, вводят в восторженный ступор признаками авторского «индиго», и ролят постыдное желание закрыться маской нигилизма, чтобы окончательно не оробеть перед Инакомыслием. А равно и перед поистине профессорской эрудицией.

Итак, «я – раб, я – червь», но попробую набраться наглости, и... – И что? Нуждается ли в оценках поэтическая неевклидова геометрия? А ведь именно такое ощущение возникает от прочитанного дневника.

Уж лучше (полезнее, прошу прощения за прагматизм) просто обсудить некоторые интересные фрагменты текста, а заодно кое о чем спросить у автора в плане «ликбеза». Итак, есть ощущение, что твой тезис

«чувство времени рождено нашим самочувствием»

мы уже где-то обсуждали. Но, если нет, скажу свое: чувство времени **зависит** от нашего самочувствия. Если у нас все в порядке, мы живем наиболее «подробно», и наше субъективное время тянется наиболее медленно. Информационно-временные потоки сознания не встречают физиологических преград.

Но если есть волнующая проблема, то мы живем «с пятого на десятое» и не замечаем, как *бежит* время. Добавлю из опыта: чем дольше человек живет, тем заметнее ощущается ускорение этого бега. Большинство людей, подводя итоги, уверено, что жизнь промелькнула, как одно мгновение. С другой стороны, например, сильные болевые ощущения субъективно «растягивают» время, и минуты *кажутся* часами.

Вопрос о том, **чем рождено** наше «чувство времени», неизмеримо сложнее. Если исходить из того, что время, подобно пространству, есть физико-геометрическая реальность, то, по-видимому, надо говорить о «физиологических часах», т.е. о некоем синапсическом процессе, с помощью которого сознание воспринимает эту реальность, оценивает длины интервалов времени, кодирует их и сохраняет в памяти. Есть люди, оценивающие эти длины удивительно точно. Более того, точность оценок повышается специальными тренировками. Но, насколько мне известно, в человеческом организме до сих пор не найдено ничего, похожего на «физиологические часы».

Разумеется, есть и другие версии. Например, В. Вейник объясняет чувство времени наличием так называемого «хронала».

Одна из самых, на мой взгляд, удивительных особенностей нашего субъективного чувства времени состоит том, что мы не только чувствуем его

течение, как некий реальный процесс, но и четко осознаем различие между прошлым, настоящим и будущим. И это несмотря на то, что в каждый момент для нас физически не существует ни прошлое, ни будущее, а только настоящее, как «мостик нулевой протяженности», как мгновенный скачок из прошлого в будущее, из ниоткуда – в никуда.

И если теоретически этот мостик преодолевается за бесконечно малый (точечный) промежуток времени, то практически инерция восприятия (и, в частности, процесс запоминания только что происшедшего) «растягивает» этот мостик до некоего конечного временного интервала. В этом интервале мы осознаем прошлое, как цепочку образов событий, объединенных причинно-следственной связью. То есть, в нашем сознании время существует не как самостоятельный физический фактор (если априори согласиться с наличием такого фактора), а в иной, информационной форме.

А обозримое будущее мы экстраполируем из прошлого, как наиболее вероятную модель из множества возможных моделей еще не происшедших событий, и также удерживаем эту модель в памяти, в виде цепочки образов будущих событий, объединенных причинно-следственной связью.

Массивы образов прошлого и будущего хранятся в нашей памяти одинаковым способом, и есть вероятность их пересечения. Поэтому иногда люди бывают убеждены, что смоделированное ими будущее событие уже произошло. И стоит большого труда убедить их в обратном. Иными словами, мы иногда принимаем желаемое за действительно происшедшее.

Но хочется обсудить одну интересную гипотезу, из которой следует, что информационные событийные цепочки хранятся не только в человеческой памяти. Феномены Нострадамуса, Вольфа Мессинга, Ванги (недавно на ТВ отмечалось столетие со дня ее рождения), Эдгара Кейси и многих других прорицателей заставляют предположить, что в сознании этих людей цепочка событий прошлого **не ветвится** (в точке настоящего) на счетное множество возможных цепочек событий будущего, среди которых есть более или менее вероятные цепочки. Она не ветвится, как у обычных людей, а присутствует, как единственная, строго однозначная цепочка будущих событий – именно тех, которые впоследствии произойдут со стопроцентной вероятностью. И вся-то задача, решаемая этими людьми-феноменами, заключается в более или менее качественной настройке на некий информационный канал, из которого к ним поступает искомая цепочка событий в готовом виде.

Невыносимо тяжело поверить в Предопределенность. Ибо для Богом избранных людей-феноменов понятие «вероятность события», столь необходимое и часто используемое в самых различных сферах нашей жизни,

есть не более чем «умная ненужность». Ибо уходит в небытие усилиями многих и многих блестящих умов построенная концепция физической картины мира. Ибо теряется свобода воли, а вместе с ней и самый смысл человеческого существования – отныне его невозможно сформулировать и чем-то оправдать.

Удивительно, что и в научной, и в художественной литературе проглядывается тенденция связывать способности людей – феноменов именно с пятым измерением.

Возьму на себя смелость слегка порассуждать на эту тему.

Первое, что бросается в глаза при попытке перекинуть логический мостик из нульмерного мира в миры более высоких мерностей, – это то, что последние занимают и больше места: точка не занимает никакого места; линия занимает больше места, чем точка, поверхность – больше места, чем линия, и т.д. По индукции получаем, что пятимерные объекты должны занимать больше места, чем четырехмерные, и т.д. Математически можно построить бесконечномерный объект, но физически возрастание мерности, по ощущениям, должно иметь предел.

Далее. Объект следующего измерения образуется, как след от движения объекта предыдущего измерения: линия – след движения точки; поверхность – след движения линии; тело – след движения поверхности.

Далее. Объект следующего измерения формируется только в том случае, если объект предыдущего измерения движется по направлению, *не содержащемуся в нем самом* (если, например, линия движется вдоль самой себя, то поверхность не образуется).

Далее. Предположим по индукции, что четырехмерный объект образуется как след движения трехмерного объекта по направлению, не содержащемуся в нем самом.

Возникают вопросы: что физически представляет собой это **новое направление**, не содержащееся в трехмерном пространстве? Как выглядит след движения трехмерного объекта по новому направлению?

Пока очевидно, что, двигаясь по новому направлению, трехмерный объект перестает быть тождественным самому себе (потому что линия не тождественна точке, поверхность не тождественна линии, и т.д.), и трансформируется в объект мерности, на единицу большей.

Также (по индукции) очевидно, что четырехмерный объект должен представлять собой континуум себестождественных трехмерных объектов, точно так же, как линия – это континуум точек, поверхность – континуум линий, и т.д. С возрастанием мерности возрастают и мощности континуумов.

И, наконец, очевидно, что если четырехмерные объекты существуют и занимают какие-то места, то должна существовать и совокупность мест (занятых или свободных), т.е. должно существовать пространство большей (5-й) мерности.

Далее. Предположим, что мир стянут в точку, и мы находимся внутри нее. В этом случае мы, вообще говоря, не можем знать, как выглядит линия (тем более – поверхность, или тело). Следовательно, чтобы увидеть четырехмерный объект целиком, необходимо наблюдать его не изнутри, а снаружи, т.е. из 5-мерного пространства.

Но в какой степени возможно обратное? Возможно ли, находясь в пространстве мерности n , наблюдать хотя бы отдельные элементы объектов мерности $n+1$? Не исключено, что возможно, ибо если, например, мы жили бы в плоскости, то смогли бы наблюдать *сечения* 3-мерных объектов нашей плоскостью.

Аналогично, живя в 3-мерном мире, в принципе, возможно ощущать фрагменты 4-мерных объектов, пересекаемые нашим 3-мерным пространством.

А теперь посмотрим, прояснится ли картина, если предположить, что четвертой пространственной координатой 4-мерного объекта является то, что мы называем «временем» (пространство Минковского). В пользу геометрической природы времени говорят его тензорные свойства (в частности, способность сжиматься).

Предположим, что четвертая протяженность, «выпадающая» из трехмерия, так специфически влияет на наше восприятие, что при пересечении трехмерия 4-мерным объектом (пространственно-временным континуумом) у нас возникает иллюзия движения. На самом деле в нашем трехмерии «движется» не что иное, как **сечение** 4-мерного объекта, тогда как сам 4-мерный объект расположен в 5-мерном пространстве, и не движется.

Это *мнимое движение* сечения четырехмерия и заставляет думать, что время по своей природе отличается от пространства, ибо, живя в трехмерии, мы не в состоянии воспринимать время «буквально», т.е. как еще одну (4-ю) протяженность. Иными словами, наше восприятие времени есть не что иное, как *дискретное, пошаговое сканирование 4-й пространственной координаты*, вдоль которой расположены все прошлые и будущие «трехмерные» события.

Отсюда, в частности, следует принципиальная возможность «мгновенного» восприятия информации из любой точки прошлого и будущего Вселенной.

Заметим, что гипотеза о *мнимости движения времени* – лишь одна из множества различных подобных гипотез.

Например, в литературе упоминается, что прародителем слова «время» было славянское «вертмя», а в санскрите есть похожее по звучанию слово «*vartman*» (колея, след от колеса). Если согласиться с тем, что суть вещей отображается в их именах (Сократ), то можно предположить наличие связи сути времени с вращением. Действительно, в рассуждениях античных мыслителей время связывалось с бегом по кругу (Прокл). Утверждалось, что все происходящее уже происходило бесконечное число раз, и период этого круговращения составляет 36 000 лет (Платон). Но Лукреций, например, считал, что времени, как самостоятельного начала, не существует. Платон утверждал, что время и движение – это одно и то же. Аристотель был уверен, что время – мера движения. Зенон выявил логическое противоречие в самой природе движения (через 13 веков Гегель объявил, что зеноновское противоречие – *быть в одном месте и одновременно в другом* – является сутью движения). Архимед, рассмотрев движение по спирали, создал основу для примирения сторонников линейного и циклического движения времени.

Но наиболее осязаемый и своеобразный теоретико-экспериментальный вклад в раскрытие природы времени внес, безусловно, Н.А. Козырев.

Он, в частности, предположил, что скорость хода времени во вращающемся волчке отличается от скорости «мирового» хода времени тем, что к скорости «мирового» хода добавляется (векторно) относительная линейная скорость вращения волчка. И что различие скоростей должно экспериментально проявляться в неодинаковых деформациях волчка при вращении его в противоположных направлениях.

Но проверить свое предположение на малоразмерном волчке было невозможно, так как относительно малые деформации волчка, обусловленные разницей скоростей хода времени, поглощаются большими деформациями из-за воздействия центробежных сил.

Наиболее подходящими «волчками» для проверки оказались планеты. Они обладают большими скоростями вращения при относительно малых центробежных силах. Заметим, что большинство планет Солнечной системы вращается против часовой стрелки (при взгляде на каждую из них с ее северного полюса). Согласно гипотезе Козырева, если планета вращается против часовой стрелки, то на ее быстро вращающуюся экваториальную зону должна воздействовать деформирующая сила, направленная на север. А на медленно вращающуюся зону, расположенную вблизи оси вращения – деформирующая сила, направленная на юг.

Таким образом, вблизи северного полюса планеты должна быть впадина, вблизи южного – выпуклость, а экваториальная зона должна несколько сместиться к северу, из-за чего южное полушарие должно удлиниться, а северное – укоротиться. Меридиональное сечение такой деформированной сферы выглядит, как кардиоида. И это предположение о формах планет блестяще подтверждается астрономическими измерениями, а в случае Земли – фотографиями из Космоса.

Заметим в скобках, что, согласно исследованиям И.П. Шмелева, эта кардиоида («луковица») есть трехмерное сечение четырехмерной сферы.

Из сказанного следует, что Н.А. Козырев рассматривает время, как энергетический фактор, воздействующий на материальные тела. Более того, согласно его теории, все физические процессы во Вселенной происходят либо с выделением, либо – с поглощением *времени*. При этом звезды являются генераторами времени, а черные дыры – его поглотителями.

Таким образом, теория Козырева противоречит гипотезе о мнимости движения времени.

Вернемся снова к людям-прорицателям. Сам феномен их мысленного (или образного) проникновения в будущее, являясь уникальным, в то же время многократно подтвержден и с некоторых пор не вызывает сомнений даже в научных кругах. Попытаемся сделать очень грубый эскизный набросок мироустройства, не противоречащего этому феномену.

Вообразим, что мы находимся в 5-мерном мире и разглядываем 4-мерный объект (пространственно-временной континуум, ПВК).

Первое, с чем надо согласиться, как с необходимым условием нашего воображаемого 5-мерного существования, - это с тем, что оно происходит **вне пространства и вне времени**, т.е. наш способ существования, по определению, принципиально иной.

Второе необходимое условие: разглядываемый нами из пятимерия пространственно-временной континуум включает в себя **всю совокупность событий прошлого и будущего**, с момента возникновения Вселенной и до ее гибели.

Третье: находясь вне времени, мы видим все события ПВК **совокупно** (но не одновременно, ибо в пятимерии понятие «одновременность» отсутствует).

Четвертое: имея перед глазами «погруженную в пятимерие» неподвижную матрицу всех 4-мерных событий, мы воспринимаем эту матрицу, как некое **конечное информационное поле** (мы используем термин «конечное» из ПВК, за неимением иного), и у нас есть мгновенный доступ («мгновенный» – термин из ПВК) к каждой «ячейке» этого поля, т.е. к

каждому 4-мерному событию из прошлого или будущего. Таким образом, в пятимерии каждая пространственно-временная ячейка матрицы ПВК является чисто **информационной**.

Грубо говоря, находясь вне времени в пятимерии, мы воспринимаем информационное поле ПВК *целиком*, как некую развернутую 4-мерную «киноленту», на которой записана вся история Вселенной. Эта «кинолента» в пятимерии покоится, т.е. существует в потенциальной форме, а в четырехмерии – управляет физической реальностью, непрерывно ее изменяя в соответствии с записью на «киноленте». Каждая ячейка информационного поля ПВК, хранящегося в пятимерии, – это мгновенный 4-мерный (пространственно-временной) «событийный снимок» непрерывно изменяющейся Вселенной.

Заметим в скобках, что данный подход открывает возможность новой трактовки противоречия между движением и покоем, но это – другая тема.

Пятое: чтобы настроить свое восприятие на конкретную ячейку (группу ячеек) матрицы ПВК, ясновидец – прорицатель формирует в своем сознании и отправляет вовне определенный **сигнал**. Таким сигналом может быть образ, прошение, текст молитвы, и т.п., резонирующий с конкретной ячейкой (группой ячеек) матрицы ПВК.

Итак, согласно данной гипотезе, прорицатели настраиваются на определенную *область* матрицы ПВК (не важно, из прошлого, или из будущего) и получают соответствующую информацию о событиях, которые произошли или произойдут. Почему лишь немногим людям открыт доступ в пятимерии – загадка трудноразрешимая для меня. Можно лишь констатировать, что феномен прорицания (ясновидения, пророчества) иногда возникает в результате воздействия негативных физических факторов (смерч, разряд молнии, и т.п.).

Не могу не поддаться искушению пофантазировать. Представим себе многочисленное «бесплотное» семейство, прекрасно живущее в пятимерии. В семействе есть дети, желающие поиграть с матрицей ПВК, как с интересной игрушкой. В отсутствие взрослых любопытный и талантливый ребенок-хакер взламывает защиту ПВК-матрицы и начинает играть. Он прикасается пальчиком к событийным ячейкам, а в результате во Вселенной сталкиваются Галактики, взрываются Сверхновые, возникают Черные дыры... Или происходит совсем ничтожное (во вселенском масштабе) событие: бракосочетание или развод, например.

На этом – пока заканчиваю. Спасибо. Если было интересно, то дальнейшие комментарии пришлю позже.

Алексей 23.03.2011

Спасибо, Алексей, за весточку!

Приятно было узнать о твоих ощущениях от этих моих сырых писаний, все-таки, скорее, отходов жизненного цикла имярек.

Заметка твоя (вообразим, как доволен и польщен будет автор, ежели на каждое его пустяковое «четверостишие» появится такая вот развернутая реакция!) очень интересна, и во многом мне близки подобные «дедукции» времени или, вернее сказать, эти построения для меня – во многом уже «пройденный этап». (Теперь мне хочется думать, в частности, что время имеет достаточно самостоятельную природу, что оно – не «вид» или «подвид» пространства, но особая реальность, причем все-таки не первичная, и как раз генетически связанная с поминаемой информацией). Между прочим, идея опространствливания времени, времени как эн-плюс-первого измерения формулирована еще в позапрошлом веке Хинтоном, английским физиком-мистиком, а потом была подхвачена нашим П.Д. Успенским. Не вдаюсь в дальнейшее обсуждение (покамест), взамен шлю программу семинара Александра Левича, – помнится, я тебе говорил об этом семинаре, на биофаке МГУ: там народ занят проблемой времени всерьез и издавна, да и я, грешный, иногда у «темпорологов» этих выступаю (вот и в апреле значится мой докладец). На некоторые заседания к ним я планирую в дальнейшем появляться, – но беда в том, что многие вторники (а они работают по вторникам) у меня сейчас крепко заняты. Ты-то человек (теперь и нынче) более свободный, – почему бы не к Левичу тебе лежит дорога?

А последующие замечания и реплики – шли, конечно! Я рад, что эти плохонькие «поводы и случаи» дают тебе хороший повод размышлять.

Встречей с Ерофеевым я *тоже* вполне доволен. Признаться, не ожидал от его мемуаров столь явной четкости и содержательности. (Прости, что не попрощался с тобой по окончании – тут на наших посиделках всегда закруживают люди и обстоятельства, да и еще мне нужно было успеть переговорить с Ерофеевым о дальнейших затеях, – а они планируются).

Жду тебя на вечере, посвященном 50-летию первого перехвата ракеты ракетой, вечер планируется в «Доме Лосева» 7 апреля. Попробую придать этому вечеру философический оттенок, во всяком случае, поговорить о волнующей меня встрече с феноменом «сложной системы», вернее, с феноменом *сложности как таковой*. Среди прочего, будет показан небольшой фильм о «системе А», специально сделанный в свое время для Никиты Хрущева. Афиша скоро появится на нашем сайте.

Пиши. Виктор.

24.03.2011

Прибавление (*июнь 2019* года). Тот вечер, приуроченный к юбилею сотворения «системы А», благополучно и в срок состоялся, я всё рассказал и показал, как и обещал друзьям. Из наших чернецких на вечере были Паша Турыгин, Саша Романенков и Лёша Краснов; собирался еще Толя Цаплин, но он не смог тогда вырваться из своего неостановимого конструкторско-испытательского кружения.

Лёше оставалось жизни чуть больше трех месяцев, он так и не попадет «к Левичу», да и новую порцию «Поводов и случаев» не получит: его собьет автомобиль, прямо на «зебре» его родной московской улицы с тихим сельским названием «Березовая аллея», и крепкого, здорового, фонтанирующего идеями мужика не станет в несколько дней («стеклянное сердце»). Плачущая Лида, супруга сообщит о его смерти на мобильник, когда я как раз открывал «лагерную» научную конференцию на Беломорканале, быв во граде Медвежьегорске – «вчера, 5 августа»...

«Богатая натура» – это как раз об *Алексее Геннадиевиче Краснове* (01.08.1941–05.08.2011). У него помимо всегдашних инженерно-технических затей был особый «пунктик» или, прошу прощенья, хобби – всю жизнь, и сугубо «для себя», он возился с диофантовыми уравнениями (самая, наверно, изящная тематика в алгебре и теории чисел), неустанно шлифовал какие-то новые способы их решения. Одна его давняя заметка на сей счет у меня хранится (он очень хотел показать ее академику Паршину и даже, кажется, встречался с ним по этому поводу): «Об одном алгоритме решения неопределенных уравнений вида $AX - BY = C$ », с весьма изящным решением подобных уравнений без использования общепринятого «алгоритма Евклида».

Можно прибавить о нем и «из другой оперы».

Лёша был тонкий знаток и ценитель классической музыки. А еще он упорно сочинял философский роман, на материалах из современности и не без очевидной фантастики (точно знаю от него самого, что ему очень хотелось отобразить особую мистику событий 1991 года, – он был активным участником «обороны Белого Дома»). Но Лёша так и не показал своего текста, ибо к каждому, буквально, порождаемому и порожденному слову относился слишком требовательно и трепетно. А еще он, по случаю, вручил мне самый интересный и, в то же время, самый критичный отзыв на мою давнюю книжку о сложных системах – еще на ее рукопись, более-менее законченную (этот отзыв появится, надеюсь, в нужном месте нашей «Тропы»). И с особенной благодарностью и, вместе, печалью вспомню: мне от него не раз доставалась дружеская головомойка – мол, нельзя так

разбрасываться и по-дурачки «сеять идеями», лучше бы оседлать одну-единственную и довести ее до классического великолепия...

Об одном таком «сеянии» или, вернее, рассеянии, или транжирстве (идеями) отчасти повествует эпизод, относящийся к самому началу нашего знакомства со Шрейдером (конец 1976 года), и описываемый текстом, идущим далее.

Правда, надо бы теперь поправить оценочную терминологию, – то транжирство случилось, во многом, по неумению, по неуклюжести, да еще по (быстро изжитому) нахальству молодости.

О ПОНЯТИИ БАЗОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Известно, что основные *логические отношения*, имеющие широкое хождение в различных областях математики, могут задаваться аксиоматически, т.е. перечислением (указанием, фиксацией) их основных *свойств*. Например, *эквивалентность* – это рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение, *толерантность* – отношение только симметричное и рефлексивное, и т.д.

Легко перечислить упомянутые свойства отношений: рефлексивность, симметричность, транзитивность и соответствующие им антиподы – антирефлексивность, асимметричность и антисимметричность. Точные (формальные) определения свойств можно найти, например, в [1].

Комбинации свойств отношений. Возникает естественный вопрос: насколько велико число допустимых комбинаций этих свойств, иначе сказать, сколько различных отношений можно из них (на них) построить?

Поскольку любое из шести указанных свойств может быть или не быть в данном отношении, всего их *мыслимых комбинаций* насчитаем $2^6 = 64$. Полученная оценка явно завышена: к примеру, если для отношения выполнено свойство рефлексивности, то *одновременно* не выполняется антирефлексивность; аналогичное следует указать по поводу симметричности и анти- и асимметричности. Тем самым, свойства не могут комбинироваться совершенно независимо.

Учитывая это (вполне естественное) ограничение и следуя порядку, подсказанному двоичной нумерацией, построим Таблицу 1 комбинаций свойств отношений. Она и послужит для нас объектом дальнейшего веммательного анализа.

Таблица 1

№ п/п	Возможность отношения	Рефлексив.	Симметр.	Транзит.	Антиреф.	Асимметр.	Антисимм.
1	–						+
2	–					+	
3	–					+	+
4					+		
5	–				+		+
6					+	+	
7	–				+	+	+
8				+			
9	–			+			+
10	–			+		+	
11	–			+		+	+
12	–			+	+		
13	–			+	+		+
14				+	+	+	
15	–			+	+	+	+
16			+				
17			+		+		
18			+	+			
19	–		+	+	+		
20		+					
21		+					+
22	–	+				+	
23		+				+	+
24		+		+			
25		+		+			+
26		+		+		+	
27		+		+		+	+
28		+	+				
29		+	+	+			

Содержимое левой части таблицы (отображает возможность того или иного отношения) будет постепенно проясняться ниже, по мере применения ряда теорем. Прочерк или знак (–) означает невозможность данной комбинации. В правой части таблицы знаком (+) означено наличие того или иного свойства, при его отсутствии клетка остается пустой.

Заметная избыточность «ресурса реальности» в Таблице 1 (в ней предлагаются к рассмотрению 29 мыслимых комбинаций свойств), становится очевидной, если учесть нижеследующие результаты.

Теорема 1. Если отношение A асимметрично, то оно антирефлексивно.

Доказательство. От противного: пусть для некоторого x выполнено $x A x$. Но тогда справедливо и обратное отношение $x A^{-1} x$, т.е. $A \cap A^{-1} \neq \emptyset$, что противоречит условию асимметричности.

Отсюда сразу следует, что не могут существовать отношения, соответствующие строкам 2, 3, 10, 11, 22, 23, 26, 27 Таблицы 1.

Теорема 2. Антирефлексивное отношение A не может быть антисимметричным. Верно и обратное.

Доказательство. Следует из определений названных свойств: антирефлексивность отношения $x A y$ означает $x \neq y$, антисимметричность же A влечет, что $x A y$ и $y A x$ выполнены только при $x=y$.

Тогда из нашего рассмотрения исключаем строки 5, 6, 13, 15.

Теорема 3. Если отношение A антисимметрично, то оно рефлексивно.

Доказательство. Из определения антисимметричности следует, что одновременно $x A y$ и $y A x$ могут быть выполнены при $x=y$, т.е. имеет место $x A x$ (или $y A y$), а это и есть рефлексивность.

Исключаем строки 1 и 9 как противоречащие этой теореме.

Теорема 4. Если отношение A транзитивно и антирефлексивно (строгий порядок), то оно не может быть симметричным.

Доказательство. От противного: пусть выполнимо $x A y$ и $y A x$; тогда по транзитивности получаем $x A x$, что противоречит условию антирефлексивности.

Исключаем строки 12 и 19.

Базовые отношения. В результате мы получили только «разрешенные» отношения, которые сводим в новую Таблицу 2. Последняя становится настолько обозримой, что появляется возможность довольно естественной типологизации оставшихся 13 отношений.

Здесь скобками при значках в клетках Таблицы 2 помечаем те свойства, которые выводимы из прочих свойств данного отношения.

Итак, содержимое Таблицы 2 отчетливо членится на группы:

- 1) собственно свойства отношений (строки 1–3, 5, 8, 9);
- 2) «классические» отношения (строки 4, 10–13); разумеется, их подробная характеристика дается в той же работе [1], в том числе сводка основных отношений и их свойств [1, с. 227];
- 3) «неклассические» отношения, т.е. отношения без собственного наименования (строки 6, 7).

Таблица 2

№ п/п	Допустимые отношения	Рефлекс.	Симметр	Транзит	Антиреф.	Асимм	Антисим
1	антирефлексивность				+		
2	асимметричность				(+)	+	
3	транзитивность			+			
4	строгий порядок			+	+	(+)	(+)
5	симметричность		+				
6	?		+		+		
7	?		+	+			
8	рефлексивность	+					
9	антисимметричность	(+)					+
10	квазипорядок	+		+			
11	нестрогий порядок	+		+			+
12	толерантность	+	+				
13	эквивалентность	+	+	+			

Отношения в последних двух группах естественно было бы назвать *базовыми*, поскольку они, как показано выше, исчерпывают все допустимые комбинации свойств отношений (находящихся в первой группе). Кстати сказать, тут действовали своеобразные принципы запрета, наподобие принципа Паули в квантовой механике (для состояний электронов), ограничивающие разнообразие и, одновременно, создающие свою гармонию. Своеобразное «зацепление» свойств отношений существенно сократило число допустимых комбинаций таких свойств, а равно, и число допустимых (вызванных к реальности) отношений.

Интересно, далее, оценить роль и значение выявленных «безымянных» базовых отношений – членов третьей группы в нашей классификации. Ведь еще десяток-другой лет назад (если бы тогда кто-либо строил подобные таблицы отношений) в строке, где нынче значится «*толерантность*», стоял бы такой же знак вопроса. А толерантность как экспликация (на языке теории отношений) интуитивно ясного понятия *сходства* имеет теперь, напомним, самые интересные применения вплоть до теоретической биологии и математической лингвистики.

Правда, если когда-то для нестрогого понятия «сходство» была предложена строгая толерантность (как рефлексивное и симметричное отношение), то наша задача состоит как раз в обратном – нужно к уже известному набору свойств отношений подобрать (или придумать)

интуитивно понятную, «ходячую» интерпретацию. У нас, стало быть, есть экспликации, но неизвестно – чего!

Иерархия сходного и неодинакового. Первым из наших «безымянных» является отношение симметричное и антирефлексивное. Некие элементы (носители названных качеств), вступающие в такое отношение, должны быть равноправны (симметричность), но сами с собой в это отношение вступать не имеют права (антирефлексивность). Легко найти содержательную интерпретацию такому отношению: это, например, «приблизительно сходен с », или «приблизительно похож на ». Действительно, «приблизительно похожим» на самого себя нельзя, самому с собой можно только «полностью совпадать»! Свойство симметричности для таковой интерпретации особых комментариев, кажется, не требует.

Наше симметричное и антирефлексивное отношение, уточняющее интуитивное понятие «приблизительное сходство», далее будем называть «*слабой толерантностью*».

Второму и тоже пока «безымянному» отношению, симметричному и транзитивному (сразу назовем его «*антиэквивалентностью*» или, на иной вкус, «неравенство» или «строгое неравенство»), естественно соответствуют следующие содержательные – интуитивно опять-таки ясные – отношения: «отличен от- », «не похож на- », «не одинаков с- ».

Чтобы дополнительно оправдать введенные только что номинации, сопоставим рассмотренные отношения с «классическими» (и тоже базовыми) отношениями эквивалентности и толерантности. Мы видим, что эти четыре базовых отношения выстраиваются в своеобразную «цепочку» (кортеж) формальной иерархии. На содержательном уровне эта «цепочка» выглядит так: одинаковость – схожесть – приблизительная схожесть – неодинаковость. Ей точно соответствуют такие экспликации: эквивалентность – толерантность – слабая толерантность – антиэквивалентность. От полного сходства к полному различию через разные степени похожести – такова качественная тенденция, связывающая базовые отношения в единую «цепочку». И если ее начальные «звенья» (первые два) уже давно и успешно эксплуатируются, то (новые) отношения слабой толерантности и антиэквивалентности еще ждут своего достойного применения.

Типы базовых отношений. Теперь, в значительной мере определив естественные места для отношений, прежде бывших «безымянными», мы будем последовательны до конца и приведем типологию базовых отношений в их совокупности.

Базовые отношения делим на две группы (Таблица 3):

- группа отношений *подчиненности* и
- группа отношений *равноправности*.

Таблица 3

Группы	Базовые отношения	Реф.	Сим.	Тран.	Антир.	Асим.	Антис.
подчиненности («склейка» по транзитивности)	строгий порядок			+	+	(+)	(+)
	квазипорядок	+		+			
	нестрогий порядок	+		+			+
равноправности («склейка» по симметричности)	эквивалентность	+	+	+			
	толерантность	+	+				
	слабая толерантность		+		+		
	антиэквивалентность		+	+			

В первую группу входят отношения порядка (строки 4, 10, 11 Таблицы 2), объединяемые по общему свойству *транзитивности*. Ко второй группе приписываем отношения (строки 6, 7, 12, 13 той же Таблицы), имеющие общим свойство *симметричности*. Интересно, что в каждой группе можно расположить отношения в соответствии с иерархией, указывающей направление ослабления (или усиления) характерных для групп содержательных свойств: свойства упорядоченности для первой группы, свойство сходства (похожести) – для второй. [Более поздняя приписка на полях рукописи: Интересно наблюдать, как через очевидный «стык» двух столбцов Таблицы 2 фиксируется качественный переход из первой группы во вторую – именно, как *транзитивность* нестроного порядка «преображается» в *симметричность* эквивалентности. Какова природа такой трансформации? В каких же, в свою очередь, специфических отношениях могут выступать эти групповые (ключевые) свойства базовых отношений?]

Подведем некоторый итог. Наша работа вполне соответствует славному императиву науки – искать «разумной соразмерности начал». Результат получился симптоматичным: возможных отношений, этих абстрактных «начал» в основаниях математики оказывается совсем не много.

Более того, выделенные базовые отношения сами настолько четко группируются, что поневоле последовал следующий шаг. Явно вычленены и поставлены в соответствующий гомологический ряд целых два, как представляется, новых логических отношения – слабой толерантности и антиэквивалентности. Даже если отбрасывать не вполне относящиеся к математике чисто эстетические соображения, вполне двигавшие нами, то уже последний факт имеет самостоятельный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. – М.: Наука, 1971. 256 с. (при тираже 100 000 экз. – пришлось где-то в начале 1976 года оперативно изыскать эту архи-нужную книгу в «букинисте» в Питере; точно помню, возле арки Главного штаба пришла удача).

P.S. (фиксирую оный в августе 2019 года):

О РАСШИРЕННОЙ ТЕОРИИ ОТНОШЕНИЙ

Это, конечно, прожект или маниловщина, но сформулирую так: вдруг, или может статься, что кого-то из моих благосклонных читателей хорошо (творчески) заденет сия вполне мальчишеская «проба пера», выше воспроизведенная полностью, с сохранением даже «ошибочной» теоремы 3, на которую строго и вполне справедливо указал Юлий Анатольевич. Нынче я сознательно, можно сказать, подставляюсь.

Интересная же тема и по внешности очень даже элементарная (не потому ли так, дамы и господа, что на само-то деле она *перво-основ* касается?) – и мальчишкой, действительно, когда-то была затронута.

Именно, спросим: как исчерпывающе и наглядно-точно описать *универсум бинарных отношений*, на котором зиждется современная математика или даже наука, так скажем, в целом? [Напомню, что азы теории бинарных отношений сейчас принято излагать уже во вводной части теории множеств, а также, для прикладников, в начальном курсе пресловутой «дискретной математики»]. Мне было ясно уже тогда, да и сейчас вполне уверен, что для ответа на подобный вопрос следует:

a) сознательно, т.е. намеренно определиться с *полным списком базовых свойств* отношений, поскольку с 1970-х годов очень много воды (времени) утекло¹¹⁸, и к подобному списку кропотливые исследователи уже давно прибавили, например, такие формальные свойства как корефлексивность, полнота, связность, коннексность, цикличность... и

b) все-таки разобраться с *независимостью* этих свойств, – т.е. следует строить данный базис только на чистых, не индуцированных, полностью автономных свойствах или качествах (сколь это, в принципе, возможно), и

c) озаботиться специальным логическим языком для удобств работы с наборами свойств и порождаемых отношений [именно так поступил в свое

¹¹⁸ И еще, прибавлю, как раз в 1970 году в изд. «Наука» вышла монография А.И. Мальцева «Алгебраические системы», в которой впервые принялись сознательно и членораздельно работать с именами объектов, отношениями между ними, а также с утверждениями, устанавливающими свойства таких отношений.

время великий теоретик в системологии Авенир Уемов, первопроходцем построивший так называемую общую теорию систем и кодифицируя ее на специальном ЯТО – языке тернарных отношений], и

d) через то, т.е. через комбинаторику базовых свойств – в их расширенном составе и с помощью «естественных» языков описания, – выстроить или предсказать *новые базовые отношения*, и да будет их, неклассических отношений, много больше *семи*, выше указанных, и,

e) наведя порядок с независимостью свойств, ревизовать также и список ранее известных (давно принятых в науке, ставших классическими) базовых отношений.

Последнее задание можно проиллюстрировать или, точнее, подкрепить свежим фактом, вполне независимо от нашей программы (или прожекта). С недавних пор как-то само по себе вошло в научный оборот, к примеру, *отношение доминирования* (Парето-доминирования) или, как его еще называют, отношение «не хуже», антирефлексивное и асимметричное по своим свойствам. А ведь оно уже, заметим, появлялось в давней нашей Таблице 2, где так и не дотянуло до статуса отношения: оно лишь скромно представлено там как «собственно асимметричность» (т.е. как одно из базовых *свойств*), – вместе, парно с несобственным, вторичным свойством антирефлексивности.

В итоге, в целом, интересно было бы понять, какая может получиться *расширенная теория отношений*, и отсюда и далее – какое сама математика может получить расширение или, скажем мягче, поновление.

Про «саму математику в целом» речь – это я не оговорился и не слишком замахиваюсь. Напомню только, что в самой что ни есть общей теории о *конструктивном объекте* как некоем исходном «атоме» для «чистой» математики, в теории, которую в свое время успешно развивал А.Н. Колмогоров со учениками, представление о «бинарных связях» (или отношениях) появляется на первом же шаге этих изысканных построений.

Колмогоровцы, шагнув *от элементов*, заданных в фиксированном алфавите, к признанию *отношений* между этими элементами как тоже *элементов же*, но только элементов нового типа, только так и потому они могли с удобствами изображать конструктивный объект: в виде одномерного топологического комплекса – плоского графа. И вот уже искомые конструкции стремительно разрослись в этой школе, давая ориентированные и неориентированные колмогоровские *комплексы* и, такие же,

колмогоровские *машины*¹¹⁹. Большая теория выросла напрямую из внимательного взглядывания в элементарные (атомарные) отношения элементов конструктивного объекта. Ну, а теперь представим себе, что «картинку» таковых элементарных отношений еще раз взяли, тщательно прибрали да и радикально видоизменили...

Еще надо сказать о достаточно «маленькой» математике, затронутой в заметке 1976 года. Само по себе уточнение статуса «независимости» для абстрактных свойств, думается, поможет прояснить частный (для меня, стало быть, почти чисто биографический) вопрос, почему при «неверной теореме» *ничего не поменялось* в результате данной заметки. Тут действительно путаются под ногами и портят «общую картинку» именно те свойства (качества), которые вытекают из прочих, принимаемых за первичные. Еще раз: именно такова антисимметричность, на условиях *строгого порядка* (сюда как раз указал Ю.А. Шрейдер, ловя меня на полуслове) выводимая из свойства антирефлексивности.

Но, конечно, не исключено (все-таки здесь необходима оговорка), что *независимость* базовых свойств вместе с их способностью *порождать* базовые отношения – это слишком большая и действительно актуальная проблема. Подозреваю даже, – чуть ли не проблема миропонимания. Обнаруживаемое «зацепление» свойств, может быть, даже принципиально неустранимое их «зацепление», оно очень близко располагается, на самом деле, а) возле известного и чреватого познавательными парадоксами и трудностями соотношения *непрерывного и дискретного* и б) в очередной раз отсылает историка науки (или философа) к знаменитому кризису в основаниях математики, – многие воображают, что он уже преодолен, – когда пришлось, как известно, вводить существенные запреты на некоторые свойства (или, что то же, качества) произвольных множеств, вроде *самоприменимости* или *самоописания*, каковые можно считать за своеобразные, весьма изысканные вариации «стандартного» свойства рефлексивности.

Да, есть проблема, – и она из самых принципиальных.

Тут самое время сказать об одной *сверх-принципиально* поставленной задаче, а именно, о знаменитом проекте «логической машины» Луллия (*Ramon Lull*, 1232–1316), а заодно о «луллианстве» напомнить. Ведь что, в сущности, затевал когда-то каталонский миссионер, ставя себе большой

¹¹⁹ См. ясный комментарий В.А. Успенского «Общий подход к понятию конструктивного объекта» в кн.: *Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов*. М.: Наука, 1987. С. 282–286.

целью покорить иудейскую и арабскую культуры, причем на их же идейной территории? Кратко говоря, он доказывал преимущества христианской – для него, конечно, католической, – веры, *демонстрируя* ее возможности на языке явно вводимого и прямо используемого умственного жонглирования (примерно такое же – в каббалистике). Он взял и сформировал набор из девяти *dignitates Dei*, «божественных достоинств» [сразу спрошу здесь, узнаётся ли за этим набором дорогая нам потребность в составлении перечня «базовых свойств»?] и, далее, к тому еще прибавив известный набор («квадрат») четырех мировых стихий, а также целых три набора (три «треугольника», три группы по три элемента в каждой) «принципов отношений», *principia relative*: «начало, середина, конец», «больше, меньше, равно», «различие, согласие, противоречие» [спрашивается, – а здесь, в этих тетрадной и триадических структурах, вовлекаемых в схоластическую комбинаторику, не узнаем ли мы некий «специальный логический язык», без которого не удалось бы «научно» тасовать упомянутые «базовые свойства»?] – он действительно показал, неустанно комбинируя и сочетая, как некие «отражения» божественных достоинств присутствуют во всех без исключения вещах тварного мира¹²⁰, или, в более секулярной формулировке, – как на каждый мыслимый предмет, в том или ином сочетании, именно эти абстрактные достоинства и проецируются.

Так что построение «расширенной теории отношений», в историко-философском смысле – это вполне себе новое «луллианство», только более скромное и (у)местное по масштабу, без теологического и миссионерски широкого замаха.

Обновленный подход к *проблеме свойств* стоило бы, пожалуй, почерпнуть также из примера современной «машинерии», а именно, если сочувственно оглянуться на пышно цветущую ныне область искусственного интеллекта (ИИ). Как одно из важных теоретических обобщений в этой области, недавно появилось представление о «НЕ-факторах» создания ИИ (работы А.С. Нариньяни): здесь содержательно отрицается одно из свойств классических формальных систем – к примеру, точность, определенность, однозначность, полнота и др. Соответственно, НЕ-факторами предстают *неточность, недоопределенность, неоднозначность, нечеткость* (по Л. Заде), *нелинейность* и т.п. Таким образом, область базовых свойств, из которых мы собираемся строить систему базовых отношений, должна быть «расширена» или «удвоена» зоной радикального «внешнего» отрицания

¹²⁰ В изложении использую прекрасную статью П.В. Соколова «Луллий» из «Православной энциклопедии» (т. ХLI).

(собственные, локальные отрицания уже есть в стандартных бинарных отношениях – с антирефлексивностью или асимметричностью, например)¹²¹.

И есть еще одна немаловажная составляющая этой уже очень давней, как выясняется, темы или проблемы, составляющая тоже историко-философская. Когда-то, зародившись в древней Элладе, формальная логика, по крайней мере, после Аристотеля и с его основополагающими трудами, предстала логикой атрибутивной, или логикой качеств, *логикой свойств*. Когда-то в XIX веке, после значительных усилий Э. Шрёдера и компании (усилия эти исчерпывающе полно описаны С.И. Поварниным в книге 1917 года «Логика отношений. Ее сущность и значение»¹²²), этой логике свойств в помощь и дополнение – но никак не на смену! – явилась именно *логика отношений*. В нынешнее время и на нашем месте (описание нашеньского хронотопа – см. выше) становится вполне понятно, что придется и приходится иметь дело с *гремучей смесью* того и другого.

О том же, впрочем, предельно ясно сказано в завершающей части недавней энциклопедической статьи Б.В. Бирюкова «Логика отношений» (сокр.: Л. о.), недавно появившейся в полезном издании академического Института философии:

«Одна из главных гносеологических трудностей *Л. о.* связана с описанием иерархии “свойства – отношения”, когда предметом рассмотрений становятся свойства отношений, отношения между свойствами, свойства свойств и отношения между отношениями, а также операции над свойствами и отношениями различных уровней абстрактности. Основной же философской проблемой *Л. о.* является вопрос о “степени” реальности отношений в их сравнении со свойствами и о сравнении “силы” бытия свойств и отношений с бытием индивидов» (см.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009).

Слышите, друзья? Куда ни ткнишь, всюду здесь не только были, но и по-прежнему остаются трудности и проблемы! И нам есть до них дело.

¹²¹ Еще прибавлю строку-заготовку из «*Ideenwelt*» (запись от 5.03.1976): «Надо бы научиться кодировать не только числа, как объекты, но и свойства и отношения, и это будет новый тип ЭВМ, и даже не ЭВМ, а ЭДМ – думающая (ближе к тому, возможно, как думаем мы) машина».

¹²² Усилиями нескольких петербургских исследователей многие старые (но не устаревшие) логические и философские труды Поварнина недавно переизданы: *Поварнин С.И. Сочинения*. [Т. 1]. СПб.: Институт иностранных языков, 2015. 800 с.

ОПЫТЫ: продолжение

Физиология времени

Еще в школьные годы прочел один фантастический рассказ; жаль, не вспомню его подробностей, в том числе названия и авторства. Главное же, что *тогда* меня потрясло и обрекает на эти строки *теперь*, можно изложить так. Некая экспедиция (геологи?) где-то в пустыне, не помню какой, натывается на загадочную скульптурную группу весьма архаичного вида – угловатые, грубо отделанные человекоподобные колоссы вроде как из глины обожженной, и одна из фигур чуть поизящнее, будто «женщина». На всякий случай с ноги «мужчины» ученые откалывают кусочек для анализа. Далее по сюжету происходит всякое-разное, и скульптуры вместе с видимыми их загадками отодвигаются в прошлое. Но вот спустя годы герой повествования, с трудами многими, возвращается к той группе – в облике колоссов он почему-то с самого начала заподозрил «руку пришельцев». Возвратиться стоило: грубое лицо «мужчины»... исказила боль, он явственно потянулся к потревоженному месту, и «женщина» в порыве тревоги полуобернулась к партнеру и сделала что-то еще, уж не помню что, но движения ее были тоже как бы *в самом начале*. Да-да, они были живые, и действительно *пришельцы* (а не их, положим, скульптуры), и в их «теперь», получается, укладывались наши десятилетия¹²³...

И для меня прошло немало лет. Та фантазия о пришельцах, надо признать, подзабылась. Зато стали изредка попадаться (в том же случайном чтении) новые сюжеты, настойчиво твердившие о чем-то важном, но полужнакомом и ускользающем. Вот взять отрывок из «Рассуждений о религии, природе и разуме» Б.Фонтенеля: «...Если бы розы, чей век продолжается один день, писали историю и их поколения оставляли бы друг другу мемуары, то розы первого поколения создали бы по определенному образцу портрет своего садовника и, по крайней мере, в течение пятнадцати тысяч розовых веков другие розы, которые должны были бы передать эту традицию последующим поколением роз, ничего бы в этом портрете не изменили. Они говорили бы: “Мы всегда видели одного и того же садовника; с того момента как существует память роз, видели только его; он всегда был

¹²³ Скорее всего, это сквозная тема рассказов и повестей Севера Гансовского, сборник которых «Шаги в неизвестное» (М., 1963) я точно, помню, читал. Одна из ключевых идей там, мысленным писательским экспериментом освоенная – различные эффекты *замедления времени* (примечание января 2019 года).

таким же, каков он сейчас...»). С разнорослицей времени сталкиваешься, к примеру, и в «Старческом» у Ивана Тургенева, – там две альпийские вершины перекинулись десятком фраз (всего-то «несколько минут ушло!»), а на их подножии успело родиться, пожить и умерло человечество («Разговор»). Правда, забавно?

Теперь все подобные литературные наблюдения высвечены для меня ярким светом философского понимания. Думаю, вот в чем соль: *чувство времени рождено нашим самочувствием*. Время попросту гнездится в моем, твоём, его теле, время измеряется, – прежде всего! – именно *телесными единицами*, никак не взятыми с бухты-барухты. За одну секунду человек делает шаг, а его сердце – один удар. Но попробуй померь секундами жизнь гранитного валуна, но посмей засечь длительность вспышки молнии по собственному пульсу – засмеют ведь... Секунда – единица *естественная*.

Возможно, знаменитая загадка времени сводится к меньшей загадке «про теперь». Теперь, *момент настоящего времени* – важнейшее слагаемое триединого «времени вообще», это «теперь», как известно, отделяет «было» от «будет». И, обратим внимание, оно прямо-таки резиновое. Оно может съезживаться и куда-то деваться, когда мы спешим, иногда же оно растягивается и удлиняется или, застыв, томит нас в длительном ожидании, а иногда оно становится бесконечным или покидает нас вовсе: как говаривал один современник Паганини, – когда слушаешь музыку гения, «собственная жизнь прекращается». Да, наше «теперь» дышит, меняет свои границы, за ним следом, действительно, и само время становится неопределенно-сквозь-пальцы-текучим.

Почему время загадочно? Потому что ты вступаешь в противоречие с собственной персоной. Ты допускаешь «теперь» разной длительности, – ибо весомо тянет багаж культурной традиции, но над тобой довлеет и

дикое

дремучее

древнее

детское

девственное

драгоценное

ощущение естественной данности этого «теперь» – *чувство времени*.

Вот главное противоречие: *умом* мы постигаем время текучее, разное, множественное, *сердцем* же отмеряем¹²⁴ одно-единственное время! Обычный

¹²⁴ Или *вдохом-выдохом* своим отмеряем – об этом тоже, конечно, думалось тогда. А короткий текст о роли и месте дыхания в «физиологии времени» составил

человеческий орган цедит сквозь себя секунды, колоссы из того рассказа отсчитывали своими сердцами уже века, тургеневские горы Юнгфрау и Финстерааргон сразу тысячелетия гоняют толчками по свои каменным жилам...

Можно чуть поправить дело с загадкой времени (и телесности – заодно), если по-новому представить себе ее *генезис*. Строим такую логическую цепочку-последовательность:

поначалу
где-то рождается исходная связка «чувство времени – самочувствие»,
впоследствии
научное понятие времени абстрагируется от своих материальных носителей (измерителей) и до поры поживает самостоятельно,
вместе с тем,
трезвые размышления демонстрируют невозможность отрыва процесса время-измерения от конкретных физических систем,
а потому
приходится вернуть время для соизмерения с «телом», тем восстанавливая прежние («естественные») связи и отношения, но
поскольку
время, погулявши на воле абстракций, научилось рядиться в разные одежды и обрело разнообразие масштабов,
неизбежно
усомниться в принятых очевидными масштабах нашего «тела» и
потому в итоге
говорить о качественно новом, переменных масштабов «теле» – *зомериде*.

Зомерида (от греческого *αιών* – век или даже вечность) – это «тело», фиксирующее или задающее интервал «теперь» на протяжении привычных секунд, или лет, веков, тысячелетий и так далее, до не знаю каких пределов. Да мы и привыкли уже к некоторым типам зомерид и даже даем им индивидуальные имена: интервал в несколько астрономических лет определен «телом» *детства*, *зрелости* или *старости*; зомерида десятков лет привычно нарекается *поколением*; сотням лет соответствуют зомериде *этноса* или *цивилизации* (заметим: так ли уж непривычно «сворачивать» воедино подобные протяжения? не стал ли расхожим образ рождения, жизни и смерти великой культуры, занимающей только точку на оси безмерного

в 2010-м, опубликовав его позже в сборнике «Поводы и случаи, или *Exempla obiter*» (2016): см. миниатюру «Гипокситемпорология», она в «Приложении 1».

времени?); тысячелетия подобным же образом «родственны» единому человеческому потоку (человечеству), окинутым общим взглядом (взглядом Господа?); расширение интервала до миллионов лет объединяет человека с его «меньшими братьями». Дальше, пожалуй, двигаться труднее, ибо с большими отрезками времени традиция как-то не особенно ладит.

Столь *размашистое* понимание «тела» диктуется не только логикой освоения понятия (концепта) времени. Время, в свою очередь, наложило отпечаток собственной физиологии (физиология времени) на самые разнообразные факты культуры...

– Но здесь я должен притормозить. Думаю, еще настанет черед теме, которую мне нравится очерчивать предварительным именем «*Слитость*». Здесь же умыкну из будущего повествования только одну деталь. Речь пойдет о гигантизме систем счета у древних индусов.

Поразительна эта ведическая легкость обращения с воистину необозримыми масштабами! Раскроем «Тайттирии Упанишады» на разделе «Блаженство Брахмана» и далее займемся элементарной арифметикой. Вот читателю (вернее, тогда еще слушателю) поясняется, насколько может быть велик Брахман или даже *просто* «начитанный в ведах и не побежденный желанием». Для оценки «на сколько» за исходную единицу берется «самая-самая» из рядовых человеческих особей – единица сия юна, добра, богата, сильна и прочее, а затем ее «блаженство» умножается стократно, да этак еще не единожды. Я насчитал отношение $1 : 100\ 000\ 000\ 000\ 000\ 000\ 000$ и теперь вполне *изведал*, как фантастически далек Брахман (или Брахма) от самого счастливого и удачливого непосвященного... Утомляющие руку вереницы нулей – а мы переходим к измерению времени, – понадобятся и для современной записи длины «дня Брахмы», его «года» или «века». Что такое стандартная человеческая жизнь по сравнению хотя бы с *наименьшей* частью «дня Брахмы» – Калиюгой, составляющей, по самым скромным подсчетам, 432 000 людских лет?! Но вот что *самое радостное* для меня: у индусов такое время полностью согласовано с масштабами человеко-измерения. Столь грандиозным меркам времени полностью соответствует их древнее учение *сансары*, в котором изолированному пониманию человека просто нет места. Позднее греки называли это *метампсихозом*, от них идущая европейская традиция твердит о *переселении души*, а нам теперь к этому ряду остается добавить все сказанное выше об *эомериде*.

Я, кажется, знаю, что есть человек. Именно, человек есть уходящая в бесконечность эомериды, длимая и дробимая. Я до сих пор не знаю, что такое время.

Март 1983, январь 1984

Как построить машину времени

Приоритет самой идеи путешествия во времени (считая, что идея зрима в чистом, сознательно оформленном виде, т.е. ее не нужно выуживать из символов, метафор или каких-то сюжетных условностей произведения) можно, думаю, приписать *Марку Твену*, автору «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889). Цитируем нужное – базовое в нашем сюжете – место: «Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случилось ли вам слышать о переселении тел из одной эпохи в другую?» Писатель оставил исчерпывающие указания по части «техники» подобных путешествий: для перемещения «туда» достаточно получить увесистый подзатыльник (по всей видимости, принципиально важно, чтобы «череп затрещал, а все швы на нем разошлись и перепутались»), а возврат «обратно» и того легче, ибо нужно попросту крепче уснуть в VI веке, а проснуться уже в XIX-м... Как знать, сколь далеко простирается шутка великого юмориста! Ведь говорят же, что в его архиве бережно сохраняется некий пакет, который позволительно вскрыть только в 2406 году, то бишь, спустя полтысячи лет после составления завещания. Кто, господа, сможет в полной уверенности заявить, что там не окажется нужных чертежиков неведомой «машины»?!

По меньшей мере не отстал от именитого американца не менее известный и не менее остроумный англичанин *Льюис Керролл*, – в том же 1889 году вышел в свет его роман «Сильви и Бруно», где читателю встречаются удивительные часы одного немецкого (а какого же еще!), именно немецкого профессора: стоит перевести их стрелки назад, как реальные события тоже начинают пятиться в прошлое. Из любви к точности (если вести речь о приоритетах) следует заметить, что автор «Алисы» обычно публиковал свои «сказки» – и повторял по многу раз – сначала в устной форме, так что часы «с обратным ходом времени» родились, по крайней мере, в начале 70-х годов. Впрочем, меня не покидает уверенность, что подобные устройства для одоления времени выдумывались и того раньше, в XVII – XVIII веках, проходивших под знаком гюйгенсо-лапласовского механицизма. Уж коль созрела почтенная (господствующая) доктрина, ей обязательно – трудами юмористов и скептиков, – должна противостоять попытка установить всё с ног на голову, потому и чопорная культура «часовщиков» не может обойтись без смеха под перезвон «античасов»... Но это – к слову.

Собственно о «машине времени» (впредь – МВ) первым и *почти всерьез* высказался *Герберт Уэллс* (1895). Вспоминается нечто из бронзы, черного дерева и слоновой кости (арсенал – на вкус типичного персидского шаха, нежели европейского инженера, не правда ли?), из технологических

подробностей видим знаменитое эргономичное *седло* для Путешественника Во Времени и *пластинку-индикатор* со смутной, как будто бы не совсем реальной поверхностью, помянем еще *кварцевую ось*, которую почему-то регулярно смазывать надобно...

Многочисленные последователи Уэллса изрядно потрудились, пытаясь перевести идею МВ из области шутейного, принимаемого понарошку (а на языке серьезных людей пришлось бы изречь эпитет *иррациональное*) на уровень логически позволительного. И пока – напрасно! Зато очень разрослась всевозможная «техника» принципиальных запретов. Прямо-таки жалость разбирает, когда смотришь на бесконечную череду всевозможных ограничений, что вымучиваются пишущей братией для «устранения» парадоксов путешествия во времени. Не смей даже в малостях вмешиваться в историю (и в самом деле, что будет с правнуком, ежели он отправится в прошлое да из любви к чистому эксперименту... задушит своего прадедушку еще в колыбели?), бойся даже чихнуть при исполнении служебных обязанностей (прихлопнешь, паче чаяния, москита в каменно-вековом лесу – и исчезнет целая цивилизация... к примеру, Древнего Египта), блюди предписания Патруля Времени и прочих особых социальных институтов с время-охранительными функциями: нельзя... не моги... запрещено... Похоже, МВ в уэллсовом понимании так и будет значиться только по ведомству фантастики. Там она исправно служит писательским уловкам: легкость обращения со временем позволяет прихотливо организовать сюжет, дает возможность облекать в занимательную форму любые исторические реминисценции, дает шанс спекуляциям на поприще футурологии. Но и только!

И все же идея МВ слишком красива, чтобы ею пренебрёг, например, философ. Потому попробуем подойти к ней иначе.

В самом деле, если попытаться охарактеризовать все варианты путешествия во времени, предложенные королем фантастов и его адептами, то вполне подойдет круг понятий, объединенных термином *экспорт* – да, путешественника всегда предлагается «вывозить вовне», то есть из настоящего времени в прошлое или из настоящего же – в будущее. А вот как представить себе логически (и онтологически) противоположную операцию «ввоза внутрь»? Ясно, что теперь путешественник может оставить свой дорожный посох у порога, поскольку объекты из иных времен должны «сами» явиться пред ним в его «теперь».

Поиски *импортирующего* варианта МВ целиком уведут нас (думаю, ненадолго) с инженерно-физической ветви нашей цивилизации на параллельный побег гуманитарной письменной культуры. Вспомним, для

начала, эпизод из свифтовой одиссеи, когда бывший судовой врач Лемюэль Гулливер по пути из Лагадо в Японию посещает остров Глаббоддриб. Пользуясь умениями местных чародеев и волшебников, он активно общается с духами давно умерших философов, воителей, политиков. Этаким выпрашиванием «у очевидцев», что и как *было на самом деле*, герой-путешественник изрядно расширял свою эрудицию, а сам Свифт давал нам явную возможность углядеть тайные пружины человеческой истории. Без такого же вызова «теней прошлого» никак не могли обойтись и легенды о докторе Фаусте, – там надо было наглядно продемонстрировать сверхъестественность сделок с Мефистофелем. Как там у *Кристофера Марло*: «Да это вовсе не духи, это настоящие живые Александр и его возлюбленная с плотью и кровью!»... Мы оставим восторженные оценки на совести зрителей из тогдашнего римского трактира, свидетельствовавших профессиональную состоятельность «триклятого». Названный способ «импорта», заметим, никак не гарантирует полной сохранности перемещаемого груза, потому-то читателю и предлагались какие-то тени, духи, невнятные голоса и т.п. – лишь схемы и туманные наброски некогда полнокровной жизни.

И будет с них, с духов! О «духо-импортной» традиции стоило говорить только из соображений некоторой плавности этих записок. Мы ведь начали с совершенно *нереальных* проектов МВ, которые обещали совершенно реальные встречи с будущим или прошлым, – назовем это «абсолютным переносом *туда*». Только что мы занимались столь же нереалистичной разновидностью «переноса *сюда*», объектом которого являются вроде и не вещи, но и не «голые» идеи, одним словом – духи. Настала пора изгнать сей псевдо-реализм и вступить на плодотворный путь, в конце которого возможен «абсолютный перенос *сюда*». Итак, мы начинаем!

Мы начинаем... снова с художественной литературы. Наверное, хотя бы раз в жизни любой и каждый из книголюбцев испытывал ни с чем не сравнимое чувство – через книжку в руках *прямо соприкоснуться* с историей, с иными мирами, когда (тут воспользуемся терминами ближе к специальной теории относительности) воистину рукой подать из «здесь-теперь» читательского до «вне-здесь-теперь» повествуемого. Вот под мерный рокот древних гекзаметров мы вместе с Гомером ласкаем взором великолепный щит Ахилла. Вот мы раскрываем том с тиснением «М. Булгаков» и убеждаемся во всамделишности мук всадника Понтия Пилата, пятого прокуратора Иудеи. Вот скользишь глазами по печатным строкам и как-то незаметно заспешишь – след в след – за Иваном Буниным по осенней прелопахнувшей аллее: «... как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!» А

кто из нас с энтузиазмом не путешествовал в компании Жака Паганеля и его друзей по достопамятной жюль-верновой параллели, кто вместе с Андреем Болконским не мерял глубину неба, опрокинутого над Аустерлицем... Вспомним, как волшебная сила искусства заставляла Гюстава Флобера, подобно своей героине, реально почувствовать вкус яда во рту (*Эмма Бовари – это я!*), та же сила зовет читателя отложить «Баязет» Валентина Пикюля и безотчетно припасть к струе воды из кухонного крана, будто жажда участников столетней давности героического «сидения» в осажденной крепости стала и твоей, читатель, жаждой...

Так вот же она, старая и верная *машина времени!* О чем же еще мы думаем, когда вполне привычно изрекаем, что такое-то художественное произведение делает нас *соучастниками* отдаленных (от нашего «здесь-и-теперь») событий, что оно *переносит* читателя во время *оно?*!

Нет-нет, кроме всяких шуток, – если и удастся найти что-то о времени в архивном пакете Марка Твена, то это будут не технические описания неведомого аппарата – какая нечуткость и нелепость! – то будет заслуженная, хорошо продуманная похвала

Великой Литературе.

... Здесь совершим маленькую передышку, и я набросаю эскиз возможной интерпретации полученного фактического равенства: *хорошая книга суть машина времени.* Для этого беру три ключевых понятия – «время», «информация», «знак», затем круто замешиваю их вместе, и... Поток информации, поступающей к читателю со страниц книги как организованной системы знаков – вот что выполняет чаемый «перенос во времени». Чем шире и полнее этот поток, тем точнее и достовернее воспроизведены в нем те или иные детали «декораций» или движения души «действующих лиц» из спектакля под названием *Жизнь Сама*, и тем легче и правильнее говорить о МВ. При этом, заметим, поток информации из (от) текста воспринимается только актуально, только при *самом* чтении (ну, или при воспоминании о нем, да?). Конечно, когда книга лежит на библиотечном стеллаже, когда она покрыта пылью забвения, она никому ничего не сообщает и никуда не «переносит». Этот «перенос» из прошлого или из будущего в читательское «теперь», из *оттуда* в наше *сюда* обусловлен самой природой семиозиса, законами функционирования знаковых систем: когда текст и читатель встретились в едином акте, знак получает свой смысл и отдает (сообщает) несомую им информацию. Знаковая система функционирует только в настоящем времени, во времени ее сиюминутного использования, и этим она реализует *импортирующие* качества МВ. Реально, объективно существующие вещи раскрыты в три цвета времени –

красками прошлого, настоящего и будущего, вещи же *написанные* живут одноцветными, ибо они существуют не реально, а только *семиотически*, следовательно, во всегдашнем «здесь-и-теперь».

А дальше надо бы говорить о моих излюбленных темах – о связи информации и времени, о возможных типах существования (материальное, потенциальное, логическое, это вот семиотическое и др.) и прочем подобном, но тогда передышка наша потеряет всякие разумные границы. Безжалостно ставлю ей жирный конец ●

Конечно, художественная литература может сказать, в принципе, обо всем. В буквах, словах, предложениях и текстах она способна изобразить муки Раскольников и музыку Адриана Леверкюна, ступени Хеопсовой пирамиды и устройство Великого Кольца по Ивану Ефремову, сентябрьский закат по-над Волгой и панораму большого города с высот Собора Парижской Богородицы. Всё так. Но есть еще и другие знаковые искусства, которые, заметно проигрывая литературе в универсальности и гибкости «письма», способны по-своему полно вести рассказ о мире, организовывая потоки информации своими специфическими средствами. Разве живопись, например, не способна играть роль МВ? Тут даже доказательств особых не нужно, я предлагаю только прислушаться к своей зрительной памяти и оживить впечатления от картин хотя бы некоторых (русских и любимых – для краткости списка) художников: Суриков... Репин... Ге... Рерих... Петров-Водкин... Моисеенко... Или вспомним фрески Кносского дворца, энкаустики из Фаюма, портреты кисти Эль Греко или Рембрандта, – от них в наше «сегодня» действительно притекает тепло и свет далекого «вчера».

– А кино, эта живопись в движении, эта письменность звуков и форм?! Со вкусом поставленный исторический кинофильм делает воистину наглядной саму идею переноса во времени с помощью знакового искусства. Да еще если изображение сделаем объемным, да симитируем запахи, да введем покачивание кресел, да еще... Вот в одной повести ленинградского фантаста Геннадия Гора рисуются чудеса управления потоками информации, коих достигнет человек далекого будущего. Хочется вам, к примеру, воплотить некие коммунально-бытовые услуги в виде теплых, быстрых, чуть припухлых и т.д. *женских рук*? «Умный дом» ответит вам: пожалуйста! Вот – руки, только руки, вместе с чашечкой горячего кофе...

Снова спешу, комкаю логику неспешных доводов. Мне уже скучно что-то еще перечислять. И без моего посредничества «импортирующий» вариант МВ давно живет своей собственной жизнью, и пределы роста этой «конструкции», как видно, отодвигаются все далее с развитием нашей науки и культуры. Мой взнос не особенно хитро-мудр: нужно было заприметить в

хаосе известных фактов некую тонкую нить тенденции, а тенденции дать имя, пусть даже и потерятое в прежнем употреблении. Только – имя...

(Трудное это дело – давать имена новому. Простите, папаша, как вы назовете своего сына? Павсикакий? Маритен? Мартен? Роберт? Иван? по мне, так последнее имя лучше всех, только на практике у «Ванечки» как-то подводит обычно¹²⁵ всего одна согласная).

Если вдуматься, отстаиваемое здесь понимание МВ может быть связано с другим термином-именем, более строгим, более научным и, кажется, немного скучноватым – *моделирование*. Да, МВ – это своеобразная гуманитарная, культурная спецификация того, что инженер или физик назвал бы *моделирующей системой*. Так и скажу: МВ – самая, пожалуй, веселая или радостная из известных мне областей моделирования.

Апрель 1983, март 1984

Ossa homini

Начну... откуда-то не с начала.

– Средние века. Господин Великий Новгород. Здесь давненько бытует легенда о великанах – волотах, лесном народе древнего Севера. Им к лицу и под стать многометровые ребра, гигантские зубы и прочие такого рода детали, что попадаются крестьянам и охотникам на обрывах и вымоинах у рек... Так, не обременена палеонтологическими знаниями и по-своему, по слогам прочитывая книгу Истории, народная мудрость творила *сказочную правду* о человеке. Это не примитивный антропоморфизм, тотемизм и прочее ругательное, это стойкое благое свойство пытливого глаза везде находить зеркало, отражающее *человека в полный его размер*. Чу, дрогнули очертания твоей физиономии, наплыла дымка столетий, вдруг проступили глаза, лица, силуэты живших там и тогда...

– В одном из залов ГИМа, в здании красного кирпича на опушке Красной площади, это зеркало хранит сгусток материи с профилем Ярослава Мудрого. Можно лениво поиграть терминами, отгородившись ими от необходимости думать: мол, пластическая реконструкция – что тут непонятого?! А можно и толковать о продолжении старого, почтенного дела: талант М.М. Герасимова, помноженный на уверенное и точное знание,

¹²⁵ Что было, то было, не отрицаю: когда мы с Тamarой ждали второго ребенка, мы оба пребывали в странноватой уверенности, что будет у нас мальчик, и даже в обиходе домашнем не раз мелькнуло (потенциальное) именование «Ванечка». А вышла-то *Манечка*, и вдобавок ко всему, с мальчишескими чертами и замашками, – в раннем детстве, конечно (примечание *января 2019* года).

позволил снова *шагнуть к человеку* – пусть и не на много, не до конца приблизившись. Должны, должны заблестеть в пустых глазницах лужицы глаз, за бессмысленным оскалом зубовным обязана открываться улыбка, да с лучиками складок у рта, да с ямочками на щеках...

– А вот Николай Федоров, другой россиянин, примерно за сотню лет до Герасимова пошел еще дальше и безогляднее, заговорив о патрофикации, всеобщем деле *возрождения отцов*. Конечно, кому положено, тот отринет религиозно-этические доводы «ополчившегося против смерти». Можно и посмеяться над «конкретными» проектами сбора останков усопших в целях патрофикации: разве не весело мочку уха восстановить по частицам, поднятым со дна Байкала, а уж сердце по частям отыскать в пыли, забившей кальдеру где-то на Луне. Но федоровское напоминание о *сыновьем долге* не может не вызвать живейшего сочувствия. Философия *общего дела* спешит, кажется, на миллион лет вперед, одновременно касаясь самых древних и тонких струн в каждом, кто не глух, кто жив...

Ради этих трех абзацев стоило давеча спешить. Во-первых, слишком уж долгим получался отрезок повествования в «Опытах» о пресловутой машине времени (МВ). Во-вторых, и прежде всего, когда «под занавес» стало думаться об итогах – а куда эти МВ, в самом-то деле, приведут, – я уличил себя на том, что вместо плана продуманного ответа складываю лишь какой-то мотивчик, невятный и неотвязный зараз. Только отдельные созвучия на краткое время обретали некоторую форму: новгородские волоты... бюст Ярослава... патрофикация...

Сходу, на первый взгляд, нейтрально-классификаторски, этот *лейтмотив* теперь могу назвать «*остеологическим*»:

выкопали

КОСТЬ из земли

и ЦЕЛОЕ тщатся

увидеть в ЧАСТИ.

Видеть можно всячески. Взгляду новгородцев уместен эпитет *мифологический*. Антропология школы М.М. Герасимова в самом строгом смысле слова *научна*. Николая Федорова больше заботила *религиозно-нравственная* сторона его учения. Эта точка зрения – самая широкая, и потому Федоров идет дальше всех, или очень многих. Его не интересуют *частичные* реконструкции. По такому большому счету, нет особой разницы, рисовать ли только в воображении фольклорный образ волота, или же кропотливыми обмерами какого-то конкретного черепа восстанавливать (положим, в гипсе) черты лица когда-то жившего носителя сих костей. Федорову нужен *человек целиком*, даже *все человеки целиком*, как живые. И

патрофикация тогда – не утопия (и, конечно, не «просто глупость»), но лишь абсолютное, теоретически-предельное завершение большого и нескончаемого движения, некая кода остеологического лейтмотива, пронзающего историю прямым, как всхлип, росчерком мысли...

Дело, конечно, не исчерпывается этими примерами «на костях». Ясно, что и книги, и музыка, и многие иные следы и плоды нашей творческой деятельности – всё так или иначе заставляет покинуть тесную оболочку своего сиюминутного тела и зовёт отыскать свое подлинное место в длинной человеческой шеренге, зовёт быстро и без суеты занять его и... и выполнить общую команду на равнение. В шеренге видно *всего себя*.

И теперь становится понятнее, почему так складывался итог размышлений о МВ. Это и не итог вовсе, а начало новой большой темы, – о *человеке и его границах*. А все подобные реконструкции, «восстановления» и «моделирования», все эти «машины времени» и «зомериды» суть только неуклюжие (или даже пресные) попытки – и попытки с негодными средствами – говорить по теме. И вместо *научной* речи куда как более годится для выражения речь *поэтическая*.

Я знаю, что я бессмертен,
Я знаю, моя орбита не может быть
 измерена циркулем плотника,
Я не исчезну, как исчезает огненный
 зигзаг, который горячей палкой
 чертят мальчики в потемках...

Мои ноги крепко вделаны в пазы гранита,
Я смеюсь над тем, что зовется у вас распадом,
И я знаю безмерность времен...

Я умираю вместе с умирающими и рождаюсь
 вместе с только что обмытым младенцем,
 я весь не вмещаюсь между башмаками
 и шляпой...

– Но, позвольте, скажут мне, да разве в приведенных строках Уолта Уитмена нет тривиального противоречия: всё «я» да «я», но говорится-то о «мы»?! Или как там принято изъясняться у понимающих литературоведов: вот, де, певец «мировой демократии», певец «родства со всеми людьми и со всеми явлениями мира». Певец, а якает...

«Объяснить» можно всё, даже подобные противоречия. Только проблема не сводится лишь на *терминологические* трудности, – мол, подходящих слов не хватает, и желателен освеженный понятийный аппарат

(там фигурирует особо понимаемое «я», к примеру, уже вовсе не в привычном смысле отдельности или индивидуальности, а нечто противоположное тому, фокусирующее в единую точку тепло целой вселенной). Увы, тяжело приходится *по природе*, и даже по метафизическим, так скажем, причинам.

Это – как?

Для пояснений воспользуемся Уитменовым «огненным зигзагом», что «чертят мальчики в потемках». И нафантазируем, что онный состоит из отдельных частиц-корпускул, вспыхивающих и тут же угасающих, и эти «атомы жизни» наделены интеллектом – каждая. И вот разумные частицы пытаются осмыслить долю свою, мучаются они каждая своим чередом, и однажды их заинтересует вопрос о своем месте на траектории общего жизненного «зигзага». Увы, в силу индивидуальной своей эфемерности они никак не могут слиться воедино, и только глаз внешнего наблюдателя (создателя «зигзага», к примеру) увидит замысловатую кривую целиком. Частицам нашим остается единственное – искать материальные приветы из прошлого, догадавшись однажды, что тонкий серый пепел вон там под ногами – это всё, что оставили жившие ранее. А поскольку природа скупа, уясняют себе частицы, нужные следы и приветы им придется оставлять еще и специально. Так рождается «частичная» философия. И вспыхивают частички жизни, успевая задуматься о своем бытии, и даже о времени подумать, и написать свои письма в будущее, тем самым хоть как-то умещааясь в паузе небытия. Да и что такое жизнь, как не узкий просвет меж двумя бесконечностями, – небытием до вспышки и небытием после угасания твоего, – а, частичка?..

Жалостная картинка: мерцающие светляки, шлющие друг другу весточки – в бездну. Через бездну. Это – мы.

Начал не с начала и кончу не концом. Прочитавши однажды о том, как на могиле великого философа выведено латынью: «*Ossa Leibnitti*» (*кости Лейбница*), я поначалу был весьма покороблен вульгарным натурализмом и беззастенчивостью, как показалось, этой надписи. Чуть погода поостыл, видимо, поумнел. Вот купцу n-ой гильдии – да, тому нельзя упокоиться без пространного текста на каменной плите, а что же говорить о человеке, мысли и дела которого *сами продолжают* жить в веках?! То должно быть что-то первородное и простое, как слова клятвы или шелест листьев на ветру.

Надпись – очень правильная.

Март 1984

Это будет история одной детской иллюзии и долгих, впоследствии, взрослых поисков. Еще она, история, составляет чуть ли не главный стержень моей жизни –

вот написал здесь
одну только строчку
мысленно отлетел
далеко в сторону
и подтверждаю
да именно стержень.

Началось все на первом десятке лет. Явственно помню ощущение какого-то неудобства, с которым тогда жилось на белом свете. Неудобно было сочетать два мира – окрестный, видимый, вписанный в круг радиуса нескольких километров, и запредельный, откуда поступали всякие вести, но который не приходилось видеть собственными глазами. Да, белый свет был тогда форменно «в копеечку». Вот наша Поляна (только с заглавной буквы!) – с нею всё ясно, она ощутима коленками и локтями, столько здесь замучено футбольных мячей и майских жуков ловлено –

однажды знатно влетел
в старую воронку от авиабомбы
так несешься с веткой в руках
не чуя ног и колдобин
а впереди на просвет
закатного северного неба
темнеет тяжелая точка
сказочный гуд испускает.

Или вот речка наша Сарья, –
я долго считал
что зовут ее Царя
а позже прочел на карте
взрослое название
и разочаровался
имя в прежней жизни
было лучше, –

даже в сей час ощущаю холодок ее струй и упругое подрагивание черного тела вьюна, которого ты выхватываешь из воды и споро, вместе с облаком брызг, бросаешь Вовке на берегу (только что то же самое делал и он, мы по справедливости менялись ролями в этой счастливой ловитве). Мир

окрест был сугубо реальным и дружественным, он не нуждался в посредничестве, он предстал *сам-друг*. Но было еще и *другое*, приходящее через реплики взрослых, через книжки и особенно картинки в них, это другое не имело вкуса, запаха и не бралось на ощупь. Скажем, старшие по делам и случаям ездят в Город –

это далеко и долго
и деньги платить нужно
там Зимний дворец
Нева и Аврора
и мороженого ешь не хочю.

Или, говорят, Москва, – еще дальше ведь, у-у-у, столица... Этот второй мир, странный мир теоретических конструкторов никак не вписывался в языческую первозданность бытия. Его не было. Вернее, он если и был – лишь как-то изображенным или, скорее, воображенным. Запах ощутительно переживаемого мира еще долго перебивал тонкие ароматы – иного, по-началу-воображаемого. Вот и первая поездка в Ленинград (лет шесть мне тогда было) оставила две такие разные картинки на память. Первая, очень яркая и живая:

то мы папа старший брат и я
спешим на электричку в Питер
мимо нашей Очести
брошенного карьера с водой
никогда так рано не вставал
от свежести утра зябко
по гладкому зеркалу воды
плюхает мохнатое существо с усищами
папа радостно кричит ондатра
узнаю я славное имя
и мы еще не раз оглянулись
на рифленные круги
тающие в полосатом белом
тумане.

Вторая картинка иная, но ничуть, пожалуй, не хуже:

наконец исчез шум и треск улицы
воцарились тишина и блеск
высоких прозрачных ящичков
где заперты скучные птицы и звери
около пестрого павлина при хвосте
знаменитом впервые вижу каков

сидит мальчишка с альбомом
и я украдкой люблюсь его рисунком
цветными карандашами
там много лучше чем с этими
блеклыми чучелами и пустыми глазами.

Я совсем не помню Ленинграда из первой встречи, но до смерти не забуду ту ондатру в пруду, как и павлина в альбоме мальчика. Память не обманешь, она верно хранит родное и нужное, т.е. дорогое.

Спустя примерно пятнадцать лет состоялась первая встреча с Москвой. Сама Красная площадь заставила чуть задержать дыхание, украдкой от товарища наклониться и ощупать ее брусчатку – так ли все на месте, все ли в порядке, мол. Наверное, я затормозился в своем развитии. Понадобилось еще пять лет, чтобы в первой около-научной публикации начать какие-то оправдания, и еще шесть лет, чтобы именно теперь связать всю цепочку от детских сомнений и убеждений до той статьи. Публикация называется «Семиотическое существование» – или называлась? она давно и навеки погребена в малотиражном сборнике 1978 года¹²⁶. В те стародавние времена я, ренегат от техники и прикладной математики, вдруг стал отдавать весь досуг поискам и чтению любых текстов со словами «знак», «символ» или «значение», буквально на них бросался и жрал.

И вот однажды мне на глаза не могла не попасться статья под устрашающим названием «К вопросу о существовании значения общего имени в экзистенциальных высказываниях», под авторством Ю.А. Петрова. Всех впечатлений не упомяну, но главным, мне-сугубо-толчковым там выпала довольно странная *классификация типов существования*. Вот вам материальное существование (извольте здесь пощупать!), вот логическое (ибо объект непротиворечив в своем определении), а вот потенциальное (чего-то нынче нет в двух выше указанных смыслах, но это «что-то» можно в принципе, когда-нибудь осуществить, стоит только потерпеть). И тут я буквально взвился: как же так?! Да мало этих трех типов-то! Да разве потенциален, материален или логичен, к примеру, «круглый квадрат»? а «множество всех множеств» – его нет материально уже потому, что его нет ни логически (специалистам по основаниям математики известны парадоксы насчет этого «всех»), ни потенциально: а попробуй-ка получи такое «множество» – не будет тебе остановки и роздыху!... а как, извините,

¹²⁶ Статья «Семиотическое существование» (1978) воспроизведена в первом выпуске «Тропы и пути» (2018). Эта заметка в «Опытах» фактически рисует контекст (немного обще-культурный, и – много больше – лично-биографический), в котором данный текст когда-то сотворялся (реплика *января 2019* года).

существуют некто Е. Онегин, некая Н. Ростова или Прометей, который прикованный?!

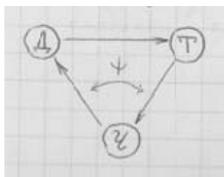
Всё это должно существовать
всё это конечно же существует
только в специальном смысле
посредством знаков
семиотически.

Коли назвал ты что-то, что-то именовал, включил в знаковую систему, объект такой уже и существует. Тот же «круглый квадрат» никак не может... г-м, г-м, иметь место по Ю.А. Петрову, но ведь мы о нем рассуждаем-таки, только здесь, в моем тексте он *уже дважды назывался* – да, потому он *есть*, есть в *семиотическом* виде. И все литературные герои живут особо, в знаках (печатных и рисованных) и символах, и уже потому им никто не отказывает в праве на существование, не так ли?

К восклицательным и вопросительным знакам пришлось, конечно, подмешать не одну горсть более спокойных выражений, изрядно поднабравшись терминов и академических (для солидности) оборотов, и гору бумаги изведя на черновики, – короче, получилась публикация. Она испортила много крови и принесла, не меньших по объему, радостей. Одного тогда не хватило и не оформилось: я не подозревал тогда, что об особом семиотическом существовании мне *нельзя было* не писать,

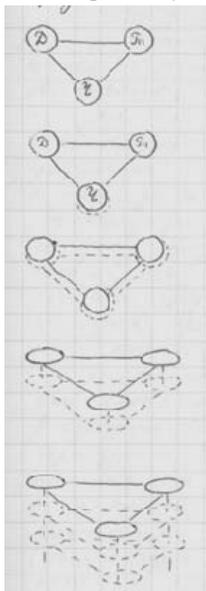
ибо это затянувшееся детство
не давало забыть и предать
старых «как» и «почему»
это окрестности станции Войбокало
представали материальными
а Питер и Москва не могли
войти в круг горизонта детского
земного и руку протяни данного
лишенного логической отвлеченности
и знакового облачения.

Они, эти запредельные, за горизонтом обретающиеся объекты долго пребывали для меня только семиотически, вплоть до первого прямого

соприкосновения с ними – ладонью к поверхности, теплом к теплу... Или у меня всего лишь не было воображения? Пожалуй, не в этом дело. Воображение – не здесь. Для пояснения нарисую три вспомогательных кружочка. Так, стало быть, изображаются Действительность (Д) – Текст (Т) –

Читатель ($Ч$). Разумеется, стрелки указывают, что из чего следует: здесь Текст как-то изображает или отображает Действительность, Читатель имеет дело с миром из Текста и по нему, Тексту эту Действительность как-то представляет или воспроизводит. Тогда, как видим, *слишком прямолинейное* воображение неоправданно сближает $Д$ и $Т$, а воображение *слишком изощренное* разводит их на большие расстояния. Нужен еще разумный угол ψ , должен соблюдаться некий правильный зазор, некий параллакс (а, пожалуй, пусть мы с планетами имеем дело, и с некоторой планеты $Ч$ видны еще две планеты – $Д$ и $Т$, вот и о параллаксе законно вести теперь речь), и только тогда наш треугольник изображает *настоящее чтение*. Чтение – это хоровод небесных светил, нерасторжимых, вечно друг к другу тяготеющих и все-таки несоединимых. Мир $Д$ существует (преимущественно) материально, мир $Т$ (для Читателя) – семиотически, а *степень* или *проявленность* такого существования, «семиотичность» мира $Т$ задается, регулируется углом ψ : коли он увеличивается, Читателю приходится одолеваять путь к сказке и фантастике, и так – до полной небыли, а *стоит* уменьшать ψ , как открывается дорога к реализму, потом минуешь натурализм и достигнешь, в итоге, канцелярской сухости протокола или технического описания.

В обеих крайностях литература убывает или даже умирает, а треугольник наш усыхает в одну из своих сторон.

Треугольник чтения подвижен, как сама жизнь. И как жизнь, он бесконечно сложен. Это – *сложный треугольник*, построенный ярусами и многими переходами, и ярусы эти бесконечной анфиладой уходят все дальше и дальше от поверхностного взгляда... Чтобы не быть голословным, поясню на простых схемках, как такой треугольник «в жизни» складывается:

первый его ярус строит сам писатель, – ибо он «знает», о чем хочет сказать ($Д$), как хочет сказать ($Т$) и даже кому хочет сказать ($Ч$);

и вот книга пришла в руки конкретного читателя, который, конечно же, не похож на «проект» писателя, и это даст урожай метаморфоз;

конечно, для конкретного читателя имя рек вполне своими (иными) будут и $Д$ и $Т$, – и вот уже построенся второй ярус всего нашего треугольника;

эти ярусы не могут не взаимодействовать (слегка поворачивая чертеж, для убедительности, и прошу удостовериться), ведь читатель хорошо понимает

свою индивидуальность, и автор (писатель) не может не сознавать принципиальную разноликость читателя;

стало быть, при взаимодействии ярусов рождается еще один ярус – третий (для примера – третий уровень на вертикали *Ч*: наш читатель пытается представлять, *что думал о нем* автор);

смело ставлю «и так далее», с одним уточнением: число ярусов велико, быть может, оно бесконечно, только чем глубже очередной ярус, тем менее четки его очертания, тем более он неуловим и в читательской и в писательской рефлексии.

Сложный треугольник чтения начерно построен.

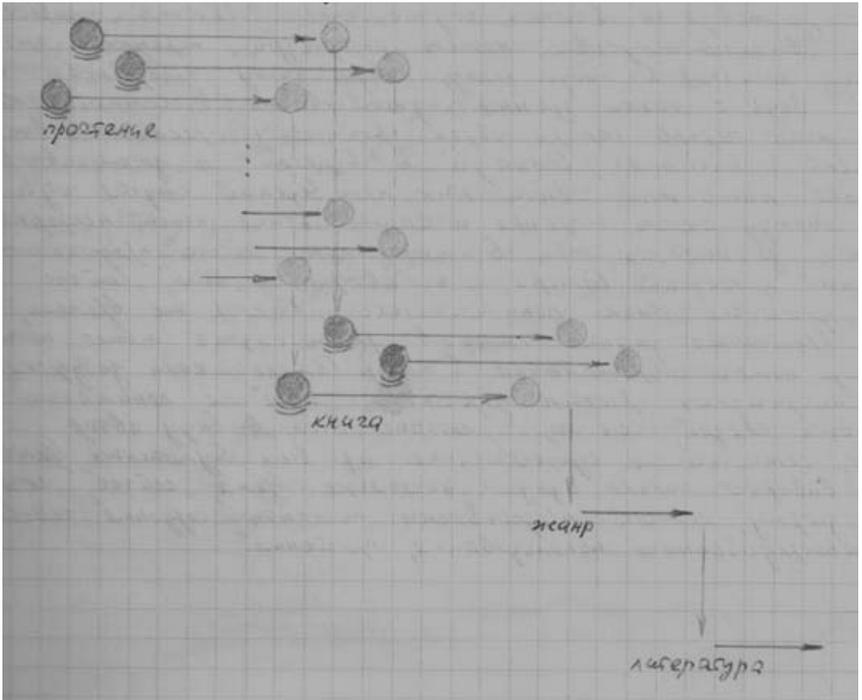
Теперь напомним себе о том, как по-своему «дышит» уголок ψ – конечно же, он не должен быть одинаковым на всех ярусах. Поэтому и весь сложный треугольник дышит,

у него вздымается грудь
проступает румянец на щеках
кровь струйками питает члены
рождаются и исчезают новые ярусы
налаживаются связи и перемычки
это и есть жизнь.

Пойдем дальше. До сего момента мы имели дело только с одним читателем (пусть он и предстал, в итоге, многоликим), а ведь сколько их еще-то было, есть и будет!

Так что надо бы рисовать целое облако таких же многоярусных сложных треугольников, и треугольники эти обязаны взаимодействовать между собой. Ибо в облако они объединены *одной книгой*, да и читатели в своем чтении сами как-то выходят за пределы «своего угла».

Так было со мной однажды, когда читал шекспирова «Макбета», –
я будто обрел новое зрение
пропали печатные строчки текста
прочь ушли ведьмы короли окровавленные кинжалы
яды в ухо
проступили вдруг глаза читавших те строчки
это воспринимавших здесь задумавшихся
там заскучавших
глаза многие разных лиц
так читателем творится читатель.

Требуется и очередной шаг. К такому сверх-сложно устроенному облаку (так и будем величать) чтения надо добавлять еще и еще облака – столько, сколько книг уже написано людьми. Захватывающая получается картина, ее страшно вато представлять даже в мысленном пространстве...

Попробую-таки изобразить этот *Мир Литературы*, вернее, его генеральный, так сказать, чертеж. Только придется вместе с бесконечно разворачивающимся строительством сложных треугольников применить и обратное – свертывание треугольников, необходимую проекцию их многочисленных ярусов на общую плоскость. Пишу и рисую:

– уже был выстроен сложный треугольник для конкретного читательского прочтения конкретной книги; теперь преобразуем (сплющиваем) сложный треугольник в «простой», чем достигнем немалой изобразительной лаконичности, да и привычнее так: лишь специальный анализ выявляет «бутербродную» (или «многолистную» – снова из астрономической, вернее, космологической семантики одолжим термин) структуру чтения, обыденно же употребление цельным «куском»;

– далее получаем «простые» треугольники для случая других читателей той же книги; эти треугольники, в свою очередь, сами образуют новый сложный треугольник, а из последнего ничто нам не мешает «выжать» очередной «простой» треугольник, теперь уже треугольник общего чтения данной книги;

– тем же методом выстраиваем «простые» треугольники других книг; они снова складываются (автоматически! – я даже не задумываюсь) в сложные треугольники, объединяясь по жанрам, направлениям и литературным традициям; и сложные эти треугольники снова можем плющить все на той же наковальне для смыслов;

– и, наконец, сгребая полученные на предыдущем шаге «простые» треугольники, объединяем их в последний сложный треугольник (только здесь я сомневаюсь, бесконечное ли множество ярусов у него – не правильное ли будет говорить не о бесконечном, но о *растущем* множестве?), снова благополучно плющим нашу конструкцию – и готов треугольник Литературы в целом.

...

Не думаю, что мой генеральный чертеж Литературы, эта «схема треугольников» восхитит любого встречного. Того более скажу (и знаю): многие бы поставили ее в упрек мне. Мол, какую вы, батенька, скукоту развели, так не долго загубить или испортить всё прекрасное, что только есть в чтении... Но, кажется мне, восприятие художественного текста как целого стало для меня (хотя бы для меня и только для меня) чуть глубже и, если угодно, восторженнее, – а всего-то попытался увидеть, как тонко и сложно взаимодействуют части этого целого.

Важно будет сделать прибавление, оно о времени (совсем уж бегло). Семиотическое существование текста предполагает не только особое *пространство* (именно его я попытался «изобразить» многосложными и многосвязными «треугольниками» – и тут видятся любопытные геометрии), но и особое время, вернее, некое *пространство–время встреч*. Если взять самый исходный – из элементарно-начального яруса Литературы – треугольник Д–Т–Ч, то он только на бумаге представляется легко изображаемым. А на деле, в реальности нужно еще специально озаботиться о том, чтобы все три слагаемых его оказались *достаточно близкими* во времени. (Вижу здесь архи-большую проблему!). Скажем, в недрах Ленинки наверняка лежат ни разу не востребованные сотни томов, и они – далеко еще не Текст (одна из вершин нашего треугольника), а только груда целлюлозы с пятнами типографской краски. А вот дядя держит кружку и дует старательно на пиво, – какой он сейчас читатель, ему еще надо, к примеру, пиво это

выпить, да потом пойти в ту же Ленинку, зарыться в каталог и... и т.д. А неизреченной Действительности сколько вокруг! Взять хотя бы мою станцию Войбокало, что в 90 километрах от Питера привольно раскинулась вдоль «железки». Еще никто ведь не написал о ней специально, и она существует фактически около сотни лет, но еще не очень-то существует именно семиотически...

Семиотическое существование требует встречи всех трех вершин нашего треугольника чтения в едином акте, в одном пузырьке (кванте) времени, в актуально-общем «сейчас»...

И это – всё на сегодня. Пора вершить мой стог! Существование через знак (символ) имеет особые права и особо нам служит. Оно, как и всё жизнеспособное, диалектически противоречиво:

в пространстве оно отделяет
творя мир заново
глаз сошурив устраивает дистанцию
меж вымыслом и реальностью
а во времени рушит все границы
смыкает далекие эпохи
прошлое несет в будущее и обратно
соединяет разъединяя.

Май 1984

Путешествие дилетанта

Живешь-живешь, и вдруг – бац! – осенило. И думал-то урывками, и надолго отвлекался ради всяческих «надо», и дело вроде как не ахти какое почтенное занимало (мыслить *о многом*, владея *малым* – тягота дилетанта), а подишь ты... По крохам случился сбор, по малости: то – когда выстаивал на автобусной остановке (рейсовый опоздал, из града Чехова в Чернецкое), сё – подминая под себя привычную бетонку в пути на работу, этакое – под громыханье телетрансляции футбольного матча, раззтакое – когда наконец затихла твоя квартира в сонном пришептывании, и одна за другой погасли глазницы окон в пятиэтажке напротив¹²⁷. И вдруг всё начинает как-то

¹²⁷ Уместно будет прибавить о смешном соперничестве с Сергеем Амелиным, семья которого жила как раз в доме напротив нашего, только парой этажей выше. Его еще очень «филологически» радовала моя *консеквентность времени* (как раз в те дни формулируемая). Так вот, Сергей мне однажды признавался, как он

объединяться. И неотступно беспокоить и мешать – до тех пор, пока (а хороша, действительно, простая рифмовка – *покой* и *пока*) мысль не оформится строчкой, абзацем, чертежиком...

Чую огромность темы, что просится,
знаю, сколь далеко мне до красивых закруглений,
но уже жалею этих несмышленишей-мыслят,
и потому излагаю что есть, не готовое.

Так рисуют маршрут на карте, привязывая к местности только точки стоянок, а между ними одним махом вычерчивают отрезки небрежных линий, голые абстракции путей многотрудных. (А вот так ли уж ясно, что важнее – места остановок, где можно итожить и перевести дух, или же эти самые отрезки пути, о которых и скажется только: «Что делал? Жил...»).

Свое путешествие попробую изобразить узлами маршрута на весьма неровной (и воображаемой) поверхности, простертой от *низин* технических проблем до *высей* этико-нравственных. На узел отведу по одному абзацу, а перемычки меж ними пусть сами устраиваются, я здесь не помощник. Пусть что хотят, то и воротят.

(1) «... Ибо что такое человек во Вселенной? Небытие в сравнении с бесконечностью, всё сущее в сравнении с небытием, среднее между всем и ничем»; человек «удерживается на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия», и все мы – «нечто, но не всё; будучи бытием, мы не способны понять начало начал, возникающее из небытия, будучи бытием кратковременным, не способны охватить бесконечность». И – приговор: «в ряду познаваемого наши знания занимают не больше места, чем мы сами во всей природе». Беспощадны слова Паскаля. Они тревожат. Они зовут идти разными дорогами – по стезе эпикурейства, схимы или труда, по нуждам познания – кого куда. А я наивно верю в свободу выбора.

(2) Осечка титанизма с его возрожденческим кличем «*quo non ascendam!*!» непрестанно повторяется в разных местах, в разное время и при непохожих обстоятельствах. Вот и современная братия инженеров, математиков, программистов уже не ограничивается благими помыслами создания *просто* «усилителя умственных способностей» человека, подавая им «искусственный интеллект», да чтоб и без кавычек, и *сверх* человека был... Пробовали взять навалом, на ниве оперативной исстаравшись,

несколько раз специально пытался «пересидеть Петровича», – говорит, гляну в окошко, а у него все еще светит зеленая лампа, занимается... значит, и мне еще надо почитать что-либо... и как он в итоге сдался, и экспериментировать с часами и лампами перестал (примечание *марта 2019* года).

повысили быстродействие, к примеру, до многих и многих миллионов операций в секунду, или объемы потребной памяти во много крат, – а не то, всё мало. Теперь надеются спасти затею, расширяя область притязаний своих уже непосредственно в пространстве и времени: будем строить информационные «базы» (данных, знаний и проч.) и представлять в них окрестный мир шире и полнее, введем элементы предвосхищения и обучения, заставим свои металлические ящики чувствовать и рефлексировать... Этим попыткам можно радоваться, – столько людей всю работу, в пору уже ждать практических выходов. Но так пока строится не «искусственный интеллект», а «интеллектуальный интерфейс». Поскольку машины умнее человека что-то не спешат появляться, все силы пошли на создание и развитие «человеко-машинных» (гибридных) систем. А чтобы «моделировать человека» – ясность этого уже, похоже, приходит, – необходимо сначала «моделировать весь мир». Ибо что такое человек? Грань двух бездн? – Что тогда «грань» без самих «бездн»? – Ничто. Значит, действительно надо учиться моделировать «весь мир», но мыслимо ли, вообразимо ли это?

(3) В «Исповеди» Льва Толстого для всякого найдется строчка (или мысль), что вдруг толкнет в грудь и заставит задуматься. На сей раз меня больше задела итоговая часть, а именно... пробую покороче выразиться, в ущерб гладкости изложения... соседство в ней двух тезисов о «смысле жизни»: *а)* нельзя обойти «вопрос отношения конечного к бесконечному» (или, ставит знак равенства Толстой, вопрос веры), и *б)* чем-то главным владеют простые люди, которые «спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро». Отстаивать сии тезисы по отдельности было бы не оригинально. Так, пункт *(а)* явственно хранит следы интонаций Паскаля, вообще он лежит в традициях и патристики и «богоискательства». По поводу *(б)* сразу вспоминаются идеализация «природного человека» у Руссо и протестантские «опрощения». А вот *(а)* и *(б)* вместе и разом – это что? Конечно, речь не о «боженьке», не о стихийном народном теизме, ибо – по Толстому же, – «Бог есть жизнь». Жизнь – главное, а не догмат Вседержителя. Что же такое жизнь? Что особенное ведомо «неученым», что помогает им балансировать (нет – твердо стоять двумя ногами!) меж бездн? И почему это мысль, логика, знание никогда и никак не исчерпывают самой жизнь?

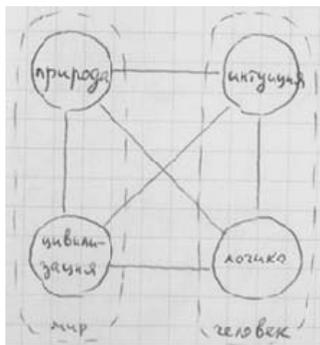
(4) «Не ученые» и «простые» античные мудрецы. Их основной метод не бэконовский (от опыта, эксперимента, факта), но натурфилософский. У них логика мысли – только служанка, а на первых ролях выступает *умствование из себя*, опора на *интуицию*... Вот и произнесено заветное слово, способное объединить тех, кто во все времена владеет некой «изначальной правдой»

жизни». Таковы, именно, «простые люди», «натурфилософы» и «дилетанты». О первых убедительно говорил Толстой. Натурфилософами – вчистую – были древние греки и многие возрожденцы, и хотя теперь их метод не может быть единственным и самостоятельным, по их следам будет идти всякий, кто открывает подлинно новое, кто в полете воображения обгоняет неспешную логику рассудка. А дилетанты – кто они по сути своей? Их определяют два качества, отпущенные в очень тонкой дозировке: *любовь* к своему предмету и *неискушенность* в знании о нем. (Не хотелось бы перебивать основное повествование, да жалко пропустить момент для комментария: только написав эти строки, я понял, почему Булат Окуджава назвал свой роман «Путешествие дилетантов», и почему мне только что вздумалось почти скопировать это название). О тонкости говорю намеренно: совсем без любви рождается схоластика, любовь сверх меры лишает возможности сказать хоть что-то нетривиальное (она застит глаза), великая изощренность знания кастрирует самоё мысль до академически-общих мест, тогда как полная неискушенность оборачивается, конечно, профанацией.

(5) Меня давно преследует одно чрезвычайно ясное видение. Во сне ли оно родилось, или же оформилось постепенно в такт медленным шагам на излюбленных прогулках затемно, не помню и не знаю. Только однажды оно взяло и проявилось. Оно таково: будто чьи-то бережные руки неслышно скользят над головой (над моей? чьей-то еще? и я наблюдаю как бы со стороны?), они вдруг исчезают без следа, и вместе с ними куда-то девается верхняя часть головы; но никакой физиологии, крови или там костных тканей не видно, нет и борозд мозговых извилин из учебника анатомии, – нет, только *облако света* скрывалось под той крышкой черепа. Острые лучики пронзают пространство (а как тихо! ни шепотка!), они заполнили всё вокруг, они тонкими струйками соединяются со звездами над головой (или видение сложилось-таки на вечерней прогулке?) и уходят всё дальше, всё выше... Так вот, оказывается, какие мы, люди! Значит, это только кажется, что мы отделены от мира телесной оболочкой своей, оболочка – лишь видимость и полезное укрытие от ветра и холода. Но и только. Есть, есть связь крепкая и навек! На вечность! Для вечности!

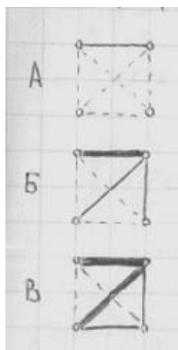
(6) Люблю – грешен, каюсь – строить графические схемы. Они подчас требуют смелости и беспощадности к себе: надобно ведь что-то сознательно отбросить, покалечить, а что-то гипертрофировать, возвеличить, назначить в коноводы, добровольно отдать власть свою (творца) в руки какой-либо абстракции (творения). Но «простенькая» схема любому становится доступна, любой ее может критиковать – всё на виду. Так что, понимаю ответственность шага, и делаю его.

У этого (конечно, весьма условного) квадрата интереснейшая видится «география». Схематический треугольник на юго-западе фигуры (природа–логика–цивилизация) вполне отражает самую привычную связь: человек осмысливает мир и творчески его преобразует, вписывая в природу контуры своей цивилизации.

Пойдем дальше по частям нашего квадрата.

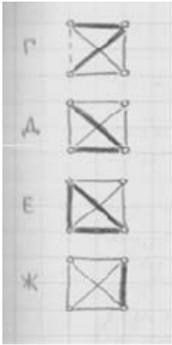
Треугольник на северо-восток обрисовывает тот факт, что познание не обходится без интуитивного момента, рука об руку с логикой, рассудком составляющего то, что мы называем мышлением. Юго-восточный треугольник изображает компоненты строительства, творчества, деяния человеческого. На северо-запад простерлись связи, которые больше всего соответствуют зрению того «открытого мозга» – с миром слитого и сияющего. В этом же треугольнике обретаются ранее помянутые владельцы «правды жизни». Наконец, квадрат со всеми своими связями и вершинами, не мудрствуя лукаво, пусть изображает феномен человека, – весь и в целом.

По квадрату можно проходить историю человечества. На животном уровне прочерчена только верхняя его сторона (А), мир осваивается так глубоко бессознательно, что даже «интуиция» как некое жизненное усилие еще нуждается в прикрытии кавычками. Потом связь крепчает, пра-человеческое стадо обретает остров в океане фауны, – и, по Леви-Брюлю, сие сопровождается появлением «до-логического» мышления. Человек еще плохо отделяет себя от мира, он пронизан им и антропоморфизует его; на языке линий нашего квадрата это означает (Б) непривычную для нас яркость и сочность верхней стороны и слабые, едва намеченные пути на юг (рождение мышления) и юго-запад (просыпается орудийная деятельность). Далее человек все больше живет трудом, растут и крепнут узлы цивилизации и логики, и вот уже явственно прорисовался первый замкнутый треугольник (В).

Но и эта фигура, в свой черед – растет познавательная способность человека через наблюдение и анализ, – меняет очертания (Г), а дальше, мы видим, блекнет былая яркость интуитивных связей, человек быстрее осваивает действительность посредством разумной деятельности и

сознательной частью своего мышления, и вот уже стороны снова окрасились иначе, уже приметнее цивилизация на фоне природы, и при всем при этом, нельзя не заметить,

уже замыкается весь квадрат (Д). Цивилизация бурно растет и теснит природу, и мы вновь должны обновить наш квадрат, заговорив об экологической ситуации (Е). Здесь, похоже, мы достигли состояния сегодняшних дней. Но соблазнительно шагнуть дальше, в наше завтра и послезавтра. Один шаг берусь-таки сделать. Думаю, когда-нибудь в новом качестве вырастет собственно человек, т.е. должна наполниться новая связь интуиции и логики-здравогомыслия, и поэтому должно нам рисовать квадрат с более яркой восточной стороной (Ж), в уверенности, что другие стороны и отрезки окрасятся тогда более равномерно, чем ныне. Что будут потом-потом, страшновато и думать. Может быть, здесь случайно нарисовалась итоговая схема полной гармонии, и с собой и с природой (и тогда крупно повезло с аббревиатурой Ж – «жизнь», «житница»!), а может, всё снова начнет менять свои тона и связи, даже новый цикл, в повторе, допускаю – с роста интуиции начиная, и пойдет дело от схемы Б и далее, – не верю только, что квадрат выродится в один из треугольников или, того хуже, в северо- или юго-западную вершину свою.

– А теперь прошу смеяться.

Впрочем, еще прибавлю несколько слов о проекте «искусственного интеллекта». Кто не берется моделировать «весь мир», тот пусть возьмется за «интуицию» – здесь брезжат чуть ли не те же проблемы и трудности.

Теперь – по-ж-ж-ж-а-ал-те!

Апрель 1984

Тесен мир, или Гомофора

В одной китайской повести о недавних делах-мытарствах (Лю Синью «Жезл счастья») невольно обратил внимание на два использованных там слово-оборота, они из лексикона «великого кормчего». Да, *бокoм вышли* Китайской республике эти «внутренние ревизии» и «внешние проверки», совсем не схоластически они воспринимались интеллигентами Поднебесной, но – именно бокoм, который наломали!

Только вот... что мне так напоминают сии составные части «классового анализа», по Мао?

В поисках ответа с удивлением осознаю вдруг, что уже на следующей строчке должно появиться совсем иное имя, имя подлинного революционера в мировоззрении – Альберт Эйнштейн. И сходу «объясняющие» такой переход корреляции-сочетания будут, кажется, таковы:

внутренняя ревизия ~ внутреннее совершенство

внешняя проверка ~ внешнее оправдание.

Вот и додумался до чепуховины: Эйнштейновы требования к «хорошей» научной теории и железные принципы «культурной революции» оказались приравнены! Рядом, оказывается, лежит путь к научной истине и философское обоснование мракобесия. – Ты не устал, дорогой? Может, пора отдохнуть от такого писательства?

Конечно же, такие «спаренные», корреляционные, гомоморфные системы имеют совершенно несводимое друг к другу содержание. Но все-таки в подобных *далековатых* соседствах что-то содержательное должно быть обязательно. Вопрос – что?

Чтение китайской повести послужило хорошим поводом вернуться к размышлениям о *тесноте мира* (пока – рабочий термин!), меня то и дело тревожащим в последнее время. Примерно так: мир устроен *тесно* и человеку мир *тесен*... человек как-то так притерт, пристыкован, *притеснён* к внешнему миру, что всё им понятое о мире, познанное в мире так или иначе *истинно*... потому *относительно истинно всё*... ибо, если ты притиснут к миру, сама действительность вовремя тянет тебя за язык... (тут позволю себе чуть развернуться)

... потому не заговаривался в священном косноязычии

«тёмный» Гераклит, вещавший когда-то эллинам, что «одно и то же суть и живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое», что мы «в одну и ту же реку входим и не входим, мы есть и не есть», и ничего такого *тёмного* нет у Эфесца, ибо само движение, жизнь сама невыразимы без такого единения «несоединимого», без *одновременной* и согласованной истинности противоположных крайностей,

и можно только позавидовать участи

древних пифагорейцев, в числе первых смертных уяснивших великий принцип *числовой гармонии*, принцип той же самой тесноты мира, только выраженный на языке структурных отношений, принцип, не дающий покоя и нынешним мыслителям, вспомнить хотя бы неожиданно-восторженные слова нобелевского лауреата Е. Вигнера о *непостижимой эффективности* математики, именно что непостижимой – до сих пор,

и как не радоваться, сквозь века и вместе,

вместе с Гермесом Трисмегистом той грандиозной картине единства всего сущего, где «то, что внизу, подобно тому, что сверху, а то, что сверху, подобно тому, что внизу», и прибавить к тому, что дальше у Гермеса следует – «и все это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного», ибо король средневековых алхимиков, укрывшийся под архаизирующим псевдонимом, безусловно, принимал идею Единого Бога, – прибавить *лозунг всеединства* от Владимира Соловьева, и завершить, снова из Гермеса, но и в продолжение старой, вернее будет сказать, старинной неоплатонической традиции, признававшей, что «единое, и только оно, первопричина всякого совершенства повсеместно, всегда»,

и не стоит снисходительно воспринимать

толкования древнегреческих мифов, предпринятые Френсисом Бэконом, у которого всякому атрибуту бога Пана, к примеру, найдено «строгое соответствие» в Природе Познаваемой, – когда Пановы рога до небес и утонченные кверху, изображают философскую *пирамиду понятий* от бесконечных числом индивидов до штучных *ideae universales*, когда волосатость его тела суть лучи, исходящие от всяких вещей, когда козлиные ноги при человеческом тулове запросто выражают диалектику высшего и низшего, сложного и простого, когда семитрубчатая свирель в левой руке знаменует «созвучие и гармонию вещей», а изогнутый посох в правой свидетельствует о том, «что пути природы могут быть то прямыми, то окольными», а шкура леопарда на плече Пана попросту «срисована», именно, «со всей совокупности вещей», сиречь природы, ибо «и небо усеяно звездами, моря – островами, земля покрыта цветами, да и вообще почти все вещи обладают неоднородной поверхностью, которая служит для них одеждой», – право слово, кто хочет впервые задуматься о *тесноте мира*, тому самое время вдуматься в эти веселые толкования из трактата *De Sapientia Veterum*, «оставляя в стороне все лежащее на поверхности» и устремляясь «к более глубокому и более важному»,

и, наконец, не лишне будет напомнить

всем известную и всегда справедливую мудрость *о новом как хорошо забытом старом*. Вот в нашумевшей книге Пригожина и Стенгера «Новый альянс» смело провозглашают «подлинную метаморфозу науки» и переход к новой «картине мира, включающей самого открывающего и описывающего этот мир человека». Но о том же, причем более ярко и эмоционально, заявляли еще древне-полисные эллины – «человек есть мера всех вещей» и т.д. Дело только в забывчивости.

Ну, и – да будет сказанного достаточно!

Пора мне более предметно и более самостоятельно высказаться о «тесноте мира». Например, так: *человек повязан с миром неисчислимыми изменчивыми связями...*

– Оп-па, виноват... Видимо, нельзя так прямо утверждать, будто бы отделяя человека от «остального за человеко-вычетом». Выговор себе объявляю и разрешаю вторую попытку.

Тогда так: *человек-образующий-мир*, как и *мир-образующий-человека* постоянно изменяются...

– Стоп. Уже лучше сказал, но слишком уж громоздко, тяжеловесно, согласись! Хорошее объединяющее слово, какой-то интегральный термин нужен, который бы, с одной стороны, не напоминал прошлые заезженные идеи и, в то же время, давал бы простор полезным и свежим ассоциациям. Выразить надо эту самую «тесноту», что у тебя так смешно изображена цепочкой слабосильных дефисов.

Попробую: *человеко-космос*, или *космо-человек*... не подойдет, об *антропокосмизме* уже давно ведут речь в отечественной культуре... надобно традиционное в философии греческое корнесловие... как там у них «единое» – *hen*? как-то звучит изначально грубо... а если «шар»? да-да, шар – это похоже на удачу, ведь шар в античности олицетворяет некое завершенное и совершенное единство, недаром сам Платон (в «Тимее») говорит о *шарообразности* мира!.. *sphaira*... сферичное... увы, термин давно «занят», от него трудно производить новшества... лучше и «свободнее», гибче – *phora*, небесная сфера... беру, и остается еще подобрать «человеческий» предикат... *anthropos*... получается *антропофора*? снова тяжеловато складывается... тогда испробуем латинизированный вариант... *гомофора*.

– Теперь продолжим набросок твоей «теории» тесноты мира, найдя, наконец, ее опорный термин.

Гомофора дышит, она *жива*, постоянно изменяется, потому как живы и переменчивы все ее слагаемые – и сам человек, и «небо», и связующие мир в целое поля и элементарные частицы. *Гомофора* всегда одна и всегда иная, в строго-философском смысле, прямо по Гераклиту. Важно теперь осмыслить ее устройство, ее специфику в отличие от похожих (столь же широко-масштабных) «сложных систем». С другими возможными «фора» сравнить. Тот же Солярис у Станислава Лема – одна из таких не- или сверх-человеческих *phora*. И еще не могу не упомянуть один диалог из «Часа быка» Ивана Ефремова, – он долгие годы не уходил у меня из головы и теперь очень пригодится для понимания «гомофоры». Жители двух планет, Земли (далекого коммунистического будущего) и Торманса (похожего на Землю нынешнего тревожного времени), обсуждают одну странную особенность

диковинного аппарата-вездехода с совершенно фантастическими возможностями, специально предназначенного для освоения «дальнего космоса» – почему у него *девять*, то бишь нечетное число «ног». Землянин: «Вопрос не прост. Выше билатеральной симметрии – триада. Геликоидальная нечетность выше двустороннего равновесия противоположностей, обычно применяемого на Земле и соответствующего поверхностной структуре окружающего мира. Нечетности создавала природа. 5–7–9 дают особое преимущество в преодолении противоречий в бинарных системах и стойкость в двусторонне противоречивом мире, т.е. возможность переходить неодолимые препятствия. Нечетность, *большая*, чем единица – это выход из inferнальной борьбы противоположностей, возможность избежать диалектического качания вправо – влево, вверх – вниз...» Тормансианин: «Все, что я понял – это существование механизмов, работающих на более сложных принципах, чем внутренние противоречия. И эти механизмы, так сказать, выше стоят над силами диалектически построенного мира. Они могущественнее!» В этом великолепном отрывке запечатлено многое. Тут и *существенная* характеристика привычной нам гомофоры – на контрасте обрисовывается ее биполярность, черно-белость, тут и яснее ясного подсказка о возможности совершенно иных отношений с миром (в мире).

– Гм... Переноса написанное до этого места в чистовик (в эту черную тетрадь), вдруг споткнулся. Хорошенькое дельце!.. И как я раньше не заметил, что форменно *ломлюсь в открытую дверь*?! И ты, память, почему помалкивала, когда тут выбирали между «сферой» и «фора»? Почему сразу не блеснуло и громынуло – *ноосфера*?!.. Почему?

Иного выхода нет – не спеша разберемся в ситуации, попытаемся четко обозначить различия гомофоры и ноосферы. Уверен, что память (в нужном месте) не напрасно молчала, она втихомолку поддакивала интуиции, тогда напрягавшейся в поисках, а теперь мне осталось только дать ей выговориться явно. Нужда заставляет: сопоставление с внешне близкой «материей» (и не нужно ходить за примерами для сравнения на передний край научной фантастики) позволит более детально и предметно говорить о новорожденной гомофоре. А то уж я собирался было точку поставить, на данном отрезке «Опытов».

Начнем, собственно, с терминологии.

Термин и концепт «ноосфера» создал Э. Леруа, ученик А. Бергсона, в 1927 году. Есть много оснований считать, что рождение нового понятия состоялось под впечатлением от лекции В.И. Вернадского, читанной в Париже как раз в это время, и слышанной и Леруа и Тейяром. В лекции,

правда, говорилось о «биосфере», а новшество от Леруа, т.е. «ноосфера» суть разновидность «биосферы», ее «психический» первый сорт. Само слово *ноосфера* изящно по своей филологической чистокровности – обе части его греческие (напомню, *гомофора* – мулат), и в хорошем смысле традиционно, если иметь в виду стойкую систему описания мира слоями «сфер»: старинный ряд барисфера – литосфера – аквасфера – атмосфера дополняется «биосферой» и вот теперь еще и «сферой разума». Тогда вполне логичны и другие шаги в подобных обобщениях, – если полистать некоторые нынешние вокруг-идей-Вернадского публикации, то не заставят себя ждать новшества вроде «антропосферы», «техносферы», «инфосферы» или даже «социотехноприродной (!) сферы». Конечно, научное творчество никак не сводится к одному *словотворчеству*, но, уверен, любая форма всегда *чревата* содержанием. Так и продление терминологического ряда явно имеет своим зеркальным отражением некоторое конкретное строительство в содержательной области науки.

Но вот что кажется особо важным. Если Вернадский и его прямые последователи только *доращивали* космографическую картину еще одной «сферой», то *гомофора не вписывается* ни в какой этаж или слой иерархии (и не даром я побоялся употребления «сферы», вовсе, вроде бы, не думая о коллизиях формы и содержания), но и, более того, она как раз пронизывает собой эту, по старинке навязываемую нам луковичную (слой на слой) структуру. Меня же увлекал феномен слитости человека с миром, разлитость человека в мире, пронизанность человека «остальным» миром и, одновременно, мир в «сфере человека». А дальше победило естественное желание следовать классическому примеру – античному пластическому образу идеальной сферы, как символа цельности или, если угодно, слитости. Потому и потянуло не изобретать добавку к Зюссову ряду «сфер», а обратиться к истоку всей сферо-традиции как таковой.

Конечно, «*рфлага*» носит одежды символа. А хороший символ всегда предрасположен к графическому воплощению и оформлению, как и здесь: *гомофора* пересекает все (или, скажем осторожнее, многие) «сферы», имея свой собственный *гомо-центр*, она эксцентрична по отношению к «миру за вычетом человека».

Теперь поищем отличия *гомофоры* и *ноосферы* по их внутренним предпосылкам, по их крови. Есть разница, и существенная, и именно кровная! Возьмем *ноосферу*... Возьмем-то возьмем, только нужно различать *два сорта*

ноосфер, ибо два крупнейших мыслителя XX века существенно по-разному понимали их. И еще трудность – о том, как эти двое представляли ноосферу, нет устоявшегося мнения у *других* исследователей, – историков науки и философов. Потому остается рискнуть на свою, собственную оценку, благо, что и сопоставлять-то некоторым образом интерпретированную «ноосферу» я намерен со своим «изобретением», отчего только последнее может пострадать, а уж никак не идея Вернадского, пусть даже и недопонятая...

Думаю, и в том и в другом случае решающую роль сыграли узко-профессиональные интересы и приверженности (дело вкуса).

Вернадский шел от проблем геологии, и потому рассматривал явления жизни, прежде всего, как возможную геологическую силу. Уже поначалу, т.е. при оформлении идеи *биосферы*, его волнуют конкретные факты прямого, нефигурального изменения лика планеты под напором жизни, – будь то порча плодородных земель Екатеринославской губернии норами степных грызунов или же приблизительный подсчет массы (многие-многие тонны!) гигантской стаи саранчи. Длинный хвост нулей сам по себе убеждает, что «масса жизни» не может быть незначима. С иной «сферой» случился крен в ту же сторону. Если сперва Вернадский связывал факт *ноосферы* с появлением мысли человеческой вообще, то потом сроки рождения ее переносятся на время расцвета земледелия, потом на период оформления эллинской цивилизации, потом даже на рубеж XIX – XX веков (поскольку, начиная отсюда, принято говорить о наступлении НТР), а Вернадский-самый-поздний вовсе отодвигает «подлинное» появление ноосферы в будущее, может быть, далекое. Конечно, для геолога ноосфера *есть*, когда она *геологична*, т.е. именно когда «вес мысли» превышает некий порог различимости по планетарным меркам.

Теперь – Тейяр де Шарден. Перво-наперво правоверный католик и только потом натуралист (к примеру, профессиональный антрополог), он зрит человека с иной колокольни, буквально с колокольни аббатства, и потому он стремится «охватить не только внешнюю сторону вещей, не только материю, но и дух». Если Вернадский приходит к идее ноосферы от факта естествознания, то Тейяр – от факта культуры, вернее, христианской культуры. Его гимн человечеству («человек воплощает и резюмирует в себе все развитие мира», он – «ось и вершина эволюции») незаметно переходит в апологию Вседержителя, ибо «придать эволюции направление, вершину и критические точки» способен, по Тейяру, только Бог, «весь» и «во всем» пребывающий. Тейярова ноосфера есть манифестация Бога через человека. Тейяровский человек, осознавший самого *себя в целом*, обязан стремиться, идти и приходить к Богу.

Итак, оба мыслителя – «финалисты». Они почувствовали, что ноосферу нельзя не рассматривать – пусть и *теоретически* – уже ныне, и отнесли ее «подлинную жизнь» к будущему *практическому* воплощению. А нужен ли сей финализм, нужна ли, спрошу я, сия телеология, метафорическая или прямая? Обходясь и без «цели» (в кавычках) по Вернадскому и без цели (кавычек нет) по Тейяру, потребление «гомофоры» призвано выделить то, что затушевывается при использовании «ноосферы», – *всегдашнюю* (и вчерашнюю, и сегодняшнюю или завтрашнюю!) *разлитость* человека. Без оной мир не был бы *тесен* ему, был бы чужд и непознаваем. Гомофора – очерчиваемая вокруг человека часть ткани универсума, такая его часть, граница которой теряется за горизонтами. *Sic*, пусть даже и *sic volo!*

Остается принести благодарности всем содействовавшим появлению «гомофоры»: жене Тамаре и дочкам за постоянное внимание к моей скромной работе, а также за мужественно перенесенную разлуку в двух сменах пионерского лагеря «Сказка»; учительнице давно не существующей Шумской начальной сельской школы Анне Дмитриевне Стукалкиной за вредную привычку к перу у ее учеников; многотимому Аристоклу, сыну Аристана, за великодушно дарованное обобщение о космической сфере; Аристотелю Стагирскому за полезное обсуждение вопросов об устройстве орбит небесных тел и о *phora* в этой связи; наконец, Пьеру Тейяру де Шардену за красивую идею «ткани универсума» (еще толком не знаю, как благодарить за идею «точки Омега»), необходимо присутствующую при упоминании одиозного имени «человек». Всем – спасибо.

Июль 1984

Сад камней

Было время, братья кликали меня (по-семейному) «японцем», зубоскаля насчет не вполне обычного места рождения – на острове Шумушу, что в составе Курильской гряды. Первые семь месяцев жизни, как сейчас помню, я провел в японской землянке (целиком из них состоял наш военный городок на острове оном), и только чрезвычайная моя занятость помешала тогда побывать в самой Японии. А ведь рукой было подать!

Вот так мы всегда... Часто ли москвичи доходят до Третьяковки, ленинградцы – в Эрмитаж, а те же японцы – к *Саду камней* монастыря Рёандзи в Киото? То-то и оно... Теперь трудно исправлять ошибки молодости, до Японии мне не добраться. А к *Саду* нынче ох как тянет...

Конечно, всегда остаются книги, которым безразличны барьеры пространства и времени, не говоря уже о каких-то государственных границах. Что ж, почитаем. «Здесь достигнуто точное эстетическое выражение представления буддизма Дзэн о пустоте: пять выразительных групп камней на чистом фоне белого песка – и все это заключено в небольшом прямоугольном пространстве. Ничего, кроме этого; но внутреннее напряжение символов – символов, воплощающих ничто, – делает это пустое пространство кажущимся бесконечным в своей протяженности». Так пишет современный японский архитектор-теоретик Кендзо Танге.

Надо прибавить, – ворошу иные монографии и энциклопедии в поисках большего: площадка размером 19 на 23 метра... параллельные борозды на песке как *рыбь воды*... традиция начала XVI века... сад типа *хиранива*, то бишь плоский, то бишь *не пейзажный*... плоский, да еще в *краткой* форме... авторство приписывают *Соами Синсо*... и всего камней 15, а с террасы жилища настоятеля всегда видно только 14 – откуда ни посмотришь... в дзэн же исповедуется *иррациональное*, потому приближением к жизненному идеалу считается *растворение в природе* (можно – в Будде)... нельзя не прибавить и рядом поставить особые материи: китайское *дао*, древне-японское *синто* и всяческие *моно-но-кэ* («скрытые силы»)... и услышать, наконец, тихий шепот: «истина в сердце каждого, несомого ветром»...

Поскольку *Сад камней* почитается еще «философским садом», нам пора теоретизировать. Посему: пусть мы имеем два объекта – вещь из кухонной, к примеру, утвари (*просто* вещь – без детализаций) и некое произведение искусства. Чем они отличаются, по большому счету? Самый легкий ответ – отличаются *функцией*? Мол, одно необходимо для поддержания жизни, для приготовления пищи, к примеру, словом, *для тела*, а другое доставляет эстетическое удовольствие, быт скрашивает, тоже к примеру, и тем самым предназначено *для души*. Объяснил я что-нибудь? Дудки! Здесь только иллюзия ясности, здесь подлог, подмена одних неясностей другими, более истертыми в потреблении и потому вроде более понятными. Вот и это «для души» – как, понятно?

Чуть больше нравится мне другая дефиниция: обиходная вещь суть *творение тела* (его «проявление»), произведение искусства – творение (проявление) *души*. Такое «объяснение» касается уже не функции, а происхождения, генеалогии культурных явлений. Но и здесь еще много невысказанного и упущенного. Хорошо бы указать ту именно особенность, по которой мы (как правило – легко!) узнаем искусство и художество, и чтобы эта особенность была наглядна и ощутительна. Надо попробовать.

Отправимся отсюда: «Это стул, на нем сидят. Это стол, на нем едят...» Простенькая сентенция из детской сказки «Кошкин дом» тут же высветилась глубоким смыслом, стоило сказочному Козлу со всею присущей ему эксцентричностью и *некультурностью* заявить обратное: нет, на столе сидят, а стул едят. Козлиное упрямство должно сослужить нам службу. Оглуляя ситуацию в употреблении вещи, Козел демонстрирует фундаментальное свойство данной вещи – у нее может быть, в принципе, несколько утилитарных функций, но только одна сторона, которой она обращена к человеку. Потому на столе позволительно держать книгу, тарелку с супом или пишущую машинку, но вовсе нелепо и некультурно стелить сюда постель, ставить штиблеты и свершать прочие козлиные деяния. А вот произведения искусства имеют *много сторон*, и нашему герою при встрече с картиной придется куда труднее, дабы проявить свою «нестандартность». Даже если он примется отгрызать угол холста, его поведение (при желании) можно признать *вполне культурным* – говорить что-то там о кредо, самовыражении или про эпатаж мещанских вкусов... Но не пора ли нам на свежий воздух, подальше от полезных животных?

Берусь утверждать, что Сад камней является для буддистов *только вещью*. Он сознательно сконструирован для приведения любого и каждого из посвященных в состояние «радости вне социальных обязанностей», для их «прозрения к Будде». Можно еще и так сказать – о том же, – пользуясь вслед за писателем Зощенко способом выговаривать и оценивать «всё до конца» и вместе с тем «по-простому», – и обращаясь, конечно, к монахам из Рёандзи: ишь они расселись... уж если выделили им сотки три аль четыре земли... что ж на них таращиться без дела... это что вам – картина?.. ах, это и не может быть картина?!.. тогда чего вон тот глаза вылупил... а ведь пальцем о палец не ударит, прохиндей... дать ему лопату, и пусть лучше огород заделает...

Подобно четкам, что единственно служат приспособлением для подсчета припомненных сакральных текстов, и Сад камней буддисту – только несложный прибор для медитации. Монах не имеет прав на творческую фантазию, ему не дано восприятие сооружения из песка и камня как искусства, для него эта «вещь» всегда развернута только *одной стороной* и потому является *вещью*. И совсем другое дело, когда на невысокие ступеньки вдоль широкой части Сада камней усядутся гости-экскурсанты, не обремененные религиозной заданностью восприятия. Один из них только и попытается вообразить, что увидел традиционную тигрицу (она ж упомянута в путеводителе), ведущая своих тигрят через речку, другой представит на своем месте самурая, пришедшего сделать «перерыв в драке», третий вознесется на космические просторы, ассоциируя видимые предметы

с небесными созвездиями, пятый, явно склонный к писательству и журналистике, примется подпирать красивые фразы, по случаю приходящие в голову просвещенного европейца («символ бесконечности», «застывшие формы духа», «сила нашей слабости», «нескончаемая сказка пустоты» и т.п.), другой – сразу эстетик и аналитик – станет размышлять о принципах «бинарности», «симметрии» или «чистоты»... седьмой или еще какой по счету втихую зевнет себе в плечо: и кому нужны эти пыльные камни... Так Сад камней будет поворачиваться к ним *разными* сторонами, и вряд ли найдется нахал или смельчак, которому удастся подсчитать число этих сторон. А главное, никто (или почти никто) из наших зрителей не усомнится, что имеет дело с подлинным художественным произведением.

Думаю, можно даже сказать, что Сад камней – не просто произведение искусства, но еще и общая идея таких произведений, их голая, чистая, исчерпывающая абстракция, данная, при всем при этом, материально. Так что номиналисты (если они еще есть на белом свете) были бы окончательно посрамлены здесь, в Киото.

Добыв на нашем японском примере способ различения «вещи» от «художества» (из любви к типологиям его можно назвать «гносеологическим», отличая от бегло упомянутых ранее «функциональном» и «генетическом» способах), мне остается испытать полученную мудрость на подходящем материале, по возможности, «из другой оперы». На материале отечественном. Новый пример будет таков.

Недавно мы семьей (в полном составе оной) забрели в Казанский собор и разглядывали разные разности из истории мировых религий. И вот в одной витрине обнаруживаю некую... чуть не сорвалось неподходящее слово «вещь!» – некий диск с узорными сквозными прорезями, буквально

заставивший меня тогда оцепенеть. Соответствующая табличка что-то даже поясняла: стоянка Сунгирь, палеолитическое захоронение возле града Владимира, красивый предмет неизвестного назначения, из бивня мамонта соделан когда-то.

Я долго не мог оторвать глаз от этой штуковины, пытаюсь вообразить себе «в натуре» то, конечно, *великое произведение искусства*, что десятки тысяч лет назад ласкало глаза (или – только руки?) моего пращура. Но потом вдруг спохватился, прислушавшись

к своим ощущениям и мыслям: а почему ты так странно разволновался? Разве не обнаруживала всё та же экспедиция О. Бадера, что один из таких дисков был надет на небольшой костяной дротик, и в сцепке уложен подле тела погребенного мальчика? И разве не может сей диск иметь отнюдь не художественное и не ритуальное, а чисто ремесленное, прикладное (приспособление для метания? основа для крепления бунчука?), то бишь, самое нехудожественное назначение?

– Только теперь я могу разобраться в своих недавних (тогда не отрефлексированных) чувствах. Именно то, что знатоки и специалисты не смогли уверенно указать назначения сунгирского диска как вещи, именно это разрешает подать голос воображению, позволяет рассматривать диск как искусство. Стоит угадать ту единственную (уникальную) сторону, которой предмет обращен к человеку, как он, предмет, становится многосторонним и переходит в новое качество – он обретает символичность. Потому искусство, искусство – это, прежде всего, тайна, а тайна – это игры света на бесчисленных гранях творения.

... Жаль, но я никогда не увижу Сада камней. Не имею на то прав. Ведь должно же хоть где-то пребывать Воплощенное Нигде и Никогда.

Сентябрь 1984

«Фальшивый купон». Уроки нравственности

Читал «Фальшивый купон»¹²⁸, чуть не позевывал в ожидании квази-евангельских проповедей графа Толстого. И вдруг споткнулся о фразу, разом стяхнувшую дрёму. Перечитываю... Какое нелепое соседство слов: «... И все стали бить. Иван Миронов молча упал и закричал...» Как это – упал, молча и, однако же, – «закричал»? молчал или кричал? где тут логика?!

Чтение пришлось прервать. Заковыка с «молча упал и закричал» заставила подумать о многом. В уме, про себя это «многое» прошествовало быстро и – при ретроспективном взгляде сверху, – даже связно, а вот как теперь перенести все это на бумагу? Опять пускать в ход телеграфный метод многоточий, крутых закруглений фраз, потоки вопросов громоздить – всё

¹²⁸ Общение с данной работой Льва Николаевича Толстого [вообще читать «этого» Толстого, признаться, мне всегда не очень нравилось – не за «художество», а за излишнюю дидактичность и «напор»; у «других» Толстых мне, в любом случае и до сих пор (март 2019 года) много больше нравится: как раз «художество» – у Алексея Николаевича, а «напор» – у Алексея Константиновича], в краткой и предварительно форме, отобразилось в дневнике чтения: см. «Чтиво», п. 294.

ради ускоренной обрисовки пределов темы? Мыслилось-то минутами, а то и вовсе (если главное брать) несколько секунд, на писанину же могут уйти дни, недели... Где взять время? Ах, время...

Как раз со временем и сражался Лев Толстой в этой повести. В очень бытовой повести – сражался метафизически. Вон сколько событий исхитрился он уместить, и скольких людей, наспех обрисовав, давши только имя и малый кусочек судьбы, он пустил в дорогу нравственных исканий! Употреблен минимум художественных средств. Здесь сплошное засилье глаголов, экономия на всем остальном. К примеру: «Степан вошел в горницу. Матрена вскочила и в одной рубашке стояла у кровати. Степан тем же топором убил и ее. Потом зажег свечу, вынул деньги из конторки и ушел». Пожалуйста, читатель, если угодно тебе, разворачивай события – мысленно, читая, – «в реальном масштабе времени», а уж автору нашему недосуг, для него целая судьба – лишь атом, лишь малый миг века нравственной эволюции. Потому в подобных «молча упал и закричал» явственна великая плотность записи мысли, царствует в них собственная логика времени, а все потому, что здесь, в единой общей точке, пересекаются два сознания, читателя и писателя, и два времени, писательства и прочтения.

Приведи ты подобную фразу отдельно, безотносительно к прочему тексту и общему замыслу, и всякий справедливо упрекнет тебя в безграмотности или, пощадив самолюбие, в алогичности. А у Толстого? Хотя бы тот же союз «и» взять, что между «молча упал» и «закричал» поставлен – он снаряжен играть, по меньшей мере, две роли, объединяющую и разъединяющую. Он сложно устроен уже в силу того, что расположился на перекрестке, а то и сам является таким *перекрестком* упомянутых *сознаний*. Роли эти еще можно охарактеризовать на языке пространства и времени: «и» в пространственном, с ходу понимаемом смысле допускает соседство однородного или причинно увязанного (скажем, «раскрыл рот» и «закричал»), тогда как временное «и» предполагает и оправдывает целое зияние или перерыв в причинности, в последовательности во времени, когда совместны даже противоположности («молчал» и «кричал», к примеру). Это-то зияние, эта «пустота» и заполняется мыслию читающего, в этой «разрывной точке» время писательское незаметно становится временем читателя, неопределенно широко расплываясь в границах своих.

А сколько еще подобных точек встречи в любом стоящем тексте! Да, похоже, время в современной художественной литературе многослойно и пухло, подобно бутерброду из рук щедрой хозяйки. И только самый поверхностный взгляд насчитает в нем, допустим, три слоя. Ведь «три» суть лишь первобытная, изначальная, отправная форма освоения понятия

«много». Недаром мне так трудно пришлось с «треугольником чтения» (рисовал в «Семиотическом существовании»), которой по необходимости превратился в особый «сложный треугольник», где уже целая бесконечная иерархия смыслов затаилась под маской «трех».

Да и всякий текст не терпит умаления сложности, ибо упрощения посягают на его драгоценное содержание. Так поспешил и я с этим «и» (только) пространственным и соединяющим, – поспешил, упрощая, и чуть было не взялся в чем-то нелепо уличать классика, хотя дело-то имел с наипрозрачайшим, наичистейшим, наиправильнейшим местом текста...

Допустим, этот «Фальшивый купон» должен преподать уроки нравственности, *праведного поведения*. Я пока довольствуюсь малым: единственный союз «и» из «Купона» дал мне частный урок *нравственного чтения* – малой части социального поведения. Да, безнравственно скакать вдоль строк галопом и не замечать перекрестков, где тебя ждут, безнравственно «убивать время» за чтением, а не подлинно жить чтением (и в чтении), безнравственно скупиться частицей своей души, когда к тебе с мольбой обращена душа художника, – только с тобой, читатель, она жива и даже вечна.

А как быть с повестью в целом? Почему она со всей своей высокой моралью и примерами Шекспировых страстей не особо взволновала меня, да и не заставила бы потянуться к перу, не появившись по ходу дела Иван Миронов, который «молча упал и закричал» – почему? Новая (не новозаветная) аргументация не убеждает? Мешает знание насчет «ошибок» писателя? Или призывы Толстого просто излишни в атмосфере традиционного гуманизма русской национальной культуры? Или, наконец, всё того проще: не во мне ли самом побеждает пресловутый «физик», который обречен все явления разлагать на части, структуры и прочее такое, который жаждет *познать* и не способен сразу *ощутить* то общее и целое, так понятное «лирику»?

Не буду спешить с ответами или оправданиями, будто я в чем-то повинен. На сей момент имею за душой только сомнения и, следовательно, готов ставить новые вопросы – и только:

да, пусть нравственно то и это... да, человек обретает свое подлинное место только в отношениях с другими людьми (и с Богом?)... в любви к ближнему, в отказе от себя единственного (по Штирнеру) ради себя соборного, себя на миру (согласно абстракции христианства – по Достоевскому, Толстому, Соловьеву, – и по кодексу еще только нарождающегося коммунизма – тоже)... но достаточно ли только убеждения, только веры в непреложность подобных истин, оформленных присягами, заповедями, скрижалями?... не сыграет ли здесь новую роль знание?... разве

не святое тогда дело – потратить усилия на естественно-научное и философское обоснование не-единоличности «единичного» человека, хорошо помня при этом о необходимом обосновании именно нравственности?

Октябрь 1984

Антропный космологический принцип

На страницах разных философских и около-философских изданий с недавних пор стал мелькать слово-оборот *антропный космологический принцип* (далее – АКП). Соседство «антропоса» и «космоса», конечно, уже само по себе завлекательно, но вот только, знакомясь с содержанием «принципа», нельзя не разочароваться...

Жаль тратиться на вступления. Время не ждет, надо быть кратким и, по возможности, последовательно-логичным. Хотя логика, к слову говоря и вступление разменивая на отступление, логика эта есть (зачастую) ложь под присягой. Вот и сейчас буду выстраивать цепочку доводов и аргументов, а ведь пред моими умственными очами висится только конечный пункт предполагаемого пути, шел я другой, *какой не ведаю* дорогой... Увы, мысль, стремительная и тонкая, яко молния, или тростинке подобная, мысль тут же и сразу обращается в нечто застывшее, обмякшее, по-над землей развесистое (какое «яко» здесь подходит – ехидный голос подсказывает, – наверное, *дерево клюквы*), стоит ее зафиксировать...

Делать нечего, фиксирую. Исходный довод – насчет как-то странно *изначально данной* соразмерности «космоса» и «антропоса». Посчитать человека лишь прахом земным или, напротив, вершиной мировой эволюции было бы излишеством, впадением в нежелательные, уже по эстетическим соображениям, крайности. Точно так же и другое философское гранд-соображение – готовность видеть любое явление в диалектическом единстве его сторон, – заставляет искать золотую середину меж полюсов: человек *суть ничто* во Вселенной – человек *суть всё* во Вселенной.

История мысли переполнена примерами поиска такой середины. При желании можно даже построить некоторую диаграмму (*A*) с двумя асимптотами, на которой различные научные теории и гипотезы отображаются в виде векторов двух противоположных направлений, причем существенны, кроме ориентации, также собственные положения начала и конца каждого вектора мысли. Так, изображение гелиоцентрической идеи Коперника на диаграмме противоположно вектору главной мысли Циолковского, ибо первый разжаловал планету Земля (попутно досталось

человечеству, ее населяющему) из мирового центра в рядовые пылинки материи, тогда как второго больше занимала мечта о выходе человека в космос для дел межпланетных и даже галактических.

А вектор гипотезы Н. Кардашёва, следующий в направлении перста калужского мечтателя, разве он еще более явно не тяготеет к признанию вселенской роли человека, более обще сказать – роли мысли? Шутка ли, взять и посчитать, что само расширение Вселенной может быть вызвано регулирующей деятельностью некой сверх-цивилизации?! Еще, где-то в середине между асимптотами, можно поместить отрезок с именем «Протагор» (и с кличем «человек есть мера всем вещам», во всем и каждому известном сопровождении). Затруднительно указать направление последнего вектора; разумеется, чем дальше продвигаешься в глубины прошлого, тем менее определены для нас сегодняшних вчерашние и позавчерашние догадки человечества о человеке. Да и само балансирование в средней части нашей диаграммы не способствует, ясное дело, однозначности.

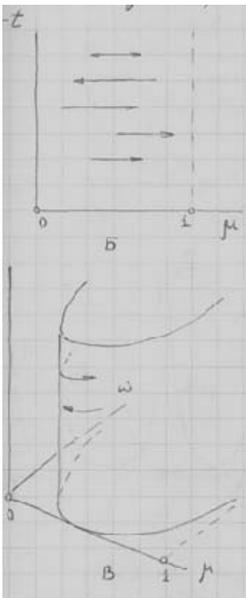
Было бы интересно выстроить диаграмму поподробнее, и на ней проследить всяческие тенденции, модные выверты, параллельные руслу и, скажем, тупики мысли. Уверен, все это там есть! Но мне уже сейчас важно увидеть (вообразить) всю диаграмму целиком, всю ее исчерченную, изработченную «плоскость». Мне такое *предвидение* позволяет быстро совершить, по крайней мере, два шага в своем повествовании: оценить подлинное место АКП, пристраивая еще один вектор мысли на общую диаграмму, и ухватить обещанную диалектическую «середину».

Англичанин Б. Картер, уже лет пятнадцать назад заговоривший об АКП, называл его чуть иначе и, видимо, точнее: «антропологический принцип в космологии». И разъяснял свою позицию так: «то, что мы ожидаем наблюдать [во Вселенной], должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования». Да еще (для обще-философской ясности) перефразировал Декарта: «я мыслю, потому мир таков, каков он есть». И уж совсем явственно с алгебраически-бухгалтерским акцентом: «существование какого-либо организма, которого можно назвать наблюдателем, будет возможно лишь для определенных ограниченных комбинаций параметров, которые выделяют в ансамбле [в общем случае воображаемых] миров особое, познаваемое множество».

Где находится Картеров вектор на нашей диаграмме? Я бы поместил его примерно так же, как и вектор мысли Протагора, т.е. посередине, но теперь уже с однозначным указанием направления – противоположно вектору «Коперник». Здесь надо бы немного похвалить *естественность* строения диаграммы (самой ее идеи): стоит только начать ее заполнять, или даже только поверить в ее ненадуманность, как вновь прибывающие элементы начинают пристраиваться к ней чуть ли не сами собой. Не случайно тот же Б. Картер предварял определение своего принципа таким характерным сомнением: правомерно ли столь возвеличивать Коперников принцип, считающий наше положение в мире ни в коем случае не привилегированным? Так на диаграмму ложится сама логика рассуждений автора АКП, так вслед за вектором «Коперник» вырисовывается вектор «Картер».

... Но и только! Никаких потрясений, революций и прочих подобных последствий формулировка АКП, думаю, не приносит. Принцип Картера – только очередной и полезный штрих на общей картине, и только (хороший) повод для размышлений над диаграммой, *взятой целиком*. Поводом грех не воспользоваться.

Прежде всего, надо бы придать нашей диаграмме (исследуемой «схеме мысли») более строгий вид (*Б*). Ее вертикальную составляющую естественно

отождествить с осью времени, а поскольку она уходит в прошлое, обозначим ее тогда « $-t$ ». Горизонтальная ось представляет различные *меры* понимания феномена человека, и тогда имя для оси, если вспомнить традиционное обозначение из теории меры, суть « μ ». Асимптоты на диаграмме, сокращая принятые обозначения на (*А*), назовем «0» и «1».

Далее заметим, что, поскольку мы изображаем воззрения отдельных мыслителей, а не целых школ и направлений, то все «вектора мысли» будут строго параллельны оси μ , ввиду очевидной малости индивидуальной жизни по сравнению со временем существования той или иной культуры. Уточним и вопрос об асимптотах. Они, конечно, *должны быть* недостижимыми, потому любой из векторов мысли обязан «притормаживать» в их окрестностях, и чем ближе зона асимптоты, тем больше таковое торможение. Так плоскость векторов мысли обретает третье измерение – ось ω («скорость торможения у

асимптоты»), и становится выпуклой, изогнутой (*B*). И тотчас, и сразу, и прямо на глазах намечается целая серия метаморфоз.

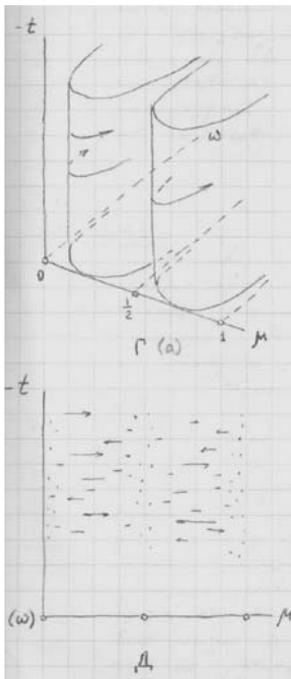
Какой неформальный смысл передается третьей осью, ω ? Какую преимущественную форму, в случае констатации этого смысла, имеет проекция нашей «векторной поверхности» на плоскость $\omega\mu$? Мне (пока и сейчас) нравится принимать ω за «глубину понимания феномена». Искомая проекция тогда – парабола? И тогда, получается, у «золотой середины», где μ приблизительно достигает величины $\frac{1}{2}$, эта самая «глубина» понимания всегда минимальна, и только в крайностях – максимальна?! Интуиция протестует, конечно. Выход здесь может быть двояким: либо искать иную интерпретацию для ω (чего делать не хочу), либо этот смысл для ω постулировать-таки, но скорректировать, собственно, общий вид «векторной поверхности». Так появляется третья асимптота – центральная (Γ), с учетом которой изображения на «плоскости мысли» $t\mu$ можно представлять совокупностью параллельных векторов разной длины, кои вырождаются в точки в трех зонах асимптот (Δ).

Теперь рассмотрим и кратко перечислим изобразительные возможности столь усовершенствованной диаграммы:

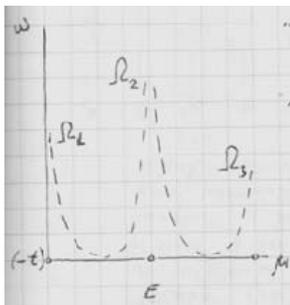
– очень хотелось бы мне верить, что при всей обобщенности и очевидной схематичности предлагаемой диаграммы, на ней отображается некая тонкая структура «пространства мысли», отображающая важные черты диалектики познания феномена человека;

– эта тонкая структура выражена хотя бы в том, что плоскость $t\mu$ (она составляет диаграмму Δ) является особо устроенной поверхностью, со «вторым дном», и плоскостью этой следует пользоваться, только помня о ее глубине, вернее, о целых трех «пропастях» в этой глубине;

– особые свойства плоскости $t\mu$ позволяют нам не уточнять направления «векторов мысли» в областях асимптот, где они вырождаются в точки, и утеря направленности сигнализирует о том, что мысль «успокоилась» в некотором динамическом равновесии, «свалившись» в одну из трех гносеологических (или логических?) «лунок» – центральную («истина») либо какую-то из крайних («ложь»);

– другое следствие из понимания глубины «пространства мысли» – это невозможность существования слишком длинного вектора мысли, всякий из них принципиально ограничен центральной асимптотой, длина следа любого вектора на проекции $t\mu$ не превышает величины $\frac{1}{2}$;

– переходя к нашему изначальному вопросу, т.е. к анализу проекции «пространства мысли» на плоскость $\omega\mu$, торжественно провозглашаем фундаментальный факт – наличие *трех недостижимых (предельных) точек* $\Omega_1, \Omega_2, \Omega_3$ (см. диаграмму E), в общем случае, неравных или, точнее сказать, неравномоощных; здесь будет уместно поблагодарить его величество случай, давший удачное (первоначальное) название для третьей оси диаграммы как некоторой «скорости» ω : стремительный переход от «о микрон» к «о мега» не составил, действительно, особого труда;

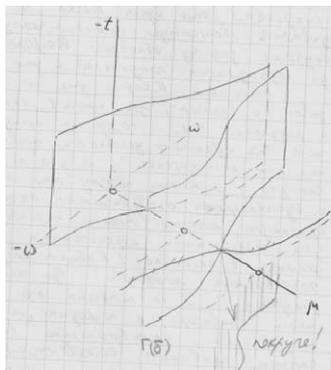
– заметим, что знаменитая Точка Омега (по Тейяру) может быть истолкована, кажется, как Ω_3 , еще два неизвестных сорта Омега оставляют тогда широкие возможности для новых и дальнейших глобальных умствований;

– заметим также, что только с упоминанием тейяровой Точки Омега мы вернулись к теме *феномена человека*; вообще же полученная выше картинка пространства $t\omega\mu$ выглядит удобной формой для «пространства мысли», возникающей по любому поводу, было бы только умение (и желание) выявить крайние точки зрения и усмотреть диалектические глубины в избранной проблеме;

– поэтому, в еще более общем случае, допустимы самые разнообразные формы пространства $t\omega\mu$ (мы занимались простым изгибанием простых плоскостей, а можно же вообразить самые диковинные рельефы, подобные «телам неопределенности» в современной радиолокации или изысканным «штучкам» в топологии), но главное их свойство – наличие *трех асимптот* и *трех точек Омега* соответственно, – думаю, должно сохраниться. В противном случае полезно будет заподозрить, что данная мысль еще, попросту говоря, молода и потому еще не прорисовывается в канонических очертаниях. Стало быть, только – до поры!

Ноябрь 1984

Прибавление (январь 2019 года, по ходу воспроизведения данной части «Опытов»). В рукописи 1984 года намечался еще один ход нашего сюжета,

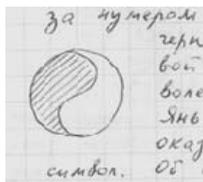
важный для понимания *перехода* от слишком приблизительной диаграммы *B* (с двумя асимптотами) к более интересной диаграмме *Г*, где асимптот – три. На полях тетрадки возле диаграммы *Г* – она здесь получила карандашный индекс (а), – кажется, почти сразу же (точно не помню) нарисовалась слегка модифицированная диаграмма *Г* (б), на которой асимптоты изображаются уже не параболами, а *гиперболами*, и появляется, соответственно, область $(-\omega)$. Могу сказать, что тем самым вроде бы удалось 1) внятно

изобразить *катафатический* $(+\omega)$ и *апофатический* $(-\omega)$ типы понимания и 2) чуть больше приблизиться к сущности точек *Омега*. Здесь, как видим, средняя *Омега* (Ω_2) представлена явно иной «породы», чем две крайние *Омеги* (Ω_1, Ω_3). Приближение к ней – *двустороннее*. Подозреваю, что Точка *Омега* (по Тейяру) – это не крайняя точка Ω_3 , как подумалось когда-то (видимо, смутило очевидное приближение этого хода мысли к глобальной «единице»), но именно средняя, Ω_2 . – Да, да, именно она это, золотая, или небесная, середина.

И еще: с принятием уточнения в виде *Г* (б), прежняя диаграмма *E* нисколько не отменяется, только вместо ω следует, очевидно, указывать модуль $|\omega|$.

Знаки

Они вошли в мою жизнь внезапно и, думаю, навсегда, то бишь, до-пока-не-помру. Можно даже (спасибо пометкам-датировкам старого конспекта) в точности назвать тот день, когда всё начиналось: перво-толчок состоялся 19 мая 1974 года книгой Мартина Гарднера «Математические головоломки и развлечения». На странице книги за номером 146 там красовалась удивительная плоская фигура, черно-белый круг, поделенный пополам прихотливо изогнутой линией.

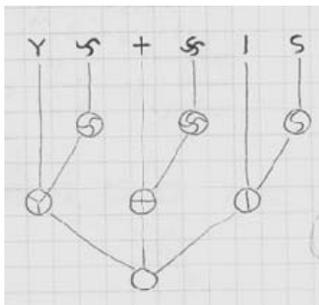

Скудных сведений о «древнем диалектическом символе», «великой китайской монаде» по имени «Йинь и Янь» (чаще встречал потом иную транскрипцию: *Инь и Ян*) оказалось бы явно маловато, не будь столь

красноречив сам этот символ. Об изобразительной его силе разговор еще впереди. Сейчас же уместно будет рассказать, как прошли десять лет с того памятного дня. (О богатых событиями годах военно-программистской службы распространяться не приходится, а вот за *некоторые остатки* этого многолетия, за крохи, доставшиеся досугу и размышлениям «на стороне», готов сегодня держать ответ). Довольно скоро я убедился, что об отдельных знаках и символах можно собирать сведения всю жизнь и... нисколько не сдвинуться с места – так обширны сии материи и так они рассеяны. Не случайно вслед за краткими выписками, допустим, о кресте, звезде-пентаграмме, свастике и прочем подобном, в моих конспектах появились «примыкающие» тексты из философии, истории науки, математики, лингвистики, филологии. А от размышлений о знаках, воистину висевших в пустоте (как представлялось), состоялся переход в обширные и густо заселенные всяческими образами пространства семиотики и теории информации... Но как бы ни были далеки экскурсии «в дебри и выси», со мной всегда оставалось то первое, перво-толчковое, от мая 1974-го, *легкое потрясение загадкой символа*.

Загадка таковой остается. Но все же теперь «великая китайская монада» не воображается таким нестатистическим «выбросом», сказать попросту – чудом, теперь вижу *Инь и Ян* не в одиночестве, но в особой и *естественной* системе. Могу даже нарисовать целое Древо Символов, по ветвям которого можно долго мысленно путешествовать, не без риска заплутать, конечно, но и с надеждой на некоторые открытия и облегчения.

В основании Древа лежит единый, общий пра-символ, и он хорошо нам известен, это – «солярный знак», знак Солнца, иссушенного усилием человеческой мысли до геометрической абстракции круга. Но круга – мало.

Этот круг выступает удобной и просторной нивой для взращивания древних «философий» символа: своим внешним обрамлением он очерчивает то, что мы бы сейчас назвали «пространством универсума», миром в целом, а на его внутренней территории естественно выписаны идеи двоичности, троичности и тетрадности, – так, следовательно, растет нижний ярус самых первых модификаций солярного знака. По неизвестному мне (пока?) ботанико-семиотическому закону вырастает и следующий ярус, производный от нижнего – знаки здесь как бы охвачены общим движением, они будто увлечены бесконечным вихрем жизни. Наконец, на верхнем ярусе Древа

сосредоточились все получавшиеся ранее спецификации внутреннего «рельефа» круга-универсума, они только отделены (освобождены) от родового, единящего обрамления.

Так китайский кружок *Инь и Ян* лишается сиротского одиночества и обретает неожиданную родословную – целое Древо родства. Так за одну минуту получаешь возможность начертать маршрут движения человеческой мысли длиной не в одно тысячелетие. Так становится объяснимым (хотя бы потенциально) кажущийся парадокс сочетания в символах простоты формы и бесконечно богатого содержания: видишь, как «простой» листок-символ неотторжим от многолистного и разветвленного Древа.

И еще хочется верить, что я не опоздал со своей фантазией: вразброд и порознь *все тринадцать* элементов Древа Символов хорошо известны ученым (и не-). А вот собирал ли кто их в подобную более-менее организованную кучу, или, справедливее сказать, естественную систему, – символорождающую систему?

А еще меня радует, что наша символическая флора выросла явно не для того, чтобы тут же усохнуть, как и положено всему схоластическому, изпальца-благо-высосанному. Древо зелено. Оно живёт. Стоило мне, например, построить нижние два яруса Древа, как верхний ярус обозначился *почти сам собой*, – когда я его составлял, только три «простых» (т.е. покинувших круг) символа не вызвали сомнений – крест, свастика и трикветр, – а три оставшихся пришлось изображать только в силу общей логики, им еще требовались подкрепляющие примеры. И примеры не замедлили явиться! Скажем, та же S-образная кривая живо напомнила о масонском значке американского доллара: то было первое, что пришло в голову. Наверняка, эта кривая имела и более почтенное применение, сослаться хотя бы на волнистый значок «примерное равенство» в математике, или вспомнить о знаменитой «линии красоты» У. Хогарта. Знаком Y-образным почему-то и ныне пользуются для обозначения факта смерти (где-то я читал о записи в дневнике фашиста Бормана, с таким именно применением знака; конкурент ему, известное дело, знак обычного, четырехконечного креста).

А простая черточка, вертикальная или горизонтальная? Что можно усмотреть или прочесть в таком примитивнейшем изображении, если оторвать его от Древа родного?!

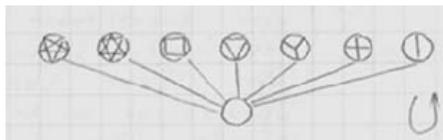
– О ней хоть сейчас пиши роман! Вот его набросок. Начало сюжета теряется во пресловутой тьме веков, ибо одна из ранних глав романа называется *Ицзин* – «Книга перемен», трактат китайский.

Там легендарный Фу-си ввел новую традицию – стал изображать *Янь и Ин* в виде двух черточек, сплошной и прерывистой, и затем, комбинациями из этих двух знаков он, говорят, «постиг качества мира и расположил по родам действительность». Далее, в Европе эпохи Возрождения история наша вполне продолжена в математических трактатах с новоизобретенными знаками для равенства и операции вычитания. Уже в наши дни отголоски древности чуть угадываются в символизме

профессионального логика, которому необходимо изображать отрицание (A и не- $A = \bar{A}$). По отдельности, порознь я уже по-своему «прочитал» каждую из этих «глав», но лишь теперь, когда перед глазами выросло Древо символов,

мне стал, надеюсь, доступен потаенный смысл этой короткой черточки...

Живое, растущее Древо повесенному ветвится прямо на глазах, давая новые побеги,

раскрывая крону свою над новыми землями, бросая все более густую тень. Вот, смотрите, нижний ярус раздался вширь, вмещая новые великие символы (с новой логикой освоения «внутренности» круга). Вот наметилась буддийская мандала-квадратик, вот – символ христианской Троицы, вот – идейно «соседняя» ей звезда Давида и рядом – языческая пентаграмма Пифагора. Где-то чуть выше, на ветвях новых ярусов и эти символы обязательно отделятся от обрамляющей их окружности, начнут самостоятельную жизнь. А пока они дружно изображают общий ряд непрерывного опыта освоения «пространства универсума», пока они сохраняют черты фамильного сходства...

Нет-нет, не я – от нечего делать – выдумал эти ряды и ярусы. Древо символов давно взращивается садовником по имени Человечество.

Ноябрь 1984

... Вам кусочком или порезать? – Куском!

Заголовок назначаю эпиграфом или, что почти то же, присказкой, причем на общественных началах. А в сказке хорошо бы показать Иванушку-царевича (или – дурачка, что опять-таки почти то же самое) и какую-никакую красавицу (пусть даже только спящую)...

За первого сойдет Автор, вторая – Их величество Информация. Правда, сказка намечается вроде бы вполне банальная, с расставаниями, препятствиями, ссорами и даже счастливым концом наподобие женитьбы.

(Не женитесь, философы и всерьез философствующие!)

О предмете своем наш герой услышал рано – штатные глашатаи денно и ночью твердили по многу лет и со всех сторон: «послушайте информацию», «информационный выпуск» и что-то про «потоки» и «взрывы» информационные. Но слушал их вполуха. И глядел на портрет ее вполглаза, – красот явно не примечал, когда мелок вузовского преподавателя вычерчивал на доске логарифмы по Шеннону и Хартли. Потом, как водится, настали годы мытарств, далекие странствия и расставания... Но вдруг – на то она и сказка, чтоб главное случилось вдруг да неожиданно – счастливый случай энергично прибавил необходимую фабулу. А когда закономерно образовалась любовь, ей поперек встали обязательные драконы, жуткие тайны и коварства волшебников...

Мне уже надоело ёрничать. Замышляя сегодняшний фрагмент, я всего-то намеревался посетовать на трудности, что возникают на пути всякого, кто осваивает новое (*для себя*) фундаментальное понятие, или концепт, и далее, чуть погодя, пытается переоформить его по-своему, т.е. уже по-новому *для других*. О, тут встают ска-а-а-зочные трудности!

Вот вы думаете, *информация* – это что? У Клода Шеннона ежели взять... слышали об энтропии? а о равномерном кодировании марковских источников? А если вам близка теория радиолокации, то, пожалуйста, можете выбирать *меру информации* по Фано, по Кульбаку, по Фишеру, по Котельникову. Лучше Котельников, отечественное предпочитаете? Тогда, может быть, вам больше подойдет *алгоритмическая мера* – уже по Колмогорову? Вам знакомы частично-рекурсивные функции, встречались ли вы с работами Мартин-Лёфа? Ах, *семантической стороной* информации интересуетесь... Тогда нам всем сказочно повезло... столько славных имен... Хинтиikka, Карнап, Бар-Хиллел, Кемени, Майлс... что, наших бы назвать исследователей?.. Харкевич, Шрейдер Юлий Анатольевич (говорите, и познакомились на этой почве? поздравляем!), Войшвилло, Стратонович... Вам как завернуть, кусочком или... помельче порезать?

От такого роскошества информации (информации об информации) поневоле голова идет кругом. Теперь я с пониманием могу отнестись к явственному огреху (против самого духа языка) у одного нашего серьезного официального философа, спеца по информационным проблемам, который в прикидочном порядке оценил количество имеющихся точек зрения на

информацию и насчитал их «более [!] нескольких [!] десятков»¹²⁹. Вообще-то подобные оценки рождаются от растерянности, или, в частности, от потери чувства юмора. А ведь речь-то зашла не о пустячке, не о простительных диссертантских амбициях – мол, досужие умы из пальца высасывают «дефиниции», черт знает какие черт-те чему. Скорее всего, информации как таковой вполне заслуженно воздаются царские почести, она признается одной из (немногих) фундаментальных категорий научной картины мира...

На фундаментальности и загвоздка! Действительно, вряд ли особо почтенно высиживать $n+1$ -й «подход к понятию информации» и тратить пыл да жар на проталкивание своих идеек... в общий ряд таких же подмалевков. По настоящему-то, коли уж дерзнул изучать важнейшее слагаемое *картины мира*, изволь эту самую картину со всей отчетливостью и представлять себе. Правильнее было бы размахнуться *на всю поверхность* холста. Словом, куском бы надобно брать, кусищем...

Нынче-то я храбр и много знаю, потому и пошучиваю. А поначалу совсем не до «картин мира» было, это правда.

Дела мои печальные обстояли так. Знакомясь (довольно форсированно) с многочисленными «теориями» информации, я неожиданно обнаружил, что *ни одна из них* не может быть засчитана как некое строгое уточнение, как формализация того, что давно уже принимается за информацию в быту-обиходе. Был момент, когда моя шариковая ручка чуть ли не сама принялась вычерчивать текст под вызывающим заголовком «Проблема информации и здравый смысл». (Разве не резонно считать, что информация всегда имеет конкретного адресата, что не все ему предъявляемое нужно почитать за информацию, что для получения информации мы обязаны сопоставить уже известное и *ожидаемое* со свежее-полученным, *действительным*? Разве информация – это не *разница*, не расхождение между тем и этим?) В итоге, правда, о здравом смысле сказать что-то не удалось, но появилось нечто под названием «Экстраполяционный подход к понятию информации». Это был, конечно, тот самый подмалевок. Но уже и в нем информация не зависала в

¹²⁹ Теперь (январь 2019 года) не поленюсь дать точную ссылку: Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Философские очерки. – М.: Наука, 1975. С. 11. Заметим, что соответствующая глава данной монографии названа характерно: «Противоречивый характер познания природы информации». Еще характерно (правда, это к делу не относится, да и узнал я о том недавно): работая в 1960-70-е годы в МПГИ им. В.И. Ленина, помянутый Урсул на пару с В.С. Готтом прослыл заклятым врагом нашего дорогого А.Ф. Лосева... Вот господину-товарищу Урсулу – моя маленькая месть пусть будет.

пустоте (не была отрезанным тонким «ломтиком»), но оказывалась в тесном соседстве с понятиями «данные», «знание» и «предвосхищение». Простенькую формулу по случаю берусь здесь изобразить: каждой оценке или измерению извне пришедших *данных* (x_u) сопоставим соответствующую самооценку – для чего приходится ворошить прежние *знания*, экстраполируя их ($x_э$) на конкретно возникшие условия, – и результат такого сопоставления как раз и будем считать *информацией* (Δx), т.е.

$$\Delta x = x_u - x_э.$$

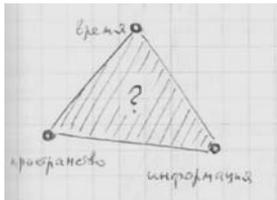
Операция вычитания, конечно же, здесь вписана сугубо условно, с ее помощью просто указывается, *что с чем* (и в последнюю очередь – *как*) сопоставляется при получении информации. Да и результат, величина полученной «разницы» тоже имеет относительный характер: в одних случаях информации «много», когда ожидаемое и действительное весьма *далеки друг от друга* (июньским днем глянул в окно на улицу, а там... снег валит! что, не информация?!), в других – когда они *относительно близки*, – как в случае, когда физик перелопатил тысячи фотографий распадов элементарных частиц, нимало ими не заинтересовался и вот, наконец-то обнаружив треки предсказанной конфигурации, спешит сообщить благую весть научному миру, взволнованный и, наконец-таки, проинформированный.

Дело может усложняться еще и культурно-историко-эстетико-этическими пристрастиями, переменчивыми в разные времена и у разных людских сообществ (у того же Лотмана, для вдохновения к размышлениям, читаем об «эстетике тождества» и «эстетике различия» при информировании в разных культурах)... Но здесь я притормаживаю до следующего раза, ибо вышел на границу про- и за-думанного на сей час.

Вернемся к нашей нехитрой «формуле информации». В ней уже заложены возможные пути вишьрь, от малых «ломтиков» к целому «куску». Так, заговоривши о предвосхищении и экстраполяции, содержательно или идейно законсервированных в члене $x_э$, ты поневоле затронул *проблему времени*. А посему и далее, покорный року, вслед за «Экстраполяционным подходом» ты согрешил опусом о «времени текста», где утверждается, что время можно толковать чуть ли не как побочный эффект информирования, и что связь информации и времени может быть весьма сильной, к примеру, в процессе чтения некоторого текста. Думать надо и о другой подсказке, затаенной в «формуле информации». Сам значок «дельты» (знак рассогласования, или наличия некоторого расстояния) разве не призван перебросить мосток еще к одной фундаментальной категории – *пространству*? Как же легко ты только что употреблял словечки «далеко» и

«близко» – самую что ни есть пространственную терминологию... Впору говорить и о *расстоянии* между ожидаемым и действительным, причем сразу же, очевидно, понадобятся представления о различных *метриках* (конечно, о капризах величины Δx уже шла речь) и *геометриях* пространств, несущих в себе – что? – информацию.

Так что выходит, – информация, время и пространство оказываются накрепко связанными. Именно потому, взявши в рассмотрение что-то одно, например, «информацию», ты невольно приподымаешь и весь пласт, огромный, да, кусок мироздания, очерченный грандиозным треугольником.

Стороны этой концептуальной фигуры, или треугольника концептов, вполне очевидны, они в точности таковы:

- а) пространство – время,
- б) время – информация,

в) информация – пространство.

Первой из сторон уже изрядно хаживали многие, вслед Эйнштейну и Минковскому. Две другие стороны еще топтать и топтать (по стороне «время – информация» ты сделал намеренно несколько осторожных шагов). Да и по всему периметру нужно обязательно пройти в мысленном обходе. Желательно бы – за одну прогулку, разумеется, хорошо подготовленную и продуманную. Смогу ли, сумею ли?

Сентябрь 1982, январь 1985

Экскурсия на край стола

Кто-то из хороших поэтов шутил не без серьезности: коли ты в кризисе и тебе почему-то не о чем писать, пиши тогда о стихах...

Мои пиитические затеи схоронились в горах книг, разметанных по рабочему столу моему. Сейчас, сегодня ни одна из этих тем не готова к оформлению «Опытами», так что я могу писать только «о стихах». Это даже любопытно: сделать такую моментальную фотографию книжной свалки, которая заморозила, зафиксировала в своем хаосе некоторый воображаемый порядок – *интересы, задумки и долги* некоей человеческой особи, мне вроде бы знакомой. Ну-ка, покопаемся! И ни одной книги не пропускать!

Художественной литературы набралось порядком; увы, не могу читать что-то одно и подолгу. Вот сверху и в первенстве лежит номер «Иностранки» с романом Вирджинии Вульф. Вот третья часть «Полководца» (Вл. Карпов детально повествует о генерале Петрове), вот едва початый сборник стихов

Межелайтиса. А на очереди – снятая с книжной полки, поближе, на глаза чтоб и впрок, – сборник московских романтиков XIX века «Марьяна роща», еще повесть о фронтовом Сталинграде (недавнее сорокалетие Победы качнуло меня на военное) и увесистый том Фолкнера, рядом пристроились. Может, прочту вскоре, а может, еще прибавятся соседи в очередь.

Много вижу научно-популярных штудий. Эта синяя милашка – о языковых загадках, та брошюра – о децентрализованных автоматных сетях, еще книжица ждет своего часа (хочется основательно проработать, да по 15 минут за один присест – разве это дело?) «В поисках себя» И.С. Кона, нашего премудрого знатока всяческих «личных проблем»¹³⁰. Что-то залежалась без движения «Геометрическая рапсодия» Карла Левитина: лет уж десять назад читана, нынче надо бы «просто просмотреть», хотя бы для техники письма подучиться – уж больно хорошо и умно сделана.

А вот том изрядный с широким взглядом на математику, из-под пера Рихарда Куранта вышедший. Откуда и зачем здесь? А-а, припоминаю: когда-то составлял заметку о лемме Шпернера и Канторовом дисконтинууме, мучали всякие вопросы по теории размерности, но, увы, не справился с темой, книги посерьезнее перекечевали со стола на полки, а Курант зачем-то остался, чего-то выжидает. Или намекает?

Второй том из собрания сочинений Аристотеля – это уже самое что ни есть непопулярное, но тоже научное, надо полагать. Что поделаешь – чтим «Категории». Тема настоятельно требовала подмоги, потому рядом устроились другие две книжицы, о Больцано и Канте, еще топорщится зелено-телая брошюрка о категории «свойство», и рядом торчит уголок исследования П.С. Попова и Н.И. Стяжкина по истории логических учений. (Да, разные точки зрения пришлось собирать – на категории и их состав).

¹³⁰ Своеобразно, однако, жизнь (или судьба?) сводит и сталкивает людей. С философом и психологом Игорем Семеновичем Коном (21.05.1928–27.11.2011) мы «пересекались» сравнительно недавно, на начальной стадии работы Московско-Петербургского Философского Клуба. Вместе, иногда и рядом (особого разговора друг с другом, правда, не выходило), пришлось заседать с академиками и прочим почтенным людом. Тогда уже немного знал о его революционно-либеральных «сексистских» и прочая-истских трудах. На него глядя, невольно думалось как раз о себе – а я-то что тут «олицетворяю», в нашем Новом ковчеге столь «разнопёрого» Клуба? – Консервативную историко-философскую мысль? Образец безнадёжного и непризнанного, но уже профессионально работающего, «вопрошателя»? Делегата от «самостийных» (т.н. независимых) философов? [Март 2019 года].

Вот с упреком посматривает на меня «Диалектическая логика» Эвальда Ильенкова. – Ну, не могу я сейчас, не могу! Хорошую вещь бросил на полпути, а вернуться – сил нет. Пусть так полежит, глаза помозолит.

А вот это – останки не столь давних увлечений древнеиндийской философией, две книги А.Н. Чанышева лежат рядом. К индусам на поклон мне, видать, еще придется захаживать...

Возлежит трактат Б.Г. Кузнецова о теории относительности, труд и популярный и научный зараз. Бывало, их братия заваливала мне весь стол, отовсюду (разными голосами) только и бормоталось, что о всяческих метриках, искривленных пространствах, Пенроузовых диаграммах и горизонтах событий. Ишь, лежит, напоминает... Да помню я, помню, обещал думать и об этом. Думаю, честное слово! Потому оставлен под рукой и Яков Аскин («Проблема времени», 1966), – хоть и прочел давно и почеркал вдосталь, а не убираю особенно далеко. Конечно же, еще вернусь к этому проклятому (или славному?) треугольнику «пространство – время – информация». И уходить-то мне некуда, и не уходил я, право слово.

Еще в бумажно-картонных толщах рассыпаны всякие изюмины: Шкловский «О теории прозы», Лосев «Античная философия истории», снова Кузнецов «Идеи и образы Возрождения», «Филологические разыскания в области славянских древностей» Б. Успенского. Эти ждут подолгу – как надоеет «обязаловка», извлекаю что-то из припасов и тихо радуюсь. Чуть не забыл присовокупить к своей пестрой коллекции Винерову «Кибернетику» (сделала вид, что случайно застряла промеж журналов): не раз ее потрошил, но хотелось бы еще «позаглядывать». Все эти создания, похоже, играют роль Резерва Ставки. В них затаились могучие силы (опять куда-нибудь «вбок» уведут) завтрашних новых тем.

Да, вот – Настольная Книга, правда-правда, настольная, – Кузьмин Сергей Захарович, цифровая обработка радиолокационной информации (тут наше всё и про всё). Куда ж без нее? Хотя и не на каждый день чтение, но общаемся мы уже который год, и вроде с пользой для общего дела.

Блюдо поверх усыпано специями да разнотравьем. Несколько брошюр из серии излюбленной «Математика. Кибернетика» да парочка случайных номеров скучноватых «Философских наук» (но все равно они веселее «Вопросов философии»), на просмотре (больше впрок) подзадержались, никак не иссякают.

И еще глаза невольно отыскивают шестой (давно любимый) том «Истории античной эстетики» Лосева. Бывает, беру в руки и оглаживаю, или взвешиваю фолиант на ладонях, облизываясь, или даже поглядываю то в конец, то в серединку, но чтоб засесть основательно (чтоб «от доски до

доски», да с подробными выписками), всё не рискую. Мол, вот уменьшится вся кучка, вот заслужишь этого подарка судьбы чтение – тогда и дерзай...

– Ой ли? Уменьшится ли?

Июнь 1985

День по-обычному долгий
(роман Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй»)

Оно явно подобно (или строго равно? или не может быть ничем другим?) почкам на дереве: на дереве жизни «цветение тьмы». Оно бессильно «полощется на мачте», на летнем полдневном ветру, оно вместе с тем отягчает колокольные звоны, звуки делая материально-весомыми («свинцовые круги побежали по воздуху»), а сама эта материальность быстро и зыбко переходит в иную ипостась – духовную («какой разумный звук!»). Оно грубо дозировано инструментальной уверенностью Биг Бена, бесстрастно оглашающего конечную истину: знайте же, что вся эта «бездна разного вздора» (встряхнули на сквозняке «полный подол пустяков») только в сопровождении боя часов обращается в нечто стоящее («вниз, в гущу обыденщины падает перст и делает миг важным»). Это «оно» мы привыкли называть *временем*, но со слов – нас уже предупредили – еще должна сойти всяческая шелуха...

Пуще многого почитая творчество Льва Толстого, английская писательница, я уверен, не могла не знать, или не догадываться, о великом замысле великого русского мыслителя – написать *историю одного дня*. Только читая роман «Миссис Дэллоуэй», начинаю понимать, почему этот замысел не воплотился на бумаге: «история» эта *никогда* не будет создана! Уже те двадцать мучительных (астрономических) лет, ушедших на роман о Клариссе (и об *одном дне* ее жизни в июне 1923 года), вполне убеждают в принципиальных, чуть ли не онтологических трудностях подобных посягательств на время (неастрономическое).

Неастрономическое время, время человеческой жизни обладает не делимостью и элементарностью (где кромсают «на части и ломти, на доли, дольки, долечки»), а иным элементарным свойством – даже не цельностью, но *ценностью*. Ценностью исключается делимость. Как бы ни усердствовал механизм Биг Бена, никаких границ времени ему не провести. Любые кажущиеся пустяками малости («мятые, давленные, перемолотые натиском грузовиков, прытью пролетов, трусцой деловых господ, поступью плавных матрон, куполами и шпилями больниц») на поверку имеют подлинно прекрасное лицо вечности – даже в чирикание воробьев слышна лишь одна

декларация: *смерти нет...* И о чем тогда другом может думать человек, пустячно созерцая пустячную витрину пустячного книжного магазина, как не о бессмертии? – Да, размышляет героиня, «смерть означает совершенный конец; но каким-то образом, на лондонских улицах, в мчащемся гуле она останется... ведь часть ее – она убеждена – есть в разных деревьях; в доме-уроде, стоящем там, среди них, разбросанном и разваленном, в людях, которых она никогда не встречала, и она туманом лежит меж самыми близкими, и они поднимают ее на ветвях, как деревья, она видела, на ветвях поднимают туман, но как далеко-далеко растекается ее жизнь, она сама». Помечу для памяти, сколь часто на страницах романа, в самых философски ответственных местах, особенно там, где само время ставится под вопрос, звучит рефреном: «деревья живые»...

Наверное, для понятия «ценность» заготовлена дефиниция где-нибудь в рамках изощренной аксиологии; но мне по душе «определение» на манер вот этого, только что прозвучавшего, о понятной всякому *непреходящей ценности всякого мига*.

Роман рисует «ценность» как бы в трех параллельных плоскостях. Из них одна – главная – заставляет светиться отраженным (пепельным) светом две другие. Эту светоносную (структуро-носную) плоскость можно было бы назвать «метафизикой времени», две оставшиеся – «человеческое бытие» и «писательские уловки». Растекающееся, во-всем-присутствующее время как бы подстилает или даже задает как собственные ощущения героини («она чувствует себя бесконечно юной; одновременно невыразимо древней. Она как нож проходит насквозь; одновременно она вовне, наблюдает»), так и оставляет следы своего присутствия – и тут мы совершаем скачок на другую плоскость – на устройстве самого текста романа с его зыбкими, как бы в сумерках чуть явленными конструкциями.

Еще заметим следующее: словесная, а точнее, словесно-понятийная сфера обитания «ценности» данного текста явно пересекается с другим (обширным) смысловым облаком – оно устроено вокруг слова «событие». Спросим – много ли событий в романе? После всего сказанного уже нельзя тупо утверждать «очевидное», – что событий мало или что их нет вовсе... Представляется верным, что роман этот – лишь попытка изобразить *просто событие*, нечто, с одной стороны, неконечное, бескрайнее и, с другой стороны, единичное, одно-единственное, о котором не пристало говорить как о чем-то локальном, малом, ущербном – его действительно много. Это *со-бытие*, совместное бытие, общая жизнь, бытие всем миром. Именно такое со-бытие пытается выразить Вирджиния Вульф, сознательно разрушая, устраняя границы (швы) абзацев, реплик, рассуждений (далеко не всегда

ясно, кому из героев они принадлежат) и даже вводя особые «механизмы» для своеобразных сюжетных склеек, вроде самолета рекламного агентства, в небе над героями пролетающего, или автомобиля (с геральдическими деревьями на задернутых шторках) на улицах Лондона, – столько глаз к ним, действительно, приковано, и мысли скольких голов нанизываются тогда на единую, единящую нить... Итак, обычные художественные тексты рисуют нам *множество событий*, в романе же В. Вульф имеем *со-бытие per se*.

Тут надо бы остановиться. Пусть и занимательное дельце – из необъятя подлинно художественного произведения извлекать некие островки «обзорной» (философской) мысли, – но все же это слишком головню, слишком абстрактно и даже, пожалуй, бесчеловечно. Конкретная драма конкретного члена конкретного сообщества, – вот что разворачивается на деле, поверх, на этих островках устойчивости. Светлая *возможность* объять весь мир разительно опровергается *действительным* одиночеством человека: Кларисса не умеет, не способна, не имеет сил для радости общения даже с подругой детства или всегда любимым ее мужчиной. Она только мечтает о том «главном, глубинном, теплом, что пробивается на поверхность и рябит гладь холодных встреч», она только готова упиваться, как неожиданным подарком, каждым мгновением июня («подумать только – день сменяется днем!»), но всё скукоживается до конкретной одинокой постели («все уже и уже будет ее кровать...»), – и где она, вся полнота и прелесть каждого мига-вечности?! Потому и не находит себе места издерганная совесть Септимуса: «на самом-то деле люди заботятся лишь о наслаждении минутой, а на большее нет у них ни души, ни веры, ни доброты»...

Завязываю узелок: впредь надобно регулярно сочинять *t-заметки* (так обозначим) на случай, по прочитанному. Они заставят быть внимательнее к темпоральным деталям в художественных текстах и, глядишь, когда-нибудь – скопивши разрозненные толчки и тяготения «из книг» в струйку или поток собственного жизненного вектора, – позволят мне сделать самостоятельный шаг к пониманию загадки времени.

Июнь 1985

Матрица: Пятиглав, сиречь Стоглав во младости

У меня с Тamarой, женой моей, время от времени случается прят великая, ибо я zelo равнодушен к быту, проще сказать, к вещам. Что правда, то правда. Думаю, повинно в грехе оном избыточное наше влечение к онтологии: меня вовсе не заботит, что многие вещи как-то существуют, но

премного волнует проблема и вопрос – что значит *существовать*? И что такое, вообще говоря, *вещь*?

(Веревка – вервие простое?

Что есть – простое?

И что есть само – «есть»?)

На эту тему уже можно – уже пора – писать мемуары. Материалы поднакопились, их хватает на некоторое число глав повествования.

Гл. 1. Драконы и фикции

То было в сентябре 1978 года. Уж больно тогда хотелось одному начинающему автору утвердить свои великие открытия среди миллионно-головой публики – принялся он сочинять для журнала «Знание – сила» некий текст под названием «К вопросу о драконах». То предполагалось популярное изложение идеи о «семиотическом существовании». И для начала-эпиграфа (почти сама собой) явилась тогда веселая цитата из веселой и едкой «Кибериады» Станислава Лема:

«Как известно, драконов не существует. Эта примитивная констатация может удовлетворить лишь ум простака, но отнюдь не ученого <...> Имеется три типа драконов: нулевые, мнимые и отрицательные. Все они, как было сказано, не существуют, однако каждый тип – на свой особый манер. Мнимые и нулевые драконы, называемые на профессиональном языке мнимоконами и нульконами, не существуют значительно менее интересным способом, чем отрицательные». – Прелестный отрывок¹³¹, он до сих пор заставляет меня прыскать в кулак и тут же привычно чесать в затылке!

От драконов до семиотического существования путь замышлялся долгий. Сначала надо было побренчать-пожонглировать звучными философскими именами (что у них отыскивается «к вопросу о бытии и

¹³¹ [Прибавка в *январе 2019* года]. Он у С. Лема – в начале главы «Путешествие третье, или Вероятностные драконы». Не откажу себе в удовольствии еще порадоваться, глядя на эту роскошную (специально вводимую) терминологию для *не-существований*. Вот что, в том же «Путешествии», Лем вещает о диалоге роботов-философов Трурля и Клапауциуса (конечно, здесь явно люди, точнее, физики-теоретики из состава человечества «пропелсочены»):

«Тут оба знаменитых драколога погрузились в профессиональный спор, из которого посторонний слушатель не понял бы ни словечка; до него донеслись бы лишь загадочные фразы, такие, как “счетник драконов”, “нехвостатое преобразование”, “слабые змеевзаимодействия”, “дифракция и рассеяние драконов”, “жесткий горыныч”, “мягкий горыныч”, “draco probabilisticus”, “полосатый спектр василиска”, “змей в возбужденном состоянии”, “аннигиляция пары василисков с яростью и антияростью в поле всеобщего безголовья” и т.п.»

сущности»), потом совершался почти изящный поворот к теме фикций в науке (нынче могу сознаться себе, что тогда не до конца понимал основную идею А.А. Любичева об «уровнях реальности»), а там было рукой подать до особой разновидности фикций – фантомов (в только что прочтенной тогда статье Ю.А. Шрейдера – то была машинопись, до ее публикации еще, – я почерпнул массу вдохновляющих примеров о таковых иллюзиях личности, видимых в заведомо безличных явлениях). Да, хорошие и, я бы даже сказал, веселые были задумки. Но статейка не состоялась, ибо в самый разгар, что называется, вдруг нагрянула особая догадка, хрястнула и всё смяла и раскурочила... Но тому, грянувшему, приличен рассказ по особому чину.

Гл. 2. Рождение Матрицы

... То был волшебный миг всеведения-всевидения, когда зацветает папоротник славянских мифов! Придвинулись дали, горизонты куда-то исчезли, мелочи умерли, мир зазвучал симфонией без единой фальшивой ноты... Да, я вдруг обнаружил, узрел картину сверкающей, переливчатой действительности, увидел роскошную поверхность монументальной мировой мозаики. Увидел, что малая частица целого – необходимый переход «вещь => личность», – оказалась на своем исконном, предписанном вселенским Замыслом месте. Малая, но много значащая частица, получается.

результат что отражения отражается	вещь	личность	отсутствующее
вещь	идеализация отражение	фактолизация (персонализация)	полное незнание (демагерияция)
личность	материализация (демагерияция)	идеализация отражение	ассимиляция квантового (дегенерацияция)
отсутствующее	умножение мира	мифологизация мира	идеализация отражение

Оказывается, сколь великие радости может дать простейшая таблица из трех строк и трех столбцов! Она родилась 15.09.1978 под громким именем *Матрица отражения*. Она, Матрица эта, была, конечно, логически неполна, но она уже содержала весь необходимый эстетический заряд радостного возбуждения, которое, кстати сказать, попросту мешало сразу наращивать мою конструкцию новыми уточнениями. Потому только 03.07.1979 (без малого через год) стало ясно, что в перечень строк-столбцов необходимо включить «свойство» и «отношение» (архи-полезной оказалась прочтенная тогда монография А.И. Умова «Вещи, свойства и отношения»), далее,

только 14.09.1984 понадобилось еще «художество» (как антипод «вещи» и мосток в сторону «личности»), а 08.06.1985 пополнилась Матрица «универсумом» (конечно, полярным «отсутствующему»).

	универсум	личность
инверсия	///	
личность		///
художество		///
вещь		
свойство		
отношение		
пер. будущее		

В целом же, итог подсчитаем, основные элементы Матрицы описываются набором: универсум – личность – художество – вещь – свойство – отношение – отсутствующее.

Нисколько не испытываю мистического ужаса перед сакральным числом *семь* (наш «космологический» набор получился именно этой длины), но все же весьма доволен тем, как всё так красиво «окончилось». Знаю доподлинно, что Матрица, если понадобится, не откажет никаким изменениям и дополнениям, ибо она – лишь удобная и доступная попытка выразить саму Изменчивость и Дополнительность.

Гл. 3. Движение мысли

Оглядимся на просторах Матрицы. Итак, наша «переливчатая действительность» оказалась ухвачена скользящим по строкам и столбцам взглядом: диалектика ума (познания) стала наглядной. В нашей Матрице, как и во всякой порядочной матрице, есть «главная диагональ», которая выражает спокойное, один к одному отображение вещи в вещь, отношение в отношение и т.д. Но куда *большая* часть ее заселена взаимными переходами и трансформациями, – вотчина подлинной жизни и диалектики.

– Жена моя, послушай и порадуйся: твой муж открыл *новый закон диалектики*... (бахвальство от 05.03.1980).

Каких только красивых именованний я не давал этому «закону», а все никак не нашупывал самого точного и исчерпывающего:

- «перетекание объективного в субъективное и обратно», или
- «смещение границ субъективного и объективного», или
- «презумпция онтологической неопределенности», или
- «онтологическая относительность», или
- «мир есть и он дан нам в текучих категориях».

Наверное, дело не в именах и названиях – *было бы что* называть... Итак, получается, есть два сорта или типа движения. Пусть себе движется *мир вещей* (движение как форма существования материи, говорят), но еще есть движение в *мире познаваемом*, или *понимаемом* (движение как форма существования знания, ума). Привнося в бытие свою собственную зубную

(«тело») и сердечную («душа») боль, человек делает его по-новому – а в каком-то смысле даже впервые! – подвижным и содержащим неустранимую долю неопределенности. А Матрица наша только назначена зафиксировать, останавливая, подвижное знание о подвижно-переливчатом мире.

Гл. 4. Кое-что из Леонова

«Переливчатость» мира прекрасно уловил и описал Леонид Леонов. Во всяком случае, его «Мироздание по Дымкову» с легкостью включило в себя и древнекитайскую «монаду» в составе «близнецов-головастиков» («соприкасаясь по разделяющей их синусоиде, они <...> исчезли из нашей видимости, проваливаясь куда-то, но не просто в глубь себя, а в смежную половину на переплав в свою диалектическую ипостась») и наимоднейшие космологические построения – причем в таком виде, что «сверхтитаническое взрывное происшествие, почитаемое одними за акт Божественного творения и принятое другими в качестве отсчетной точки для исчисления возраста Вселенной, на деле всего лишь рядовая искра энергетического переключения в смежно-полярный потенциал».

Леоновская картина «мерцающего тумана пульсаций» и философски и художественно убедительна. Мне остается только присоединиться к словам старшего товарища, и разве только прибавить свою малость – лихорадочную запись в одном из черновиков, таковая сделана примерно за год до чтения заметки великого писателя, – долго рылся в бумагах, и нашел с трудом:

«Виртуальность мира: “крайности” помножить на “матрицу” – так всё и есть в дрожании» (заметка 31.08.1983).

Другое дело, что Л.М. Леонов давно уже пишет свой роман и даже опубликовал из него этот «космологический» отрывок в популярном журнале, а мои «Опыты», видать, так никогда и не выйдут за тесную ограду единоличного (и даже жене моей не интересного) черновика.

Гл. 5. Вести вещей вещей

Для каждой клеточки Матрицы давно собираю подтверждающие примеры. Свидетельства поступают со всех сторон, примеров пруд пруди, уже просто стал досажать вихрь имен, мнений, умонастроений: вот отчуждение по Марксу и Шеллингово время как «грань» субъективного и объективного рядом с хором голосов художников и писателей (Матисс: «я пишу не вещи, я пишу только различия между ними»; Горький в «Исповеди» о человеческом свойстве «создавать чудовища» и потому бояться «отражений неустроенной души своей»), тонкости филологии вперемешку с абстракциями физики, догадки древних и дефиниции современных

рафинированных высоколобых, – всё это наворачивается, наворачивается каким-то несусветным клубком идей, который уже ни распутать, ни даже просто описать нельзя (кабы не Матрица)...

Конечно, не я один так мучаюсь. Вот недавно обнаружил тому образчик: как своеобразно слово «вещь» (в Матрице нашей играет большую роль) употреблялось у средневековых русских книжников. Берем «Тайное тайных», увлекательный литературный памятник рубежа XV – XVI веков, и выписываем некоторые цитаты (слева) параллельно с современным переводом (справа), подозреваю, не самым блестящим:

- о справедливости *речи* ~ о справедливости *дел*;
- милуй честь их и отымай *речи* ~ любяи честь их и удаляй те *вещи*;
- воистину глупость и *вещь* та ~ воистину глупость и та *причина*;
- не бойся *вещи* минувших ~ не бойся *дел* минувших...

В одной только древнерусской *вещи* обнаруживается такое богатство перемен и смещений пластов смысла (тут и *слово* и *дело* и *вина* и *причина* и *естество!*)¹³², что мне... остается мне только одно – скоренько завершить сочинение этих пяти главок, ибо и стоглав здесь поможет ли, не ведаю.

Июль 1985

Время логики, логика времени

... Надо бы сразу признаться, что схваченное этим словесным «переключение» содержание еще не подвластно мне полной мерою, но и что иного заголовка не могу дать по той же отроческой причине – малосилия и окологнания. Я тцусь осилить загадку времени или, хотя бы, понять логику хода и развития его, времени, понимания, но пока достало *мощи* только на эскизные и вполне безобидные вопрошания по очень частному вопросу:

какое место занимает понятие времени в той области любомудрия, что зовется собственно логикой?

Сразу сам себе отвечаю: логика *никак не может* обойтись без эксплуатации представления о времени. И речь не идет, конечно, о каких-то

¹³² Уверенно могу утверждать теперь (*январь 2019* года), что эту богатейшую тему блестяще осветил, сделав ее воистину концептуальной, питерский профессор *Владимир Викторович Колесов* в своей фундаментальной «Философии русского слова» (СПб., 2002), особенно в главе «Древнерусская точка зрения: от вещи к слову». А я еще раз порадуюсь, по случаю, – тому именно порадуюсь, что когда-то вполне самостоятельно нащупал драгоценное зерно проблемы *онтологии именованья* и ощутил ее головокружительные перспективы.

изоощренных логических теориях со сложными «операторами времени», которые стали усиленно разрабатываться в XX веке. Речь идет о традиционных законах (старинной) формальной логики, которые тотчас рассыплются в прах, убери из них апелляции ко времени.

В самом деле – бегло пройдемся по всей фундаментальной четверице. В законе *противоречия* прямо запрещено одновременно – в одно и то же время – утверждать об одном и том же в противоположных смыслах. Закон *исключенного третьего* четко постулирует такое устройство мира, в котором одна из двух «супостатностей» должна быть неукоснительно представлена в данный момент рассмотрения. Не так заметно торчат «уши» времени в законе *тождества*, но и здесь, присмотримся, требуется некая абсолютная идентичность тех мысленных копий, что приходится снимать с любого утверждения-оригинала, если тебе надобно повторить его в любое удобное для высказывания время. Что же касается закона *достаточного основания*, то законсервированное в нем требование обоснованности умозаключений сводится к объявлению смертным грехом... опять-таки временных скачков: одно должно проистекать из другого.

Сказать по совести, эти «законы» уже при первом с ними знакомстве (давненько это было!) произвели на меня угнетающее и даже немного отталкивающее впечатление. Почему? Потому как очень они были «разношерстны» и не обнаруживалось в них или над ними *общего закона*. Откуда взяться уверенности, что сам перечень этих «законов» логически завершен? Не потому ли на отдельные из них появляются настойчивые нападки – взять к примеру «исключенное третье»?

В этом месте кто-то из всезнающих обязательно посмеялся бы или – какой темперамент возобладал – поморщился бы. Мол, товарищ явно поотстал от жизни скоротечной, ведь мало кто нынче всерьез интересуется «основными законами» логики. И еще товарищ слабовато различает чисто логические проблемы от методологических... И вообще, конечно, заниматься подлинно актуальными проблемами современной логики, – не всякому по силам, тут еще поучиться надо, на лекции в университет походить да на семинарах специальных попотеть...

Спасибо за заботу. Но я продолжу. Этими самыми или подобными «законами» *стоит* заниматься! Потому что, изучая закономерности мышления, улавливая в них «златую середину» или «златую цепь», видя их стержень, каркас, опорную конструкцию, мы однажды обнаруживаем, что заняты некоторой «верховой» (поверх «законов») логикой, *логикой времени*...

Впадая в исследовательский раж, я бы мог даже изречь, что подлинная фундаментальная логика, которую еще нужно построить, есть *наука чистого времени*... если бы сэр Гамильтон в свой черед – и много раньше меня! – не определил *арифметику* именно так (the science of pure time). Да и Георг Кантор успел уже посмеяться, дабы другим не было повадно впадать в подобное глубокомыслие: можно «рассматривать и *всякую другую науку*, например, геометрию, как “the science of pure time”, ибо при образовании геометрических или прочих понятий мы *субъективно* прибегаем ко времени как к форме существования повседневной жизни не меньше, чем при овладении арифметическими понятиями» (смеялся математик в «Учении о трансфинитном», 1887, в примечании 2 по тексту тому).

Знатно подумано! Согласен, не с руки нам объявлять какой-то ограниченный фрагмент большой мысли «наукой о чистом времени», согласен, это самое «чистое время» по справедливости пытаются постичь – где мимоходом, а где напрямую и в лоб, – и математики, и философы, и геологи, и историки, и литераторы, и много всякого иного размышляющего люда, согласен, в основе многих таких исканий коренится гранд-посылка, сама основанная на быту, обиходе, на жизни самой, на ее импульсе –

сегодня солнце встало, так и завтра взойдет – это и есть время... ты загрустил, обнаружив вдруг, что перестал везде поспевать и сил не на всё достает, и мы неизбежно, получается, стареем, это тоже – время... и книжка с автографом Лосева на твоём столе, чуть тронешь ее, нашептывает... о времени, а то как бы не о вечности, да...

Но согласитесь и Вы, дорогой Георг Георгиевич, что уж больно навязчив сей мотив – время, время, время, – что уже нельзя не отыскивать (и не пора ли нам отыскать?) самое-самое главное, ключевое в том, что мы понимаем под «временем», и что если даже *pure time* и происходит из той царственной фамилии, где состоят *aeternitas* и *transfinitum*, изучать его покамест почтенно на «частностях», – как и Вы, помнится мне, начинали с тригонометрических рядов. И логика, следовательно, не такая ли (подходящая) исследовательская «частность»?

.....
.....

Декабрь 1984, август 1985

[Далее, после двух строк многозначительных отточий, в чистовой тетради для «Опытов» следует пустой лист, так и оставшийся немим укором для нашего мыслителя. А определенной «логикой времени» или, в иной постановке смысловых акцентов, *формами времени* он в дальнейшем стал

эпизодически заниматься. К примеру, опираясь на примеры у некоторых мыслителей Серебряного века, нащупал представление о *двойной* «стреле времени», а затем выдвинул эту (еще, кажется, Гераклитом учуянную) *энантиодромию* как хорошего кандидата на звание интегральной или *обобщенной* формы времени. Соответствующий материал приведен в «Приложении 1» данного выпуска «Тропы»; заметка в *январе 2019* года].

«И вообще не бывает так, чтобы всё стало, как было»

Если отыскивать себе занятие, в котором наивероятен шанс пустить пузыря, не придумаешь задачи лучше, чем анализ романа «Мастер и Маргарита». Его *хочется*, конечно, осмыслить, разбирая по косточкам – хочется понять, как именно сработано это чудо, откуда берутся все новые и новые горизонты, или залежи, сколь глубоко ни опускай буровой инструмент поиска. Увы, *может*ся немного. И поражение заложено, запланировано, можно сказать, в самой *структуре ситуации*. Как там у фон Неймана: имеется некий порог сложности, за которым оную систему можно воспроизвести, адекватно отобразить, понять не иначе, как создав аналог ее не меньшей сложности, или, скорее, систему той же сложности.

(Ставлю скобку и притормозу на пару-тройку абзацев: когда еще подфартит прокомментировать *большую гипотезу* «великого Джонни»).

Следуя фон Нейману, сопоставляют автомат с его описанием и выделяют три вполне естественных, то бишь, формально допустимых случая.

Случаи фон Нейману, со слов

<i>автомат</i>	<i>сложнее</i>	<i>описания</i>
<i>автомат</i>	<i>равен</i>	<i>описанию</i>
<i>автомат</i>	<i>проще</i>	<i>описания</i>

(заведомо неоднородные объекты)

Здесь (мне) не хватает места для основательной критики самого способа такого сравнения или, иначе сказать, сопоставления (заведомо неоднородные объекты несопоставимы

сходу, как в несправедливом обмене по фольклорной формуле «часы – на трусью»). Достало бы и малости – подчеркнуть одну подозрительную комбинаторную подробность: случай «равенства» (вторая строка таблицы) легко понять как частность, как умаленный вариант строки третьей. Так что могу оформить и такую сентенцию, вполне очевидную: достаточно простой автомат не сложнее своего описания.

Запоминая это и переходя от кибернетики к делам литературным, заменим в нашей табличке «автомат» на «художественный текст»; оставляем на месте «описание», только вместо алгоритмического смысла придаем ему

смысл литературоведческий. Что следовало бы скорректировать в таблице после таких замен?

лучше „оригинала“, а именно *еще*

текст	сложнее	опысненья
текст	равен	только себе
текст	несоизмерим	с текстом

теперь словца обо „пространство“

В первой строке всё, по справедливости, остается: всякий художественный текст, безусловно, сложнее традиционного комментария к нему. Для перехода к двум оставшимся строкам-возможностям будем мысленно «улучшать» описания, как-либо устремляя их к тексту-оригиналу. Неизбежный при этом рост числа и длины цитат, думаю, убедит любого, что предел подобного устремления является воссоздание *того же* текста (как то и случилось в рассказе Х. Борхеса «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”»). Любой дальнейший шаг даст уже другой текст – не хуже и не лучше «оригинала», а именно *еще один*, другой текст. Итак, специфическая литературная «арифметика» выходит такая: ситуация «равенства» соответствует лишь одному – всякий художественный текст равен *только себе*, а по отношению к другим текстам он только *несоизмерим*. Если нам теперь сравнить два «пространства», осевшие на клетках моих таблиц, и от «арифметики» переходить к «топологии», то стоит компактно оформить (кратко-кратко! я и так сильно отвлекся) следующие антитезы свойств «мира автоматов» и «мира литературы»:

- иерархия ~ демократия,
- непрерывность ~ дискретность,
- общая мера ~ локальная мера.

Одно смысловое пространство можно «получить» из другого методом «идейного усыхания»: непрерывная вполне упорядоченная протяженность распадается, трескается она на куски, а куски еще стягиваются, сказать алгебраически, факторизуются вокруг центров, бесконечно удаляющихся друг от друга...)

– Сочинение еще одного, *еще того же* «Мастера» мне не по зубам. Остается уповать на гравитацию в мире смыслов: мой крохотный текст, как шальной метеорит, на короткое время попадет в окрестности гигантской притягивающей массы, изредка пролетая возле нее и терпя мерзости одиночества на большей части оставшегося эллиптического бытия...

... и вообще не бывает так, чтобы всё стало, как было...

Всего более мне понадобится здесь одна цитата, – когда безвестный *мастер* возражал Маргарите, попросившей Воланда, пользуясь случаем, вернуть им прежнее тихое житье в подвальчике возле Арбата. Мои нынешние наблюдения над временем будут произрастать из одной-единственной фразы булгаковского героя.

(Нет, не удержусь, ставя еще одну, на несколько предложений паузу беря, скобку! В предыдущем «аналитическом отступлении» сложился образ некоего «пространства литературы» как области весьма малонаселенной и разреженной, вроде рисового супа архи-скупой хозяйки: рисинка за рисинкой гоняется и догнать не может... А сами тексты, сами эти «рисинки» на что похожи? Соблазнительно было бы найти в них ту же структуру «жидкого супа» – и, между прочим, в «Мастере» я ее усматриваю! Вот сколько взглядом по многочисленным выпискам из романа, бормочу ключевые фразы (все, заметим, входят в *прямую речь* героев) и явственно вижу эти локальные центры тяготения, точки кульминации, сингулярности текстовые:

- ... бессмертие... пришло бессмертие...
- ... о боги, боги мои, яду мне, яду!..
- ... каждому будет дано по его вере...
- ... никогда и ничего не просите!..
- ... рукописи не горят...
- ... и вообще не бывает так (и т.д.)
- ... он не заслужил света, он заслужил покой...
- ... всё кончилось и всё кончается...

Только, быть может, еще особую тонкость булгаковского письма надо принять во внимание: эти гранд-фразы кажутся почти тривиальными, они «просты», эти смысловые центры, и потому они особенно неуловимы именно как средоточия смыслов).

... не бывает... стало... было...

Наш язык, действительно, позволяет строить вполне понятные предложения из слов и оборотов, пребывающих в разных грамматических (внутри-текстовых) временах. Михаил Булгаков с той же неодолимостью *грамматики смысла* идет дальше – его герои органично сосуществуют и пребывают одновременно в космическом времени, хотя меж ними и устроены, казалось, непроходимые пропасти истории. Здесь вполне подойдет представление о *туннельном переходе*, заимствуемое из современной квантовой механики, которую умудряются ныне сочетать с космологией. Да, столько мостков, перемычек, туннелей соединяет несоединимое, преодолевает пустоту, побеждает фабулу и рабство ее последовательности, – *всё туннелирует* в романе! В «Мастере и Маргарите» совсем легко, кажется,

устроить (писателю) или усмотреть (читателю) подобные «кротовые ходы» во времени. А мне представляется, что и вообще подлинная литература и подлинная культура «туннельны» по глубокой сути своей. Человек научился преодолевать потенциальные барьеры забвения и самого времени.

... стало... было...

Роман на удивление скрупулезно хронометрирован. В этом отношении он сравним разве что с «Преступлением и наказанием». (Кстати будет спросить – случайно ли такое совпадение? в ответ я произнес бы одно только ключевое слово – *воздаяние*, но ему настанет срок чуть далее). Повсюду расставлены отсылки к календарю и часам, в истории ли начиная с Патриарших – от среды до субботы в Москве майской, – или то конкретные дни 14 и 15 нисана в Ершалаиме. Даже зачины этих историй имеют характерное (конечно, временное!) ударение, его трудно не увидеть: сравни «однажды весной, в час небывало жаркого заката...» и «ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...». Что здесь проглядывает, в такой подчеркнутой лето-писности, или, точнее, время-писности булгаковского повествования – стремление сразу завлечь читателя в поток событий, сложенных по правилам детективной истории, или так своеобразно воплотился важнейший авторский принцип «ничего не выдумывать», и он обязан был не выдумывать, а точно отобразить само пространство истории и, в особенности, само время ее? Похоже, *и это верно*, как верно все второстепенное, органично подчиненное главной творческой силе. Главное же в булгаковской хроно-поэтике, очевидная *отмеченность*, выделенность времени задано ключевым содержанием, главным смыслом романа: воздаяние. Параллель земных судеб мастера и Иешуа по необходимости отразилась на свойствах времени в художественном тексте. Подобно тому, как библейское сознание почитает бесценным каждый миг евангельского мифа и расцветивает однообразную череду времени красками истории Спасения, так и время мифа уже XX века составлено из драгоценных, не сводимых одно к другому мгновений Воздаяния.

... и вообще не бывает...

Как было и как не было две тысячи лет назад в Палестине, знать нельзя, действительность можно только *угадать* («клянусь угаданным тобою звездочетом» – это о Пилате в изображении силою таланта мастера). И можно ошибаться, идеологически ли, психологически или там фактически, но ошибаться? Да, да, можно, но здесь, как давно принято говорить, правда особая – художественная, и она исключает такие простые ошибки. Я бы только прибавил, опираясь на чтение «Мастера» и посильный мне анализ его: художественная правда *воистину отменяет* бытовые, вне-художественные

представления о времени, – если оно выглядит этаким слепым в своей поступательности потоком, без видимых и осязаемых границ, лишенным водоворотов, прихваченных попутно щепок, пены, брызг и вообще признаков собственно жизни. В мире, где присутствует и действует (т.е. бытийствует) человек, *такого* времени просто не бывает!

Октябрь 1985

Прочел «Категории» Аристотеля

– И что же, целовать тебя за это?!

Нет, не надо. И гордыню свою готов немного усмирить. Какой уж там, по правде говоря, Аристотель – ты читал неизвестно чьи, состряпанные на слух или по памяти, явно вторичные конспекты, неизвестно сколько раз отредактированные, да и как переведенные, тоже большой вопрос. Это – к состоянию *сейчас*. А добавить прелесть ситуации из *тогда*, и дело станет вовсе трудным или даже кислым: афинским мудрецам выпал (да, пионерский) труд заниматься вычленением из необъятности языка тех немногих «атомов мысли», которые могли бы служить надежной опорой для любых умонастроений, служили бы островками твердой суши в океане «сказываемого», – а кто ж не знает, каково проводит границы тростью (или, положим, вилами) по воде?! Так что *прочел «Категории»* – значит лишь, что потянул за грандиозную цепь неясностей и проблесков, скрепленную потугами безымянных или чуть отмеченных бытием-именем подвижников...

– Цепь, говоришь? Уж не *Золотая* ли? И сколько же ее можно... тянуть или продлевать?

Всё более уверяюсь, что строить *системы категорий* считалось и считается незаторным в любые времена, не исключая и нынешние. Только теперь (если сравнивать с положением дел при Аристотеле) существенно поновлен исходный материал, из которого требуется «извлекать» категории, и к обыденному (естественному) языку добавлен еще «язык науки» и, видимо, «язык философии». И такая творческая арифметика содержательного «плюсования» приводит к немалым и даже легким «открытиям»! Вот штудировал давеча свежечпечатную книгу Е.Д. Гражданникова «Метод систематизации философских категорий» и... почти не удивился, обнаружив в ней вполне закономерный «прогресс». Оказывается, со времен Аристотеля много воды утекло. Это означает, что довольствоваться лишь десятком категорий уже несовременно, извольте их принимать числом хотя бы 137 или даже 161. Сто шестьдесят одну!

– И тасуй себе эти категории хоть так, хоть эдак?

И тасуют, и еще как! И «элементов» уже вдосталь, и нехватка «систем» явно наблюдается. В упомянутой книжке предложен такой выход: в простую («линейную») систему такого обилия не вместить, и в оборот вводится *периодический* (пусть и «фрагментный») закон построения философских категорий. И «периоды» на то и годны, чтобы использовать их «на вырост», на любом количестве шагов. Могу прибавить более старые примеры подвигов на ниве системо-творчества, чтобы показать, что такие заботы о «больших числах» давно уже не беспочвенны. Лет 900 назад Жильберту Порретанскому сама категория «сущность» показалась едва ли не рядовым мазком на грандиозной картине со всяческими «субсистенциями», «субституирующими сущностями» и т.д., или в другой смысловой группе взять если – «субстанциями», «субстанциональными формами»... Я-то могу, конечно, вмешаться и поставить многоточие. А если некому? Вот у Фомы Аквинского (в *Opera omnia*) терпеливые счетоводы обнаружили... целых тринадцать миллионов специальных терминов. Сколько в том необъятном океане отыскивается островков и архипелагов категорий?

– А ты-то с чего яришься?

А потому что сам, недавно и собственноручно, начертал на полях текста с Жильбертовыми дистинкциями восторженную помету: «Особо стоит думать!». Потому что сам втихую строил *свою и для себя систему* – хотя Матрица моя, честно говоря, является скорее «антисистемой», больше толкующей об относительности и размытости любых «атомов мысли». Потому что сам ощущаю постоянную нависающую угрозу – перепутать умственное со схоластическим. Боюсь систем... и чую потребность их почти непрерывного порождения или осмысления, да.

– Или о треугольнике с участием «времени» вспомнить?

Да, если только не о квадрате – конфигурацию «пространство – время – информация» как бы не расширить еще четвертой вершиной, «знак». А как иначе, т.е. без таких «систем», прикажете выжить? Взять ту же «загадку времени», к примеру. Время у космологов такое-то, в квантовой механике обнаруживается иное, спецы по термодинамике и всякие «химики» – те пока полупрошепотом распространяют крамолу про особое какое-то «второе время», не упускают своего шанса лингвисты, филологи, культурологи – целая банда проснувшихся гуманитариев. Голова раскалывается, не вмещающая всей этой «всячины», и пошадя прося. Что-то будет?! А если эта культурная ситуация вдруг станет нынче вровень с теми счастливыми и трудными днями Стагиритовыми, когда из густейшего варева естественного (эллинического) языка чуть ли не сами собой кристаллизовались перлы категорий, впервые и равномерно посверкивая...

– Как ты говоришь, брать надобно «куском»?

Да-да. Это вроде как при штурме крепости поступали, когда лобовая атака не вытанцовывается, и куда резоннее прихватить «в клещи» территорию побольше – может, тогда и на штурм идти не придется, они сами сдадутся. Ты можешь сколько угодно возиться с «загадками», до скончания века повышать эрудицию, можешь даже менять стратегию поиска, переходя от естественно-научных материй к гуманитарным или обратно, но... никаких гарантий успеха нет, разве что случай какой подфартит. Только выйдя за пределы *одной категории* (здесь – «времени»), только выявляя и изучая большие, значимые фрагменты целого *мира категорий* (где, возможно, новый облик «времени» вряд ли покажется тебе знакомым), только вот так широко шагнув, ты сподобишься одолеть столь серьезное препятствие. И шут с ними, со штанами...

– А если, пардон, и штаны порвал, и никуда не сдвинулся?

Декабрь 1985

Наша звезда

Пентаграмма – пятиконечная звезда – та, что у меня на погонах уже много лет – наша звезда. Спрашивается, много ли я о ней знаю? Пошел уже двенадцатый год коллекционирования любых сведений о Великих Знаках – звезде, кресте, свастике, круге... Времени утекло предостаточно, а вот результатов налицо – самая малость.

Конечно, я могу-таки выразить некоторый (уже готовый) итог примерно следующим образом: *в древности она знаменовала тайный орден пифагорейцев, потом почиталась ближневосточными гностиками и вообще изрядно потрудилась на поприще всяческой масонской мистики да каббалистики, после октября 1917 года стала главным символом Страны Советов и по сей день украшает флаги и гербы огромного количества государств*. А здесь и сейчас готов привести определенную фактуру только к последнему утверждению, которое гласит о флагах и гербах.

Заодно оказия представляется убедиться, что даже числовой материал, даже простая статистика позволяет, оказывается, ставить весьма непростые вопросы и обнажать любопытные смысловые связи и ходы в символах. Итак, берем том «Советской Исторической Энциклопедии» и подсчитываем:

в общей таблице из 148 флагов (флагов современных государств по состоянию на 1974 год) у 42-х имеется пентаграмма (27%), а в неполной по составу таблице из 106 государственных гербов – у 29-ти (также 27%); если

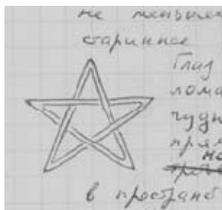
еще объединить все государства, поместившие пентаграмму на герб или на флаг, то их окажется 51 (34 %).

Не ожидал, признаться, что получится так много, хотя в той закругленной фразе и сказал уже об «огромном количестве государств».

Еще разительнее выглядит успех пентаграммы, если проанализировать, какие причины *не дали ей места* в символике почти 90 стран. (Разглядываю, для конкретности, только флаги). Так, употребили одни лишь комбинации цветных полос 26 молодых государств и 8 старо-европейских, еще на 12-ти флагах значимое место занято тем или иным гербом – всегда довольно сложным, всегда из многих геральдических элементов сложным, и преимущественно почтенным по возрасту. Оставшиеся случаи – это примеры занятости места *прямыми конкурентами* пентаграммы, одиночными символами. Слабые соперники! Стало быть, под крестом – 14 флагов (европейцы или их бывшие вассалы), под звездой (с полумесяцем и без оного) о семи, двенадцати или четырнадцати лучах – 4 флага, круг видится на 4-х, лев с поднятым мечом – на 3-х, корона, или щит с копьями, или звезда Давида, или солнце – на 2-х флагах (заметь, что все «спаренные» флаги принадлежат географически близким государствам; если здесь скрыто заимствование, то необходимо выйти за скобку и отнести все эти случаи к тому разряду, что обсуждается чуть далее), а далее следуют уникальные экземпляры с ливанским кедром, канадским кленом, трезубцем от Барбадоса, ватиканскими ключами, силуэтом острова Кипр и т.д. Итак, с пентаграммой ничто не может состязаться в популярности, даже крест.

Но следует еще разобрать и понимать, что это за популярность, какова она в пресловутой житейской – а на самом деле, в идеально-символической, – тяжести своей. Когда звезда пятилучевым пятнышком *светилась* на шеломах красногвардейцев или кроваво *чернела* на груди растерзанного белогвардейцами комиссара, у пентаграммы тогда был ясный, волнующий и относительно новый смысл, смысл доселе небывалого деяния, столь своеобразно венчающего многовековой путь освобождения и демократии. А что сказать о пентаграмме с флага молодого капиталистического хищника Бразилии? а – фашиствующего Парагвая? а – уж не знаю, какой Италии? а – Конго, да еще рядом с многозвездным флагом Соединенных Линчующих Штатов?! И разве не ясно, что далеко не одинаковые причины создали некое единообразие в использовании пентаграммы на флагах и гербах стран социалистического содружества (вестимо, они идут вслед за нами и «светом нашей звезды») и, скажем, государств мусульманских. Для последних, кажется, характерно безразличие к количеству лучей у звезды, им нужнее *звездность* как таковая: как уже сказывалось, на 4-х мусульманских флагах

звезды многолучевые, а Ирак продемонстрировал безразличие к пентаграмме вовсе наглядно – восьми-лучевым внешним контуром всего герба на флаге.

Впрочем, на гербе и флаге Марокко (тоже ислам – государственная религия) примерно с такой же изобразительностью показано, что пентаграмма имеет-таки старинное и явное преимущество, пусть даже и орнаментальное только. Глаз забывает об отдыхе, неустанно скользя по замкнутой ломаной, каждый отрезок которой хранит на себе печать золотой пропорции, помнит о чудесном единстве. «Марокканская звезда» прямо-таки рвется вон из тисков тривиальной плоскости, устремлена чуть ли не в иное измерение, если не являет (пластически-наглядно) идею выхода в новый слой пространства...

Нюансам в современной биографии-бытии пентаграммы нет числа! Кто мне толком объяснит, к примеру, почему из «общего правила» выпадает флаг и герб ГДР, поскольку только в геральдике данной социалистической страны нет звездного доминирования; кто объяснит, почему из 16-ти имеющих одинаковую схему построения гербов СССР и союзных республик *только в гербе РСФСР* также отсутствует пятиконечная звезда?! Случайно? – Не морочьте мне голову!

А вот, пожалуйста, и вовсе детектив: в углу флага Монгольской Народной Республики сразу привлекает внимание сложная «этажерка» из нескольких значков (есть тут и старые наши знакомые – круг, полумесяц, «великая монада»), на самом вершине которой красуется пентаграмма. Интересно бы «прочитать», какие именно мысли окаменели, какое повествование застыло в этой вертикальной штуковине по имени «Соёмбо», и как с ними перекликается *идея* нашей звезды. (Я сначала очень обрадовался, увидевши на флаге эту «знаковую этажерку», но потом, глянув на герб Монголии, без особого труда уяснил, что пентаграмма вверху добавлена сравнительно недавно, ибо на гербе это «развернутое повествование» красуется уже внутри звезды, причем с иным наверху, в форме пламени). Вопросы, вопросы, нет им ни дна, ни крышки!

Да, подтверждается: уже «голая статистика» (чего уж проще – взял том, отыскал нужную таблицу и считай себе на здоровье!) доставляет массу маленьких загадок. Цифры и числа остаются цифрами и числами, но они еще своеобразно и настоятельно отправляют нас (хотя бы намеком) к чисто-человеческой, т.е. качественной, смысловой составляющей истории.

Взять теперь такой сорт «цифири», как элементарные датировки, к давешней формулировке «после октября 1917 года» отнесенные. Перебираю старые свои выписки, – когда именно была утверждена эмблема Красной Армии, и прихожу в отчаяние, или даже в ступор. Разнобой-то какой! Прелестный, в самом деле, получается список (для краткости привожу далеко не все примеры нестыковок):

15.12.1917 – «Сто вопросов, сто ответов», вып. 3,

16.12.1917 – СИЭ, т. 13, стлб. 125,

апрель 1918 – СИЭ, т. 4, стлб. 238, а день каков?

19 апреля 1918 (*Б. Борисовский*. Первая советская эмблема // Вопросы истории, № 5, 1974)...

Даже здесь, получается, вокруг простейших датировок надо самому действовать и творить: ехать в Ленинку, брать (надолго) микрофильмы с «Известиями ВЦИК» и наводить должный в знаниях порядок.

– И *что* ты себе думаешь – так возьмут и напишут, что пентаграмму советскую «одолжили» из такого-то эзотерического – масонского либо алхимического – источника?

Январь 1986

Что ухватил – за хвост жар-птицу или... себя за нос?

Перебирая в памяти долги-задумки и оглядывая груды книг на столе из тех же побуждений закоренелого должника, припомнил старый свой замысел – собирать материалы о *символизме веданты*. Пока за душой суций вздор (еще хуже, чем «самая малость» касательно пентаграммы, см. чуть выше). Если не перечислять случайно захваченные «на стороне» мнения, факты и фактики, то надо сказать, что напрямую, «для дела» прочел и просмотрел только «кое-что»: таковы переводы отдельных Упанишад и гимнов из Ригведы, сюда же добавить крохи из повествований Р. Роллана о Рамакришне и Вивекананде, помнится также, что целенаправленно изучал обзор А.Н. Чанышева по индусской «предфилософии», да просматривал, грешен, «Некоторые проблемы изучения упанишад» А.Я. Сыркина, недавно освоил также (весьма подробно) монографию А.Д. Литмана «Современная индийская философия»... а на очереди ждет еще томик – В.С. Костюченко, названо «Классическая веданта и неоведантизм» (М., 1983), обрел полгода назад в букинистическом отделе «Дома книги» на Калининском.

С этого тома, пожалуй, и надо бы теперь начать. Где тут застопорило? И что, интересно, мы «уже прошли»? Листаем...

– Но как же я об этом забыл?! Кто, спрашивается, прочел (изумленно) вот этот 129-й гимн десятой мандалы «Ригведы», именуемый «Насадия-сукта», кто таков?! Чья рука напротив пятой строфы, возле слова «вервь» (по-старинному сказано «веревка») прочертила на полях поспешный значок «t –?», интересно, чья? Кто решил, что обнаружил *первое выражение концепта времени*, первое на человеческом языке – взял и решил, удивился, смутился и... почему-то забыл!?

Виноват – теперь исправлюсь. Теперь обязан описать подробности об открытии этой «верви», которая суть «время».

И начать надо с цитаты из «Насадии-сукты», вплоть до той самой строфы, на которой глаз словно споткнулся, а по холке побежали мураши, вестники особого знания... В переводе *В.А. Кочергиной*:

1. Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды непроницаемые, глубокие?
2. Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения, само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было.
3. Вначале тьма была сокрыта тьмою,
Все это [было] неразличимо, текуче
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.
4. И началось [тогда] с желания – оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскиали, восприемля в сердце,
прозорливые мудрецы.

5. Вервь их простерта поперек. Было ли
Внизу [что], было ливерху?
Носители семени были, силы были. Вожделение –
Внизу, усилия – вверху...

Шестую и седьмую строфы переписывать нет резонов, а вот сноску-примечание внизу страницы, к слову «вервь» в начале пятой строфы (автор высказывания, надо думать, В.С. Костюченко), воспроизведу доподлинно: «Вервь – связь сущего и не-сущего». Примерное по ясности разъяснение!

– Почему ни на секунду не было колебания, что под этой «вервью» следует понимать только «время»? Почему, единым махом игнорируя всяческие доводы и сомнения, явилась мне твердая мысль: *связку сущего и*

не-сущего отыскиали, как и вервь их простерта поперек – вот те места, в которых впервые явно оформилась индоевропейская идея времени, ставшая ныне идеей общечеловеческой... Попробую разобраться, имел ли я хоть какое-то право на подобное «озарение».

(Без вступлений, привыкаю быть кратким). Ведийская космологическая картинка первозданного хаоса – когда «не было различия между ночью и днем» и т.д. – вызвала и вызывает во мне сейчас какие-то, можно сказать, *родственные чувства*. Размышляя над соотношением информации и времени, я уже который год подряд проигрываю в уме примерно такой ход: представим себе белый-пребелый мир, без единого пятнышка мир (отличие от «Ригведы» есть, конечно, ибо там «вначале тьма была сокрыта тьмою», но разница эта скорее эстетического или даже этического, нежели философско-онтологического порядка – мне вот попросту не желается *тьмы и черного*, предпочитаю – *свет*), представим, и зададим решающий вопрос о том, есть ли время в *таком мире*; тут же выясняется, что о времени говорить не приходится, как и нет смысла говорить об информации (к чему еще было стремиться «прозорливым мудрецам»?), ибо наблюдатель в этом мире *ни зги не видит*, все белым-бело... Итак, первые же строки древнего гимна оживили любимые ассоциации вокруг идеи времени. Оставалось только пробудить-припомнить цепочку всем известных «арийских» этимологий *время – веремья – веретено – вертеть*; тут очень кстати явилось (в подаче переводчика) слово «вервь» из пятой строфы, и обернулось оно необходимым звеном всей нужной мне космологической цепочки. Сподобимся, други мои, не только «вертеть пряжу», но и устраивать связи сущего и не-сущего, перекинем меж ними «вервие простое»!..

Вот каково оно, оказывается, время в своем рождении – конструктивный творческий принцип, предстающий в зримой, осязаемой форме ремесленного образца пряжи, или всяческой свитой в некую нить или шнур штуковины. И такое время надобно не только помыслить («восприемля в сердце»), но и руками потрогать.

– Да, но... Важнейшая для нас «связка сущего и не-сущего» в подлиннике звучит как *sato bandham asati*: в таковом *бандхам* совсем не слышать привычно-временных *вере* или *врт*. Что здесь ощущается, нехватка реально имевшегося звена в древней этимологии, или же это, невзначай, про меня речь зашла – зарпортованьемся полным неуче в санскрите? Хвост недосыгаемого ухватил, или – собственный нос, куда как достижимый?!

Будем копать дальше.

Февраль 1986

«... Хотя и сказал безумец в сердце своем...»

Кажется, наука и знание не отрицают религию? Платон был теистом, Лейбниц почитал «Теодицею» высшим своим творением, Ньютон много прилежнее комментировал библейские тексты, нежели занимался механикой, нельзя не считать крупным естествоиспытателем Тейяра де Шардена, иезуитского ордена активного члена (иезуиты все активны!), верно служил богословию универсальный гений Павла Флоренского... Все они – титаны мысли! И, выходит, спрашивать (всех перечисленных) надо бы так: *какое именно знание* подкрепляет религию и веру?

Давно углядел за собой не вполне почтенное качество – видимо, я большой мастер задавать куда как широкие вопросы, сам имея наготове лишь куцые частности или, в лучшем случае, самые расплывчатые догадки и подозрения. Грешен... Вот так и сейчас на вопрос, по сути дела, о том, где и как *пересекаются* наука и религия, я только *подозреваю* и только *прозреваю* полезные для ответов исследовательские темы. И они, кажется, таковы:

α) собственно, соотношение знания и веры,

β) их отношение к противоречию и

γ) проблема иерархии существований.

Нынче – в избранном контексте – держим речь только о противоречии, остальное будем «задевать» своим чередом, когда – не ведаю.

История, в которую я (кажется, весьма опрометчиво) здесь встряну, обросла изрядной бородой, и насчитывает немалое число участников. Впрочем, перво-толчковая фраза остается анонимной, да еще и в передаче из «вторых рук» – от царя Давида, она хранима в каноне Ветхого Завета (стих 13:1 Псалтири):

Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога».

Сказано безвестным безумцем сильно, сказано не менее чем за две с половиной тысячи лет до нас – давно и не случайно сказано. Историю религии и атеизма я не пишу, потому безоглядно опускаю большой отрезок времени (со своими большими именами) вплоть до 70-х годов XI века и до *Proslogion*'а, «Прибавления к рассуждению» Ансельма Кентерберийского. По праву, по справедливости титулованный «первым схоластом», Ансельм не только ревностно *осудил* фольклорно-псалмового безумца, он еще и *рассудил*: пусть Бог и не являет Сам Себя, однако Его бытие вполне можно доказать, обходясь одной только (нам доступной) логикой. Монах Гаунило, современник ученого аббата, возразил ему своей «Книгой в защиту безумца против Ансельма, рассуждающего в Прослогионе». На это уже Ансельм ответил «Апологетической книгой против выступающего в защиту безумца», – пошла писать губерния!.. Примерно через двести лет на свет явилась

«Сумма теологии» Фомы Аквинского (сильнейший логик и систематик! и уж точно – великий схоласт), в какой-то изрядно попало Ансельму же, правда, с позиций далеко не атеистических. Еще через полтысячелетия слово по теме взяли новые титаны – Кант, затем Гегель... Конечно, вступать на равных в такую компанию мне не с руки, особенно нахально было бы дышать в затылок Гегелю. Похожу на почтительном удалении от их великолепного ряда или колонны, и реплики свои не буду, пожалуй, выкрикивать из-за кустов, скорее пробормочу себе под нос что-нибудь «умное» – и тоже против того ветхозаветного безумца.

Но для начала адресуюсь прямо к Ансельму. Нечто вроде «Против выступившего против выступающего в защиту безумца» – так можно было бы само-назваться. Впрочем, лучше приберегу запас рефлексий на деловую часть этих записок. Будущий архиепископ Кентерберийский рассуждал примерно в том духе, что безумец (с его категорической посылкой «Бога нет») оказался загнанным в тупик противоречия, а ежели в словах безумца укоренился абсурд, *ergo*, абсолютно не верна как раз его исходная посылка, – потому Бог не может не быть. Моя ближайшая цель – тот же тупик показать для направления мысли самого Ансельма. А для краткости письма проведу определенную логическую «алгебраизацию» некоторых мысленных построений из «Прослогиона»:

– прежде всего, как *O* обозначим главную Ансельмову конструкцию – *нечто, более чего нельзя ничего помыслить* (\approx Бог), и далее введем

– d – оператор *помыслить*,

– d_p – оператор *помыслить (находящимся только) в разуме*,

– d_δ – оператор *помыслить (находящимся) в бытии*.

Пусть нижние индексы останутся, для удобств слежения за ними в длинных логических цепочках, в кириллических обозначениях.

А теперь, обратившись ко второй главе «Прослогиона» («Итак, Господи, <...> даруй мне <...> уразуметь, что Ты еси, как мы веруем <...>. Веруем же мы, что Ты нечто, более чего нельзя ничего помыслить. Или, может быть, сущности такой нет, коль скоро сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”? Но даже и сам этот безумец разумеет, что я говорю, когда слышит: “нечто, более чего нельзя ничего помыслить”; и то, что он разумеет, есть в его разуме»), мы кратко можем выразиться так:

– $d_p O$, т.е. введем формальное выражение для *помыслить в разуме* «то, более чего нельзя ничего помыслить».

Далее следует важнейший шаг: о том, что «имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле», или

– $d_\delta (d_p O)$ – скажем вслед за Ансельмом.

Явное применение второго, «внешнего» оператора чрезвычайно радует нашего средневекового философа, ибо, говорит он, даже намек на возможность «бытия на деле» – «это уже больше, чем иметь бытие только в разуме».

(Тут поставлю скобку, ибо чувствую, что для детального разбора этого места из «Прослогиона» надо бы еще «внутри» O различать

– O_p – «Бог воображаемый», в разуме,

– O_b – «Бог действительный», в бытии.

Но здесь «логика индексов» уж слишком опасна, и такой прямой заход в сферу Божественной реальности – или пусть даже только *иллюзию* такого «захода» – в дальнейшем использовать не рискну. Для нашей задачи достаточно малого – при операторе d навешивать индексы двух типов).

Теперь опишу решающий шаг в построениях Ансельма, когда он демонстрирует нам, что бытия $d_p O$, т.е. бытия «только в разуме» нет и быть не может – ибо усматривается *противоречие* в исходной конструкции $d_p O$: смотрите, о том, более чего нельзя ничего помыслить, удастся еще что-то (пусть и бесконечно-малое, пустяковое, ничтожное) помыслить! Потому, с позиций отстаиваемого Ансельмом мировоззрения,

– существует только $d_b O$, но никак не $d_p O$! Иными словами, $d_p O$ – конструкция, запрещенная для всех и всячески мыслящих человекoв. (Вспоминая недавно мелькнувшую в моем воображении спецификацию для O , можно еще, пожалуй, разрешить к существованию область, охваченную оператором вида $d_p (d_p O_p)$ – получается, область «чистой фикции»).

Итак, в данном месте разбора Ансельмова «доказательства» вполне можно выставить отличную оценку, за виртуозное владение приемом *reductio ad absurdum*. Правда, я не знаю, куда ставить мудрецам древности сегодняшние наши (задним числом) «отметки». И не рано ли будет записывать Ансельма в отличники?

Спросим так: коли уж мы принялись рассуждать «вокруг» O и способа его бытия (нам позволительна, нам доступна реальность $d_b O$), мы имеем в мысли некое

– вполне ясное суждение $d_p (d_b O)$: внимание, здесь мы *помыслили более чем O* и, следовательно, существует нечто, более чего можно что-то помыслить!

Кстати сказать, поскольку обо всем только что сказанном мы тоже имеем право поразмышлять (что я здесь и сейчас как раз и делаю), потому

– вполне возможно начертать $d_p (d_p (d_b O))$ и далее даже иметь в виду пресловутое «и т.д.»: вот сколько *более O* можно (в принципе) *помыслить!*

Итак, Ансельм (подозреваю, сознательно) остановился на самом первом шаге «навешивания» оператора d , торопливо обрушив упреки в адрес «безумца», но сам-то он при этом использовал «объект мысли», о котором помыслить без (сразу всплывающего) противоречия – нельзя.

Хорошо, положим, данную логическую линию мы (эскизно) обследовали. А если нам испробовать эту «логику индексов» на объекте, противоположном O , т.е. на \bar{O} – *нечто, более чего можно что-то помыслить*. – Поначалу у меня с легкостью написалась длинная цепочка-итерация вида $d(d\dots d \bar{O})\dots$, где как раз без индексов, между прочим, можно обойтись (легко видеть, что для случая объекта \bar{O} допустимы и $d_p \bar{O}$ и $d_b \bar{O}$, в равной мере). Однако вскоре пришлось притормозить. Сам себе задал вопрос: скажи на милость, о чем конкретно ты *можешь помыслить* на шаге *с достаточно большим* номером?

Выходит, что \bar{O} тоже по-своему парадоксально, но видимое противоречие иное, нежели мы нашли для O : объект O парадоксален с первого же шага применения оператора d , а объект \bar{O} – с некоторого достаточно большого шага. Иными словами, итог подводя, при мысленном разглядывании неких «предельных объектов» мы получили своеобразную демонстрацию *ограниченности*... да, и *веры и разума*, причем для веры эта ограниченность виднеется «в корне», в основаниях, а для разума – «по пути», причем не слишком, видимо, долгом...

Пожалуй, пора остановиться в наших, надеюсь, самостоятельных и в то же время несложных построениях, и проделать далее только два полезных экивока к уже известным фактам.

А) Мы с Ансельмом употребили логическую конструкцию, которая находится под своеобразным запретом в современной (надо полагать – весьма изощренной!) логике, – это запрет на *самоприменимые суждения*, к которым, судя по всему, относится и наш оператор d . Так что в коллекцию знаменитых парадоксов такого рода, открытых в XX веке (см. «парадокс Рассела» или «парадокс Ришара»), пришла пора прибавить этот старинный казус – «парадокс Ансельма». И – пусть будет достаточно сказанного, как говаривал многомудрый Стагирит.

Б) Парадоксальность «с первого же шага», которую мы обнаружили (своими вполне дилетантскими методами) в области веры, нисколько не противоречит самому духу всех и всяческих «доказательств бытия Божия». Еще зачинатель римского богословия Квинт Тертуллиан высказался *предельно ясно* по данному поводу: «Сын Божий был распят; не стыдимся этого, хотя это и постыдно; Сын Божий умер, – вполне верим этому, потому что это нелепо. И погребенный воскрес; это верно, потому что это

невозможно». Или откроем «Столп» русского священника Павла Флоренского: в конце «Шестого письма» демонстративно красуется обширный перечень противоречий, взятых *почти наугад* (столь их много!) из посланий апостола Павла к римлянам. И ехидствует о. Павел, – получите, вот вам, господа атеисты, «разрывная бомба против рассудка, заряженная антиномиями!» И пребывает при этом в здоровом и уверенном спокойствии, ибо знает: «бессильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрым признанием противоречивости». *Бодрым...*

Сентябрь 1983, март 1986

О физиологии

Сначала думал, что виной всему *ύποχονδρία*. Зубы вот дурные, стал беспокоить варикоз на ногах (добегался!), то и дело в чреве покалывает-побаливает, под глазами черно, отошал до прозрачностей... конечно, физиология всегда права. Помнится, я с нее и через нее начинал эти записки...

Или, может быть, больше стали тревожить внешние, так сказать, обстоятельства? Пошел уже тринадцатый год программистско-инженерно-армейской службы, и всё на одном месте, и чем дальше вести счет годам, тем меньше что-то остается дел творческих и радующих и совсем иначе – много рутинных и нервно-дерготных. В Афганистан-таки попроситься? Но, похоже, там совсем не нужна моя специальность. Да и «За боевые заслуги» (не за пустяки!) ты получил, вроде бы не покидая Подмосковья. Так что, батенька, не мельтеши. Неужто не знаешь, как тебе жить далее?

– Знаю, потому и не довольствуюсь малостями. Малым утешиться – застоино, сиречь, недостойно.

А ты готов, к примеру, что и впредь на многие годы будут отодвигаться сроки очередной научной публикации? Уже больше трех лет, к примеру, прошло, и никто не хочет пропечатать твою «эомериду» в компании с «машиной времени». Вот нынче надобно поехать бы в ВИНИТИ, в редакцию сборников «Научно-технической информации» и забрать бедную рукопись («в принципе, интересно... но, вы понимаете, не наша тематика... слишком общо... попытайте счастья в Тарту... можем дать адресок»), надобно, надо, пора, только никак не соберусь. Всё не то...

Кончается тетрадь для «Опытов» – вот оно, то! Получается, начинать было – труд, а кончать – мука. Начинал, оглядывая пустые страницы и силясь, помню, вообразить, чем и когда они будут заполнены. В конце-то

концов, думал, буду согласен и на одну эту тетрадь: испишу ее, «ценными мыслями» заполню до краев, сохраню для вечности самое-самое дорогое, что поймею за душой, а там... Дурошлепское воображение рисовало соблазнительно-бесовские картинки этакого «там» да «потом», сам собой разумелся бесценный вклад автора в мировую культуру, на горизонте даже брезжила некоторая слава, пусть и посмертная... Всё промелькнуло на мгновение, и было-то всего – лишь всполох элементарного честолюбия и ничем не оправданного оптимизма, но – было, было, я помню свое настроение как есть доподлинно! Что же стало? В реальности, каковая сталась, лишь яснее осознал, *что же* более всего другого мешало нормально жить в последнее время. Именно, вот что: чем меньше оставалось чистых листов в тетрадке для «Опытов», тем явственнее проступал итог очевидный:

с таким «вкладом в мировую культуру» помирать рано.

Жена моя, други любезные, добрые мои соплеменники тож! Потому я худ и зол, и собой не хорош, что в этаком странном переплете оказался, в кабале собственных (пусть и добровольных) писаний. От физиологии уходил, взявшись за философическое перо, перо же и привело обратно. Вышло похоже на Бальзаковскую историю с шагреновой кожей: чем меньше ее оставалось (чистых листов в толстой 96-листовой тетради), тем ближе был, казалось, расчет с жизнью.

– Какая же нелепица – считать, что если в этой «сугубо для себя писанине» что-то прибыло, то в жизни твоей – убыло!

Пора, пора исправлять огрехи во владении простейшей (минимально творческой) арифметикой. Откуда только взялся такой ущерб самочувствия: мол, творить значит *отнимать* от жизни?! Вот возьми-ка правило (или алгоритм) *прибавления* в истинных трудах, вполне практическое:

*чем больше ты размышлял,
тем больше тебе жить досталось.*

Понял теперь, что к чему? Знать, тогда не стыдно и раздеваться было, как получилось нынче, в этой записи. Вроде как сходил к врачу на прием, и теперь бодро запикиваешь рубашку в штаны, молодцом восвояси шагая.

Апрель 1986

Русская Идея

Знаю ли, что любые общественные явления негоже оценивать вне их исторического контекста? Знаю. Опасаюсь ли упреков в неразборчивости (плюралист! эклектик! балабол!) или, допустим, верхоглядстве? Даже боюсь. Ощущаю ли громадную нехватку знаний и опыта, вижу ли глубокие

рытвины и знатные ухабы на пути необходимых доказательств? Еще как! Презираю ли национализм? О чем, право, речь... Но почему тогда все более крепнет моя уверенность в том, что о *Русской Идее* (одолжил самых дорогих слов у Владимира Соловьева) надо говорить во весь голос, хотя кричать и нет особого резона? – Потому как, по мне, всё ярче вырисовывается чудная единая картина с ликами участников из разных эпох, надвременная или вневременная картина русской всемирной отзывчивости, русского вечного долженствования перед миром в целом – картина.

Русская Идея – и земная и космическая.

«Ну, кому еще помочь?..» Почему-то вспомнилось описание одной смешной карикатуры, ее с некоторой даже опаской пересказывал – уже давненько, в школьные мои годы, где-то около 8-го класса, – один старший товарищ, когда на травке-полянке нашей станции Войбокало (от Питера в 90 километрах) анекдотцы травил. Мол, вот как некая западная газетенка изображала Никиту Хрущева – торчит одиноко посреди большой дороги, в рубище ободранном, и вопрошает это самое... Мне пятнадцатилетнему сие показалось тогда не очень смешным, мне тридцатипятилетнему хочется поблагодарить безвестных борзописцев за своеобразный комплимент в сторону моей нации. Вместо насмешки над исконным российским бардаком у них невольно получился малый подмалевок к поминаемой картине.

Там же место кусочку нашей истории из первой трети XVI века (почему-то мое любимое время в отечественной культуре). Русь только собиралась в единое-вокруг-Москвы-целое, а гусиное перо псковского старца Филофея уже выводило тогда актуальную формулку, «в мировом масштабе»: знай, великий князь, «что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Или век XIX, чуть за середину минуло. Простой библиотекарь Николай Федоров скорбит о «небратстве» и зовет человечество на «общее дело», коему для должного размаха нужны, по меньшей мере, окрестные планеты. Русская крестьянская околица в космос простерлась – с легкостью... А если взять XX век, начало, когда Россия лапотная да кожуховая идет под пули с лозунгом о мировой революции на знаменах. Только враг пожалеет «этих бедных пролетариев», которые на своем горбу отдуваются за ошибки европейских теоретиков (Герберт Уэллс: «мне смешон их пророк Маркс»), и только идейному врагу простительно забыть или не знать, что *жалеть весь мир* этим беднякам на роду написано.

Точно так: Русская Идея.

Еще даже не коснулся славных имен Преподобного Сергия, Рублева, Чаадаева, Хомякова, того же Соловьева, Вернадского, Флоренского... – и

тема перехлестывает через меня, и она непочерпаема. А не черпать нельзя, это тоже совершенно ясно. Выход вижу один – этой краткой заметкой по существу принять строгое обязательство... да, трудиться, упорно трудиться. Сиречь, жить – именно *с такой* нашей Идеей.

Апрель 1986

Своевременное

Шестидесяти-тонная крышка (адского котла реактора) сорвалась с могучих крепов, проткнула сработанный, казалось, навеки свод энергоблока и вспорхнула на отметку высоты в сто тридцать метров... Какая-то нечеловеческая сила – взаймы – дала шматку металла возможность хлебнуть *еще чистого* воздуха Украины и посмотреть – одним глазком, до гулкого шлепка в бок Земли – на *уже обреченный* покой окрест. Плата за удовольствие сие была по мерке недозволённости поступка.

Чернобыль... Припять... радионуклиды... охлажденный азот... ТВЭЛы... дезактивация... мужество...

Уже целый месяц слова эти статистически преобладают в лексиконе моей страны. Знаю, что если немного подождать, что когда-нибудь потом жизнь со своею сестрицей забывчивостью сделают все почти как прежде. Знаю, надеясь на спасительную силу этого «почти».

Давайте-ка посчитаемся!

Для начала вас спрошу, товарищи *рапортующие*: кто виноват в том, что народные денежки потекли нынче в радиоактивную прорву, что опять заработало правило героических военных лет – первыми погибают самые лучшие, самые честные? «У всякой “накладки” есть имя, фамилия и отчество» – любил повторять кто-то из мудрых наших организаторов социалистического строительства 30-х годов. Золотые слова! Только не хочется сводить всё на личности, надо и *образу жизни нашего общества* предъявить счет. У нас плохо работали, плохо руководили работой, неизменное «хорошо» было разве что в одном виде – в планах и одических выступлениях... Чуткий литератор Франц Фюман не по-шутейному сочинял устав некоего «Общества взаимного восхищения» и призывал, осерчав, «относиться друг к другу всерьез» (из книги «Двадцать два дня или половина жизни»), – имея в виду, прежде всего, отношения народа и «народного» правительства.

Есть такое предложение: давайте считать Чернобыльскую Беду закономерным финалом – да, к этому шли, хотя того никто и не мог желать! – а также, что главное, жирной точкой, итожащей известный отрезок нашего

социалистического пути. Так в точности *прошло* время «взаимных восхищений»!

Теперь слово к *наивным*. Они, конечно, себе могут представляться вполне рассудительными – себе на уме. Есть большая опасность, что целые нации и народы пребывают в состоянии какого-то кейфа, и по тем же причинам и законам, по коим имярек не способен подумать, почувать, вообразить собственную близкую смерть. А ведь уже четвертую сотню лет там и сям и неустанно цитируют слова Джона Донна, и слова эти почему-то не приедаются, не становятся общим местом, – может быть, потому, что опыта жизненного в ней содержится неизмеримо больше, чем его способна вместить одна, так сказать, единица жизни, единица души:

смерть каждого человека умалает и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол – он звонит и по тебе...

Пробил колокол Чернобыля – все ли его услышали? Вернее, речь не обо всех, не обо всём же хлопочем. В моей стране – услышали?

Короче, говорю всё об одном. Мир спасет *умная красота* (по Проклу) или, вернее, *любовь* (по Достоевскому) или, быть может, *новое общество* (по Марксу), только пора перестать «взаимно восхищаться».

Малая подробность к сказанному и не-. Заголовок «Своевременное» появился в моем черновике, в точности, 27 апреля, когда уже *рвануло*, но я, как и многие соотечественники, ничего не подозревал о стремительно развернувшейся трагедии. В том коротком наброске фигурировали вполне определенные ключевые слова, просто беглый перечень: *Слово, Дело, Партия, Народ, Родина, Время*. Теперь мне кажется, что едва намеченная месяц назад тема может считаться уже исчерпанной. Сама жизнь вмешалась в мое писательство, потому и заголовок пусть – такой – останется там, где ему выпало по случаю.

Май 1986

**«Я широко раздвинул границы крика»
(не-только-время Поля Элюара)**

Впервые открывши томик стихов Элюара и обнаруживши (сходу обычно видишь только форму – лицо – внешность) красноречивое отсутствие знаков препинания, мне почему-то сразу стало ясно, что содержание – лик – душу этих строчек составляет тема Времени.

Временная терминология буквально устилает тексты французского поэта. Даже засомневался, не спутал ли чего, взяв из груды книг на столе, к

примеру, «Философию пространства и времени» Ганса Рейхенбаха... Да, надо еще посмотреть, у кого отыщется больше успехов в уяснении загадки времени, – у знаменитого аналитического философа, заступившего на верную службу строгой физике, здесь – теории относительности, или вот у этого философа-поэта, размашисто присягнувшего «любовью вдохновенной / На верность обнадеженной вселенной».

Конечно, в Элюаровых «формулировках» нет математического порядка, но взамен есть иная точность – образная, образная почти до осязательной наглядности, и самые верные оттенки и контуры изображения он находит, подступаясь именно ко времени:

... Вдоль текучих ветвей тумана
Вдоль недвижных звезд
Где царят мотыльки-однодневки. (*Здесь – точка!*)
Время бархатный медный шар
Катится скользкой дорогой. (*его можно и нужно потрогать*)
Проходила граница болота
Шло каждодневное время («*через запятую*») идут синонимы)
В брошенной комнате <...>
И взрывы времени для
 памяти созревшие плоды (*болота и взрывы – снова синонимы*)
... Была вертикальная пустыня (*дефиниция для «теперь»?*)
Был час между ночью и днем
 между смолою и сажей (*снова поиски имен-синонимов*)
Я не умру я просто зачеркну (*вот так просто – зачеркну...*)
То время краткое
 что прожил я на свете
Водовороты неумной крови. (*каждодневные водовороты...*)

– И всё же эти и прочие строки – лишь подведение, лишь приступочки к главному. Ибо пребывает над временем, превыше времени только женщина, любимая женщина... Вот цитаты в выстраивание этой мысли, данной в теснейшем сплетении с темпоральностью, вернее, с критикой времени (и заодно – с критикой пространства):

Где пейзаж начинается
И в котором часу
Где кончается женщина <...> (*имя ее произнесено*)
За пределами ее силуэта
Земля и небо дряхлели
Во всех временах на земле
 и во всех облаках <...> (*и прославлено имя*)
В моих глазах все больше
Сливалась ты

С восходом солнца с летом
И перешагнув через время
Ты предстанешь обновленной
Перед лицом бесконечности
Ты пузырек тишины
В огромной пустыне скрежета <...> (*уже нет никаких сомнений*)
Ты везде и дороги стали ненужными
Приносишь ты время в жертву
Вечной молодости костра
Нам не дано состариться вдвоем
Вот день
 ненужный: Время
Стало лишним <...> (*и далее Элюар резюмирует*)
Явились люди в мир
Чтобы понять друг друга
Услышать и понять и полюбить <...>
Природу воссоздать
И воссоздать отчизну
Отчизну всех людей
Отчизну всех времен.

Наверняка я здесь напортачил, вырывая частности из целого, сложному навязывая простоту и простоте – сложность, недосказанному – свой пересказ и т.п. Но, при всей топорности предпринятого в этих «t-заметках» разбора, некоторые уроки мне, кажется, извлечь удастся.

Урок первый: в системе необходимых *эстетических* (и, конечно, *этических*) категорий – основных! – просто необходимо иметь время как таковое. Стало быть, урок второй, *философический* (и немного *естествоиспытательский*): центральную проблему собственно времени, проблему установления границ для «теперь», можно попробовать заново ставить и оформлять с помощью двух подсказанных Элюаром граничных констант – «вертикальная пустыня» и «вечная молодость костра».

Получи-ка домашнее задание по диалектике!

Июнь 1986

Шуткующая математика

Все пять томов «Математической энциклопедии» (5715 столбцов текста) я просмотрел, если дозволительно будет так выразиться, в свободное от жизни время, когда сил и желаний оставалось только-то на механическое переворачивание страниц и самую примитивную сортировку смыслов...

Теперь можно воспользоваться вне-жизненными (без-жизненными? меж-жизненными? ж-ж-жж!) заметками хотя бы в той их части, где сама собой вырисовывается весьма странная компания *каких-то инородцев*. В самом деле, математически пристойным всякий посчитает словесный вираж вроде этакого: «свободная градуированная полиномиальная алгебра от счетного числа однородных образующих» (том III, стлб. 890, далее сокр. – III, 890); а вот как прикажете относиться к «вмороженному интегралу» (I, 731) или «дверному пространству» (II, 20)? Вмороженному?! Дверному?! Вам, конечно, разъяснят в подробностях, что таков «интеграл уравнения индукции магнитного поля в предельном случае идеально проводящей среды», и что таково «топологическое пространство, в котором любое подмножество...» – короче – либо такое, либо сякое... Разъяснят, всё поставят на место, шепотъ формулок подсыплют на сон грядущий... И все ж – инородцы, сказать иначе, шуточки математиков.

Шуточек (математических) попалося довольно много. Пожалуйста: вот у *пространства* – ха, ха, ха! – можно обнаружить *нарост* (III, 872) или *окаймление* (IV, 1) или *оперение* (IV, 28); в той же кунсткамере есть и *луна* (III, 460) и *амальгама* (I, 242) и *башня* (I, 395) и *веер* (I, 613), находим тут *зеркало* (IV, 157), *пояс* (IV, 550), *грудю* (чего-с? I, 1135), *струи* (V, 257), *шапку* (V, 881), *кирпич* (не силикатный – Гильбертов! – I, 978), *гроздь* (выборочную – I, 774), *ландшафт* (разумеется, аналитический – I, 276), *окно* (V, 119), *вязкость* (схемную! – V, 303), *линию погони* (чего ж еще линию? – IV, 351) и *специализацию* (!) *точки* (V, 134), есть, к слову сказать, еще и точка... *пористости* (IV, 497); с почтением отнесемся к математическим деяниям-операциям вроде *пультверизации* (IV, 764 – в воздухе остро пахнуло «Шипром»... пардон, то носятся ароматы нулей бестелесных), *стирания особенностей* (V, 232) или к методу *выметания* (I, 781), – уж не *вялым* ли *пучком* (I, 830) мести изволите? Поигрывают математики и всяческими развесёлыми прилагательными: *превосходное* кольцо (IV, 554) или *тонкое* (V, 365), *тотальное* (V, 408) и *уравновешенное* (V, 554) множество, *бушующая* система (I, 566), *беспристрастная* последовательность (I, 38), *дикая* сфера (II, 137), *странный* – о, куда как широко известен! – аттрактор (V, 246), *горловой* эллипс (I, 1078). Упомянем, приближаясь к концу, смешные имена двух явно полезных научных затей – теории *ручек* (IV, 1058) и теории... *полезностей* (IV, 399), а закончим совсем уж грубыми (к семантике, как она выражена, ежели придираяться) шутками: *алгебраическая* (так!) алгебра (I, 134), *вполне* (!) *несовершенное* (!) пространство (I, 760) и, не к ночи будь сказано (бьяка-бьяка), *трипрямоугольник* (III, 187).

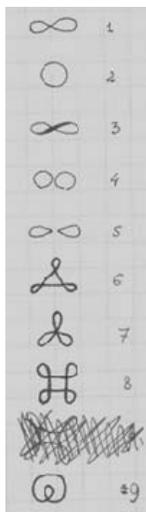
Зачем мне понадобился сей перечень? Мне-то он – и когда пятитомник перелистывал, и когда находки суммировал в общем списке, – нужен был, получается, только для передышки, или отсрочки, или «для вдохновения» – чтобы заполнить паузу перед тем, как взяться за серьезное обсуждение всего лишь одной «шуточки» из того списка, а именно, вопроса происхождения *математического знака бесконечности*.

Кажется, пора уж исправиться, и термины уточнить: это я насчет «шуток» и «пошутить». Всякий (думающий) математик шуткует не вполне своевольно. «Шутки» его – это следы самой жизни, это она ворошит и метит математический текст, это сквозняком в окошко порой наносятся на ряды формул капли дождя и даже мокрые березовые листочки... Скажу еще и так, вослед лосевской теории символа: математик не порождает *из себя* голые абстракции, нет, он строит *функции жизни* (ж-ж-ж! это жизнь упорно напоминала о себе, см. выше), устремляя их, когда нужно – таковы уж законы ремесла, – к пределам, в бесконечность, туда, где уже нет (или *почти* нет) запахов и красок... И если что учуешь, что заметишь на бледном, бескровном лице математического символа, это и есть родимые пятна или рубцы, следы бытия внешнего, вне-математического. Таковые рубцы я и пытался отыскать и пересчитать, путешествуя – медленно скользя пальцем по заголовкам и столбцам «Математической энциклопедии».

Палец можно было и пожалеть. Достаточно было бы припомнить давно знакомые очертания какого-нибудь специального значка... Возьму тот же символ для обозначения упомянутой бесконечности, всем известную «лежачую восьмерку» (1). Порождение самой абстрактной мысли, разве не рассказывает значок о вполне конкретных муках поиска, не биографичен ли он, не хроникален ли (допустим, XVII век, середина), не из жизни ли пришедши? Конечно, Джон Валлис, автор «восьмерки» (трактат 1655 года «Арифметика бесконечного»¹³³), вполне мог воспользоваться давно испытанным способом изображения, посредством окружности (2), – на то

¹³³ Спустя 10 лет, в «Музее книги» РГБ, я не без трепета держал этот трактат в руках (см. запись в «Чтиве», п. 923) и даже попытался, местами, продраться сквозь позднюю латынь. Полное название трактата: *Arithmetica Infinitorum sive Nova Methodus Inquirendi in Curvilinearum Quadraturam, aliaque Difficiliora Matheseos Problemata*, год издания – 1656 (во всех справочниках врут, указывая год «1655»). Прямое «подержать в руках» всегда полезно: кажется, мне удалось разгадать тайну происхождения символа бесконечности, и тайна эта проста, она именно «алфавитная». О том обещаю рассказать в одном из последующих выпусков нашего опуса (заметка *марта 2019* года).

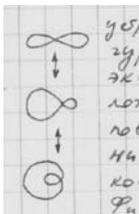
хватит даже частичного погружения в культуру индоевропейской общности. Но препятствием тут предстает самая очевидная привычка или навык: такой значок не бросается в глаза, «примелькавшись» в штатно-алфавитной роли буквы «о». Для поиска иных конкурентов значку Валлиса – займемся?! – надо еще понять, *какая именно бесконечность* изображалась англичанином. Хорошая подсказкой служит часто встречающаяся форма (3), вернее, «нажим пера» на ней, в котором отчетливо видна «технология» освоения бесконечности. Конечно, ту же восьмерку можно получить, слепив две окружности (4), либо – что менее красиво – некие каплеобразные фигуры (5), слепив и... напроць упрятав то главное, что прояснено в (3): движение, *безостановочность* движения, его *непрерывность*. О, да, о, да: одному из создателей «анализа бесконечно малых» была мила именно безостановочность, именно, безостановочность операции дробления целого на части, мелкого на еще более мелкое, и потому, как пишут историки, нужный «знак для указания неограниченного возрастания» (или убывания) и вычертило его перо...

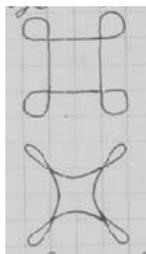
Итак, Валлису, вероятно, хотелось изобразить не статическую *огромность* (тоже синоним бесконечности, или разновидность ее), не идею беспредельной величины, ему потребовалось ухватить *нескончаемость движения*. Кроме окружности, можно приспособить на это дело уже известные (с прибавлением «петель») фигуры – треугольник (6, 7) или квадрат (8), а если чуток поднатужиться, то нарисуеться и что-то вроде (9). Более вычурные и громоздкие варианты уже не интересуют меня, они обречены на забвение по причине прагматического толка: символика обязана быть экономной. Кстати сказать, поэтому и фигуры (6, 7, 8) вряд ли могли понравиться последователям Валлиса. (Насчет вкусов и предпочтений, конечно, не спорят. Вычерчивают же – причем чертящих целая армия – вслед за Кантором каждый извив значка «алефа», и ничего, жалоб нет... Насчет фигуры (8) надо бы отметить, что она, к примеру, мелькает на финских монетах. А смысл ее – имею в виду не *частность* данной политической истории, а *общий смысл*, культурный либо даже сугубо-этнографический, – мне не ведом. Какой-то «священный узел»?).

Так что, Валлис выбирал между (1) и (9)? Не знаю, был ли выбор, и между чем и чем он выбирал, если выбор все-таки требовался, тоже мне не ведомо. Вот если бы исхитриться и добыть текст «Арифметики» или, даже

лучше, рукопись ее, да заглянуть еще в переписку Валлиса с друзьями по математическому поиску... А так – пустое.

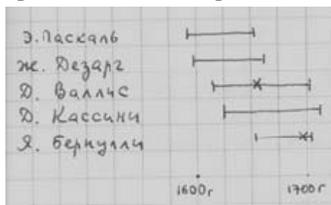

Может быть. Не настаиваю. Кстати, насчет «выбора»: можно представить достаточно несложную трансформацию (взаимный переход) упомянутых фигур и утверждать, что они – (1) и (9) – в известном смысле эквивалентны. Могу также предположить, разумеется, в шутку, что на Валлиса просто (просто!) повлияла общая интеллектуальная атмосфера или мода его времени, когда с особым жаром исследовались (и открывались) различные плоские кривые, каковые в современных справочниках именуется «замечательными». Так, фигура (9) – это «улитка Паскаля» (Паскаля-отца), «лежачую восьмерку» (1) любой историк математики знает под именем «лемнискаты Бернулли», да и для фигуры (8) вполне можно подобрать аналог

из списка «замечательных кривых» – тогда непонятный «финский квадрат» предстанет родным братом рядом с понятной удлинённой гипоциклоидой.

Осталось как-то оценить «атмосферу», или «моду» на плоские кривые. Их тоже, пожалуй, изображу графически, сопоставляя (в виде отрезков прямых) годы жизни главных исследователей «замечательных кривых». Этьен Паскаль (1588–1651) только что упоминался. Жерар Декарт (1591–1661) активно изучал всяческие циклоиды, линии перемещения точек при движении одной окружности по другой. Джованни Кассини (1625–1712) перебрал множество овальных линий в поисках лучшего (впикну Кеплеру) приближения для орбит планет Солнечной системы,

и вот именно здесь, похоже, он впервые столкнулся с некоторым вырожденным случаем, когда овал деформируется в «восьмерку». На «линии жизни» нашего дорогого Джона Валлиса (1616–1703) приходится специально указать супер-момент публикации «Арифметики», дабы лучше увидеть его отстояние от другого важного события – 1694 года, года публикации Якоба Бернулли о приливах и отливах, где он использовал особую вспомогательную кривую и, усмотрев ее сходство с восьмеркой, а также с повязкой характерной формы, окрестил ее «лемниском» или лемнискатой (*ληνίσκος* – шерстяная повязка).

Да, была «атмосфера», как видим, было кому повлиять на Валлиса. Только вот в именовании «лемниската Бернулли» укоренилась явная несправедливость (математики и так шутят), ибо первую «лежащую восьмерку» изобразил, получается, либо Валлис (и тогда на него влияла *только атмосфера*), либо Кассини (и тогда уже его *прямое влияние* – на Валлиса), но уж никак не господин Бернулли.

Июль 1986

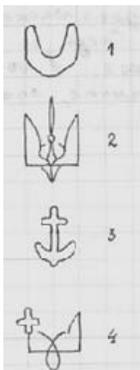
Луна и крест, а также бык

Отпуск – дело полезительное. Вот из поездки во Владимир доставил до дому ничего себе трофей, в виде догадки (гипотезы) о том, что значит, что означает полумесяц под крестом на наших православных храмах.

Значить можно всяко. О чем только не предполагают толмачи-любители и профессиональные историки! «Существует не меньше двадцати гипотез... большинство исследователей сходится на том, что подобная композиция знаменует победу христианства над язычеством», – то голос экскурсовода у Дмитриевского собора. Или вот объяснение возьмем «из народа»: толкование полумесяца под крестом в память победы то ли над монголами (а где там у них полумесяц?), то ли над «турчаками» в войне... в одной из войн XVIII века (и пусть говорят, что полумесяц под крестом появился на церквях появился за много (за сколько?) лет до русско-турецких компаний, для многих на Руси он только с той поры и стал именно *значить* и как раз то, что сказано). А недавно услышал от одного приятеля такое полушутливое рассуждение: свет веры озаряет далеко не всех людей; просветленных, то есть православных всегда набирается только на узкий серпик; остальные пребывают во мраке, в пределах оставшейся не высветленной части круга-общины... и не поймешь (добавляю от себя и уже, точно, в шутку), какие перспективы веры нас ждут, ибо месяц-то и не «растущий» и не «старый», а пребывает безразлично-горизонтально...

Моя же версия такова – и да будет она тоже «народной», т.к. к жрецам исторической науки относить себя не могу, к тому же, по большому счету, семантикой исторических символов у нас никто, думаю, профессионально не занимается. Первое и главное предположение: полумесяц под крестом появился во времена *русского двоеверия* (отсюда объяснение, почему *такого* креста, в композиции с полумесяцем, не знала Византия, одарившая нас христианством). Предположение второе: тогда было важнее изобразить не *победу* чего-то (кого-то) над чем-то (над кем-то), но *союз* – и тогда, в условиях закрепления новой и чуждой веры союз с княжеской властью

нужно было возглашать громко, навязчиво и понятно. Победу выражает само водружение креста на куполе, а вот союз – соединение креста в княжьем «полумесяцем». Предположение третье: знак княжьей власти в «лунарной» форме суть относительно *позднее* явление, раннюю же редакцию знака легко обнаружить на древнерусских серебряниках:

у Святослава (умер в 972 году) это «двузубец» (1). Предположение четвертое, особенно мне дорогое: дальнейшее изменение «знаков Рюриковичей» пошло по пути появления третьего, *среднего зубца* (2) как раз со времен Владимира-крестителя, когда знак княжеской собственности мог (или стал?) повторять схематику главного символа единения религиозной и светской власти – последний мог выглядеть примерно как на рисунке (3). Вариантов пристройки креста на дву- и трезубцах у тогдашних творцов символов было предостаточно; так, при князе Святополке для этого использовался левый зубец (4), вдругорядь ставили крест и справа и посередке. А дошедший до нас вариант выжил, похоже, только в результате некоего естественного отбора, по причинам максимальной своей симметрии да простоты.

Попутно – о возможных истоках (истоке) начальной формы княжеского знака (1). Думаю, это *рога быка*. Пока подтверждений тому могу набрать не особенно много, но они-таки есть. Индоевропейский культ быка (коровы) был? Говаривали о князьях русских с дежурным эпитетом «буй тур»? – Было дело! А разве не изображения бычьих рогов в знаменитом Кносском дворце (на Крите) символизировали власть царскую?...

Нет, ядреные *бычьи рога* мне нравятся много больше, чем все эти «книжные» светильники, различные чаши, крылышки птиц, попранные драконы или кораблики, кои привиделись иным толкователям.

Июль, август 1986

Сунгирь возле Керкинитиды

Сырой овраг ручья у границ града Владимира, конечно, не столь уж (как топографически, так и содержательно) близок иссушенным и выбеленным камням Евпатории. Но говорю «возле» не только потому, что побывал в этих географических точках за один отпуск, с малым интервалом времени, так что сопоставление различных археологических пунктов напрашивалось поневоле.

Да, легко отрицать пространственную либо историческую их близость. И с трудами, конечно, но нужно находить такое «возле» даже не эстетическим, а скорее этическим. Смотришь на молчание (немые) каменюки в стене древне-греческой, которые так любовно и изысканно обрамлены изящным павильончиком – знамо дело, курорт, кругом праздные люди прохаживаются, сиречь, отдыхающие – и невольно припоминаешь тот владимирский бурьян по самое горло, свалку из свеж-выброшенных яблок и консервных банок некоторой неопределимой давности, да еще руины недостроенного и заброшенного здания музея (ведь специально для Сунгири озаботились!), да грозно придвинутые на «охранную зону» (здесь – именно кавычки) промышленные жуткие постройки, вместе с мрачным стадом частных гаражей впридачу.

Уж хотя бы к старости-древности проявить почтение! Тем греческим камням только-то две с полтиной тысячи лет, – а под (будущим) Владимиром людям легко дышалось аж двадцать пять тысяч лет до нас...

И еще нельзя не сказать: те греки близки мне, русскому, разве что в широком культурном смысле, тогда как сунгирские древние жители – почти наверняка родные мне по крови, генетически, так скажем, родня моя. Этого, допустим, еще мало? Тогда возьмем в расчет сугубо качественную, не количественную, а как раз обще-культурную оценку для памятников: полис Керкинитида суть рядовое, сиречь совсем не уникальное греческое поселение, к тому же довольно бедное на археологические находки, тогда как Сунгирь – богатейшая палеолитическая стоянка, давшая ученым массу открытий и загадок (это целое море различных артефактов, и на самых гребнях его волн – копыя из распрямленных (!) мамонтовых бивней, загадочные «прорезные диски», знаменитая игрушка-лошадка, бусинный «чертеж» самой древней в мире одежды и т.д.).

А еще на Сунгире самое место для приобщения люда нашего к средневековой истории: окромя оврага, с его каменно-вековыми сенсациями, неподалеку наличествует древнее славянское городище примерно X века, в прекрасной сохранности (выглядит, как на рисунке-реконструкции из учебника истории Отечества), а где-то у горизонта, средь холмов и кущ, негасимо мерцает свеча Покрова на Нерли. – Тут только остановись, только вздохни полногрудо, только окрест осмотришь...

Будто я кого убеждаю или уговариваю. За евпаторийскую бережность (и хватку) надо сказать только большое спасибо. Но что, кроме крепких выражений, может вызывать сегодня¹³⁴ сунгирская помойка?

Август 1986

Два холма

Вписал сюда этот заголовок заранее, *задолго до* оформления остального текста, чтобы потом не появилось соблазна промолчать или отложить «трудную тему» *до лучших времен*.

– Трудную. Тяжелую. Тяжкую.

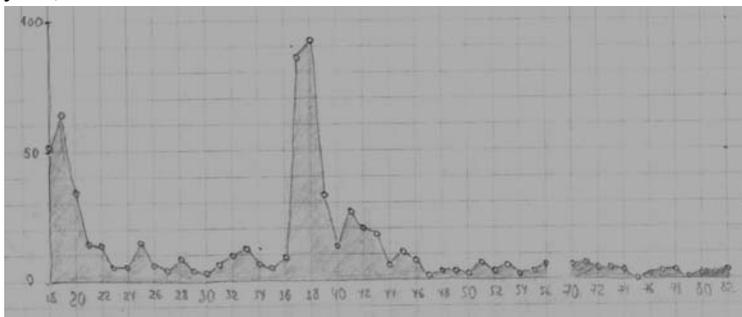
Итак, с полки снята энциклопедия 1983 года издания «Гражданская война и военная интервенция в СССР», из каждой статьи о героях той поры взята одна цифра – дата (год) смерти, и построено нехитрое распределение с 1918-го по 1982 годы: графически отображено, сколько и когда кончило свой жизненный путь. И выросло два холма, две груды высоких, в районе 1918–1920 гг. и в 1937–1939 гг.

Два кровавых трехлетия *отчетливо, зримо, выпукло* встали предо мной. Конечно, я (теоретически) догадывался о существовании этих «холмов смерти», но сегодня было дано ощутить их воистину практически, собственноручно, собственно-глазно, собственно... своею душой.

Две братские могилы, два кургана, два обелиска. Под одним лежат те, о которых энциклопедия старательно и скрупулезно сообщает разные разности: «погиб при аварии аэровагона»; «геройски погиб в бою во время налета белоказаков на штаб и политотдел дивизии»; «умер 21 авг. (видимо,

¹³⁴ Помню, долго не мог успокоиться. Заметку эту мы пытались использовать «для дела», причем даже в двух смыслах. Сначала – в целях, скорее, учебно-воспитательных, – ее старательно переписала дочка Маша (ей как раз исполнилось восемь лет, и она была, конечно, активным участником нашей владимирской экспедиции), а потом сотворенную ею рукопись отдали машинистке, на перепечатку, и отправили заметку в журнал «Огонек», вместе с набором соответствующих фотографий. Разумеется, результатом было – ни ответа, ни привета... Музейный комплекс на Сунгири затеяли еще в 1974 году (и там мог бы состояться первый в СССР музей на археологическом раскопе), мы, в свой черед, хлопотали и печаловались в 1986-м, а что же теперь? По-прежнему там обширная историческая помойка, см. репортаж: «Сунгирь – вести каменного века» <http://beewap.narod.ru/biblio/sungir3.htm> (утыкался в интернет за справкой в *феврале 2019-го*).

отравлен петлюровцем»); «сожжены белогвардейцами в паровозной топке»; «умер 10 марта в Петрограде от тифа»; «смертельно ранен в бою при прорыве из окружения»; «замучен в тюрьме»; «по приговору бурж. воен.-полевого суда расстрелян»; «повешен в г. Св. Крест»; «расстрелян в Пятигорске авантюристом»; «убит кулаками 25 февр. в дер. Власиха около Барнаула»;

«расстрелян в числе бакинских комиссаров»; «убит в бою с басмачами»; «в Чите предан эсерами и 6 июня расстрелян семеновцами»... Печальный, устрашающий перечень фактов пронзительной ясности: такова гражданская война. О кончинах людей (из-под) другого холма энциклопедия не говорит *ни-че-го*. Только для многих умолченных звучит скупая информация – как выстрел, как слова приговора: «комбриг», «комкор», «член ВЦИК»... Или еще более красноречиво: «г. смерти неизв.», – это сказано об Акишеве Константине Васильевиче, Егорове Павле тоже Васильевиче, Шубине Иване Филаретовиче. – Да там они все, уверен, *под вторым, большим холмом!*

Не ведаю имен всех тех, кто повинен в «холмистости» нашей недавней истории. Не в именах дело – даже зная их, сам объявил бы им «фуку», вслед за поэтом Евгением Евтушенко, побрезговал бы имена их произносить. Но холм этот – вот чего никак нельзя профукать!..

А еще была история с ясновидящими. В 1926 году философ-романтик Николай Рерих привез в Россию привет с Востока: ларчик со священной гималайской землей (чуть ли не из Шамбалы) и послание индийских махатм. «На Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания <...> Вы раздавили пауков наживы. <...> Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы

открыли окна дворцов...» – приветствовали наши начинания мудрецы из своих заоблачных высей. И очень примечательно заканчивали: «Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность вашего движения и посылаем вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28–31–36. Привет вам, ищущим Общего Блага!».

Даты заставляют вздрогнуть. Если, о мудрые из мудрейших, Вы имели в виду наши *материальные* свершения, к примеру, трудовые подвиги на поприще коллективизации или подъема промышленного производства в моем Отечестве, то Вы не ошиблись, что и говорить. А вот если Вам привиделась победа *революции духа* или некоей «новой религии», то прошу тогда пардону – Вы, господа, только-то накликали пришествие «года великого перелома» и смехотворно уткнулись носом в подножие того холма, холма воистину контрреволюции. Знать, никакие Вы не ясновидцы!

Если угодно, один ясновидящий был рожден среди иных гор, не столь высоких, и заплатил он за свой дар полной мерой – жизнью и крахом дела всей жизни. Великий русский поэт Владимир Маяковский застрелился *на том же подножии*, в апреле 1930-го.

Сентябрь 1986

Формула Лосева

Несколько лет кряду пишу «Чтиво», дневник чтения (разумеется, сугубо для себя и еще для подрастающих потомков, общим числом ныне в две женских особи). Одоленные тексты – чаще всего они из художественной литературы взяты – целехонькими прищипливаются на бумагу кратчайшей «формулировкой»: то ли судорожный очерк впечатления, то ли скупой реферат содержания, в несколько строк. А быть кратким – трудно.

Трудно. Тем не менее, нынче выясняется, что ничего не могу поделать с новым замыслом, – составлять необходимо-краткие «формулы» не только по поводу текстов, но и людей, их составивших. Мол, «Лейбниц (или Кант, или Гераклит, или Чюрлёнис...) – это тра-та-та». И тут практика упомянутого «дневника» чему-то, конечно, научила, но более всего «виноват», пожалуй, А.Ф. Лосев. Вот возьму из его интервью слова, что в книжке грузинского исполнения к 90-летию Алексея Федоровича пропечатаны, и всё становится ясно: «... пока я не сумел выразить сложнейшую философскую систему в одной фразе, до тех пор я считаю свое изучение данной системы недостаточным. <...> Всю досократовскую философию я понимаю так: нет ничего кроме материальных стихий и, следовательно, нет ничего такого, что

могло бы ими двигать; следовательно, они движутся сами собой, т.е. являются живыми. Всего многотрудного и бесконечно разнообразного Платона я выражаю в одной фразе: вода замерзает и кипит, а идея воды не замерзает и не кипит, т.е. вообще не является вещественной». А так, по Лосеву, можно выразить «всего Аристотеля»: сие есть «учение о ставшей чтойности». Обращаясь к другим выступлениям Арбатского старца, можно было бы переписать сюда, к примеру, «12 тезисов об античной культуре», или определение всякого знака («отражательно-смысловая и контекстуально-демонстрирующая функция вещи»), или «пять основных моментов здорового реализма», или итоговую (по счету попыток в соответствующем томе «Истории античной эстетики» – четвертую!) «формулу прекрасного» у неоплатоника Плотина, лосевского любимца: «то, что является прямым результатом предустановленной хаокосмической гармонии, свободно и дерзостно выполненным при помощи усилий каждой отдельной индивидуальности, ни от чего и не от кого не зависимой...». Впрочем, пора остановиться.

Какая еще творческая личность занимает меня столько лет, чье еще творчество мне уже, надеюсь, немало дало?.. – Так что рискну на эту «формулу», и первый блин испеку именно про Лосева:

Восходящий с предгорий Детали на вершину Общего

или

Гость с планеты Певучей Незнаемости

или

Алеф с индексом не ноль

или

*Русский диалектик*¹³⁵

или

Фило–

или

–

Сентябрь 1986

¹³⁵ Добавлю в *марте 2019* года: простое по сути, и исчерпывающе-верное *русский диалектик* – сказано было о Лосеве, увы, не мною, первым нашелся Р.О. Якобсон, в «Диалогах» с Кристиной Поморской, 1980. Всю эту «формулу» я рискнул обнародовать в предисловии к своей книге «Разыскания и жизни и творчестве А.Ф. Лосева» (2007). Пришлось там еще добавить комментарий к заключительной ее части, включая богатые потенции (приглашающего к раздумьям) дефиса, закрепленного подле смысло-несущего *фило*.

Третий Рим, Третий Рейх

Груды книг на столе моем приняли опасные размеры – и я должен, наконец, избавиться от этой очередной из-груды-темы. Да и порядком надоела она, неподатлива дюже...

Не велик ли произвол будет, если сопоставлять дела XVI века на Руси и XX-го – в Германии? Как мог псковский старец Филофей обратиться к князю Московскому: «... все христианские царства сошлись в одно твое, ... два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» – мог ли обратиться *по той же причине*, по какой в недавней Германии поборник «чистого» искусства Стефан Георге грезил о каком-то «новом царстве», в Гамбурге 1932 года печаталась книга «теоретика революций» Мёллера «Das Dritte Reich», а сами немцы (все скопом) объявлялись «наследниками римского цезаризма». Как? Вопрошаю иначе: действительно, только внешность, только форма двух исторически отдаленных концепций совпадает (*третья империя, третье царство – три как вершина*), или же налицо сходство глубинное, корневое, по существенным основаниям? Или – или?

Три – число, конечно, примечательное. Оно статистически преобладает во многих «оцифрованных» элементах многих культур, и древних, и новых. В случае со старцем Елеазаровского монастыря ее, тройки-троицы, то ли христианское (помнить о Св. Троице), то ли пифагорейское (языческое, по существу) давление оказалось даже сильнее библейского авторитета. Старец Филофей твердит о «Москве – третьем Риме» и что «четвертому не бывать», тем упрямо подчеркивая свое несогласие с *пророками*, возглашавшими (в виде обязательной модели истории) смену *четырёх* царств. В наш «просвещенный» век сакральная тройка, как видим, не давала покоя фашиствующим писцам от философии. Правда, конкретный подсчет «царств» при этом весьма разнится: Филофей имеет в виду античный Рим, Византийскую империю и Русь начиная с Василия III (или прямо от Владимира Крестителя?), национал-мыслители Германии пересчитывают «царства» не в церковном контексте, но скорее по цезарскому принципу полновластия – от Древнего Рима через «Священную Римскую империю» (с конца XV века многообещающая добавка – «империю германской нации») до «Тысячелетнего Рейха», каковой учрежден со времен триумфа ефрейтора Schicklgruber'a. Интересно, что и нацистская арифметика грешит против традиции, предпочитая тройку четверке: как известно, меж древней Римской империей и новой «Священной» помещалась еще империя Каролингов (VIII–X вв.), так что с ее учетом «империя» Гитлера была бы четвертой по порядку (и тогда ей, по Филофею ежели рассудить, никак «не бывать», – что история, как известно, и подтвердила).

Итак, есть близость *по форме*. Теперь попробую сформулировать, в чем эти две «теории о третьем» близки *по сути*, точнее, необходимо показать, как именно форма может стать или становится здесь содержанием.

Обе «теории», прежде всего, *зарождались у начал* определенных (во многом различающихся) политических предприятий. Для Филофея, как и для его предшественника Зосимы-митрополита, то было «почти добровольное» подчинение Церкви крепнущей централизованной власти и, соответственно, поиск приличной по такому случаю роли русского кесаря в объединенно-духовной иерархии. Для немецких «троечников» так реализовалась или оформилась махровая националистическая идея, причем под прикрытием демократических и даже космополитических лозунгов. Позиция «у начал» всегда шатка (что день грядущий нам готовит?!), потому – намечая обещанный показ «как», – легко объяснимо желание *включить* эти предприятия *в цепь* всеобщей истории, поставить их в затылок друг другу, да еще и на одной линии. И чтобы не возникало сомнений в правомочности такого строевого приема, привлекаются дополнительные и даже радикальные обоснования. Не забудем, что чисто логические изыскания тут не помогут (какая рациональная мысль, в самом-то деле, обоснует власть «бог вдохновенную» или «нордическую?»), и у «теоретиков тройки» оставалось единственное, – *ставка на миф*. Внутренняя механика подобного маневра, мне кажется, была такова:

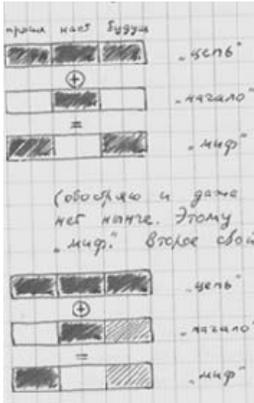
не так интересен или вовсе не интересен сам по себе произвольный элемент совокупности (произвольного множества); но если на данной совокупности указуем некий упорядочивающий принцип (за него, в сущности, и отвечает миф), то ее элементы обретают ценность уже по занимаемой позиции; и тогда особо выделенный традицией, а именно, третий элемент упорядоченного множества ценен уникальностью своего места; только потому и поэтому... он необходим и актуален.

Думаю, таинственная и сверхчувственная сила Троицы вовсе не нуждалась в каких-то комментариях «от Филофея» (тогда она, мифологическая эта сила, была еще всем очевидна), а в XX-м веке уже понадобилось, вслед за Ницше, подводить под мифологию троичности некую «обновленную» (кажется, культурно-историческую) базу. У господина А. Розенберга, к примеру, читаем: «Мировоззрение лишь тогда становится “истинным”, когда сказка, сказание, мистика, искусство и философия допускают взаимопереплетение, выражая одно и то же различным образом, имеют предпосылкой внутренние ценности одинакового рода. Сюда следует также присоединить религиозный культ и политическую публичность как миф, выработанный самим человеком» (цитирую «Der Mythos des XX

Jahrhunderts», Мюнхен, 1941). – Не желаю рассуждать более и далее: порознь вроде видишь обычные человеческие слова, но вместе-то они образуют «органическую германскую истину». Для случая людишек, проповедующих «радость убийства и зависть к счастью ножа» (Ницше), это самое «органическое» имеет точный синоним – *кровавое*. От таких цитат – только тошнит...

Эти заметки вовсе не предназначены для оформления отношений к недавней германской истории или «философии», да и сама идея нацизма заслуживает, конечно, основательной порки (не уверен, займусь ли когда этим многотрудным и святым делом). А вот о логической схеме «начало – цепь – миф», которая прямо апеллирует к символике триады и троичности, мне интересно поговорить (причем в счет изучения постоянно висящей над душой проблемы времени). Этим и займемся.

Как понимать – абстрактно или, вернее, темпорально, – «начало»? Чего-то до сей поры не было, теперь же – есть, а будет ли в будущем, знамо с некоторой долей неуверенности. «Начало» суть некоторое заголение, обнажение временного модуса «теперь» и, стало быть, некое сокрытие других модусов, «было» и «будет». Скажу еще и так: «начало» в сильной степени чуждо самой абстракции времени («времени» сколько угодно в «цепи», речь о ней!), из трех ликов коего признается один-единственный. Эти два выделенные нами объекта, «начало» и «цепь» – принадлежат разным онтологическим породам или даже царствам – уж не знаю, право.

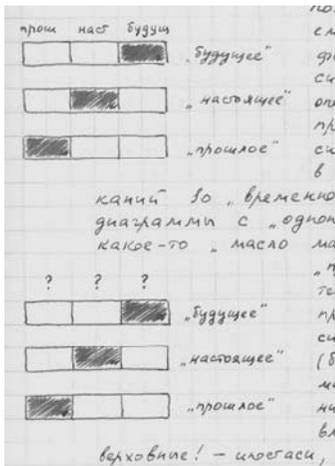

И тогда становится понятным, что сложение или встреча «начала» и «цепи», произойди она, должна вызвать бурную химическую реакцию, после которой в осадок выпадает нечто третье, *временное*. Это – «миф».

Сказанное легко изобразить наглядно, используя штрихованные диаграммы. Сложив две такие диаграммы (вышло почему-то «по модулю два»), получил графическое изображение «мифа». Получил и озадачился: правильно ли эта картинка (почти сама собой) нарисовалась? Вспомнил два свойства мифа, которые имеют временную окраску; остается проверить, как эти свойства отобразились на моей примитивной диаграмме. Первое – противопоставление мифа и действительности, то бишь, миф (обостряю и даже оглупляю формулировку) есть нечто, чего точно нет нынче. Этому хорошо соответствует «дыра» на середине диаграммы «миф». Второе свойство, похоже, уложилось немного

хуже: имею в виду известную ориентированность мифа на прошлое и слабое его влечение к будущему (даже при эсхатологических мотивах в специального рода мифах – но это отдельный разговор), диаграмма же получилась симметричной, с равномерной штриховкой и «прошлого» и «будущего». Непорядок! Но дело легко поправить, заодно наведя красоту во всем нашем «примере на сложение». Исправлю явно неудачное изображение «начала», второго слагаемого в «мифе» – сам же говорил, что будущее, пусть и не слишком уверенно, но полагается-таки при «начале», – вводя для этого полутона на диаграмме, получаем поправку и для суммы: изображение «мифа» получает нужный перекус в «прошлое»...

Сразу рождается масса вопросов. Какие, спросим, темпоральные ситуации соответствуют каждой возможной комбинации «покраски» трех

полей диаграмм; справедливы ли и для новых слагаемых, что взяты «з жизни», наши законы формальной «временной арифметики» (красиво звучит имечко!); возможны ли другие операции (по другим «модулям», и не только «сложение») этой «арифметики»? Похоже, что тут еще предстоит громаднейшая работа. Пока же зафиксирую только самое интересное, что уже попало по ходу моих комбинаторных изысканий во «временной арифметике». Что же именно, спросим, изображают такие диаграммы с «однопозиционной» логикой штриховки? Получается какое-то «масло масляное»: штриховка-акцент на области

прошлого дает «прошлое», средней части – «настоящее» (и мы теперь хорошо различаем это изображение от «начала»), предельно ясно, как изображено и «будущее». И вот вижу красивый ход, избавляющий от такого безобразия (безобразия): когда известные временные модусы все-таки снимаются с ролей верховных, низводятся к состоянию вторичному и зависимому, а вместо них назначаются *неизвестные* – и воистину, да, верховные! – ипостаси, из которых составляются всяческие временные комбинации, из которых *рождается само время*... Как интересно-то!

Сентябрь 1986

Малая пауза

У товарища случилось большое несчастье – в автокатастрофе погибли жена и теща. Сынишка-малолеток чудом остался жив, и еще есть меньшая дочь. Вот так: лавина необходимостей смешала и возмутила привычное течение жизни, искромсала в клочья наивные планы, принесла с собой тяжкие камни переживаний, разом на голову обрушившись. Беда вскрывает тело бытия, как нож консервную банку – всё наружу... Подумалось: только тогда по-настоящему обнаруживаешь ход времени, когда оно «по жизни» на какой-то миг останавливается, а затем претерпевает скачок бедствия. И только малая, исчезающе-малая пауза разделает спокойное и прогнозируемое «было» от неожиданного и горького «есть и будет». И еще почему-то подумалось: в людском сообществе, общественно – тогда же, чаще всего, и возникает еще *пауза добра*, образуется узкая щель в бытии для его, добра, проявлений, узкая щель, т.е. зияние меж временами, когда люди живут вроде как сами по себе, и жизнью воистину сообща, сострадательно, всем миром. Вспоминаю март 1973-го года, когда подобные социально-философские абстракции обретали и обрели для меня ясные, почти осязаемые черты. В тот вечер я дежурил в поселковой больнице на станции Жихарево, куда недавно доставили умирающего отца. Реанимационная бригада из Питера исполнила свой долг, и, хотя их глава не назвал мне точных сроков, я отчетливо понял: *сегодня... скоро...* – Нужно вызывать маму, чтобы успела попрощаться. Бегу на железнодорожный вокзал (спасибо майору Басову, «Паше» нашему, навыки военного троеборья оказались вполне востребованы), путейцы по селектору связались с Войбокало, там дежурная послала гонца в наш дом, благо что жили недалеко от станции... И вот – сколько времени прошло? часы? минуты? ничегошеньки не осталось в памяти, – подкатывает электричка, над пустыми перронами разносится привычное: «Ко второй платформе прибывает электропоезд до Ленинграда», и далее, – после *той самой паузы*, – звучит прибавление: «Троицкая едет в поезде». Успели.

Сентябрь 1986

Судьба, или Блуждание впотьмах

Время – оно слишком незаметно, ибо привычно. Только попадая в переплет или, проще говоря, лишившись обыденного «фона», ты можешь заметить, как время проявляет самовольство и становится иным. Тому иллюстрацией – три эпизода, которые *могли быть* в жизни Уолтера Рэли, светского льва времен английского Возрождения, поэта, пирата, знакомя

«великого выскочки из Стратфорда». Беру в дело роман «Странствие “Судьбы”», которого Роберт Най автор.

Эпизод первый, *сон наяву*. Вот что пишется под воздействием наркотика: «Это растение обладает способностью приближать прошлое, и прошлое теперь торчит занозой в мозгу. *Кока* обостряет и восприятие настоящего. Минуту назад я отрезал себе кусок хлеба. Отрезать кусок хлеба... Что может быть проще и обыденнее? И тем не менее на мгновение я застыл в этом мгновении. Нож сиял в руке, отвалившийся ломоть хлеба выглядел чудом, и неожиданно у меня возникло ощущение, что я режу хлеб ножом и в то же самое время стою в углу каюты и наблюдаю за происходящим» (из дневника Рэли за 23 марта). Чуть далее следует размышление: «Кто говорит во фразе *Я помню?* Память имеет к этому больше отношения, чем первое лицо единственного числа. Жизнь памяти шире, глубже, темнее и богаче. Лучше следовать за движениями памяти, чем цепляться на стремнине за порожистый камень личной подлинности. Хотя и движения памяти не становятся полноводным потоком. Что уж говорить о нити мгновений, прoderнутой сквозь ушко иголки, которое есть ты сам». Через две недели, на свежую-трезвую голову: «... я, похоже, начинаю понимать, что имеет в виду индеец, когда называет свой лист божественным. *Кока* дает покой и уверенность, а также обостренное ощущение настоящего, тоже спокойное и уверенное, и при этом понуждает память странствовать в прошлом и добираться до его сути, но отвращает все пустые или честолюбивые заботы о неисповедимом будущем. В таком состоянии духа человек остается один на один с богом [строчная «б»], что бы он под этим словом ни понимал».

Эпизод второй, *вещий сон*. Что, казалось бы, сны, «как не выделения нашего просыпающегося разума?» Так нет же, «сон и действительность так перемешались в последние несколько часов, что кажутся одним сплошным кошмаром» (начало записи от 22 апреля). Там, в мире дрёмы – Рэли забылся, уронив голову на свои записки, – разворачивается фантазмагорическая картина допроса («Золото... Ты понимаешь, что значит золото?... Ты покажешь мне прииск?»), упорствующего индейца вешают, тот кричит... И въяве происходит *почти то же*: Рэли просыпается от страшных криков индейца, его действительно пытаются повесить («на правом ноге реи») мятежники из команды «Судьбы». Позже появилась возможность обдумать сие «почти»: «... как объяснить тот факт, что мой сон, так сказать, *сбылся?* Пророчество? Совпадение? Мне снилось, что индеец кричит. Проснулся я от его настоящего крика. Но, может, в этом нет ничего особенного? Мир сновидений и реальный мир связаны между собой своего рода пуповиной.

[Рэли приводит далее случай такого «совпадения» из житья королевы Елизаветы, я соглашусь, но еще, вполне оппонируя, упомяну гипотезу Павла Флоренского об «обратном ходе времени» во сне]. Кому из нас не снилось, что он идет по раскаленной пустыне, когда во сне его ноги попали на грелку с углями? Такие аналогии успокаивают. Их понимаешь. Но если обычно пробуждение рассеивает ужас кошмара, у меня оно лишь усилило, увеличило его, наполнило страшными деталями и подробностями. Во сне я видел не прошлое и не будущее, а то, *что на самом деле происходило сию минуту в настоящем!* Поэтому... поэтому впервые за всю мою жизнь я боюсь заснуть. Словно плотину прорвало. Неужели больше не будет четкой грани между тем, что я воображаю, вижу во сне, и тем, что делаю, проснувшись? Странная мысль».

Эпизод третий, пред *вечным сном*. Осталась (28 октября 1618 года) всего одна ночь до казни, подле Рэли высится стопка чистой бумаги, но он не может и не спешит писать. «Я теряю время. Сижу, курю трубку и смотрю в огонь. Слушаю, как колокол отбивает часы, а дождь барабанит в окно. <...> Завтра в это время я буду мертв. Я могу позволить себе не щадить время, ибо скоро время не пощадит меня. Первый раз в жизни я чувствую себя *свободным*».

Так выстроилась сонная (сонливая? спросонья?) аргументация, последовательно *отвергающая самое время* или, по меньшей мере, его власть над нами. Действительно, в первом эпизоде – для начала, – ревизуется представление о «моменте настоящего времени», второй эпизод заставляет усомниться в непреложности самой «связи времен» и достоверности образа «реки времени», что вечно течет куда-то (куда?!), в третьем по счету эпизоде явственно звучит императив: не жалея, не щади *такое* время, ибо его *попросту нет*. Эти «сны» исполнили роль немного схоластического «договаривания до конца» (характерно признание Рэли: «Что-то во мне любит холод... Как магнит: тянется к северу, холоду, строгим определениям», – догадка от 6 апреля) или роль оглашения пунктов приговора сразу и герою, и вселенскому устройству в целом, – ибо

«... мир – хаос, а время –

Блуждание впотьмах».

Это «Странствие», то бишь, выдуманная исповедь невыдуманного героя содержит немало чисто литературных изюминок и достоинств. Но поскольку я занимаюсь «*t*-заметками», придется умерить восторги наших наблюдений и похвалить разве что одну деталь – писательскую чуткость к заголовку. Далее еще последует обширная цитата, из которой явствует исключительная, доведенная чуть ли не до крайности склонность Роберта

Ная к рефлексии и дефинициям. Касательно же увязки феномена заголовка и проблемы времени – тут пора сознаться, что пока я представляю себе эту связь больше интуитивно, на уровне пригостишки, т.е. очень далекого от строгих формулировок. Мне ясно лишь, что заголовок как-то *предвосхищает*, ориентирует восприятие читателя *во времени*, что он некоторым образом *объединяет* текст в особого рода монаду и, вместе с тем, *сопоставляет* и роднит его с другими текстами, кои живут под именами похожими или даже иными...

Нет, временная функция (или даже сущность?) заголовка – тема на будущее, смею надеяться, обозримое. Примерно то же самое нужно сказать и о готовности моей рассуждать вообще о роли времени в нашей культуре. В обещанной цитате, конечно, есть материал и на эту тему. Отмечу только, сколь много в ней пафоса – нет, нет, не самобичевания, а скорее самоотрицания и, вместе, самообновления... Итак, Рэли – о себе, в подробностях (и, кажется, что-то и обо мне, читателе его, тоже говорит):

«Этот опьяненный поисками истины идиот, это мечтательный остолоп (который страшнее всего обманывался, воображая себя человеком действия), этот бесчувственный болван выплескивал себя в признаниях, от которых тут же отказывался только затем, чтобы открыть... Что? Во-первых, что открывать, в сущности, нечего. Во-первых, нечего. И в-последних, нечего. Ни в-первых. Ни в-последних. Ни конца и ни начала. Только странствие. Странствие судьбы. И насколько же мой рассказ об этом странствии похож на сон! Странствие моей «Судьбы» и странствие моей судьбы. Все другие люди только призраки. Реален только странник. Я писал о моей жизни так, будто она мне приснилась. Может, так оно и было?» (запись 15 мая). Здесь можно было бы прокомментировать сей навязчивый мотив сна (существовать значит – кому-то сниться...), помянуть нескольких философов вслед за Кьеркегором или – из писателей – Мигеля де Унамуно и обнаружить, что вряд ли «последний елизаветинец», наш герой рассуждал бы так задолго до вышеназванных. Но лучше я продолжу цитирование романа. Вот замечательнейшие строки от 22 мая: «Теперь я вижу, что моя книга служит судовым журналом сразу трех странствий. Первое: странствие «Судьбы». В настоящем времени. Сиюминутное. Реальное. Подробное, день за днем, описание моего долгого плаванья домой, к смерти. Второе: странствие судьбы. История моей жизни. Описательная. Разъясняющая. Если угодно, мои признания. <...> Третье странствие определить трудно. Сначала я о нем и не подозревал. Считал, что плаваю по двум морям. По морю моей прошлой жизни и по морю жизни нынешней <...> Но постепенно во мне росло ощущение *третьего* странствия. Оно рождалось из неясных намеков,

туманных очертаний, неразборчивых криков в реве шторма. (Я говорю о тумане памяти и о шторме, бушующем там, где встречаются воды прошлого и настоящего, образуя в сознании гигантский водоворот.) Теперь неясные формы приобрели строгие очертания, крики слились во фразу. Какую? «Странствие Судьбы». Мое третье странствие. Истинная цель. Не корабля. Не жизни. Чего-то *большего*, чем настоящее или прошлое или то и другое вместе. Я плыву по безымянному морю, безбрежному океану. Вся команда состоит из одного человека – меня самого. Невозможно определить «местоположение корабля». Единственное, что у меня есть, – это чувство, будто, пытаюсь следовать двумя курсами сразу, я нашел (совершенно случайно) третий путь. Не назад. Не вперед. Может, *внутрь*? Нет, все-таки *вдаль*... Вдаль! Вдаль! И *прочь*...»

Почтительно помолчу вместо заключения.

Октябрь 1986

О длинных фразах

Жизнь – казус комбинаторики. Это справедливо, наверное, не только в пределах модного доньше вопроса о происхождении жизни (на планете Земля, или «вообще»), это подходит и для индивидуального потребления. Взять хотя бы данную малую особь и указать ее главнейшие казусы в комбинациях – затейливое получится сочетание! Для начала заметим, что ей нужно было родиться не когда-нибудь, а в тревожное время меж двух мировых войн: самой большой из тех, что уже были, и той, что постоянно угрожает быть и принести новую мерку несчастьям. Какая из тех войн более реальна и действенна, свершившаяся и ушедшая за горизонт, или нависающая у горизонта? Какая из них вполне осязаемо и конкретно одела, скажем, нашу особь в военную форму? Теперь далее, к сочетанию временному добавим комбинацию пространственную: неказистую речушку Сарью и изысканный Екатерининский парк разместим подле березняков Подмосковья и покроем общим приголубленным небом. Так очертив в пространстве и времени, придадим нашей особи порцию разрозненных знаний и навыков (от вполне сносного умения стрелять из пистолета и держать строевой шаг до страсти ко всяческим «трудным местам» в науке и философии, и некоторую тягу к писательству) и дозволим ей, из любви к экспериментам над людьми, усвоить достаточно случайно поступающие в круг чтения новые тексты. Представим, далее, что за пару недель этой читающей особи попадают три совершенно непохожие книги («Выбранные места» Николая Гоголя, «Плаха» Чингиза Айтматова, «Странствие

“Судьбы”» Роберта Наю), а в них некоторым образом *совпадут* отдельные фразы существенно непохожего содержания. Спрашивается, что может дать *такая* цепь комбинации жизненных случайностей? Ответ мой прост: дать – хотя бы только еще одну комбинацию слов и фраз, за индивидуальным заголовком и номером, скажем, 56, принимая во внимание порядковое положение *данной комбинации* в потоке ей подобных. Осталось прибавить: ясно, что у другой особи всегда выйдет *другая комбинация* жизненных обстоятельств. Необозримость и неисчерпаемость сей комбинаторики жизни (индивидуальной и «вообще») вполне гарантирует саму индивидуальность любого здесь живущего, не так ли?

«Доказавши» уникальность и беспрецедентность (следовательно, нужность) нижеследующего, с легким сердцем приступим к заявленной ранее теме.

Те «длинные фразы» из трех непохожих книг суть равноценные примеры *пространности высказывания*. Фразы-монстры, предложения-лианы (или *армады*, по Роберту Наю) практически невозможно воспроизвести целиком, не нарушив приличий цитирования, в соблюдении разумных пропорций своего и чужого текста. Потому попробую их описать или, вернее, немного изложить и точнее указать, отсылая к первоисточкам.

Вот у Гоголя *в конце* «Выбранных мест» самое последнее, тридцать второе «письмо» содержит пространное доказательство того, что «есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа», – от точки до точки в нем 189 слов. Ближе *к середине* «Странствия» Наю любой желающий отыщет единое предложение-повествование из 258 слов о разгроме испанской Армады у Азорских островов («запись» от 22 мая 1618 года). Наконец, *в самом начале* «Плахи» Айтматова понадобилось 388 (!) слов, чтобы буквально на одном дыхании обрисовать «великую охотничью жизнь» Маюнкусской саванны. Различий при этом более чем достаточно – и по положению гранд-высказываний в повествовании (конец, середина, начало), и по «жанру» (апология, филиппика, нейтральное описание), и по характерному способу нанизывания множества слов на длинный вертел предложения (через «что», через «где», через «когда» – будто сговорились господа не повторяться!), и по принадлежности авторов к разным литературным школам и отдаленным друг от друга национальностям (киргиз, русский, англичанин). Общее и обобщенное: сия пространность понадобилась-таки столь непохожим художникам, оные тексты попались именно мне в столь близком во времени прочтении, посему я должен держать ответ за все эти совпадения.

Пространность – зачем? Прямо говорить о каких-то ремесленных уловках или литературном снобизме (мол, потянуло мэтров на кисленькое) и т.п. не стоит. Даже если таковая причина и не исключена, подоплекой пространности должно быть – уверен – нечто почтенное и глубинное. Маловато будет и определить: «текст в тексте», формально подчеркивая уникальное место таких пространных предложений среди прочих словесных комбинаций...

Думаю (сейчас хочется думать), что к появлению «длинных фраз» особенно причастны два противоположных желания писательских. Одно – закрепить в некоторой устойчивой форме то массивное и, вместе с тем, неуловимое, текучее, исчезающее, что составляет главную трудность в литературном труде, когда «изводишь единого слова ради...» – да-да, когда промелькнет перед тобой множество вариантов сюжета, протянется вереница соперничающих эпитетов, доводы и аргументы обступят со всех сторон в многоглаголании своем – когда из всего этого отливается в каплю текста лишь малая часть, и остальное словно утихнет в «словесной руде» пресловутой. Другое желание заставляет как бы забегать вперед, к итогу, желание услышать в единый миг (здесь и теперь) всю симфонию от первого до последнего такта, как бы сжать обширный текст в строчку, и побить рекорд *краткости*... Ею оборачивается *пространность*! Пространная (наглядно-пространственная) фраза, таким образом, запечатлевает в себе *временные* аспекты литературы – и *прошлое* слов, те вариации и клочкотания, из которых должно родиться одно-единственное сочетание, и их *будущность* в завершеном и пока еще не умершем, еще творимом тексте. Подручными, громоздкими, пространственными средствами писатель пытается усмирить самоё время. И неизбежный здесь гигантизм (сотни слов на одном дыхании) вполне родственен попыткам исчислить величие Мира (равно – Бога) в смешной арифметике наших праотцев. Гигантизм – неумелый порыв одолеть время, овладеть временем или, наконец, проигнорировать его.

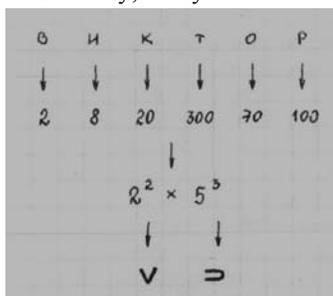
Для закругления темы остается еще спросить, что же такое, собственно, жизнь – хотя бы и той особи, о каковой шла речь выше. Что это, как не «длинная фраза», как не посильная затея прихватить как можно больше этих самых вариаций и, вместе с тем, как не обязанность помнить о цельности и завершенности, как об одной строчке или даже почти точке памятование? О бо-о-о-ль-шой такой точке.

Ноябрь 1986

[получил – сам себе – подношение к 35-летию]

Этюд по каббалистике

В переводе русских букв на числовой старославянский эквивалент сочетание ВИКТОР даст «круглую» сумму 500. Это число разлагается на простые сомножители в виде $2^2 \cdot 5^3$. Далее, хотя такая комбинация и не вполне стандартна, воспользуемся кодировкой цифровой и логической символики по Курту Гёделю (впрочем, для успокоения ортодоксов можно записать $500 = 2^2 \cdot 3^0 \cdot 5^3$ и нулю здесь сопоставить «пробел» из кортежа логических символов), и получим «метаматематический» эквивалент в итоге. Этот странный, даже диковатый гибрид – в сущности, довольно нескромная каббалистика, папахивающая душком времен гностиков, в союзе с приемами ультра-си из арсенала современного сыска в основаниях математики, – гибрид сей позволяет вывести не что иное, как наикратчайшую формулу моей планиды. Собирать разные разности (согласно первому, если считать слева знаку, знаку *логического сложения*) и,

вместе, следом извлекать (знак *логического следования*) из оных сближений, соединений, сочетаний нечто новое, неожиданное, негаданное, – это ли не судьба моя? А тот очевидный факт, что «голое» сочетание двух значков не удовлетворяет стандартам формальной логики, не намекает ли на плачевную нескончаемость (или малую осмысленность) моих поисков? И пробел,

являющийся при попытке потрафить правилам гёделизации, не призван ли постоянно напоминать мне о неискоренимой пагубе свершать скачки, допускать зияния в ходе мысли, строгой дискурсии предпочитать ассоциации и интуитивно-безответственные ходы?

Еще эти два усосежденных значка изображают – на новый манер прежнее содержание – ровно то же, что символизирует *кочешок капусты*, о котором уже пришлось говорить в «Опытах». Ибо столь много всякого-разного проходит подчас через ум и сердце (душу), столько объединит в предварительной работе творческая сила, но и столь мало выйдет следствием-результатом тех многих соединений. Потому крепкое сцепление «дизъюнкции» и «логического следования» – может быть, уже не столько чья-то личная «формула», сколько оформленный закон писательства, шире – творчества как такового. Взять хоть бы и «Этюд» сей, для примера. В его невидимый фундамент легли и давние попытки разобраться в деталях знаменитой теоремы о неполноте (допустим, арифметики), и чтение (тоже довольно давнее) статьи «К истории первоначального христианства»

Фридриха Энгельса, где главным героем выступает «число зверя» 666, как, впрочем, и чтение отрывка из «Войны и мира» с Пьером Безуховым, исчисляющим суммы для буквосочетаний *L'empereur Napoléon* и *L'Russe Besouhoff*; еще надобно не забыть сильные впечатления от теоретико-числовых изысканий Павла Флоренского, призывавшего «видеть корни вещей» как раз в операциях каббалистических «сокращений» и «приведений» (см. его заметку «Пифагоровы числа»). К делу нашему незримо относятся и те сомнения и муки (чтение довольно свежее), что невольны пробуждены были публикациями ленинградского профессора К.И. Валькова, математика-геометра из почтенного ЛИСИ – те, что обосновывают глобальный принцип «инвариантной неопределенности», как веское предупреждение о нелепостях бездумного поклонения «голой» цифири... А где найдем место первоначальному замыслу твоему, когда жгуче хотелось сопоставить «арифметизацию» по Гёделю с противоположным ей древнеиндийским способом именованья чисел целыми словами и даже гроздьями слов, и сопоставивши, сотворить эссе архиважное о Мире как Слове, о «чреватом смыслом» мире? *Где же всё это?*

Там, где прошлогодний снег.

Ноябрь 1986

О КОНФИГУРАЦИИ КАЧЕСТВ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРЕМЕННОЙ И «ЭОМЕРИДЕ»

*Тезисы доклада на Всесоюзной конференции по ИИ
(переданы Д.А. Поспелову, тот вполне одобрил)*

1. Трактат французского философа Никола Орема «О конфигурации качеств» (*De configuratione qualitatum*, вторая пол. XIV в.) правильнее рассматривать не в цепи, или не только в цепи событий, предшествующих появлению представлений о системах координат и аналитической геометрии, как это делается традиционно, он, трактат оказывается идейно близок недавним революционным изысканиям Л. Заде, критически пересмотревшим координатный метод. На пути от натурфилософии Средних веков, в лице оксфордских калькуляторов, через геометризм Декарта и вплоть до введения «лингвистической переменной» (далее – л.п.) в рамках теории «нечетких»

множеств произошел возврат к старинной проблеме – к задаче *вполне наглядного* и, вместе с тем, *относительно строгого* представления характеристик и свойств не только физических, но и «гуманистических» систем (во многом, разница только в терминологических предпочтениях и навыках эпохи).

2. Одну из глав II части названного трактата Никола Орем посвятил специально рассмотрению «первой из всех последовательных вещей» – *времени*, обнаружив у него ряд ключевых свойств, легко иллюстрируемых геометрически: как пишет Орем, изображаемых на характерной шкале «в соответствии с “прежде” и “после”». Родственность современным псевдо-физическим логикам времени здесь очевидна. Продолжим давнюю традицию «не-метрического» (для Орема – «до-метрического») описания времени и примем в качестве *универсальной переменной* расширенно (в виде своеобразного спектрального ряда) понимаемое «тело» человека.

3. Именно, принимая трактовку *момента настоящего времени* как промежутка времени, на котором некая организованная система сохраняет свою качественную неизменность, определенность («униморфность», по Орему), будем сопоставлять различным отрезкам длительности свои (естественные) единицы измерения из «шкалы тела». Тогда, например,

- секунды и их доли соответствуют относительно постоянству положения данного индивида (личности) в пространстве,
- года и десятилетия – сохранению его известных возрастных характеристик («молодой», «зрелый», «пожилой»),
- столетия – определенной культурной либо семейно-родовой общности уже ряда личностей,
- тысячелетия – видовой неизменности *homo sapiens*,
- миллионы лет – генетическое «тождество», родство с нашими «меньшими братьями».

4. Выделение и сопоставление *двух связанных, координированных «шкал»* (или, по Орему, «линейных качеств») – «шкалы тела» и «шкалы времени» – позволяет представить л.п. «время» во всем ее диапазоне от «мгновения» до «вечности» через координаты-понятия эгоцентрического и ситуативного характера, взятые из номенклатуры органических и социокультурных форм человеческой истории. Имеется также не только обратная возможность – выразить л.п. «человек» через координаты (обновленного в указанном смысле) временного ряда, но и возможность перейти от формальных задач *представления знаний* к проблеме, можно сказать, общего мировоззрения и общего взгляда на феномен жизни. Тогда к известному списку живых систем высшего яруса типа биоты, биоценоза либо

биосферы необходимо добавить новое образование или множественность, которое можно назвать «эомеридой» (производя от греч. «эон» – *век* или даже *вечность*).

5. *Эомериды* – примем рабочую дефиницию – это телесная форма или обобщенное «тело», сохраняющее качественную неизменность (определенность) и тем задающее интервал «теперь» на протяжении известного отрезка длительности. Тогда (и тем самым) предлагаемое здесь *понимание человека*, с его естественным интеллектом и коллективным сознанием, как *эомериды* достаточно широкого масштаба (не обязательно в пределах индивидуального тела), ставит перед теоретиками и практиками, работающими в области «искусственного интеллекта», следующий весьма нетривиальный или даже, пожалуй, ключевой вопрос:

эомеридой каких интервалов «теперь»
следовало бы заниматься?

1988

Сделаю прибавление (*август 2019* года) сразу и к давним тезисам «про искусственный интеллект» (ИИ), и ко многим разделам из выше представленных «Опытов».

Для этого сгодится небольшая запись в дневнике (14.08.1982), к которой, во многом, все эти тексты генетически восходят:

«Всё ли можно описать, точнее, формализовать, всё ли математизируемо? Скажем, *сам человек*, его – разве можно?

Наивное *quo non ascendam* слышится в позитивистских притязаниях тех же спецов по ИИ – ведь в потенции они намерены получить не “усилитель умственных способностей”, но полновесный “прибор мысли”.

Кажется, я понял сейчас одну основополагающую вещь. И она ставит всё на свои места, сразу удовлетворяя и нашу природную спесь исключительности, и утверждая и подтверждая веру в ограниченность человеческого познания:

чтобы описывать человека, нужно описать весь мир.

Разделим сей тезис (или “вещь”, или вещь о “весь”, как уже сказалось) на следующие уровни, уровни микро-, макро- и мета-бесконечностей:

– подступаясь к человеку как микро-образованию, мы сталкиваемся с первой бесконечностью – на путях *вглубь*: физиология и молекулярная биология уже вполне определились как инструменты человеко-понимания, очередь теперь за квантовой частью описаний; как знать, какие именно наши

homo-качества продиктованы, скажем, географией окрест, а какие – “цветовой” игрой глюонно-кварко-иксового океана внутри (и вне?) нас;

– движение *вишрь* тоже обескураживает тотчас раскрывающимися горизонтами; человек как животное социальное не описывается в пределах собственной рубашки; к неконечности человека пространственной тут же присоединяется уходящая вдаль временная перспектива – ибо социальность сопряжена с культурой, та – с историей; так современный подопытный субъект, не сходя с предметного столика ученого, держит за руку неандертальца, а тот уж явно вне фокуса позитивистской оптики;

– бесконечность *мета-описания*, по счету бесконечностей третья, замешивает всё в (бесконечный же) клубок регресса, ибо описывать мир и, одновременно, себя в этом мире попросту нельзя *sub specie aeternitatis*, с точки зрения такой “логики” описания:

Ч – человек, М – остальной Мир, куда входят и человечьи «кирпичи»,
(М)Ч – мир, отраженный человеком, как часть описания Ч,
((М)Ч)Ч – это уже объект гносеологии, без которого тоже не описать Ч,
(((М)Ч)Ч)Ч – философский аспект как элемент описания Ч, ...

скобки можно ставить еще и сколь угодно далее, хотя традиция и не идет слишком далеко за вешку философии; но это особый вопрос – а здесь главное, что нужно сказать, это – получается такая “простая” формула:

$$\text{Ч} = (\text{М})\text{Ч} + ((\text{М})\text{Ч})\text{Ч} + \dots + (\dots(\text{М})\text{Ч}\dots)\text{Ч} + \dots$$

Объект, для которого целое равно своей части, науке хорошо известен – это есть актуальная бесконечность, или континуум. Итак, получено “доказательство” континуальности, несчетности, неконечности человека!

Сегодня (уже идет 15-е августа) непривычно легко писалось, всё выше-намаранное породил сходу, без малейших черновиков. Привет тебе, Виктор свет Петрович! Хочется петь или помолиться...»

ЧТИВО **(продолжение)**

Сентябрь 1987

5 А. Азольский. Степан Сергееч (Новый мир, №№ 7–9, 1987)¹³⁶.

477 А – что? И поведет. И путь покажет. И спасет Отечество.

10 А. и Б. Стругацкие. День затмения (Знание - сила, №№ 5–8, 1987).

478 И какими только казусами не выказывает себя душа человеческая, где только ни оставит она помету свою!.. Похоже, хорошая научная фантастика очень даже сподручна для материального (легко ошутительного) выражения нашего природного (глубинного) идеализма.

12 М. Цветаева. Китаец (Книжное обозрение, 28 августа 1987).

479 Согласен: истинная литература всегда есть стояние *над* месторождением и *над* ежечасным – но сама она *из них* являема. Только тогда покупка в копейку оборачивается ценностью на рупь, да еще и не один.

18 В. Овчинников. Сакура и дуб.

480 Жанр «параллельных жизнеописаний» (здесь – описаний разных культур) не только не исчерпал своих возможностей, но, думаю, он лишь в начале своей подлинной истории, хотя бесстрастный календарь и отсчитал уже со времен Плутарха несколько листков. Еще «добуду», по случаю, такую рабочую сентенцию, подходящую для характеристики многих казусов (вроде текста Всеволода Овчинникова), что нередко попадают в мое «Чтиво»: побывать в чужой шкуре + чувствовать себя не в своей тарелке + лезть со свои уставом в чужой монастырь = *читать*.

¹³⁶ Мои читательские предпочтения в начатом здесь Софринском периоде становились, заметим, преимущественно «толсто-журнальными» (властно проявилось известное свойство советской культуры в пору расцвета тогдашней «перестройки»), а многие записи в «Чтиве» – более лапидарными, чем прежде, и тоже понятно, почему – быстро погружался тогда в напряженную и изматывающую жизнь «испытателя» совершенно нового для себя Объекта. О литературной периодике надо сказать специально: в конце 80-х семья наша имела подписку на журналы «Огонек», «Новый мир», «Знамя» и «Наука и религия». Из газет постоянно была «Комсомолка» плюс «Красная звезда». Спорадически появлялись также «Знание-сила», «Вопросы философии», «Литературная газета», «Звезда», «Нева» и что-то еще, эпизодами, что сейчас уже не припомню. Весьма продолжительный период, с конца 1970-х и до конца 1990-х, упорно выписывал серию «Математика. Кибернетика», выходившую в издательстве «Знание». Прибавлю, что на настоящий момент (*ноябрь 2018*) мы давно уже – таков топос и тонос нового времени – не подписываем ничего.

Октябрь 1987

10 А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (Знамя, №№ 3, 4, 1987).

481 Да, но сколько же нужно накопить этого «исторического опыта»?! Неужто *кровь и пот Кузьмёнышей* не переполнили чашу?.. – А будто ты не знаешь.

17 Р. Брэдбери. Холодный ветер, теплый ветер (сб., 1983).

482 Писатель непочерпаемо чуток к той загадочной материи, что обозначена трафаретным: «человек неисчерпаем». Кстати сказать, наверняка для Р.Б. показались бы вполне приемлемыми мои построения насчет МВ (информационной, то бишь, «машины времени»).

21 А. Западов. Забытая слава.

483 Крепко же связаны: Третьяковский, Сумароков, Ломоносов. Действительно, каждое из трех имен не живет, не должно жить (в сознании русского человека) без соседей уже потому, что тени этих имен когда-то смешивались под одним солнцем...

24 <Речь А.Я. Вышинского, март 1938 г., ксерокс>.

484 Заставил-таки себя дочитать... Общее, в целом ощущение ближе всего аппроксимируется опытом тяжелого похмелья после гусарской попойки. Гошнёхонькая у нас недавняя история.

29 О. Мандельштам. Стихи о неизвестном солдате (Новый мир, № 10, 1987).

485 Исключение в законе... перво-сияние слова... новая простота... шепот бессмертия... ощущение небывалого... миротворение...неопределимое целое... м-м-м...*Все перепуталось. И сладко повторять: Россия. Лета. Лорелея...* С потерей Осипа Мандельштама отечественная литература долго будет отдавать провинциальностью.

Ноябрь 1987

1 А. Ахматова. Requiem (Нева, № 6, 1987).

486 Тяжек крест и величественен – плакать за всех, плакать за Русскую Женщину (*Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был*) и убиваться по своей кровинушке. В судьбе одной малой семьи так сконцентрирована эпоха, что даже на поверхности ее, судьбы этой, словесного описания не вдруг выступают – что, *ро*сы, слезы, крови капельки или чистойшей воды алмазы?

22 М. Булгаков. Китайская история (Неделя, № 46, 1987).

487 Дорогой Михаил Афанасьевич! Но ведь так же будет и с любым живым организмом, ежели его раззять и народу показывать окровавленными

частями, – зрелище, по меньшей мере, безрадостное. Вот и Вам не люб Вами же отсеченный у Революции исполнительный (ей – необходимый) орган...

Декабрь 1987

1 Г. Маркес. Осень патриарха.

488 Уподобляемо самому Окияну-Батюшке, в котором грешно изыскивать какие-то «структуры», а надобно принимать его целиком, – только волны вековечные идут своим чередом, да в толще вод промелькнет загадочный силуэт, рая душу тоской по бессмертию...

2 Г. Саркисян. Лошадь смеется (Наука и жизнь, №№ 7, 8, 1987).

489 Похоже, так оно и есть: любовь – род творчества, может быть, высшее его проявление. Только возле этой аксиомы помести-ка и такое житейское правило: приглушить или, того лучше, убить-уничтожить любой взлет духа всегда находится желающий.

6 Г. Гор. Изваяние (Л., 1972).

490 Что уж тут говорить о статистическом преобладании (ученой) терминологии, ну, вроде «времени», «информации», «знака» и т.п. в этом романе – хотя и прочел его только сейчас, я могу и даже обязан считать Г. Г. не столько предшественником,

сколько учителем своим. Особенно если иметь в виду угаданную им «онтологию» МВ. Да и суть любезного мне «семиотического существования» он тоже хорошо уловил и описал.

15 М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом.

491 Больше века минуло с выхода этой книги, а сколько тамошнего – еще наше-тутошнее: и «тоска о деле, вовсе до меня не относящемся» как сугубо русское качество, и «жвачное равнодушие» – родовое проклятие образованцев, и фундаментальное явление «мальчика без штанов» с его восторгам – «душу отдал даром». Или вот – пресловутое «утешение историей»... но дальше надо цитировать целыми абзацами и страницами.

16 А. и Б. Стругацкие. Сказка о Тройке (Смена, №№ 11–14, 1987).

492 ... Мужики, и я с вами!.. Эх, знали бы вы, каких только ТПРУНЯ не увидишь в моем разлюбленном окружении!

19 Б.А. Рыбаков. Язычество Древней Руси (М., 1987).

493 Ни виртуозности этого исследования (по крохам, из ничего сотворено сияющее видение полнокровной жизни!), ни богатства самого восточно-христианского язычества (да-да, в какие тут скобки влезет перечисление одних только интеллектуальных «изюминок»?!) – ничему не могу порадоваться полномерно, такая *тоска* напала. Если сегодняшние наши *материализм* и *не-теизм* прогрессивны и хороши, чего ж тогда так жаль в «непросвещенном» давно-ушедшем?

28 А. Битов. Пушкинский дом (Новый мир, №№ 10–12, 1987).

494 Эпоха долгостроя, длинноречия и медленнопечатания подарила нам этот роман и своего героя. А автор – хоть он-то из сегодня? Тогда встреча с ним, получается – завтра?

(отпуск – пп. 488–494)

29 А. Бек. Юбилейный вечер (Огонек, № 45, 1987).

495 Волшебство мастера поставило и нас у той богатырской развилки истории Отечества: *туда* вел путь *незазнавшейся* партии, а *сюда*... и вот теперь расхлебываем.

Январь 1988

1 Ю. Трифонов. Исчезновение (Дружба народов, № 1, 1987).

496 Общий тон письма, как и «хлесткость» заголовка вполне обнажают подноготную авторских чаяний – не дать умереть духовному опыту тех горьких лет, уберечь от распада память, еще пока не исчезнувшую окончательно.

14 М. Булгаков. Багровый остров (Дружба народов, № 8, 1987).

497 Интересный *перевёртыш*: кричали о какой-то «пародии на революцию» – и это про спектакль, в коем изображаются как раз подлинные личины пародистов. «Держи вора!» – из уст самого вора, – сколько раз звучал сей жизненный лозунг целой армии радеющих за «чистоту рядов».

Нынешняя *перестройка* – это, думаю, и задача услышать давние тихие реплики (как ответы на грозные вопли, с площадей поступающие), и задача понять тех, кто только и делал, что топорщил кукиш в кармане.

27 М. Цветаева. Мой Пушкин.

498 Судьба Марины (и что то же – *слово* ее) дают возможность заключить без особых обоснований: гениальность – это чудо негасимой молнии, гениальность – это продленное детство и неумирающая любовь. Цветаева воистину живет в непрерывности, в этом вечном *к морю*...

28 Ю. Поляков. Сто дней до приказа (Юность, № 11, 1987).

499 В «ротном звене» сам немного поработал, уж 13 лет назад, из подобных «красот» что-то видел, о чем-то догадывался... Наверняка, *всего букета* подробностей автор никак не мог собрать в одном месте, но дело, конечно, не в количестве стеблей, а в общем тоне-цвете такой флоры. Предупреждающие знаки должны быть, конечно, броскими.

30 В. Померанцев. «Нет, нет, по дороге таможенники...» (Огонек, № 4, 1988).

500 Прочел с недоверием: *неужто так* думал и писал человек поры самого одуряющего и глухого «застоя»? Или так само время доставляет нам рекомендательное письмо: Владимир Михайлович, честный, мыслящий, человек из нашего завтра.

31 М. Шатров. «Дальше... дальше... дальше!» (Знамя, № 1, 1988).

501 Книжно-эфемерный *суд истории* и зримо-конкретный *суд людской* автор смешал (смело? новаторски? нет – естественно, абсолютно вовремя, по делу) и вынес на театральные подмостки. Он, кажется, только *слегка оформил* эту почти хаотическую смесь.

31 Б. Савинков. <Отрывки «Конь вороной»> (Неделя, № 4, 1988).

502 Кровь не искупается пролитием чернил? А чернила оправдаться кровью – могут? Жить как писать – нельзя, а писать – как жить? *Савинков* покончил с собой, чтобы остался и жил *Ропшин*?

Февраль 1988

4 Лицом к лицу с Америкой (М., 1960).

503 Может быть, нейтральная относительно смыслов «арифметика» скорее выразит свойства этой стихии раболепства и пустобрешия: 13-ти дням визита Н.С. Хрущева в Штаты дано 675 страниц комментария, причем при *тщательнейшем избегании* прямой речи вождя. Еще цифири: «лицом к лицу» состоялось в 9-м месяце 1959 года, а толстенная книжка ушла в набор уже в 12-м... Впрочем, это скучно. Скучно.

Полезнее мотать на ус, сверяя прошлое с настоящим. Ведь история (политическая в особенности) имеет свойство повторяться, без особых фантазий. Но Горбачеву я верю. Пока?

8 М. Шатров. Брестский мир (Новый мир, № 4, 1987).

504 Очень четкое изображение: 23 февраля вписано в историю каплями солдатской крови на снегу и чернилами протокола № 44, – как день двойного действия, у Нарвы и Пскова и в Питере, на войне и против войны.

16 В. Шаламов. Двадцатые годы (Юность, № 11, 12, 1987).

505 Думаю, никакие *приземляющие* факты и самые жесткие свидетельства очевидцев не способны развеять легендарного ореола тех лет. Скорее, они только добавляют красок и новых сюжетных ходов к *единому мифу* двадцатых годов (цельно взятых как феномен).

22 Р. Брэдбери. Марсианские хроники.

506 Если ты искал разъяснений, почему да чья же доля должна быть более желанна, «первого марсианина» или «просто человека» либо «марсианина» же, но только самого «последнего», то Хроники ты открыл зазя: выбора-то у нас нет, а есть лишь судьба.

25 Псевдо-Аристотель. Рассказы о диковинах (Вестник древней истории, №№ 3, 4, 1987).

507 Да, свежая, приращиваемая, вопрошающая часть познания должна *уже по форме* отличаться от прописей и азбучных истин, твердых эпохой. Тогда, может быть, мои «Опыт» (о них почему-то подумал) именно в силу этой фундаментальной аксиомы следует относить к современным «бестиариям»?

27 А. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус.

508 Только не Одиссея. И не Прохиндиада. – Сага о пыли на ветру. Иногда мне кажется, что в литературе нет ничего страшнее и беспощаднее формы «физиологического очерка».

Март 1988

1 А. Платонов. Б. Пильняк. Че-че-о. Областные организационно-философские очерки (1928).

509 Вот два голоса, два полюса. Первый звучит со стороны занятых «в сладострастном занятии властью»: «Теперь такая эпоха, придется всё сверху донизу, снизу доверху, а также вдоль и поперек. Теперь самокритика пошла, нашего брата массы в плюшку жмут». Второй глас – от «рабочего советского человека»: «... ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нарочно нельзя».

Минуло шестьдесят лет. Оба звучания равноправны, и по сей день, и доньше противостоят, не уступая. Не уступая!

5 Журнал «Биокосмист» (№№ 1, 2, 1922).

510 Интересно, почему этот некий *Святогор* ни разу не упомянул Николая Федорова, от учения которого он вполне мог бы оттолкнуться, – без Федорова *неверно* воспоследовав не в область Дела, но *декларации*. Или все списать на недостаток эрудиции? И тогда, видимо, сам приход Революции тому «виной», что наиболее пылкие и неискушенные устремились прямо к звездам – без всяких метафоров?

11 Н. Евдокимов. Трижды величайший, или Повествование о бывшем из небывшего (Дружба народов, № № 7–9, 1987).

511 Эй-ей, в литературу возвращаются боги грешащие, боги с ленцой, боги-сквернословы, даже чуть ли не богохульствующие боги благословенной Эллады. Мы постарели на два с половиной тысячелетия, иные и они, олимпийцы, но сохранилось главное (если в теме «философской антропологии» оставаться): тщетность поисков ответа на вопрос, зачем живешь.

(отпуск – пп. 505–511)

22 «... Писатель с перепуганной душой – это уже потеря квалификации» (Дружба народов, № 3, 1988).

512 Э-э, куда там латиноамериканским фантазмагориям!.. Взять хотя бы некоторые эпизоды из жизни одного только русского (того же Юрия Олеши), изложить их без изъятий и особых приправ, только документально – и получится... не найду определения этой форме, этому ненаписанному произведению, какое только и будет достойно нашей «новой» истории.

29 Н. Эйдельман. «Мы молоды и верим в рай» (Дружба народов, № 10, 1987).

513 Читал о далеком Грибоедове, а внутренне ужасался ремеслу архивиста: ведь, когда собственная рука одним движением одолевает гигантское временное зияние, касаясь раритета, вполне реален соблазн посчитать себя вправе на фамильярную близость. Нужен соразмерный тому зиянию нравственный потенциал, дабы сохранялась и дистанция, и неприкосновенность. Натан Яковлевич умел как-то лихо балансировать?

Год – 63 (5, 25)

Апрель 1988

10 Я. Ларри. Необыкновенные приключения Карика и Вали.

514 Даже если детки-дочки мои более ничего не вынесут из общения со мной, кроме светлого чувства благодарности к этой «детской» книжке¹³⁷, вполне удовлетворюсь, в педагогических посягательствах своих, и этим – очень даже немалым. Передал дальше зеленую палочку заветную...

11 Из переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака в 1926 году (Дружба народов, №№ 6–9, 1987).

515 – А через тридцать лет Пастернак напишет: поначалу «Цветаева не доходила до меня», только позднее, после чтения «Вёрст» (или все-таки «Поэмы конца?»), говорит, «между нами завязалась переписка, особенно

¹³⁷ С удовольствием, не так давно, узнал от *Виктора Павловича Визгина*, что «Приключения Карика и Вали» он, – сам-то большой писатель и большой философ, безоговорочно включает в список самых любимых книг (*ноябрь 2018 года*).

участвовавшая в середине двадцатых годов <...> Мы подружались». Как выразился – *подружились*. Он взял из прошлого только пепел. Заботился ли о противопожарной безопасности, устал ли или, чего доброго, просто всё навывдумывал тогда, в 26-м? Или даже – все трое красовались и «занимались литературой», а каждому-то было и *больно и одиноко*?

16 <П.А. Флоренский о литературе> (Вопросы литературы, № 1, 1988).

516 Лично, так сказать, для меня даже и не плохо, что многие мысли о. Павла только нынче становятся доступными в смысле опубликованности, вроде этих отрывков из его лагерных писем. Так, самодеятельно пропотев и свой надел пропахав, имеешь некоторый шанс от «простого» познания шагнуть к узнаванию или припоминанию. Приемлю как очень родственные мне, скажем, рассуждения о «телесности» и «имени», или из того, что в самом начале читалось – о необходимости страданий и отставании общества «по фазе». Но, право слово, задержки в признании на полсотни и более лет – таки... *расточительны*. Иные эпитеты – для, недавнего времени, устройства житухи – извлекать из казарменного, к примеру, репертуара были бы, конечно, уместнее. Да уж промолчу.

23 *В. Тендряков*. Пара гнедых. Хлеб для собаки. Параня. Донна Анна (Новый мир, № 3, 1988).

517 Какое-то сумеречное отупение, каюсь, настигло меня при чтении: не *физиология* ли таково обороняется против *социологии*? В поддоне души лежало смутное ощущение, что *так* не могло быть. Но ведь было!..

30 *Б. Дьяков*. Повесть о пережитом (М., 1966).

518 Эпоха героизма и низости, свершений и потерь, эпоха абсолютно светлого обочь с абсолютно темным – нашла, нашла адекватное воплощение. Именно, вот так: «сдержанно-достойное, полное скрытой духовной силы» повествование-то принадлежит... типичному трусу, приспособленцу и провокатору, следовательно, пачкуну.

Май 1988

3 *Б. Пильняк*. Повесть непогашенной луны (Знамя, № 12, 1987).

519 А хорошо бы эту *версию* взять да прочитать Юлиану Семенову, пусть устыдится он своих судорожных попыток ощутить и представить (подлинный) ход истории.

6 <Письмо о. Павла Флоренского сыну Кириллу> (Вопросы истории естествознания и техники, № 1, 1988).

520 «Фиденест» отстаивает сугубую материальность пространства и времени – вот одна весьма учительная, урочная тема. Урок второй – о подлинной интеллигентности и духовности: на Соловках, в преддверии скорой гибели, эта мысль продолжала жить, жизнь – мыслить.

И еще об ученичестве, вернее, о сыновстве скажу. Подобные публикации рисуют важнейший сюжет, без которого не обойтись любому времени, в том числе и нашему: тут вспоминается Рембрандтов коленопреклоненный силуэт и – на переднем плане – убедительно-грубые ступни, подошвы ног, натруженные в бессмысленных странствиях.

Мы, блудные сыны, многое должны нашей культуре и дать и вернуть.

7 Б. Пастернак. Доктор Живаго (Новый мир, №№ 1–4, 1988).

521 Стихи (Юрия Живаго) не *украшают* и не *исправляют* прозу, на взгляд трезвый неудобоваримую, они *вырастают* из нее, ее дооформляют и, след., *итожат*. Рассудить справедливее – не приспели у меня слова.

11 П.А. Флоренский. Из воспоминаний (Литературная учеба, № 2, 1988).

522 Боюсь пока, не готов, не способен утверждать, какие достижения из духовного опыта о. Павла я сам, можно сказать, уже усвоил, а какие еще только приеволю (или отрину) впредь, какие новые обрету *есть* («есть неизбежное, которое выше всех»; «символ есть символизируемое») и какие – *нет* («острая ненависть к эволюционизму, к этому вторжению в мир дурной бесконечности»; «не просто непризнание психологизмов и духовного мления, а внутренняя враждебность к ним, почти физическое отвращение к нечеткому и мажущемуся»).

Знаю только, куда, к кому и зачем мне теперь следует идти на поклон.

14 П.А. Флоренский. Фрагмент из «Анализа пространственности...» (Социологические исследования, № 1, 1988).

523 Мне ли было не радоваться очередному тексту о. Павла, вынырнувшему из небытия, тем паче, что говорится в нем о столь великих и столь дорогих для меня материях, как *время* и *форма* (похоже, я еще не переболел своей *зомеридой*).

Однако никак не мог избавиться от жмущего в груди ощущения или предчувствия, – не к добру это обилие, этот избыток интеллектуальных и духовных радостей. *Много хорошо не бывает...*

– Через несколько дней пришла весть – умер Лосев.

29 Ф. Кафка. Замок (Иностранная литература, №№ 1–3, 1988).

524 Дочитывал этот, надо думать, важный и значительный текст скорее «по диагонали». Никак не могу нынче сосредоточиться, всё валится из рук. Да и сама дьявольская механика жизни слишком тошнотворна, чтобы еще зачем-то вчитываться в эти излишне-подробные пояснения к ней.

Июнь 1988

5 Ф. Искандер. О Марат! (Огонек, №№ 21, 22, 1988).

525 О, да, этот переполненный жизнью человек вызывает почти рефлекторную симпатию, – подобно играющему котенку под ногами у взрослых. Прекраснодушный, полнокровный подарок бытия.

10 А. Платонов. Чевенгур (Дружба народов, №№ 3, 4, 1988).

526 Здесь паровозы ходят «с *клокочущей* скоростью», солнце накаляется «от напряжения *сухого* терпения», а говорить иногда можно «*вторым маленьким* голосом»... Воистину *осуществительны* эти прилагательные у Платонова. А вся его проза тогда, можно сказать, *определятельна*? В новый век науки сдвинулись, смялись, переопределились старые категории мироощущения, и вот настоящий писатель нового века повторил примерно то же в литературе. «Чевенгур» надо изучать как «Новый Капитал», – не без трепета, тщательно, не опасаясь абстракций, и также *отправляясь* от жизни и жизнь стремясь *переделать*.

14 В. Гроссман. Жизнь и судьба (Октябрь, №№ 1–4, 1988).

527 Благодарно удержу в памяти и рассуждения о сходствах соцреализма и декадентства, и тонкое авторское понимание *диалектики времени* (всё уходит, оно остается; всё остается, лишь время уходит!), и гимн частной, «дурьей» *доброте* («в бессилии бессмысленной доброты тайна ее бессмертия»), и великолепную «формулу» для *справедливой войны* – нужно объединиться ради сохранения права быть разными, единичными... по законам моих записок, увы, должен окоротить еще длинный перечень.

Особым разрядом пойдут реконструкции идей «антиподов» (закон «всемирного национального тяготения», или иезуитские обобщения Каценеленбогена от хохмы «все стучат» до горделивой декларации «права на ордер»), еще отдельно – находки во славу российской словесности («Свадьба будет!» – перед боем ощущения; надпись «Госстрах» в небе сталинской Москвы; «кончилась сталинградская опупея»), еще особо – в романе люди действительно обитают, *живые они*, и Штрум, и Крылов, и Иконников, и женщины их любимые...

23 Е. Замятин. Мы (Знамя, №№ 4, 5, 1988).

528 ... А мы это предупреждение так и не получили *в свое время* – и время было потеряно, и утерян был верный ориентир, и место живого «я» заступило беспросветно-пустое «заединство», для которого, воистину, «свобода и преступление неразрывно связаны». Теперь вот почесывайся... Литературная аллюзия: выходит, читая «Игрек минус» (п. 399, в том же «Знамени») фээргэшного автора, два года назад расточал восторги свои не по адресу, да и с большим опозданием. Уж Г. Франке наверняка читал *нашего* Замятина, а писал текст если и не *под него*, то, несомненно, *вслед за ним*.

Июль 1988

1 *Вс. Иванов.* Медная лампа (М., 1984).

529 Когда прошлое не восстанавливаемо, но любимо, не внешне, но душой (нутром) хранимо, не «их» оно, но «наше», подобный жанр прямо-таки физиологически необходим, как жизненное отправление для здоровой культуры. Даже не особо надобна категория *точности*, скорее сгодится *искренность*.

2 *С. Семенова.* Семья идей (Знамя, № 3, 1988).

530 ... Глаза брататых мудрецов / Ночным полям России / Звездами светят / Вглядись¹³⁸.

14 *В. Шаламов.* Из «Колымских рассказов» (Новый мир, № 6, 1988).

531 Верующих в Бога очень занимает, даже мучит теодицея. Так и социализм необходимо нуждается в оправдании зла? Шаламов его *не дает*.

20 *А. и Б. Стругацкие.* Отягощенные злом, или Сорок лет спустя (Юность, №№ 6, 7, 1988).

532 Насборёно, узелков много, швы неровны, – не сознательно ли, дабы указать на воображаемый мосток промеж вечно-булгаковским миром и нашим сегодняшним временным обиталищем. А ведь много гаже – «на самом деле», когда некуда смыться.

25 *Н. Кастере.* Моя жизнь под землей (М., 1974).

533 Сложу-ка вместе то небольшое из собственного опыта путешественника (возьму – из давнего – крутизну обрывов на берегах речки Сарьи да – из недавнего – цокот каблуков по металлическим тропам Нового Афона), потом в ту же шапку вытряхну богатую добычу от «короля спелеологов» – и теперь, поворошив и встряхнув, буду созерцать и радоваться, мысленно вытягивая то или сё...

28 Чернобыльский репортаж (М., 1988).

534 Фотоальбом – что-то вроде привета дальним потомкам нашим, чтобы те не изводили себя в домыслах, глядя на древний Саркофаг, чтобы не

¹³⁸ С автором этой, думаю, блестящей статьи, основателем современного «федоровского» движения *Светланой Григорьевной Семеновой* (23.08.1941–09.12.2014) я довольно близко познакомился в конце 90-х годов. Примерно тогда же – и с *Настей Гачевой*, ее талантливой дочерью и преемницей в деле продвижения (вперед и вверх) «русского космизма». А запись в п. 530, рожденная под настроением интеллектуального и (больше) эстетического восторга от прочитанного у С.Г. Семеновой, весьма знаменательна для моей собственной «поэтики»: здесь в зачатке дана одна из форм будущих *Exempla*. Следующая запись в том же стиле будет уже вскоре, – см. ниже, п. 552.

фантазировали как о сфинксах и пирамидах египетских, а еще – чтобы не думали о предках слишком уж отвлеченно или возвышенно.

– А, то произошло в смутную эпоху краснойбайства и благих намерений. Тогда вовсе разучились жить одним днем, а планировали пятилетками и совсем не задумывались о столетиях (периодах полураспада), – решат они.

29 Хлебников. Дети выдры. Зангези.

535 «Ежели скажут: ты бог, – Гневно ответь: клевета, Мне он лишь только до ног! Плечам равна ли пята?» Это *самоопределение*, как и другое – «остров высокого звездного духа», или эпитеты с размахом («волосатый реками»), или «заумные» формулы («этавель задумчивой тайны») наш Велимир воспринимает, во-первых, буквально – «нет, не бывает у бури кавычек!», во-вторых, безо всякого примитивного яканья, одаривая читателя своим главным открытием: любой человек простёрт много дальше нелепых границ индивидуального (конечного) тела.

Август 1988

5 Фламенка.

536 Вроде бы, за собой позвала экзотика – пиры, турниры, эстетика просвещенного вассалитета. Нашел же ошеломляющий по глубине и точности психологический дневник любви. Обязательное еще *NB*: если средневековая культура Индии дала мировой культуре сверх-слово «оум», то средневековая Европа не подкачала со своим безразмерным «увы!».

24 В. Орлов. Аптекарь (Новый мир, №№ 5–7, 1988).

537 По законам музыкальных чудес выстроена эта fuga на тему: «Никогда и ничего не просите!» С того достопамятного майского заката много воды утекло, а булгаковские лейтмотивы по-прежнему остаются любезны слуху нашему.

29 П.Г. Паламарчук. Современные московские сказания (из сб. «Чисто поле»).

538 Чем более эмоционально и углубленно отношение к истории, тем ощутимее *дыхание мифа*, да? Полное погружение, то бишь упразднение дистанций пространственных и зияний временных тождественно тогда язычеству нового типа – так, что ли? – Может быть. Только эти мои наблюдения интеллектуального плана (о литературных, о *слове* – особ сказ) не вполне светлы. Стесняет и беспокоит меня явная недоговоренность «сказаний». Или до-, вы- и с-говариваться сподручнее на публичных сходах того же общества «Память»?

31 Мольер. Тартюф, или Обманщик.

539 Отношение к «дарителю всяческих благ» сохранено здесь за *чертой* критики, зато *остальному* лицемерию и притворству дана изрядная

трепка. Прилагая наши нынешние мерки ко временам Мольера Единственного и Людовика Очередного, начинаешь понимать, как мало все-таки меняются люди. (*A propos* вспоминаю сюжет «После демонстрации» – фото в одном недавнем «Огоньке»: негативчик там в одном только месте чуть-чуть подправили).

– Взвесьте мне, пожалуйста, граммов двести искренности. И кусочками порежьте ...

Сентябрь 1988

3 *Лермонтов*. Демон.

540 «Без руля и без ветрил...» Занявшись разбором «Стихов о неизвестном солдате», отрядил экспедицию и в это русло словесности, и за этим течением слов. А стечение душ? – Увы, я могу, оказывается, долго жить без стихов Лермонтова.

5 *В. Набоков*. Пильграм (Вопросы истории естествознания и техники, № 2, 1988).

541 Обычно оно серенькое и тоскливое, порой в ласковых девичьих кудряшках, совсем редко лазурное дочиста – одно, первое наше небо. Еще бывает «другое» (Х. Кортасар) или «второе» (Мандельштам заклинал «оба неба с их тусклым огнем»), – разве что прекрасные бабочки слегка нарушают вечную чистоту и прозрачность его. То видно всякому, это даровано свыше и, конечно, *не за так*. Цена такого узрения – жизнь.

6 *Шеллинг*. О мировой душе...

543 Сказать, что встреча потрясла – сказать... скабрзность, что ли¹³⁹. Ясно понимаю, что эмоционально избыточное чтение еще не сравнимо с избыточным интеллектуально, а заведомо разные «уровни удовольствия» лишь в редкостные мгновения могут совместиться. – Так что, дорогой мой В.П., с Шеллингом вас!

15 *Н. Карамзин*. О древней и новой России... (Литературная учеба, № 4, 1988).

544 Так вот же *учебник любви к Отечеству*. Величие и право подлинного интеллигента дает возможность уже сегодня «сказать, что... некогда скажет История». Тогда как другое «величие», скажем, сановное, подобных замахов на время не доставляет и не позволяет.

¹³⁹ Впечатление было, действительно, значительное, до сих пор о нем иногда припоминаю. Да к тому же сохранился и объективный свидетель того состояния – именно, тут случилась элементарная ошибка в общей нумерации записей (должен был быть п. 542).

Сохраняю этот примечательный сбой, тоже для памяти.

23 Бунин. Жизнь Арсеньева.

545 Лик Природы, уловленный зеркалом языка, пейзаж акварелью слов – и рядом самоанализ до исчерпания крайних возможностей души. Наверное, памятование о прежних мечтах в соседстве с реальной (актуальной) безнадежностью и создают общую особинку «Жизни». Чтобы так доподлинно писательствовать, нужно... доподлинно жить.

Октябрь 1988

1 Э. Ильенков. Космология духа (Наука и религия, №№ 8, 9, 1988).

546 Не с руки тут придирается и думать, к примеру, будто Эвальд Васильевич так и не осилил даже школьную логику (*если* мир однажды остынет и этому *будет предшествовать* гибель разума, то, выходит, *post hoc ergo propter hoc*). Нет нужды и в какой-нибудь скучной «ученой» критике – эта «космология» просто не пересекается с ней, хотя и выстроена, по-видимому, согласно всем позитивистским уверткам. Здесь видится *другое*: некий философский сон о грядущем ведении.

24 А. Жигулин. Черные камни (Знамя, №№ 7, 8, 1988).

547 Знобкое чтение и ощущение от него: а ведь когда эти ребята испивали из горьких чаш – полной мерой – ведрами хлебали – *парашами*, – я уже жил на белом свете! Что-то холод за спиной не дает согреться у сегодняшнего костерка.

26 Б. Тарасов. Чаадаев (в «ЖЗЛ», М., 1986).

548 Несовпадение, неслияние с окружением, обществом, временем своим редкостно и трудно. Уже потому неблагоприятна задача (Б.Н. Тарасова) толковать «для всех» о том, как больно живет одному «нестатистическому выбросу». Однако судьбы, подобные «чеодаевой», нужны каждому – только не для мерки сравнения, не для указания собственного (по чину) импульса, – нет, по причине энергийной.

Ибо культурная *рознь* равна *движению*.

29 А. Аджубей. Те десять лет (Знамя, №№ 6, 7, 1988); С. Хрущев. Пенсионер союзного значения (Огонек, №№ 40–43, 1988).

549 (Чувствую, тянет меня на занудства, да уж ладно – последний разок... или предпоследний). Человеческую историю творят не титаны и не на глазах небожителей. Мне более понятен лишь один суд, суд людской – он и страшный и прощающий одновременно, если только простить будет... по-людски.

Я прощаю Никите те долгие хлебные очереди, что когда-то пацаном отстаивал, сопли утирая. Прощаю за один-единственный – но удивительный, храбрый, ко всей его жизни *дополнительный*, – выход на трибуну XX съезда.

30 А.Ф. Лосев. <Фрагменты о стиле. По сб. «Контекст-75» и «Литературной учебе», №№ 1, 4, 5, 1988>.

550 Две нерасторжимые, неразрывные стороны есть у нашего мира – лики и лица, горнее и долнее. И эту вселенскую двусторонность приходится нам, человечеству, отображать в своем искусстве. Символ – сияние славы над вещью, стиль – над человеком. Вообще *claritas* и *дѡѡа* – видимо, объекты самого пристального интереса Алексея Федоровича.

Ноябрь 1988

15 Аполлон Григорьев. *Venezia la bella*; Вверх по Волге (из сб.: «Одиссея последнего романтика»).

551 Это важнейшее самоощущение (ведь он: *в ряду – последний*) не соответствует ли, не производно ли – беру в обострении – от «шестого» чувства времени, чувства его хода? У тебя *были* предшественники, точно не известно, *будут* ли потомки, а сам ты, здесь и сейчас, суть явленное, живое, осуществленное *теперь*: ты, человек *преходящий*, изоморфен именно времени, ибо несешь на себе главное его свойство – его текучесть, его уход. *Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!* – А роковые они, кажется мне, всегда и для всех поколений.

22 В. Ходасевич. Державин.

552 Так примеряют позабытую перчатку И входят в дом где лики с желтых фото Глядят устало долго ждали сына Так пишут строки позднего преемства Концы смыкаются в начала Цепи бессмертья звенья.

Декабрь 1988

3 М. Анчаров. «Козу продам...» (Студенческий меридиан, №№ 4, 5, 1988).

553 Оказывается, культура теперь успешно укрепляется собственным охотатыванием, в литературную поэтику уверенно вошла хамовитость, а вместо прежней урбанизации прочат в помощь едва ли не первобытное собирательство, на худой конец, подсечное земледелие... Так со двора уходит XX век – подлинные сумерки Просвещения.

4 Вирджиния Вульф. На маяк (Новый мир, №№ 9, 10, 1988).

554 Возьми и сложи тычки обстоятельств, обид затмения, тупики умствований, любви просветления и прочее непредсказуемое (из длинного перечня), сложи – увидишь, они сливаются именно в то единственное и единое, что пылающим угольком «чертят мальчики в потемках».

Не знаю, кто еще сильнее В. В. чувствует (и внятно трактует) этот феномен *бессознательности сознательной (рефлексируемой) жизни*. Может быть, только Антон Павлович? Помнишь «смешной» лейтмотив из «Трех сестер»?

5 В. Короленко. Письма к Луначарскому (Новый мир, № 10, 1988).

555 Ах, если б да кабы!.. Если бы «новаторы» могли слышать голоса «архаистов», мы историю резюмировали бы просто и нейтрально: «с тех пор много воды утекло». Увы, не могут! Потому приходится добавлять: «... но еще больше – крови».

10 С. Аверинцев. Византия и Русь: два типа духовности (Новый мир, №№ 7, 9, 1988).

556 Не считаю себя совсем уж серым и уплощенным, но таки пришлось напрягаться, дабы уловить некоторые авторские интенции... Вправду, тяжело постигать, как относились к *Богу и Власти* когда-то давно, и одновременно трезво понимать, что сам ты, увы, рос и вырос с поколением, которое относилось к этому... *почти никак*. В *ином* типе духовности.

11 А. Боровик. Как я был солдатом армии США (Огонек, №№ 46–49, 1988).

557 Ну, не знаю, как там у них (вряд ли всё главное и важное Артем Генрихович успел заметить), а у нас в армии – и окрест в Отечестве нашем – владычествуют *Авось* да *Неведомёк* да *Так точно-с*. Не святая троица.

13 Достоевский. Двойник.

558 Память досаждаёт надоедливый мотивчиком из средневекового фарса о Пьере Патлене: «Я – это я? С чего вы взяли!?!». Прошествие нескольких веков событий сугубо внешних нисколько не притупило остроты драмы внутренней.

У Достоевского она разыгрывается на подмостках фантастических размеров: размером аккурат в одну человеческую душу. Разве только чуть подновлены ветхие декорации, сам-то спектакль стар, может быть, даже извечен.

18 Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (Новый мир, №№ 8–11, 1988).

559 Мысль на челе палача... ей богу, одним своим видом убивала бы, не живи веселые бесенята в глазах жертвы. Где заводятся жрецы, там быть и ведьмам, есть место и скоморохам – таков закон равновесия в мире. Смех – оружие слабых и нуждающихся. Смех нужен самой природе человека.

20 Олдос Хаксли. «О дивный новый мир» (Иностранная литература, № 4, 1988).

560 – Бр-р-р... А мы-то *что* нынче строим? От культа личности Одного до культа личности Любого неужто путь наш лежит через культ Наличности? Долга ж тогда канитель ожидается!

24 *А. Адамович*. Последняя пастораль (Новый мир, № 3, 1987).

561 Читывало человечество и Ветхий Завет, и Новый, вдруг это – страницы из Опоздавшего?

Январь 1989

6 *А. Лосев*. Дерзание духа (М., 1988).

562 Очень и очень чесались руки написать «рецензию» (чтоб восклицательных знаков – через строчку) и отослать ее в «Знание–сила» – и там вполне могли бы принять, – но не дерзнул, не одолел себя.

Рискнул содержимым кошелька, закупивши штук 15 книжиц, чтобы затем *миссионерствовать* направо и налево, нашим и вашим...

20 *Игорь Северянин*. Громокипящий кубок.

563 Долго не пришлось искать стиха для «само-формулы» поэта: *Сарказм ее сиятельства из сэвра*. В столь плотной упаковке вместились едва ли не главные интенции авторского слова: изысканное содружество звуков, царственное «э» и ощутимая отстраненность, дистанция от читателя.

P.S.: насколько удачно выхвачена эта строчка, сам не сразу сообразил, сравнив: *с-э-в-р-а* и рядом *с-е-в-е-р-я* (-нин).

21 *А. Никитин*. «Лебеди» великой Степи (Наука и религия, №№ 9, 10, 12, 1988).

564 Представляю, как снова достанется писателю за своеволие и самодумство, как опять жрецы-охранители «Слова» поволокут цитаты на костерок... Bravo, Андрей Леонидович!

28 *М. Кураев*. Ночной дозор (Новый мир, № 12, 1988).

565 Глас *повествующий* уже хорошо узнаваем и многожды слышим, разве что теплые интонации в монологе того же «упыря» еще могут поразить слух. Глас *поясняющий* – во многом, новость. Новость из старинного ряда упований – отыскать истоки зла, вернее, зримые их проявления. Рефлекторно тянет перечеть «Петербург» А. Белого.

31 *М. Булгаков*. Белая гвардия.

566 Гераклитовой максиме «панта реи» аттическая мудрость противопоставляла – равно-прочно! – мир идей, божественных в постоянстве и совершенстве своем. Противопоставление – на всю античность.

С тех пор что-то, видимо, перекошилось во вселенской машине, ибо гранд-оппозиция эта выглядит иначе: островок тишины и культуры (с ее идеализмом и прочим эфемерным) может уцелеть теперь только за хрупкими *остекленными* дверями или за легкими *кремовыми занавесками*, когда рядом на улице стреляют вовсю, – белое красным кропа.

4 Гильберт Честертон. Франциск Ассизский (Вопросы философии, № 1, 1989).

567 Допустим, что нет «в натуре» Всеведущего Седобородого Сидельца на облаках. Нет – *такого* именно *Кто*. Что же тогда есть? Что непрерывно жило, по меньшей мере, тысячу лет *до* и тысячу – *после* «фанатика в буром балахоне»? И чего именно лишается и начисто лишен атеист в греховном своем отрицании? Честно будет сознаться: не знаю, не умею сказать. А узнаю? Почувствую? Доживу?

8 В. Пьецух. Новая московская философия (Новый мир, № 1, 1989).

568 Кто б подсказал автору, что с алгебраической и теоретико-информационной точек зрения *новость* несут любые искажения и упрощения относительно оригинала. У него здесь таково гомоморфное отображение одной области культуры (русской классической) на другую (русскую профанную). Но подобных новшеств-трансформаций вообще-то принято стыдиться. – Детективная часть повести куда заметнее философической.

16 П.А. Флоренский. Автореферат; *А.Ф. Лосев.* Эрос у Платона (Вопросы философии, № 12, 1988).

569 Самые незначительные или странные совпадения освящаются и освещаются (высвечиваются) любовью. Вот и здесь – случай: каприз времени свел на смежные страницы (от основания своего пустого и занудливого и не для меня доселе жившего, чужого) журнала столь дорогие имена, и я уже отыскиваю знаки вечности, следы перста судьбы... Или – *Тень Птицы*.

20 И. Бунин. Тень Птицы.

570 И эти сцепления кириллических начертаний вечны. На них пала тень великого Творца. Чья – его или Его? Может быть, в редких (бунинскому подобных) случаях различать это и не нужно?

21 Е. Замятин. Наводнение (Огонек, №№ 6, 7, 1989).

571 Уголовная хроника, для заработка сработанная мастером эпического масштаба? Краткий иллюстрированный курс психопатологии? Сознательная полемика с соловьевским «Оправданием добра»? Тщательно сокрытая притча о революции?

23 В. Шефнер. Годы и миги (М., 1986).

572 Легко убедиться, что многие из этих стихов так и просятся на музыку, – сам без особого труда переписал их несколько, имея в виду знакомого гитариста. Но звучит ли это похвалой? Даром ли ни одной песни на стихи Шефнера, кажется, нет. Загадка. Или подлинно музыкален какой-то иной пласт нашей культуры, скажем так, интимно-народный? Шефнер *излишне интеллигентен*, что ли?

24 А. Мосякин. Продажа (Огонек, №№ 6–8, 1989).

573 Только и остается, что в бесконечном повторе и полубомороке бормотать «Боже мой» (увы, для облегчения не могу грязно выругаться – а надо бы). Было же: грош цена – жизни любого человека, в копейку пошли и высочайшие шедевры художественного искусства России и Европы, и всё... ради идеи?! – Голая идея, пожравшая всю без остатка материю – не в сути ли она большевизма?

27 Г. Владимов. Верный Руслан. История караульной собаки (Знамя, № 2, 1989).

574 Крутой получился замес: продолжение традиций «Холстомера» и, одновременно, Свифта плюс исчерпание до дна известного фразеологизма насчет «собачьей жизни» плюс намеренное перенесение публицистики и социального анализа на свободную, не зашарканную предшественниками зону выразительных форм. Сильно!

Март 1989

9 Е.П. Иванов. Меткое московское слово (М., 1982).

575 Прочсть одним махом было бы предосудительно, я и прикладывался-то по чуть-чуть да натошак... Намеки насчет дозировки, думаю, соответствуют ситуации, если подобные печатные труды принимать как «витамины», как средство, скажем, от выпадения памяти либо для согрева крови.

16 <Фрагменты «Розы мира» Д. Андреева> (Новый мир, № 2, 1989).

576 Память безжалостно напомнила интонации и тональности из статьи «О суеверии», еще молодого в ту пору П.А. Флоренского. Заодно вспомню и тогдашнюю свою растерянность по прочтении ее. Теперь-то уверен (уверился) хотя бы в том, что *не-научное* не есть *не-сущее*. Дальше идти до сих пор боязно?

23 <Переписка Тургенева и Виардо, в сб. 1988 г.>.

577 Грядущему более всего достаются вещи. Личность же – объективно, как вещь – в конце концов исчезает, а что остается? Личность, конечно, может отчасти *воплотиться* в тех же вещах (в письмах, к примеру), но речь, конечно же, не о том. Сбережению личностей больше всего способствуют как раз *отношения* личностей! У вещей, прежде всего, сохраняются свойства, у личностей – отношения... [Не вполне кстати вспоминаю свою несчастную «матрицу отражения» и ее базовые понятия].

– Отложу на-потом эту философическую заготовку. Ибо, полагаю, совсем для других нужд человечества прихотливая судьба так исстаралась, дав полюбить тем двоим друг друга.

28 В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (что в «Юности»). Часть 1.

578 Смеялся, злился, соглашался, – и читал, не в силах бросить. Еще думал: рассудок противится заглядывать в будущее Руси после всего того, что миновало ее, вернее, мимо чего пронеслась она по птичьим делам своим – куда, неведомо.

Год – 64 (5, 33)

Апрель 1989

1 Л. Разгон. Непридуманное (Юность, номера 1988–1989).

579 Если не привираю, Юрию Олеше принадлежит идея гениального нововведения в гениальной же игре в шахматы: когда угодно и какую вздумается жертву может «съесть» фигура, неизвестно почему появляющаяся и неизвестно где укрытая – Дракон. Похоже, царство этого, казалось, ирреального зверя и было уже на деле, и не за тридевять земель – у нас, у нас.

5 Парнас дыбом.

580 Конечно, если есть экспериментальная и теоретическая физика, чем хуже литературоведение – и оно тоже должно быть о двух лицах. Да и сама литература... Как водится, в карикатурной обрисовке явственнее проступает сермяжная правда писательства: лишь новое оформление старых тем. Или даже одной-единственной темы, но тогда уж точно – вечной?

16 Новеллино.

581 Впечатление было таково, что я тут же стал строчить (в отдельную тетрадочку) тексты под рубрикой «Армейские хохмы». Заражает этот напор полнокровной жизни, парадоксальным образом доносимой – сюда, через века – всего лишь шепоточками да хохоточками.

21 А. Найман. Записки о Анне Ахматовой (Новый мир, №№ 1–3, 1989).

582 Молилась слову, искала его, давала ему жизнь – в счет своей жизни. (Как бы ни относиться к апологетической лит-продукции... Записки доносят-таки главное – ответ не быта, но бытия, не жизни – жития, жития души высокой).

Май 1989

15 Стенограмма Октябрьского (1987) Пленума ЦК КПСС (Известия, № 2, 1989).

583 То, о чем *вполне дипломатично* (и вполне косноязычно) выказал сомнение Борис Николаевич Ельцин, теперь любой встречный может сказать без опаски, искуснее и с *большим* знанием дела. Прошло *очень много* времени. Это нормально. А поражает в этом важном документе «времен перестройки» то, как полярно выглядит стилистика речей многочисленной

«защиты» и слабенькой «оппозиции», и по-прежнему даже страшит сама слитость яростного хора мужей перестройки, хора громкого безгласия.

18 Н. Лесков. Соборяне.

584 К проблеме понимания. Чтение подобных текстов – что подглядывание сквозь анфиладу замочных скважин. Во-первых, подглядывать всегда не слишком хорошо, во-вторых, каждая щелочка множит потери, урезая свою толику оригинала. Где уж тут испытывать эстетическое удовольствие!

21 Джордж Оруэлл. 1984 (Новый мир, №№ 2–4, 1989).

585 Сам-то черт, может быть, и не страшнее, чем его малюют, да есть заковыка. Холст с картиной можно ткнуть лицевой частью в дальний угол, книжку – захлопнуть на любом месте, а куда спрячешь повседневную чертовщину этого *промежутка*, что так долго и больно длится: 1989...

23 С. Каледин. Стройбат (Новый мир, № 4, 1989).

586 Продолжим проходить курс истории и этнографии... новой общности людей – советского народа (обязательно без кавычек!). И это, увы, тоже про нас, тоже сушая (существовавшая) правда.

26 А. Авдеенко. Отлучение (Знамя, №№ 3–4, 1989).

587 Сталин, Горький, Фадеев, Стаханов, Беломорканал, Индустриализация, Великий Перелом... Имена и факты, получается, живут как-то сами по себе, в своем «инферно», а до нас они, словно метеоры или кометы в ночи, долетают редко, ненадолго и малой своей частью. – А легкомысленная веселость «совписов» на той гулаговской экскурсии воистину inferнальна. «Канальчики граненые»...

31 Рой Медведев. О Сталине и сталинизме (Знамя, №№ 1–4, 1989).

588 ... А когда метеоры прут косяком, тут любому станет жутковато. Впрочем, есть же умельцы даже на метеорных потоках делать что-то полезительное, вроде сверхдальней радиосвязи. Р.М. – такой вот умелец?

Июнь 1989

2 Ю. Поляков. Апофегей (Юность, № 5, 1989).

589 Всё это порядком надоело, и гранд-словечки из оценочных реплик надоели... Запахами прошлогодней квашеной капусты, или пыльной ковровой дорожки, небрежно скрученной и в углу забытой – пахнуло.

Июль 1989

10 К. Икрамов. Дело моего отца (Знамя, №№ 5, 6, 1989).

590 Даже кровно (и в генетическом смысле тоже – кровно) заинтересованный и потому настырный исследователь все-таки пасует перед

страшной психологической загадкой тех «процессов». О, если бы речь шла только о тупом злодействе!..

12 Г. Федотов. Историческая публицистика (Новый мир, №4, 1989).

591 Реплика к статье первой: да, грядет второе пришествие античности (гармония, идеализм), чую ветры и с берегов Инда (или Иордана? – всеединство, духовность), – то и это в синтезе, осуществленном русской мыслью. Конечно, если раньше не нагрянут варвары...

Ко второй статье, выражаясь в форме *Grundfrage*: возможна ли свобода без (или от) Бога?

15 М. Влади. Владимир, или Прерванный полет (М., 1989).

592 Ее сквозное «ты» происходит, конечно, не только из старинной притчи о двух любящих (Стук в дверь. – Кто там? – Это ты!), оно – из недр народной традиции плача: «И на кого ж ты меня покинул, родной!». Немного театрально, ибо прилюдно, но и от сердца тоже – иначе выходил бы не плач, а книжная, так скажем, мемуаристика.

20 Нина Андреева. Не могу поступаться принципами (Советская Россия, 13 марта 1988).

593 Не поленившись, перетряхнул у матушки (и бабушки) Лены все старые газеты, дабы отыскался сей раритет, или уже братъ выше – памятник истории. Подумалось: не с похожим ли любопытством и, вместе, болью разглядывают только что отсеченный палец – и свой и чужой одновременно?

21 Варлам Шаламов. Из «Колымских рассказов» (Знамя, № 6, 1989).

594 А он не хочет поступаться виденным. Да-да, не принципами поступаться, а именно фактами.

29 И. Дьяконов. Киркенесская этика (Знание – сила, № 6, 1989).

595 Физикализм (даже не позитивизм) молодого офицера, будущего большого ученого, оказавшегося один на один перед лицом хаоса, очевиден. В этическом трактате Дьяконова самая ответственная аргументация строится на базе незыблемых принципов (наименьшего действия, неопределенности, задачи трех тел, одно-направленности «стрелы» времени), потому и вместо итоговой точки у него – в точности термодинамическое понятие.

Вряд ли это так уж неожиданно, ибо давно уже этика стремилась к благоустройству согласно немногим евклидовым аксиомам, вспомним Спинозу.

Но так – по форме, «по системе». По содержанию же сама этика не остается ли неисчерпаемой, пока выбор и поступок предстают индивидуальными и осуществляются по наитию, или по благодати?

31 *Анатолий Ким.* Отец–Лес, роман-притча (Новый мир, №№ 4–6, 1989).

596 Кроны наши по видимости порознь тянутся к дневному светилу и, как кажется, в одиночестве тонут среди ночного мрака, корни же едины и не знают розни. (Явственная *философия леса* оставила следы как в поэтике, так и в стилистике романа).

Август 1989

2 *А. Солженицын.* Матренин двор (Огонек, №№ 23, 24, 1989).

597 Будто специально, фоном этому чтению выпали «Праведники» Лескова (нынче неспешно их штудируем). Совпадения и ассонансы только подчеркивают дистанцию: русского классика можно хладнокровно изучать, с Матреной я живу вместе в одном времени, хоть и не рядом, живу – и кричать хочется. За отчетный век Россия не преуспела в обретении добра.

3 *Г. Медведев.* Чернобыльская тетрадь (Новый мир, № 6, 1989).

598 Читал и примерял к собственному опыту, сравнивал с окрестными очерчениями личностей и порядком вещей, даже отважился на прогнозы в собственной профессиональной сфере, и... стало тошно, конечно.
(*оттук – нп. 590–598*)

7 *Серж Брюсоло.* Подземка. (Фрагменты для философии метро) (Студенческий меридиан, № 7, 1989).

599 Где лежит граница между мыслью и безумием? Не ее ли мы пересекаем, ступая уже на первую ступень эскалатора? Или произнося первое же внятное слово? Или граница всегда рассекает самой твою душу, давая ей, тем самым, подлинную жизнь? Или, отнюдь, приближая смерть?

25 *Л. Габышев.* Одлян, или Воздух свободы (Новый мир, №№ 6, 7, 1989).

600 Кому – только пахнуло, а мне – садануло в ноздри смесью мочи, спермы, крови... Проблемы возникли, муки у тебя, говоришь? А *Лёхе Зуеву*, школьному твоему другу закадычному, каково было в своем Одляне-колонии – об этом ты не думал? Ты книжечки тогда почитывал про ускорители элементарных частиц, собирался стать физиком-ядерщиком, вроде как умнел всюю, всё рос над собой... Вот пусть теперь сердце поболит, *за долги*.

26 *Лев Шестов.* Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль) // Вопросы философии, № 1, 1989.

601 Я, смею надеяться, *уже* не «одержим разумом», и для меня «морской песок» никогда не перевешивал *на весах Иова*. Однако «древо познания» и «древо жизни» содержу-таки в одном саду, и там же, вместе, хочу поливать и возвращать их. (Спорю ли при этом с Шестовым?).

30 Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс (Вопросы философии, №№ 3, 4, 1989).

602 Чтение было – почти сплошь – воспоминание и узнавание родного, отечественного, исконно-русского. Там явственно обрисовались лики моих соотечественников, соседей по «малой родине», там зазвучали «монархические» интонации Марины Цветаевой, сям неволью припомнилась «формула интеллигентности» Алексея Лосева... И хотя вторая часть книги не особо понравилась, вынужден, да, снять шляпу.

Сентябрь 1989

5 А. Ремизов. Крестовые сестры.

603 Даже «Петербург» А. Белого не столь пронизан ритмом и волнами повторов, как эта проза. Вся сила художника, кажется, снаряжена на одну формулу, многократно варьируемую и возвращающуюся вновь и вновь: *человек человеку бревно*.

11 М. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман).

604 Культура нуждается в гениальных компиляторах. Одна такая фигура (в физике) мне точно известна – А. Эйнштейн. На гуманитарной ниве таков же, похоже, М. Булгаков. Во всяком случае, когда читал «Записки» и всё силился понять, от чьего имени – генетически – выступает «покойник», почему-то был заранее уверен, что найду *перво-исток*. Нашел: томик Вольтера, «Глава двенадцатая. Что думает Прекраснодушный о театральных пьесах». Да, Булгаков – *гений* несамостоятельности, *вторичности*.

15 В. Сидоров. Мост над потоком (Москва, № 4, 1988).

605 Открывать Индию, видимо, надо, настоятельно надо. А я не о мостах ругнусь, а о посредниках, на мост ступить взывающих. Так и сальный край платья священника не добавляет аргументов в теодицею.

19 А. Жид. Возвращение из СССР; Поправки к моему «Возвращению из СССР» (Звезда, № 8, 1989).

606 В свое время добропорядочные спецы по теории функций не могли даже помыслить существование «разрывных точек», пока не нашелся храбрец (Поль Дирак), введший δ -функцию в самую ткань, в само тело этой теории. Он узаконил бесконечные разрывы в непрерывном. Так вот (увиду культурные параллели и гомологии), своеобразные «дельта-функции» запечатлены и в путевых заметках «нашего французского друга». Аналогия продлевается неожиданно далеко: подобно тому, как любой студент-технарь небрежно выводит теперь δ -функцию в своих конспектах, нисколько не переживая метафизических потрясений, так и мы, нынешние, способны... благополучно возвращаться из СССР, да еще – *после всего пережитого* – жить себе да поживать, да добра наживать, да о будущем мечтать.

20 М. Кураев. Капитан Дикштейн (Новый мир, № 9, 1987).

607 Вроде получается, что живем мы (все?!) разве что в кредит, за счет кого-то ранее обделенного жизнью, либо даже убиенного... Рисуется жутковатая картина: двойничество государственного масштаба, глобальное общество теней, перевертышей и ходячих масок.

29 Р. Бах. Иллюзии, или приключения Мессии (Наука и религия, №№ 1–3, 1989).

608 Мировоззренческая, философская сторона повествования не особенно заинтересовала, ибо здесь не ощутил авторского самостояния. Запомнятся два-три эпизода из сконструированной чисто литературными средствами яви: самолет без заправки, вампир у костра, купание в землеце (после хождений по водам). В целом подытожу, что текст Баха вызывает к тому же, о чем много заботится Н. Гюрджиев, к примеру, в своих «стоп-упражнениях»: нельзя нам не искать границ человеческого естества!

Октябрь 1989

3 Ф. Искандер. Стоянка человека (Знамя, №№ 7–9, 1989).

609 Ах, как хорошо, как прицельно-точно уже название повести! Автор любезно отвел нас к тому знаменательному месту раскопок, где из-под пластов равнодушия и забвения сквозит сама душа человеческая. Душа – цвета исконной лазури.

6 Жизнь св. Иссy (Тибетское Евангелие) (Наука и религия, №№ 7, 8, 1989).

610 Яхве, Ягве, Иегова, Иешуа, Иисус, Исса... Эта будто бы самостоятельная жизнь имен не менее волнует, чем многочисленные «бытовые» или «исторические» свидетельства (за кавычки – отвечаю) многочисленных Евангелий, канонических и не-. Всё более влекут меня тайны и проблемы, связанные с имеславием и имеславцами¹⁴⁰.

9 Валерия Алфеева. Джвари (Новый мир, № 7, 1989).

611 Могу только искренне порадоваться (употреблена едва ли не бюрократическая или, вернее, дежурно-ритуальная форма высказывания), что такие тексты ныне имеют свободное хождение в моем Отечестве, но должен и посетовать (заявлено неформально, но в дипломатичной-таки форме), что до таких текстов я еще не дорос. Понять и принять – могу, а вот предьявить от себя примерно такое же – нет. Видно, еще мало жил плохо.

¹⁴⁰ См. выше примечание к п. 498 «Чтива», о первых приближениях к теме. Колебания в написании имяславие / имеславие четко фиксируются уже для исторических участников «Афонского дела», оставались они и после. Вслед за А.Ф. Лосевым я стал придерживаться формы с *имя-*, когда настала пора собственных научных публикаций, – лет примерно через десять после этих первоначальных «заходов».

20 Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина (Огонек, №№ 38–42, 1989).

612 Он побывал там. Адский огонь опалил его брови и скулы. Ранил ли его сердце – не знаю.

23 А. Платонов. Антисексус (Новый мир, № 9, 1989).

613 Тьфу!.. Еще можно было бы собрать в лесочке, на поляне (на ветерке-с) с пяток знаменитостей (на пробу: Платон, Августин, Маркс, Достоевский, Эйнштейн), авторской волею усадить оных рядком, по большой нужде, и пусть бы – на короточках, да и не спеша, – они обменялись бы мыслями актуальными, допустим, о запорах... Мерзко.

29 В. Мессинг. О самом себе (Наука и религия, разные номера за 1988–1989).

614 Намедни Платонов расстроил и даже обидел, Мессинг же просто разочаровал. Или так сильно просит нынче душа – хоть чуточку заоблачного, нетутошного, хоть взгляда на райское яблочко... Старею?

Ноябрь 1989

11 Э. Лимонов. У нас была великая эпоха (Знамя, № 11, 1989).

615 Много наблюдательности и борзости, больше сознательных нарушений литературного этикета (не жуя, глотает культуру большими кусками), меньше личных новаций в поэтике. Эдичка едок, едок Эдичка.

15 Б. Зайцев. Из воспоминаний (Сб.: Голубая звезда. – М., 1989).

616 Собственно проза Бориса Зайцева как-то не соблазнила, зато литературные *портреты*... Какая-то в них последняя, не требующая проверки и доказательств, предельная *верность слова*: «чувствовал с неким азиатско-буддийским оттенком» (Бунин), «барин, взявший все теплое и живое у мужика, леса, зари» (Тургенев), «его развязанное подсознание всегда стремилось в ночь» (Андреев), «где проходит, там пронесит свечечку свою» (Короленко). Жалко обрывать сей перечень красивых и точных «формул».

19 О. Ермаков. Афганские рассказы (Знамя, № 10, 1989).

617 Наша недавняя история не устает давать поводы и сюжеты для «новой прозы» (по Шаламову). К тому же афганское действие столь самодостаточно (= гнусно = трагично), что при всяком появлении лишних «кунштюков» и прихорашиваний читателя невольно подташнивает.

Декабрь 1989

5 Н. Клюев. Разруха (Огонек, № 43, 1989).

618 Великий Сиг еще, может быть, не умер, но в нашу речку больше не войдет. Больно резанула строчка о Владимире Маяковском и Сергее

Есенине: мол, смерть окончательно уравнила обоих поэтов, потому живущим ли пристало их рассудить?

Январь 1980

7 А. Боровик. Спрятанная война (Огонек, №№ 46, 49–52, 1989).

619 Что характерно: автор вовсе не тратится на аргументы и суждения про то, как в Афгане то-то и то-то было погано, он сходу пролетает дальше, ибо ему интересны только хорошие люди, их души на фоне дерьма (написал и дурацким *pendant* вспомнил свою пацанскую рифму «балет – туалет»: жизнь и быт скабрёзны и, одновременно беру, возвышены по определению, так что мне не должно стыдиться за ту наивную форму философствования).

24 В. Успенский. Тайный советник вождя (кн. 1).

620 С этим «документом» на руках будущему исследователю мифов XX века достанет много утех, будет много потехи. Пусть он, кстати сказать, и читает себе часть (или книгу) 2-ю, – меня ж увольте!

27 В. Тростников. Научна ли «научная картина мира»? (Новый мир, № 12, 1989).

621 Путь к богопознанию проходит через атеизм, в дополнении (пополнении) слабого познания мощью Откровения? И «непостижимая эффективность математики» все-таки постижима – в Боге? И наука ценна не сама по себе, а только ради мета-научной веры? И т.д. – А ты сам-то [вопрос не к автору, – это, надо понимать, у себя, родимого, я выпрашиваю] доколе будешь задавать столь же несамостоятельные и незрелые вопросы?

31 Венедикт Ерофеев. Москва – Петушки (альманах «Весть», 1989).

622 Пусть издание еще не каноническое (серия «Литературные памятники», уверен, не обойдется однажды без этого текста и восполнит, к примеру, загадочную главку «Серп и Молот – Карачарово»), мне уже есть о чем, для себя, судить. Только упаси Боже «каламбурить» насчет *пития*, которое *определяет сознание...* – Не смешно. Ибо не только без смеха, но и без тени иронии кончает свой опус В.Е. *Похмельный синдром* – может быть, так вернее всего определяется самочувствие моего Отечества нынче.

Февраль 1990

2 Житие Евфросинии Керсновской (Огонек, №№ 3, 4, 1990).

623 Почему не приходится насиловать эстетическое чувство, глядя на эти, казалось, типичные комиксы? Что притягательного в страшненьком кубике опилок (блокадная пайка) или обтёрханном клочке желтой и грязной бумаги (письмо зэка)? Потому что, наверное, есть эстетика *быта* и эстетика *жизни*, далеко не совпадающие между собой, – о первой можно строить

всяческие теории и предположения, вторая же противна всяческой вербализации. Как вещь для себя.

7 Д. Стейнбек. Русский дневник (Знамя, № 1, 1990).

624 Сначала какая-то неувовимо-интимная близость повествования просто доставляла удовольствие, а потом, к концу чтения меня чуть было не повлекло к выяснению-несуточных-отношений-с-текстом (так скажем): я бы и сам пользовался именно этой не-ранящей, прощающей, приправленной сдержанным юмором прозой, доведись мне одолеть прошедшие десятилетия вспять, ежели было бы мне дано увидеть свое *до-рождение* и о нем рассказать.

Мне нужна «машина времени», Стейнбеку понадобилась «машина пространства», – вот и вся разница. Удивительная, право слово, весть пришла из этого *до!*

21 В. Войнович. Иванькиада <...>.

625 Сей казус, масштабом с ноготок, символически представляет абсурды и смыслы целого континента, взятого с размахом от Бреста до Чукотки – *Страны Ивана*. И не нашел в себе сил обижаться за некоторые слишком «широкие» обобщения, в том числе и в заголовке заметные.

23 А. Житинский. Типичный представитель (Звезда, № 1, 1990).

626 Что же, коли чтение (всегда?!) суть род заглядывания в некое универсальное зеркало и неизбежного узнавания в нем себя, – приходится не забывать, что на зеркало нечего пенять...

Март 1990

9 Дитрих Бонхоффер. Спротивление и покорность (Вопросы философии, №№ 10, 11, 1989).

627 Так в мое лоскутное, провалами израненное, неукорененное бытие ворвался еще один ветер, – о, если бы он только ерошил волосы... Я ли виноват, что к своим сорока годкам еще не ведаю толком, куда клонюсь, куда расту, где восход и где заход светил моих, что или кто мне светит?

9 С.Ф. Ольденбург. Жизнь Будды (Наука и религия, №№ 1, 2, 1990).

628 Дозволяя себе затронуть лишь форму, лишь *некоторые принципы* изложения, должен заметить, сколь безошибочно выбрана здесь главная интонация: совсем не важно, жил ли Будда исторический, ибо вполне реален Будда легенды, и потому важно бережно хранить миф и передавать его во времени, тем поддерживая (поддерживая – не фигурально!) существование персонажа.

Миф есть, по сути, самодлящееся, из-глубины-непрерывное, самоподдерживающееся *семиотическое существование*.

10 *Лоренцо Валла*. Об истинном и ложном благе.

629 Конечно, из троих собеседников всего симпатичнее Веджо. Даже неизменно раздражающее меня много- и красно-речие возрожденцев не может испортить главное впечатление. Похвала *наслаждению* – громко тикающая бомба замедленного действия, бомба под всякой схоластикой и шаманством, будь то постно-лицее «христианство» или столь же пуританствующий «социализм». Кавычки здесь обязательны, их не придется употреблять, когда голоса Веджо, Катона и Антонио, наконец, сольются в искомом согласии.

11 *Исикава Такубоку*. Дневник, написанный латиницей.

630 Составители нового сборника «Восток – Запад» предполагали сопрячь (скажем так, в пространстве духа) дневники Тургенева и Такубоку, я же пока повремено пользоваться услугами поводырей и сделаю свое сопряжение. С собой, – сегодняшним. Приобретение не особо радует, ибо оно лишь подтверждает уже давно мне ведомое: самая всеобщая вещь – *одиночество*, а самое недостающее и недоступное – это подлинное имя для того *что-нибудь*, о котором мечтает Такубоку: узнать бы *такое* имя и понять тогда, куда именно тебя подталкивает судьба.

18 *В. Карпов*. Маршал Жуков (Знамя, №№ 10–12, 1989).

631 Задешево цену попреки за «мало-литературность» или «нехудожественность», которых, казалось бы, заслуживают подобные тексты – дешево, ибо по нынешним временам учебник истории как бы не был нужнее романа (и, конечно, вместо *отличного* романа – *хороший* учебник истории!). Правда, о самом-то Жукове узнал не особенно много нового и важного.

26 *Т. Толстая*. Сомнамбула в тумане.

632 Старый лунатик, бродящий «в сумрачном лесу» – ожившая *фигура умолчания*. Время брожения и неясностей просто обязано сопровождаться подобными «оживаниями», похожими онтологическими трансформациями. Вроде бы теперь можно и не молчать, вроде есть шанс внятно изъясниться, но сказать-то нечего: одна такая «фигура» просто перетекает в другую.

31 *В. Ропшин* [Б. Савинков]. Конь вороной (Л.-М., Прибой, 1924).

633 Решительно важно, что издание это пришло ко мне в репринтном виде, ибо скрупулезный перенос старых печатных значков в обстоятельства нашего «сегодня» особенно подчеркивает факт жизненного повтора: только отвори дверь собственного дома и посмотри... Те же метафизические веса качаются перед нашими глазами.

Год – 55 (4, 58)

Апрель 1990

13 «За консолидацию на принципиальной основе».

634 Открытое письмо ЦК в некотором смысле идеально а) представляет тот круг чтения, из которого я не мог и не имел права вырваться как раз в апреле и б) объясняет, почему дальше «плюс единички» не удалось пройти в списке *подлинно прожитого*¹⁴¹.

Май 1990

4 Н. Лесков. Праведники.

635 «Они невероятны, пока их окружает легендарный вымысел, и становятся еще более невероятными, когда удается снять с них этот налет и увидеть их во всей их святой простоте» (заключительные строки «Несмертельного Голована»). Рискну назвать жанр лесковской серии *досоциалистическим реализмом*, тем самым пытаюсь уловить радикальный схлобт смыслов – апологетики и сатиры, без которых (вместе!) не мог обойтись Н.С.

Принципиальное противоречие поселилось в «Праведниках» с самого начала, с предисловия начиная, где в формулировку идеи всего «проекта» вкралась чуть ли не грамматическая ошибка: всего-то нужно было сыскать «небольшое число трех праведных».

17 С. Лем. Альтруизин (Нева, № 3, 1990).

636 По большому, именно большому счету *мечтать* необходимо, но потому же (серьезному) счету *исполнять* мечты крайне опасно. Незатрудненное исполнение мечты может окончательно отсечь очень нужное и ценное у человека – его рудиментарный *орган боли*.

Всё это верно, конечно, если аксиоматически принимать, что человек есть существо кон-финальное (вообще) и вечно страдающее (в частности).

22 Г. Гессе. Паломничество в Страну Востока.

637 Хорошие книги *всегда* приходят вовремя – неведомые тексты вдруг обращаются в обжигающе-явленную *вещь*. «Ему *должно* возрастать, мне *должно* умяляться» – буду повторять вслед за героем.

24 В. Аксенов. Остров Крым (Юность, №№ 1–5, 1990).

638 Уверен, первоначальным позывом к роману для автора послужила полемика с какими-нибудь «евразийцами» нового поколения. Но и все русские обречены так или иначе писать о России и ее месте в мировом целом. Среди многообразия аксеновских интонаций есть одна, которую не могу четко описать, но и хорошо понимаю, сколь она ощутима в неслышном

¹⁴¹ Эпизод, скупо освещенный под фонарем «Чтива» (трагикомическая сценка из тогдашней общественно-полезной жизни, а вот душе тогдашнего имярек – полезной ли?), уже излагался мною ранее: см. «Тропа и путь», вып.1, с. 31–32, и там же короткую заметку «В еклизиастовой шкуре».

звучании натянутой струны нынешнего бытия нашего – пальцем страшно коснуться, чего доброго, лопнет.

26 Л. Гумилев. Этности и антиэтности (Звезда, №№ 1–3, 1990).

639 Илья Пригожин и Лев Гумилев достойно продолжают традицию подлинного *русского космизма*. До Брюсселя, увы, далековато, а вот острее желание совершить паломничество в Ленинград, чтобы послушать публичные лекции Льва Николаевича в ЛГУ – явилось... В октябре, что ли, взять и попробовать?

23 Анна Ахматова. Вечерь (Цехъ поэтовъ. СПб., 1912).

640 Всякий раз боюсь додумывать до конца (всякий раз бросаю думанье на полпути) этот жутковатый образ *пирамиды культуры* (опрокинутой пирамиды!), в широком основании коей лежит безмерный Логос, тогда как на острие ютится крошечное читательское ощущение или мысль, почерпнутая из произведения искусства. А в промежутке, меж крайностями основания и вершины, лепятся под гранями пирамиды, одна к другой, кирпичики душ творцов сих произведений...

Страшную *опрокинутость* эту ощущаю не часто, но помню о ней всегда. А репринтная форма (стало быть, совсем не берусь говорить здесь о содержании прочитанного, но только – о форме, да еще и самой *внешней*) хотя бы на крошку сокращает читательскую ношу, создает хотя бы иллюзию укорочения пути к острию, к себе, одинокому...

Июнь 1990

2 О. Хлебников. Шагреневые переплеты (Огонек, № 18, 1990).

641 «... Под властью золота, числа и времени» – почему-то не выходила из головы эта «формула» из Германа Гессе. И добавлялась еще одна черточка в пунктир общего очерка – воспоминание о портрете Николая Гумилева, что видел на недавней выставке «эзотерика» Отара Кандаурова. Внимательное прочтение реестра из чекистского «дела» только довершало это мгновенно-сущее и вне-временное соединение: хлынуло жаркое чувство вины и, одновременно, зависти.

Вообще-то и читать подобное о былом, по нынешним лихим временам, тоже надо бы бояться.

7 А.С. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля.

642 Вижу, хреново тебе нынче, так что получи подарок в утешение. Чутьчку побудь на жизнь (на эпоху) моложе, побудь маленьким, прежним, наивным. Самим собой. Чуть-чутьчку.

8 М. Золотаносов. ЯИЦАТУПЕР (Звезда, № 5, 1990).

643 Конечно, *наше* общество и *наше* время не может не привлекать культуролога как особый *объект* исследования, – много находок обещает

советский «бестиарий», взять хоть и этого, в золотоносовском описании, зверя: ярьсь, далекая Австралия, что нам твои утконосы! Только объект-то живой, по живому нужно резать, если уж что-то там анализировать.

У меня, например, ни сил нет, ни совести на это.

10 Н. Весецкий. Ликвидация. Сталин. Троцкий. Зиновьев.

644 Довольно бесталанная, судя по всему, компиляция (а некоторые комментарии, пожалуй, еще и... *мастодонто-вековые*) дает-таки пищу для размышлений на общие темы.

К примеру, подумалось: кто б рискнул *строго описать* это надматематически-грандиозное поле амбиций и конфликтов, замыслов и недомыслия, идей и беспринципности, фокальных полюсов противодействия и виртуальных связей симпатии, это неопишное поле, именуемое для краткости «политической борьбой»?!

Тут и сотня Риманов с Эйнштейнами, похоже, спасовала бы.

21 Д. Киль. Операция «Троянский конь» (Наука и религия, №№ 12, 1989; 1, 2, 4, 6, 1990).

645 А вот явный намек на совсем иной, еще более изощренный уровень рефлексии: тут ведь требуется думать, что может подумать (о наших думах) некий высший разум, и додуматься бы надо в итоге, что этот разум надумает, чтоб уже мы надумали что-нибудь *не то*, себе во вред.

Вот какой троянский конь – для умников!

24 Ф.И. Тютчев. Silentium!

646 <...>

Прибавление в *ноябре 2018* года:

как без малого 30 лет назад не смог отважиться на высказывание об этом гениальном стихотворении, вернее, об этой гениально-сжатой *мысли* поэта, так и по сей день остерегусь.

Тем более, что к молчанию недвусмысленно призывает читателя и сам Федор Иванович.

Максимум, что получилось у меня однажды, оформил небольшой зарисовкой в составе *Exempla* (в той их части, что изданы).

Воспроизведу ее здесь:

МОЛЧАНИЕ ФИЛОСОФА

О, как же запоздало картинка явилась! Нашлась почти сразу после моего доклада насчет «молчания философа» (рассуждал о Лосеве и его методах, вослед точным наблюдениям А.В. Михайлова) на конференции научной, что проходила в Московской Консерватории, 14 апреля 2013 года.

Попалось в «сети» картинка:

взор долу, сидит наш Лосев за столом
в президиуме собрания, это его чествуют
по причине какого-то важного юбилея, а
перед ним (вполне отделяя от публики)
выситя гряда «серых кирпичей»
собрания его сочинений,
в «Мысли» издавали
уже посмертно
(это монтаж такой).
Он молчит. Отрешён.

И тотчас припомнилось мне
(пусть далеко коллажу до иконы)
другое изображение, тоже впечатлило:
«Иоанн Богослов в молчании» (XVI век),
муж многомудрый замер-затих недвижно
в глубокой мысли, на челе отпечатленной,
мощным душевным усилием брови сдвинул,
и плотно уста свои замкнувши всеми пятью
(как-то бессильно разжатыми) пальцами.
Хорошо помню эту маленькую иконку,
умещали её в самом конце выставки
«София Премудрость Божия»,

что была в Третьяковке в декабре 2000-го... Многие эта пара изображений
изменила бы в моём докладе. Точно, не рискнул бы его делать вообще, о
молчании-то...

«... Взрывая, возмутишь ключи...»

Июль 1990

9 В. Соснора. Дом дней (Звезда, № 6, 1990).

647 Да, развернутая оценка тут скорее обижает, краткая – не
объемлет. Сознавался же сам автор: «я укорачиваю фразы и книги, делая их с
семенами, чтобы они были ясны слову *стрелец*» («Надежда»). Не самая,
замечу, шифрованная строчка. Хочешь, наугад, исчерпывающую дефиницию
всем женщинам? Пожалуйста: «желтоволосые бочки под сводами времен»
(«Женщины», на той же странице). ... Хитрая судьба взяла и «скрестила»
Лосева с Хлебниковым, и народился поэт Соснора.

16 Б. Кузнецов. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. Параллели (М.,
1972).

648 Чтению мешали всяческие «биения»: вроде как сместились оси
читательские – и во времени люфт (Эйнштейн не кумир мне более), и в точке
приложения (читаю об Эйнштейне, а всё услышанное, по мне, как нельзя
лучше подходит для фигуры Лосева). Вспоминались и слова Ю.А. Шрейдера,
озадачившие когда-то, они о трудах Б.К. прозвучали: «Талантлив, но

выдумывает много...». Может быть, получается, что Кузнецов *не выдумал* Эйнштейна, но предположил, *предугадал* (для меня) Лосева.

27 Ф. Искандер. Сумрачной юности свет (Знамя, № 6, 1990).

649 Название точно итожит общее ощущение от чтения. Даже ошибочная вариация (пока не заглянул для справки в журнал, всё никак не мог воспроизвести с уверенностью словосочетания заголовка) «сумрачной юности» / «сумрачный свет» нисколько не отменяет итога.

29 И. Бродский. Назидание (Знамя, № 6, 1990).

650 Нет тут никаких «изысканных жирафов», ничего гумилевского нет, здесь напрямую и точно сказывается – о нашей *перестройке*. Знаток Азии шлет пламенный (изысканно-грубый) привет азиатам.

Август 1990

1 В.В. Розанов. Опавшие листья. Короб второй и последний (М., 1989).

651 Да, Алексей Федорович, Вы правы: вот уж кто действительно всё понимал, всё видел и предвидел... Но еще, говорите, и ни во что *не верил*? – А как же «деточки», а его «бытовая Русь»?! Верил – только в них.

4 Э. Сигл. История любви (Юность, № 7, 1990).

652 Спасибо. Слёз читательских я, конечно, не допустил, но они почему-то очень просились.

8 М. Цветаева. Письмо к Амазонке (Звезда, № 2, 1990).

653 – Но причем тут лесбиянство?.. Таково артикулирован опыт безнадежных попыток одолеть разрыв между теми половинками человека, о которых пошучивал Аристофан в «Пире». Просто слиться – негде, просто слиться – не в ком. Просто – нельзя.

16 Александр Давыдов. Сто дней (из сб. «Весть», М., 1989).

654 Ододел текст тоже не менее чем за этот срок, – тягучее и малокалорийное варево. И это при насыщенности (до краев) чуть ли не каждой фразы. Аллюзии, реминисценции, рефлекс, ассоциации и прочее опутывающе-обволакивающее составляют зыбкую ткань «дней». И при этом, помечу особо, явлена еще попытка... *структурного* описания для самого неопишуемого и зыбкого, – души.

24 С. Подгорный. Вторая возможность (из сб. «Взгляд с нехоженой тропы», Киев, 1990).

655 Изображение, картинку, форму – прощаю. Понимаю, что сама коммерция и некоторая простоватость (не простота!) по природе своей связаны. Дорога же *тень* формы, *обратная сторона* плоской картинке, ее *реальная* (по Флоренскому) *глубина*. Ценна в этом чтении – прямо-таки

пышущая *жажда иного*. Правда, превращение мифической Шамбалы в нечто вроде Талемской обители мне (не особо рефлексирую) как-то претит.

28 С. Аверинцев. Благовещение (Новый мир, № 3, 1990).

656 Похвалить или прямо сказать о принадлежности «Благовещения» к великой (величайшей, почтеннейшей, древней) традиции было бы – выразусь, чтоб себя не обидеть, – *банально*. Вспоминая давнюю статью того же автора в сб. «Контекст–1976» (об акафистах и рождении рифмы), нужно говорить не просто о «соучастии» или «принадлежности» (о традиции же речь), а о настоящем возврате к истокам и, одновременно, о своеобразном – вопреки хронологии – возрождении традиции и, вместе, ее завершении. На наших глазах в единое целое замыкается цепь преемств, охватывающая без малого два тысячелетия.

Сентябрь 1990

1 З. Гиппиус. Сейчас. Если. Шел (Знамя, № 5, 1990).

657 Ноябрь 1917 – май 1918: вопль боли, продленный (наглядным посредством рифм) в год 1990-й. Ненависть порождает не только новую ненависть – рождаются еще и жутко-точные стихи. Это особенно ощущаешь, когда читаешь строчки 1938 года (1938!): «И путь наш чист, и долг наш прост. / Не надо мстить, не нам отмщенье. / Змея сама, свернувши звенья, / В свой собственный вопьется хвост».

2 В. Войнович. Претендент на престол (Юность, №№ 6–8, 1990).

658 Обижаться ли? Это не злопахательство, это логическое продолжение (художественными средствами) нашей алогичной истории. На историю же не нужно обижаться, историю нужно знать, вернее, понимать. А *понимать* значит делать выводы и строить прогноз.

«Приключения Чонкина» не есть ли краткий курс популярной (для всех изложенной) исторической логики?

4 Г. Гусейнов. Словарный запас; Л. Абрамян. Перестройка как карнавал (Веку XX и мир, № 6, 1990).

659 Вот образцы сносных культурологических проб (довольно глубокого бурения). Впрочем, замечу, для правильного анализа здесь приходится, конечно, воспарять над анализируемым, но одновременно не нельзя потерять контакт с ним, таким *родным* – потому и думаю, что занятие это не вполне логичное и, уж точно, не слишком этическое.

5 С. Аверинцев. Когда рука не сожмется в кулак (Век XX и мир, № 7, 1990).

660 Как всегда, восхитился *лично автором*. Но далее... сама по себе публикация в журнале с таким запланировано-массовым тиражом есть запланированный же парадокс (я снова – о логике истории): автор, блестяще

владея диалектическим методом, афиширует свое правильное (допустим) понимание ключевой коллизии «свои – чужие» и заставляет массового читателя уже не диалектически, но очень даже догматически принять или не принять его, автора, правду. Заставляет в силу *своей* талантливости, и грешит по отношению к *чужому* таланту (тем более – к его отсутствию).

Подобная опасность от изощренности, от *избытка развития* грозит, похоже, любым подобного уровня текстам и писателям (я снова об этике истории думаю).

6 Гесиод. Теогония (перевод В.В. Вересаева).

661 Что-то меня заклонило на логике да этике... но вот хирургически чистый случай, где, кажется, нет следов ни того, ни другого. Есть – свалка, куча, кучные, скученные (скучные) факты, зачем-то по видимости слегка облагороженные... и вдруг *«фиалково-темный источник»*. Не всякая горстка букв доставила бы мне столько радости.

Но чем же держится смысл этого именно словосочетания? не малым ли дефисом? зримой тайной? эхом из глубины веков? обманчивой чужестью, за которой явственно сквозит свое, *родненькое?*

11 Стивен Кинг. Способный ученик (Звезда, № 8, 1990).

662 И все-таки... о логике сия повесть. О логике – нет, не возмездия, – логике *соучастия и вины*, согласно закону (логосу) неизбежности зла. Ни материя, ни энергия, ни оное – никуда не исчезает, а разве что подремывает под маской невинной бесполезности. Это может быть коллекционирование марок, мирное возвращение баклажанов или вещание с кафедры об эстетике Ренессанса. – Страшно.

19 Гесиод. Труды и дни (перевод В.В. Вересаева).

663 О, да, не могут не воодушевлять рекомендации о том, чего нельзя делать стоя либо, точнее, «к солнцу лицом обратившись». Умиляет непоколебимая, непоказная верность принципу «меру во всем соблюдай» (ст. 694), – и не шизофрения это, а природное скопидомство и расчет: «Только что первые листья на кончиках веток смоковниц / Станут равны по длине отпечатку вороньего следа...», или «Съевший к обеду четыре куса восьмидольного хлеба...».

Радуют, конечно, диоген-лаэртиевы навалы всякой всячины, благодаря коим наряду с полезным инструктажем насчет как пахать землю или поять жену, вполне можешь – и тем же текстом! – поднять свою эрудицию по части всемирной истории (миф о Пандоре или о пяти «веках»), планирования эксперимента («Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам различай ты...» и проч.) или, если угодно, проблемы континуума и его древне-ветхой антиномии части и целого («... больше бывает, чем всё, половина», ст. 40).

Кажется, я способен любить античную литературу.

26 Н.А. Бердяев. Русская идея (Вопросы философии, №№ 1, 2, 1990).

664 Как Дарвиново «Происхождение видов» в биологии, эта книга – как минимум, в отечественной культуре – выполняет, наверное, некое *великое объединение*, когда не всё соединимо в принципе, и *великое оправдание*, когда только-то и остается, что смириться с эмпирическим (или спорным-таки) фактом *социальной эволюции*, – и прошлого не проклинать напрасно.

Октябрь 1990

2 Кобо Абэ. Женщина в песках.

665 Разве что научная фантастика (хорошая) берется столь же рьяно варьировать *краевые условия* в той неру- и нерешимой задаче с неизвестным количеством неизвестных, имя которой *свобода человека*. Но и положение этого романа не уникально; во всяком случае, на мой слух, японская притча вполне резонирует с писаниями швейцарца Макса Фриша («Человек появляется в эпоху голоцена», помнится).

3 Боккаччо. Жизнь Данте.

666 Я бы предпочел, конечно, найти у Дантова современника побольше «анекдотов» о герое повествования, – уж не требую невозможного репортажа о жизни конкретной имярек. Увы, литературность и даже сверхлитературность формы «Жизни» слишком противна деталям и сподручна как раз обобщению, морализации, выказыванию общей (почти для всех) образованности. А возрожденческие «красоты» могут порой, действительно, доводить до бешенства...

4 А. Солженицын. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения (Комсомольская правда, 18 сентября 1990).

667 Поскольку сразу оставил брошюру для *спокойного* чтения, пришлось услышать много отзывов, и только потом примерился сам. Реакция Президента России – увы... если о мнениях из моих ближних окрестностей – тут только восклицательные знаки и «пи-пи» в самых нецензурных местах... а мне самому что-то не хочется занимать *разумную середину*... Может ли быть иначе, когда сама жизнь потребовала непреложного, необходимого, не книжного и т.д. появления настоящего *властителя дум*? И – именно таковая, именно наша жизнь просто (равнодушно) пройдет мимо него?

5 Лидия Гинзбург. Человек за письменным столом (М., 1989).

668 Ощущая вину – если только не двойную – ибо умудрился «ейного» доселе не читать (хотя и *слыхивал*), да еще, читая нынче, почему-то собственно филологическую часть книжки, *большую* и интересную, пролистывал только «к случаю», только для удостоверения «основательности школы».

Аналитика «Записок блокадного человека» (по тому же *почему-то* выделил особо именно этот текст) не занудит – ранит, не комментирует – суровым эпосом гудит.

6 Кобо Абэ. Чужое лицо.

669 «Я – это я? С чего вы взяли!..» Попробовал бы я не вспомнить энергичный клич всё того же аббата Патлена... Ребячливый маскарад, перевертыши, мена масок донельзя забавляли героев (и тогдашних читателей) средневековых европейских фарсов, нынче же, наигравшись, мы принуждены держать ответ (так *с чего* взяли) на полном, на взрослом серьезе. Только возражу писателю: для «полной группы событий», философски, к *маске* и *лицу* надо бы добавить *лик*. Но это – линия уже совсем иного романа. Столь же в *недоборе* до лика и многомудрый Макс Фриш, «Назову себя Гантенбайн» которого созвучен с данным романом *про лица*. Статистически явственная корреляция указывает более чем на случай. Лик – родная тема *только и исключительно* русской литературы?

12 Записанное Евгением Замятиным ЖИТИЕ БЛОХИ от дня чудесного ее рождения и до дня прискорбной кончины, а также своеручное Б.М. Кустодиева изображение многих происшествий и лиц (репр. 1929).

670 Инок *Замутий* нисколько не трусит, не прячет особо сложенную ладонь в кармане, да еще и вызывающе, нагловатое смеется: «Давайте обожаться!» А небось кошки-то, форменно, на душе у него скребут... Смех – оружие беззащитных? Но он, Замутий, победил здесь, – и точка.

15 Ю. Лотман. Сотворение Карамзина (М., 1987).

671 Помнится, «Письма русского путешественника» порядком разочаровали когда-то, умучился удерживать себя за столом. (Даже после самых блистательных разъяснений и комментариев не возьмусь во второй раз «проходить», каюсь). Судьба Карамзина завидна, – ибо *впереди* *стольких* он оказался, – и печальна одновременно, – столько в дальнейшем народе *ушло вперед*, особо не тратясь там, где он застревал надолго. Судьба маргинала, фигуры переходной? – Всё яснее вижу, что наше время, наш отрезок истории столь же переходен и сумеречен (пред-рассветен ли?), – весь, целиком, со всеми насельниками своими, маргиналами. Выходит, и со мной, значит, и я...

18 И. Бунин. Окаянные дни (Литературное обозрение, №№ 4, 6, 7, 1989).

672 Много задевающего и убийственно-настигающего сказано, прежде всего, в портрете революции: «люди спасаются только слабостью своих способностей»; «бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана»; «... да и на что весна *теперь?*»; «всё будет забыто и даже прославлено! И прежде всего *литература поможет...*». Газетные цитаты, эхо уличных разговоров и слухов, собственное бунинское отчаяние и замешательство –

всё соединилось в этом дневнике 70-летней давности, который силою одной только искренности (верно, не сказал – объективности) освещает... и день сегодняшний?

– Читалось *больно*. Скажу-таки: санаторная маята (за что спасибо Лепелю и Белоруссии) с лихвой оправдалась одним только этим – с виду не особенно лечебным – трезвящим душем.

18 Джон Фаулз. Коллекционер (Урал, №№ 9–12, 1989).

673 Вторая встреча – и второй раз он (Д.Ф.) меня «достал». Казалось бы, в моей жизни, судьбе, в поступках моих ничего похожего на описанное не найдешь, но *есть интонация*, вкусовое ощущение... как еще назвать, не знаю, – есть несказуемая правда, и доставляема она неведомым органом чувств (со-весь?) от автора ко мне, читателю: воспоминание из 1979-го года, напоминание мне – себя недавнего.

21 Боккаччо. Книга, называемая ДЕКАМЕРОН, прозываемая ПРИНЦ ГАЛЕОТТО.

674 Увы (и слава Богу), я не женщина, однако ж в «томлениях духа» кое-что понимаю и, кстати, располагаю в некотором роде досугом (сказано о повестях: «если их читать во благовремени» – будут впрок и впопу), так почему бы и не «Декамерон»? Чтение – а оно было, конечно, повторным – как-то *не очень заняло*, разве вот – заноза в мозг: нет ли тщательно скрытого порядка в том, как усаживались рассказчики в свой ежедневный круг и кто за кем «слова говорил».

Сходу, правда, ничего интересного и уж, тем более, смысло-до-образующего расшифровать не довелось. Но поставлю себе зарубки: к примеру, кроме нехитрой комбинаторики, примерещились тут разные диковинные симметрии в «преобразованиях».

22 В. Розанов. Апокалипсис нашего времени (Литературное обозрение, № 1, 1990).

675 (Читал и конспектировал в самый притык, потому как едва успевал попрощаться с бобрами-белорусами и с их Бобрицей). Здесь фундаментальное, принципиальное *отрицание всего*: нет – христианству, нет – Русской истории и Русской (Великой) литературе, анафема – Революции, проклятие – каждодневности (человек «боится холода, и как-то душевно боится, а не кожно, не мускульно»). Отрицание всего, кроме *самой «природы как святой»*, – именно: «а – не “одно богословие святое”», и вообще «гораздо более богословия в подымающемся быке на корову»...

Читал в каком-то исступлении, с нервной неукротимой дрожью. Читал и – от В.В.Р. отправляясь, вернее, сугубо отталкиваясь от него, – окончательно прощался со своим прежним (наивным, детским) атеизмом.

23 М. Пришвин. Мирская чаша.

676 Книга – явно (для меня) из перечитываемых, потому не стыжусь скороговорки по первому впечатлению, первому сопоставлению. Случаем, текст пришелся сразу после розановского «Апокалипсиса», и это позволило мне, думаю, безошибочно прочесть «записки фенолога» в финале «Чаша»: «... наверху было ясно и солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца, как будто само Солнцем было распято». Зная сентенцию Розанова («Попробуйте распять солнце, / И вы увидите – который Бог»), начинаешь догадываться о *степени отчаяния* Михаила Михайловича. Степень же его начитанности не оставляет сомнений: Сергиевское издание 1917–18 гг. его рук явно достигло.

30 К. Любарский. Акулы социализма (Новое время, 05.10.1990).

677 О цивилизации социализма – интересно, о крахе или гибели оной – рановато. И всегда будет рано? – Очень может быть. Если даже исходить из авторской *дефиниции социализма* («утверждение примата общества над индивидуумом и телеологичность сознания, сопряженная с верой в достижимость всеобщего счастья») и посчитать, что человечество и впредь не сильно подрахлает и будет чего-то желать, куда-то стремиться, например, «к благу каждого», то на первое место обязательно выступит общество, утесняющее этого «каждого»: ведь больше хочется того, чего не имеешь. Социализм – физиологичен, пока людей на свете больше одной особи.

31 Стивен Кинг. Воспламеняющая взглядом (Звезда, №№ 4–7, 1990).

678 Роман – словно в пустыне. В четырех толстых номерах журналу глазу не за что более зацепиться. Какая наглядная демонстрация журнальной эволюции последних трех лет!..

Эксплуатируя интимно-внутренние «изюминки» психики и даже ее «запределья», повествование это выстроено на удивление внешне, эмпирично, обнаженно, явственно, – до очевидной кинематографичности языка и авантюрной детективности «хода дела». Нутряное – всё наружу, всё видно...

(отпуск – нп. 665–678,

чтение в Лепельском военном санатории, перемежая долгими раздумчивыми походами вокруг оз. Бобрица)

Ноябрь 1990

3 Б. Зайцев. Афон (Литературная учеба, № 4, 1990).

679 Впечатляющая мозаика «бытовых» деталей (наипаче: многосоставная – разбитая на сектора по числу монастырей, – печать «клира» в Протате; косточки усопших, сложенные правильными штабелями, «желтые и благоуханные») как-то просто и убедительно рисует нам *общий вид*: такова «спиритуальность прохладная и разреженная» (в ней «никогда нет рыдательности!») на «ветхозаветно-грандиозной» Святой Горе.

Ну, как теперь не ждать выхода «Валаама»!

16 М. Белкина. Скращение суждеб. Попытка Цветаевой.

680 Талант (паче того – гений) не терпит дозировки и размеренности по закону «так принято», его боевой клич – «Хочу!» При этом всякое самостийно волящее, но не вольное существо – обречено. (Это – о судьбах). А единственная ведомая – на четыре души из семьи Марины – могила как бы попрекает меня и всех нас, обыкновенных: твое (ваше) благополучие – за наш счет... (Это – о скрещении).

18 М. Кураев. Семь монологов в открытом море.

681 Репортаж с учений: апологетика военного дела, но без прикрас. Меж собой *военморы* клянут и славят всё то же, что и мы, посуху ходящие и в космос смотрящие, разве что ключевые слова берутся чуточку другие, со спецификой, да еще у них имеется такой блестящий посредник и толмач.

20 Ричард и Лесли Бах. Единственная (Наука и религия, №№ 5–10, 1990).

682 Не могу толком оформить, что же тут подлинно интересное. Но, факт, была – какая-то тревожно-влекущая интонация. И точно знаю, что раздражало при чтении: резкая смена, без предупреждения, дистанции с реальностью. Фантазирующие обычно только играют в видимость, а Бахи играют в саму фантазию, грубо смешивая все и всяческие видимости.

25 С. Шульман. Инопланетяне над Россией.

683 Само исполнение текста – что ж его комментировать, оно вполне заурядно. С некоторым блеском предстает разве что интервью в конце книжки, но там и жанр другой, и тема более полётная: намечен *логический вывод пантеизма*. А свое мнение о всех и всяческих НЛО не меняю: когда покажут – поверю.

Слежу за темой, надо сказать, внимательно и почти профессионально.

Декабрь 1990

4 В. Розанов. Темный лик (Наука и религия, №№ 2–8, 1990).

684 Невольно сравнивая с недавно пережитым текстом Б.К. Зайцева (недавно, говоришь? – проклятье, уж месяца как не бывало!), констатируешь существенную разницу в «окраске»: там больше восторга внешне-эстетического, здесь почти во всем – сплошные эмоции при восторге сугубо интеллектуальном. Розанов, получается, как бы это сказать... формулирует на вскрике и даже самим вскриком.

8 П.А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева (в сб.: Контекст–90).

685 Заимствуя очень убедительный образ из памятной заметки Сергея Аверинцева («Умер великий Пан!») «Словно мы выглянули утром в окно и видим, что гора, на памяти поколений замыкавшая горизонт, за ночь

исчезла») – она открывает сборник, – должен констатировать, что Флоренский и Лосев это, действительно, две высокие горы, замыкающие мой горизонт. Только буду судить не о горе (горах), но о горизонте. А всякий горизонт, не только тот, о котором тут заговорили, громадой гор очерченный, а именно всякий горизонт, как всем известно, и видим и недостижим зараз.

Это, если признаваться, мучительно: горизонт влечет к себе, а ты *даже не можешь сойти с места*, корнями накрепко пронзивши почву многолетних накоплений собственной жизни. И вот ты только тянешь, протягиваешь туда, к горизонту, сколь можешь, свои молодые ветви...

15 М. Волошин. Россия распятая. Усобица (Юность, № 10, 1990).

686 Вот, очередная пощечина твоему позитивизму: экстраполировать «назад» или «вперед» от *разрывной точки* не станет ни один добропорядочный математик, а поэт не только «экстраполирует», но еще и благодарит судьбу за уготованное ему место в *этой самой* точке, точке Усобицы...

Если Макс до оторопи точно прозрел грядущий наш *социал-монархизм* и «новую великую Разруху Русской земли», рискованно будет, думаю, не услышать и его предупреждения о «призраке монгольской опасности» (когда рядом с «мягким подбрюшьем» России маячит безудержное безумие саддамов хусейнов).

28 Г. Демидов. Дубарь (Огонек, № 51, 1990).

687 (Совсем не хочу – явно здесь мало этических – параллелей и аналитических разборов, только-то и позволю себе отметить разительный структурный и... духовный, что ли, *содержательный изоморфизм* этого рассказа с шаламовской «Сентенцией»). Разум уже явно противится частому употреблению «лагерной» тематики, но душа не дает поблажек. Чтение такое – как вечная, бессрочная эпитимья за грехи, – свои и чужие, отцов и детей.

Январь 1991

2 А. Солженицын. В круге первом (Новый мир, №№ 1–5, 1990).

688 Наши реформаторы, помнится, потребовали наместни какого-то показательного суда над Хозяином. О, наивняк! И не в одном экземпляре ответчик, и суд уже творится много лет. Александр Исаич только пишет подробный судебный протокол, едва поспевая за показаниями очевидцев.

30 Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини... (М., 1987).

689 Вот роскошный эмпирический материал для подтверждения лосевской концепции *возрожденческого титанизма*. Текст: увлекательное косноязычие; неумелый, но запоминающийся автопортрет с вечностью на заднике; живописал вроде только себя, а донес до нас картину эпохи.

Февраль 1991

2 Н. Лесков. Обойденные.

690 Хрупкая, слабая и неверная, без румянца или кулаков кувалдами – эта жизнь всегда забывалась и забывается жизне-описателями. А ведь она такой *будет всегда*. Она – жизнь.

3 О. Фори. Сумасшедший корабль.

691 Сказать ли, что катаевский «Венец» теперь (для меня, для моего поля читательского узрения) выстроился вслед за этим «Кораблем» в одном караване, в одном кильватерном строю?

В который раз убеждаюсь, как чтение отменяет, осмеивает, оглушает то, что зовется *временем*, как литература побеждает смерть, сама не имея ни начала, ни конца, ни... да, ни даже, в конце концов, *авторства*. (Это я пытаюсь осмыслить прием всяческой отстраненности и отдельности – для себя взятый, – этого талантливой наблюдателя и свидетеля жизни ДИСКА).

8 П. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс (Звезда, №№ 1–12, 1990).

692 Вот он смог – победил *себя вчерашнего*, и победил в честном бою. А ты – ты внимательно и усидчиво прочел сие, и теперь сноси в глазу соринку (оглоблю!), *не могуций*. Ты же и (скорее, в недавнем прошлом) атеист и (точно – доныне) член КПСС, не так ли?..

13 А. Лосев. Диалектика мифа (Из ранних произведений. М., 1990).

693 Высиживал дома срок – из всех щелей текло, башка трещала, – и не мог не читать пришедших по почте, несколько дней назад, избранных томов приложения к «Вопросам философии». Через болезнь, через не-могу. Есть какая-то жизненно-обязательная символика в совпадении факта духовного и факта медицинского, в совпадении этого чтения и этого (февральского) выздоровления. До сих пор до меня доходили, в основном, только отголоски, только малые фрагменты того, что успел совершить Алексей Федорович в 20-е годы, а тут вдруг обрушилось всё сразу, сразу – неожиданно и долгожданно.

Только теперь понял, что втайне я боялся *этой* (окончательной и решающей?) встречи, потому и не форсировал ее. Теперь пишу:

13 февраля 1991 года, *обвал*.

Март 1991

3 Лейбниц. Опыт теодицеи... (СС, т. 4, М., 1989).

694 Конечно, роднее, меня больше убеждают выводы в рамках «абсолютной мифологии» Алексея Лосева, чем «система предустановленной гармонии» Готфрида Лейбница. Но терпеливое одоление (не говорю – полное усвоение) «Теодицеи» было мне необходимо как факт хотя бы образовательный и даже биографический. Особенно если понимать, что

биография включает в себя не только события и изменения, но и цель таковых, но и обнаружение (посильное) глубинного смысла их.

6 А. Беляев. Звезда КЭЦ.

695 Боже мой, а читал-то я это в последний раз не менее чем четверть века назад! Открыл Машкину книжицу только в порядке (себе, родимому) поощрения за самоотверженный труд на ниве мало-радостного штудирования философской классики – всё «Геодицею» поминаю, – и вдруг обнаружил (любопытное совпадение: именно в разделе, где высмеивается философствование как таковое) явственную историко-научную загадку. Чью мысль, чье гениальное предчувствие вложил в 1936 году автор в уста астронома Тюриня, «философия движения» коего очень и очень смахивает на богатую идею *трансмутации* радиоактивных элементов?

9 И. Пригожин. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках (М., 1985).

696 Это было трудное – на несколько лет и «начинай с начала», – чтение. Даже если мне не удастся внести свой вклад в пересмотр представлений о *времени*, быть весьма заинтересованным свидетелем такого пересмотра, заинтересованным и ревнивым, мне уже выпало. И еще: если всякий век науки машет своим символическим флажком, то у XIX-го века на этом флажке начертан *диагональный метод* Кантора, а у XX-го – *преобразование пекаря*, с подачи Пригожина. Думаю, так.

13 Светоний. Жизнь двенадцати цезарей (М., 1990).

697 Уверен, что восемь «книг» Светония в определенном смысле тождественны десяти «книгам» Диогена Лаэртского, хотя не сходится уже простая арифметика подсчета как числа самих «книг», так и в них содержащихся портретов, не говоря уж о различиях по «материи» повествования. У этих двоих убеждает меня не только странная близость структуры изображения и та легкомысленная (в-кучу-свалочная) метода подбора фактов-слухов. Особенно убедителен совершенно иррациональный аргумент: об авторах *ничего не известно*, кроме имен и основательного подозрения, что их разделяло менее века.

22 С. Алексиевич. Цинковые мальчики (Дружба народов, № 7, 1990).

698 Славянская культура, славянская история потребовала когда-то летописания. Нынче оно переживает новый этап или даже ренессанс, оставаясь в принципе прежним: ремеслом подглядывания в Книгу Судеб.

24 В. Набоков. Дар.

699 ... дар живой памяти... готовности к изменчивости слова... любви к вещи и только потом – к отношениям между ними,

«именительными»... священной наблюдательности... овладения временем. Сможешь – бери.

28 В. Вернадский. Научная мысль как планетное явление (М., 1991).

700 Неотшлифованность, местами некоторая судорожная беглость рукописи имеют свою цену и свой историко-культурный резон. Не в открытости ли и видимой слабине незавершенности мысли – ее сила? Мысли – в пути, на тропе поиска. Конечно, в литературном или эстетическом плане «Научная мысль» уступает тейярову «Феномену человека», но вот *по этой потенциальной силе* они, по меньшей мере, равны. Равны не счетом, не арифметически или, положим, стилистически, но философски.

Год – 67 (5, 51)

Апрель 1991

8 А. Солженицын. Раковый корпус (Новый мир, №№ 7, 8, 1990).

701 Волею повествователя на тесном пяточке больничного пространства собрались многообразные носители сюжетов, и... Может быть, прихотливая ассоциация с «Декамероном» здесь не очень-то и впопад, но и воды (а также крови) со времен Боккаччо утекло уйма, и вряд ли где теперь найдется рай с фонтанами и яствами для подъема вдохновения рассказчиков. Накрепко цементирует конструкцию ассоциации одно: *дыхание смерти*. Там, помнится, была чума, тут – рак.

11 Б. Пастернак. Высокая болезнь.

702 О происхождении поэзии из жизни, вернее, поэзии из трагедии жизни, вернее, о равенстве поэзии и трагедии. Нехитрая цепь подстановок, хитро срифмованная.

22 А. Чанышев. Трактат о небытии (Вопросы философии, № 10, 1990).

703 Здорово, слов нет, ощущать себя вне почтенной и даже грандиозной традиции (ибо «в течение двадцати пяти веков философы, взявшись за руки, водили хоровод вокруг небытия, стараясь заклясть его») и посягать на самые последние границы мысли, здорово (даже и только пытаться!) собрать всю культуру на новом нержавеющей стержне. Только разве не было греческого «меона» и великой диалектики «одного» и «иноного», и не буду больше ничего «исторического» перечислять, и сразу ко дню сегодняшнему... разве не криком кричит современный Секст Эмпирик из Ленинграда, философ и математик Кирилл Вальков всё о том же – о неустрашимой, *инвариантной неопределенности* в структуре бытия?

25 Роман Гуль. Красные маршалы.

704 Много хромоты и спешки вижу в стилистике, но литературные красоты – ну их по боку. В курсе ликбеза, что сготовила нам нынешняя «перестройка», подобные не-шедевры вполне сойдут за учебник по профилирующей дисциплине.

26 С. Дышев. И своей невысказанной болью... (Юность, № 1, 1991).

705 «Афганское» (и аналоги) чтение уже меня отвращает, но и вновь притягивает. Оно – как особая, незримая для внешнего наблюдателя эпитимья, как необходимое самобичевание за грехи конформизма.

28 А. Лосев. Античный космос и современная наука (М., 1927).

706 Бегло штудировал этот микрофильм еще в 1985-м, и тогда, восхитившись, мало что понял. Куда тщательнее, с подготовкой был обставлен второй заход – туда же, в той же форме. И снова понял маловато. Не мешает ли мне некое бессознательное отторжение, некая защитная реакция, когда ты невольно шарахаешься от самого себя, от гибельных (это-то знаешь) и давних пристрастий? Ведь глубинная структура бытия *должна быть страшна*, она может, действительно, сводить с ума...

Май 1991

5 Б. Поплавский. Аполлон Безобразов (Юность, №№ 1, 2, 1991).

707 Что-то странное происходит: что ни текст читаю в последнее время, то почти всегда – пусть и слабый, но позыв неприятия мелькнет.

Вот и здесь, даже забросил было журнал, да хорошо, что поправился, а то б не получил подарок из заключительной части, из «Дневника»: «Нищие качали головами, они кололи алмазы деревянными лопатками и презрительно посыпали мим улицы, чтобы время не скользило...»

В нелепо-красивом столкновении слов отрывка высеклась искра, осветившая *смысл имени героя*.

10 Антоний, митрополит Сурожский. Без записок (Новый мир, № 1, 1991).

708 Глубина, смысл и настоящая *простота* жизни – в Боге? Бог – это *просто*? С Богом – *просто*? Бог – *есть*, точнее, *просто* есть? Рой вопросов простаку и о простаках.

11 Н. Ульянов. «Басманный философ» (Вопросы философии, № 8, 1990).

709 В который раз кто-то что-то (кого-то) «ставит на место». Такова банальная потребность и людей, и времени, которое, как известно, всё-то и *расставляет*, в культурные топосы монтирует... Но обязательна одна поправка: в известном смысле реальны *сразу* многие, *разные* Чаадаевы!

С оказией подумалось о специфике гуманитарного бытия, а именно, о существовании (пусть и не с одинаковой интенсивностью) возможных миров, о реальности их сосуществования и взаимного дооформления. Так что правильное сказать – не *место*, но только во множественном числе – *места*.

Современные физики, надо думать, уже совсем покончили с античным «импетусом», пора бы это завоевание мысли сделать и общекультурным. (Какую богатейшую тему, однако, ворохнул!)

16 А. Мариенгоф. Циники.

710 Наверное, манера поведения героев романа, живые их черточки имеют реальные прообразы (герои – своих прототипов). Только не цинична ли, прежде всего, *сама жизнь*, для которой нет тормозов, которая таровата вламываться в квартиры и селения, заглядывать под подушку и рукописи разбрасывать? Особенно та ее модификация, что пришлось на два первых десятилетия XX века... да и на симметричные им два десятка других лет – в его окончании.

19 А. Лосев. Жизнь (Юность, №№ 4, 5, 1990).

711 А я даже рад, что хотя жизнь подарила мне Лосева уже относительно давно (всё началось с «Проблемы символа» в 1977-м), приближение к нему вышло сравнительно медленным, – только теперь начинаю, кажется, осознавать величину (мощь) его личности, и только сегодня увидел, в какую сторону я сам расту. Вот и темы Рода, Родины и Жертвы – мои. Нет, жизнь не цинична (хотя бы иногда) потому, что в ее распоряжении есть подарки, пусть и не всегда *такие*, а вообще – подарки.

24 О. Мандельштам. Египетская марка. Четвертая проза.

712 Вот, например, о балете: «великопепное пренебрежение к материнству женщины»; например, некий исчерпывающий по полноте портрет: «слепое лицо, изборожденное зрячими морщинами»; или о «коллегах» и о себе: «я один в России работаю с голоса, а кругом густопсовая сволочь пишет». За такую точность и глубину попадания в каждое, *каждое* слово причитается только *страшная* плата...

Июнь 1991

2 Б. Зайцев. Жизнь Тургенева (Юность, №№ 2–4, 1991).

713 Вот, никак не найду надлежащей «приставки» (критического «привеска») к текстам самого Бориса Зайцева *Что* здесь главное, в этом «литературоведении»: контекст? подтекст? или гипер-? или мета-? Сколько же, в самом-то деле, всего «слоёв» в литературе? Похоже, надо – там, в «Опытах», конечно, где ж еще – еще раз и заново составлять серию эссе о семиотическом существовании.

3 А. Платонов. Надлежащие мероприятия (Новый мир, № 1, 1991).

714 Хотел бы я видеть глаза Андрея Платонова, когда он это писал. Страшно подумать, страшно осознавать, что глаза эти не улыбались. Потому что *нас видели* они.

11 С. Семенова. Николай Федоров. Творчество жизни (М., 1990).

715 Вполне «в струе» прочитанного фиксирую: как *мое дело* принимаю насущную задачу – *сколь возможно точнее* указать, отыскать, обозначить две из числа утраченных Отечеством нашим дорогих могилы – Розанова (в Сергиевом Посаде) и Федорова (в Москве).

Прибавление (август 2019 года):

Мое мечтание сыскать и восстановить могилу Розанова, да заодно и монаха Климента (К. Леонтьева), взяв для этого дневниковые записи М.М. Пришвина 1927 года (фрагменты «Дневника» как раз вышли в сборнике «Контекст–1990»), уже осенью 1991 года реализовали хорошие и умелые люди – журналист *Георгий Куликов* и инженер-строитель *Иван Скорик*. Фрагмент из статьи Г. Куликова:

«Кому дорога память о мыслителях К.Н. Леонтьеве и В.В. Розанове, видимо, будет любопытно узнать подробности обретения их могил, уничтоженных в 1920-х гг. Об этом я опубликовал заметку в еженедельнике “Литературная Россия” № 42, от 18 октября 1991 года, “Склоняя голову”. Вскоре, воспользовавшись установленными вехами, которыми было отмечено расположение могил, стараниями православного общества “Радонеж” (председатель Евгений Константинович Никифоров), Всероссийского фонда культуры (председатель Петр Лукич Проскурин) и сотрудника ИМЛИ Станислава Стефановича Лесневского был установлен на могиле Леонтьева (монаха Климента) дубовый крест. Эти же ориентиры пригодились профессору МГУ Владимиру Георгиевичу Скребницкому: изготовленную по его инициативе памятную мраморную плиту он возложил на могилу Розанова. В воскресенье, 24 ноября 1991 года – в день 100-летия со дня кончины К.Н. Леонтьева из Москвы тремя автобусами в Черниговский скит приехали писатели и ученые, чтобы почтить память великого соотечественника. Архимандрит Иннокентий Просвирнин на обретенной могиле отслужил по монаху Клименту панихиду» (подробности см.: <https://stihi.ru/2013/03/17/2489>).

Крест на могилу Розанова, точно знаю, по собственной инициативе и примерно в то же время делал *Владимир Бибихин* (29.08.1938–12.12.2004). Вот только какой (чьего изготовления) крест был установлен?

А могилу Николая Федорова так пока и не восстановили. Вполне в духе времени тут нынче возможны игры (интеллектуальные) и развлечения; вот недавнее (18.12.2017) приглашение на известном сайте Н. Подосокорского:

«Участники экскурсии пройдут последним путем Московского Сократа – от Мариинской больницы до того места, где в начале XX века находился Скорбященский монастырь, кладбище которого стало местом упокоения

философа общего дела. В 1929 году кладбище было уничтожено и утрамбовано под парк и детскую игровую площадку, так что могила Федорова оказалась стертой с лица земли. Участникам экскурсии будет предложено, руководствуясь сохранившимися документами и единственной фотографией 1925 года, найти и идентифицировать место захоронения философа» (<https://philologist.livejournal.com/9891826>).

13 *Петроний Арбитр*. Сатирикон.

716 Вульгарный раб из дома Трималхиона, браво возглашающий вульгарное: «Правую ногу вперед!», – заговорил для меня со страниц лейбницевой «Теодицеи» много прежде, чем я купил это переиздание классики в Academia. Случайность сразу сделала «Сатирикон» как-то роднее, что ли. Наверное, всякая блёстка культуры способна светить чистым светом, как бы ни было сомнительно ее происхождение. Потому что есть еще фильтр веков, отстойник забвения, чистилище времени...

18 *Альбер Камю*. Миф о Сизифе.

717 Хотел бы я всем этим (социальной философией) не интересоваться, хотел бы вовсе не выходить, скажем, за пределы *чистой онтологии*, да вот сама жизнь, само сей-час не позволяют. Иначе в капле «сегодня» не узиришь ничего, кроме собственной озадаченной физиономии, – вместо *всего мира*, да еще и не «просто» всего, но всего во «вчера» и «завтра».

30 *А. Эфрон*. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери (М., 1989).

718 Положим, что Вселенский Распорядитель чаще дарует жизнь в отраженном свете, вроде судеб лун в лучах светила. Но и здесь, но и тогда возможен не только ущерб, но и рост, но и само полнолуние.

Ариадна – полная луна. Еще бы хотелось вынести частное определение по поводу всяческих власть предержажших... да они уже давно не светят или, скорее, в большинстве своем никогда не светили. Получается, на небосводе законы природы архи-строги.

Июль 1991

2 *А. Ремизов*. Жизнь Тургенева (Юность, №№ 2–4, 1991).

719 Не спеша обзираю (традиционный) листок с выписками, оглаживаю аккуратный переплет запоздалого (1990 – 1927) отечественного издания, колеблюсь в не-писании...

Есть, есть такие тексты, над которыми только и простительны подобные (и долгие) «нерадения», от которых в дневнике чтения зияют естественные (т.е. простительные) провалы.

3 П. Флоренский. Предполагаемое государственное устройство в будущем (Литературная учеба, № 3, 1991).

720 Уже и так: «государственный деятель должен *перестроить* себя на положительную оценку реальных сил и на отрицательную оценку сил, переставших быть исторически реальными». Как резонирует один только глагол из формулировки о. Павла с моим (сию минуту) временем!

Разумеется, еще предстоит – и не только мне, сирому, – отделить драгоценные крупницы истинно-авторского от подлинно-чекистского в этом литературном памятнике. Покамест для меня ценнее уже полученное ощущение именно *памятника* (черно-белого, как Никите на Новодевичьем, в изломах, но и совершенного тоже) – и Павлу, и Алексею, и Ариадне, многим опаленным историей великим душам памятник.

7 Б. Васильев. Капля за каплей (Юность, №№ 4, 5, 1991).

721 Художественная попытка одновременно пожить за себя и (не побоюсь вульгарных наслоений на эту идиому) *за того парня*, непозитивистская реконструкция духовного опыта расстрелянных поколений. Исполнение долга плача и службы покаяния. Писать *так* – труд непомерной сложности и благодарный.

12 «Влесова книга» (ТОДРЛ, XLIII, 1990).

722 ... Но всё уже свершилось! И даже если нет резонных сомнений в том, что «Книга» – подделка, она уже «вокнижилась» в культуру, обрела неустребимое (пусть и не полноценное) бытие, и она будет обязательно существовать с неким семиотическим статусом.

Для примера: если совсем недавно при чтении одной публикации в «Науке и религии» меня весьма чувствительно порадовало *просто феноменальное звучание* трех имен из «славянской космологии» (Явь, Правь, Навь), то теперь, когда мне открылся их первоисточник и даже стали ведомы некоторые скучно-судейские подробности о злосчастных «дошьках» Изенбека (Миролюбова? Сулакадзева?), почему я должен забыть ту свою радость или стыдиться ее?

15 Н. Толстой. Жертвы Ялты (Юность, №№ 5, 6, 1991).

723 Поразительно-поступательна и однозначна логика жизни сталинской империи. Никаких исключений, когда бы сквозь щели или прогалы *механизма* вдруг засквозила ранимая ткань *организма*, просто нет. Что до «английского» и Англии, так она мне достаточно безразлична, к ней у меня – ни сетований, ни претензий, ни чувств вообще.

19 П. Вайнцвайг. Десять заповедей творческой личности.

724 За исключением некоторых деталей около-медицинского порядка, ничего нового и уж тем более волнующего не узнал. Но Боже ж ты мой, как же велика дистанция от *знать* до *мочь*! Уже потому, хотя бы, что

чаще всего нужно «мочь», вовсе не вспоминая о «знать»... Так что прочтенное, пожалуй, есть форменная перелицовка рериховых притч на язык биржевого клерка.

(отпуск – пп. 717–724)

24 В. Щербаков. Асгард – город богов (М., 1991).

725 Конечно, можно и съязвить, что, мол, ремесло писания «научно-фантастических» романов изрядно исказило чуть не половину органов чувств уважаемого автора, а то и повредило саму подставку для упомянутого...

Однако, куда деть, к примеру, впечатляющие этимологии имен богов? Или неужто, действительно, можно «доказать» всё, именно всё, что вашей душе угодно, пользуясь *объективной теснотой* в мире естественных языков и языковых семейств?

Август 1991

1 И. Бродский. Вертумн (Огонек, № 30, 1991), Римские элегии (№ 31, 1988).

726 С этими стихами сопряжена целая цепочка видимых случайностей (= непреложностей): читая «Вертумн», я почти безотчетно захотел составить очередные «t-заметки» и поспешил – чтобы, как всегда, не дать себе улизнуть от обязанностей, – поспешил вписать соответствующий заголовок в «Опытах». И дальше остановился было в тупике, ибо «Вертумн» явственно предстал только тенью, только эхом очень сильного *временного переживания*, которого не могло не быть у поэта, но о котором я толком ничего не знал. А через сутки на моем столе *сам собой* оказался номер за 1988 год (то дочка Машенька перебирала и упорядочивала журналы за последние три года и обнаружила два сдвоенных номера, каковые схалтурила прислать почта: «Папа, куда их девать?..»). В 1988-м «Элегии» почему-то не заметил. Голубая рубашка, мелькнув и здесь и там, и от сомнений окончательно избавила, и сюжет сей коммуникации воедино склеила.

2 Г. Кантор. Основы общего учения о многообразиях.

727 Лестное (не то слово!) предложение Азы Алибековны заняться изучением «числовой», или «математической» (преимущественно теоретико-множественной) части Лосевского наследия невольно заставило вновь раскрыть эту давно уже *настольную книгу* – труды Георга Кантора. Но с чьей же (посторонней) помощью мне, существу вполне и сугубо конечному, удастся дотянуться до границ своих и даже *за них* – туда, к Лосеву-трансфиниту (сам же и писал когда-то о нем, не особо смущаясь: «алеф с индексом алеф»), с чьей? Самому, в одиночку, думается – никак...

3 Ф. Хайек. Дорога к рабству (Вопросы философии, №№ 10–12, 1990).

728 Книга сия, разумеется, не антисоветская и даже не антисоциалистическая, объект главного интеллектуального ее выпада – *планирование*, социальная предопределенность. Как убедительно-таки г-н Хайек бьет! И еще, скорее эмоциональное (потому – такое сильное), нежели интеллектуальное потрясение доставили страницы, где непременно доказывается: в нацизме повинен не национальный дух немцев, но развитие социалистических идей. Старые мои подозрения о глубинной близости Сталина и Гитлера подтверждены в самом худшем виде... Вот и приплыли?

10 *П. Ланжевэн.* Эволюция пространства и времени (Новые идеи в математике, сб. 2, 1913).

723 «Положим, что две доли материи встречаются первый раз, потом разлучаются...» – Рассчитывал, скорее на всякий случай да между дел, посетить месторождение ходовой байки о *релятивистских близнецах*, обнаружил же великолепный литературный памятник, отлитый из первосортной мысли. Покоробила, впрочем, тамошняя интерпретация взаимодействия физических теорий в духе пошловатого дарвинизма. Но то было в самом начале текста, и с лихвой списывается со счетов критических за чтением *большой* части данного шедевра.

13 *Э. Дюкас, Б. Хофман.* Альберт Эйнштейн как человек (Вопросы философии, № 1, 1991).

730 Однако, сколько за Эйнштейном числится точных, емких и парадоксальных «формул» (почти вида «е равно эм цэ квадрат»), только в сфере гуманитарной, только для нужд нравственной «механики» приспособленных! В моем эйнштейно-восприятии теперь будет еще одна точка резонанса с образом молодого Лосева.

17 Переписка *Н.Н. Лузина* с *П.А. Флоренским* (Историко-математические исследования, вып. XXXI, 1989).

731 Собственно, фактическая канва писем-записочек малозначима, разве что в ней неплохо отобразилась история ренегатства Лузина, «проклятым» вопросам бытия типа проблемы континуума предпочитавшего бескровное манипулирование тригонометрическими рядами, интегралами и прочим, боюсь, для него излишне «легко» доступным. Самое же драгоценное – эти вставки комментариев, взятые из писем Лузина жене, в которых откровенно, даже иногда с некоторым страхом рисуется Флоренский «как человек». Он изображен (и, уверен, таковым был), конечно же, *не как все*.

24 Газеты из киоска на Лубянке.

732 Все-все в нашей очереди стояли вполоборота и с пользой проводили свои полчаса, почти непрерывно созерцая каменный торчок из-под *железного Феликса*, только что ушедшего по своим бронзово-вдаль-глядяще-делам. Наши текущие дела мелькали заголовками газет, каковые

станут вскоре, думается, бесценными реликвиями Революции: «Будем жить!» (*Московские новости*), «Разгром путча – это еще не победа» (*Независимая газета*), «Есть обычай на Руси – ночью слушать Би-Би-Си» (*Российская газета*), «72 часа, которые потрясли мир» (*Красная Звезда*; патетична в благодарность за снисхождения), «Не на белом коне победителя, а на коммунистической кляче» (*Куранты*; на «ввезд» Горбачева в столицу).

Сентябрь 1991

22 Н. Лосский. Идея конкретности в русской философии (Вопросы философии, № 2, 1991).

733 Увы, тяжелый полог времени прошедшего месяца не оставил даже клочков своих на острых колях дневниковых помет. Мне нечего было кверху, навстречу выставить... Вот, написал это приукрашенное штучками оправдание «меональности» собственного бытия и поймался на мысли, что, на самом-то деле, давно искал подобный текст: мой «натурализм» и стремление к наглядности, сиречь конкретности, тем самым, извиняются уже из соображений генетических.

Можно даже заподозрить о принадлежности к определенной школе мысли. Разумеется, почти обидело прискорбное отсутствие имени *Лосева* в оном обзоре-сводке «русскости».

26 Ф. Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова (Вопросы философии, № 6, 1991).

734 Колоссальные тени мелькают на мелкобуквие журнальных страниц – тени отчаянных простецов-имяславцев, тени самих корреспондентов, тень Федорова. Среди (тоже по-своему ценных) бытовых, проходных реплик вроде «возвращаясь в сильный мороз, схватил простуду», все время посверкивают искры – и их ждешь, со всегда оправданным ожиданием – искры высокой духовности. Ценнейший почти что протокол общения душ великих, незамутненных.

27 Г. Честертон. Вечный человек (М., 1991).

735 Ха-ха: «Вся история верований – это узор из крестиков и ноликов»; да-да, «христианин действительно хуже язычника»; нет-нет, «в наш сумасшедший дом, век за веком, люди возвращаются домой»...

Столь смелая – подчас на грани скабрзности – апология по силам только абсолютно искреннему и абсолютно светлomu (осиянному) человеку.

Еще две фразы, на долгую память, специально о вере и мифе: «Вера – не мифология; она и не философия <...> Религия – не отчет, а повесть <...> “она как жизнь”» (с. 247); «У мифологии много грехов, но она весома и телесна, как Воплощение» (с. 202).

Октябрь 1991

2 Августин. Confessionum (М., 1991).

736 Делал привычное и, кажется, достаточно легкое в чтении: вылавливал перлы словесности и запускал их в шкатулочку заветную выписок и цитат (здорово ж сказано: «Я осуждаю не слова, эти отборные и драгоценные сосуды, а то вино заблуждения, которое подносят нам в них пьяные учителя»), обнаруживал мнения и суждения, удивительно согласные с собственными натур-философскими штудиями (иерархия реальностей – кн. III, тесная связь воды и человека – кн. XIII, время «в душе» – кн. XI), даже пытался (любимое занятие) вообразить лицо и глаза писавшего... Но вот еще оказия – от первой до последней строчки прочитанного не мог избавиться от тяжести определения и приговора, уже себе персонально адресованных:

твоя жизнь – мертвая... живая смерть...

5 И. Пригожин. Философия нестабильности (Вопросы философии, № 6, 1991).

737 Будто в навсегда, казалось, бесстрастном и неподвижном зеркале отразился лик мыслителя с мучительными складками лба и блистающими очами... и вдруг само зеркало преобразилось, ожило, только что не сорвалось с места: вот точная иллюстрация изоморфного соотношения старой проблемы теодицеи и сегодняшней попытки ввести *нестабильность* (и *сознание*) в общую картину мира.

12 М. Планк. Религия и естествознание (Вопросы философии, № 8, 1990).

738 Форма, смысл, цель – *иные* в науке. Религия с ее притчей как «базовым методом» и с Богом *за всяким* знаком, символом, высказыванием, она тоже не зафиксирована, тоже всегда отсылает... но вряд ли *туда же*. Совпадают ли два «иных»? Только ли отчасти пересекаются? Или у них «ассоциированное членство» в некоем Мировом Союзе? – Планк об этом, видно, не размышляет.

17 А. Лосев. Признавая абсолютную истину (Студенческий меридиан, № 10, 1991).

739 Алексей Федорович же (просто удивительно, как «в строку» укладывается якобы случайное мое чтение: статью Планка почему-то давно заметил, но и отложил надолго, прочитал же буквально *накануне* прихода свежего номера «Меридиана») находит такое пересечение или даже, не исключено, существенное совпадение в сфере чистой логики, чистой диалектики, чистого числа, чистейшего (абсолютного) мифа.

19 А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича.

740 Одним ранним своим рассказом он переплюнул (уже) Льва Николаевича, – последний дальше юношеского замысла описания *одно-дня*

не пошел... но это соревнование не слишком интересно. Один день (1 : 1) входит в жизнь любого прочитавшего сей текст. Один день (1 : ∞) охватывает «больше века» – тянется к вечности, ибо бесконечен по протяжению. Один день (1 : 0), тотчас по одолении заключительной строки, сжимается в ощутительную, непрестанную, физиологически-локализуемую точку боли.

21 С. Эйзенштейн. Чет – Нечет. Раздвоение единого (сб.: Восток – Запад, М., 1988).

741 Посредством Эйзенштейна могу любоваться самыми новыми – и теперь стали они своими! – сокровищами: напр., несхожесть европейской интуиции числового ряда и восточной интуиции геометрической совокупности; или – «тихий перезвон» в структуре «Троицы». Господи, как же далеко до исчерпывающего познания Твоего мира, ежели даже *от нуля до единицы* столько многообразных и трудных путей!

25 С. Фудель. Воспоминания (Новый мир, №№ 3, 4, 1991).

742 Скользил взором по строкам печатным, а перед мысленным взором вставала всё та же *Живоначальная* в ее чудной гармонии и священном безмолвии. А еще сказать – только слепой не заметит характеристику столь дорогого мне человека (гл. III – начало и конец): «Всю свою глубину и сложность Флоренский нес в тишине совершенной цельности», потом еще раз – «В нем была глубина какого-то молчания, скорее в молчании была его сила». Христианство как метафизическое безмолвие, как культура молчания – вот что мне мило.

Может быть, и внешние (подчас по глазам бьющие) атрибуты церковности не должны особенно раздражать: это как цветистая болтовня ради сбережения и защиты сокровенного?

Ноябрь 1991

4 Н. Ильина. <Об Ахматовой и Чуковском в сб. «Дороги и судьбы»>.

743 Еще ее же эссе «Реформатский», твердо помню, порадовало неожиданным сочетанием *объективности* лето- или быто- или душе-писания (трудно разделить) и неудержимо рвущегося сквозь манеру излагать (с неустранимой язвинкой) потока *субъективности*. Наверное, всякая, любая правда – *силеноподобна*.

12 М. Волошин. LUNARIA.

744 «Синтетическую» часть моих пристрастий затронула лишь одна строчка («Весь Океан, плененный в руслах жил»), «аналитическая» же часть торжествует: ведь впервые литературная форма *венка сонетов* не показалась скучной, вычурной, сделанной. Венок этот – скорее всего, результат редкостного, невероятного наплыва духовной энергии, всплеск мирочувствия, сам факт бессмертия духа человеческого... да, литературный факт.

18 А. Платонов. Счастливая Москва (Новый мир, № 9, 1991).

745 «– Видишь! – сказал Симбикин, разверзая получше пустой участок между пищей и калом. – Эта пустота в кишках всасывает в себя все человечество и движет всемирную историю. Это душа – нюхай!»

Язык его произведений воистину сроден острому хирургическому инструменту: беззастенчивость и точность скальпеля. И еще вспомни – острое причиняет боль. Потому больно читать Платонова!..

В той же главе (8-й) с маргинальным определением души бесстрастный наблюдатель не пройдет мимо платоновского предвосхищения эпохального открытия XX века – роли асимметрии полушарий головного мозга («Мы думаем всегда сразу две мысли, и одну не можем!»), а коли не пройдет, пусть еще раз озадачится этим варварским «нюхай!».

29 В. Каменский. Кафе поэтов. Путь энтузиаста.

746 Драгоценный текст – уже как привет *оттуда*, где совместно жили сначала «Вехи» и «Садок судей», а потом «футуризм» и «ленинизм». Но вот настало-таки чаемое будущее... и, разве что, остается только радоваться, сколь мудро нам даровано умение *заблуждаться с энтузиазмом*.

Декабрь 1991

8 Бозций. Утешение Философией.

747 В некотором роде поварское (кулинарное) резюме: пресная, многожды-разумная, усыпанная дефинициями и отсылками к авторитетам утыканная, логичная за последней сухости прозаическая конструкция проложена умягчающими слоями аппетитной поэзии (заметил, что большинство моих выписок пришлось именно на эти «слои»), а поверх увенчана строгим (одновременно – живым) определением жанра – утешение. Противоречий бытия – *утишение*, и *сердца*, эти противоречия объяввшего – *утешение*.

14 <Бытие имени «Гермес»>.

748 Эта довольно случайная точка из моего ‘обиталища в мире книг’ (лень искать оборот поярче и поточней) сосредоточила обширный конгломерат всяческой печатной продукции. В мою башню из слоновой кости ворвался новый ветер рыночных отношений, из приземного слоя отечественной атмосферы влетел – нефтяная биржа «Гермес» восхотела проведать что-либо особенное о своем имени и объявила конкурс, и премии, говорят, у них будут ого-го. Вот и исписал тетрадку, и отдал подельнику, пусть дальше толкает... «следов полета моего теперь никто на небе не найдет...»¹⁴²

¹⁴² ... Найдет, если захочет! В данном выпуске «Тропы» я планировал было публикацию нашей работы «Благодетельный Гермес крылатый...» и даже, не поленившись, текст со старой распечатки снова ввел в компьютер. Но файл куда-то

16 М. Агурский. Великий еретик (Вопросы философии, № 8, 1991).

749 «Одна, но пламенная страсть»... Разумеется, даже самой могучей (но единственной) интенцией нельзя объяснить или обусловить большую жизнь (да и всякая жизнь много-интенциональна!), но выявить ключевое заблуждение этой жизни, здесь – Максима Горького, – почему бы и нет. Только чем-то подобная ясность напоминает демократию общественных бань: чело мыслителя естественно уравнивается здесь с харей биндюжника – посредством одинаково висящих и не шибко красивых *testikula*.

18 Ю. Ханин. Лобзание пантер и гиен (Огонек, № 50, 1991).

750 Мало что задело, разве что скрябинские усы (упомянуты) – влопад. А вообще-то пусть композитор пишет музыку и там именно проявляет свою гениальность, как и сапожнику сподручнее отличиться, творя остроносые сапоги, когда все привыкли, скажем, к тупорылым.

19 Л. Карсавин. София земная и горняя (Вопросы философии, № 9, 1991).

751 В каждом из нас... она созируется: не вне, не кроме нас...
... телом единым станем...
... Дзооэ – Дзои – Дзоиоо...

Заклятье последней тайны, музыка самой жизни несомна, похоже, этими загадочными словами. Только-то и начинаю прозревать, насколько богаче, мощнее и цельнее культура наша, чем думалось, с «подлинно научных высот» гляючи на «эту мистику». Верх и низ – всё здесь смешалось. Или соединилось, наконец.

30 В. Розанов. Русский Нил (Новый, № 7, 1989).

752 «Нужно проездиться по Руси»... Гоголь знал, что говорил, куда и когда звал нас в дорогу. Механическое перемещение жадных глаз и чуткого сердца неизбежно превращается в качественно иной вид движения – в

«благодетельно» пропал, – видать, Гермес не благословил, и публикации тут не будет. За мной тогда значилось составление текста, а софринский коллега *Саша Кончаков*, которому принадлежала сама бредовая идея участия в конкурсе (хороший был инженер и программист и блистательный, да, певец, – увы, окончательно спился на закате «перестройки», царствие ему небесное!), отвечал за оформление заявки и общение с конкурсной комиссией. Конечно, ничего нам тогда, что называется, не обломилось. Приведу здесь хотя бы названия главок этой смешной до наивности (но, кажется, бесполезной) работы:

Бытие имени; Облики Гермеса; Гермесовы умения; Гермесовы деяния; Дети Гермеса; Гермесова астрономия; Гермесовы причиндалы; Гермес и Троица; «Герметичность» и «термин»; Новое бытие. В списке использованной литературы можно найти 12 первоисточников (античная литература) и 26 прочих изданий.

движение метафизическое, в прирост культуры. «Путешествие из Петербурга в Москву», «Мертвые души», «Русский Нил» – не просто путевые заметки русских писателей, но заметки (вехи) на пути Руси. Нет пути этому конца, нет конца препятствиям на этом пути. О *вехах* быть у нас продолжению –

18 Вехи (М., 1991, републикация сб. 1909 года).

753 Глас вопиющих, если не в пустыне, то скорее – на берегу грозного пред-штормового океана: таковому безразлична любая фраза, любой довод, любая угроза либо похвала. А ныне как бы не новая волна вздымается, и опять любая – даже русская – словесность бессильна, боюсь, окажется. И опять опаздываем... поговорить, выговориться?

Январь 1992

3 Э. Фромм. Некрофилы и Адольф Гитлер (Вопросы философии, № 9, 1991).

754 Конечно, всякий анализ и всякая научная гипотеза в чем-то глубинном (скажем, в бинарно-структурных предпочтениях) родственны манихейству. Но в отличие от идиотического одномыслия (все люди – козлы / все люди – братья) даже переход на черно-белое разделение «всего» (некро- / био-филы) сообщает человечеству некие полезные ориентиры, некие заметные *вехи* (опять-таки), координаты.

Вот только... если уж продолжать строить геометризованные образы... почему, спрашивается, над многомерным человеком обязана довлеть плоская или даже одномерная (Адольф / Иосиф) сила вмещающего пространства?

5 В. Соснора. Песнь лунная (Л., 1972).

755 Томик извлек из долговой груды книг на рабочем своем столе – поубавить бы оную надобно. Перед поэзией вообще одни долги...

В стихе самое влекущее (не ритм, не музыкальность, – нет и нет!), что нынче видится мне – самый архетип, узел смысла, точка приложения боли, средоточие духовного напряжения... не знаю, что еще опробовать на зуб термина... словом, самое влекущее и подчас самое пугающее видится. В поэзии, как и в музыке, посверкивает нечто не- или над-человеческое...

Или, напротив: *единственно-человеческое*, подлинное?

11 Анонимные пролегомены к платоновской философии (М., 1986).

756 Чтение считаю значимым уже потому, что его посредством возлагаю на себя обязательство «вплотную» взяться за Платона. Больше нельзя жить на крохах, нужна полновесная еда. – А «Пролегомены» сходу заражают какой-то страстностью, обязательностью мысли о диалогическом космосе (и космическом диалоге).

11 Ю. Домбровский. Хранитель древностей.

757 Теплая и чистая основная интонация (не уходящая, вечная алма-тинская молодость) даже не интенсивнее или сильнее – она мудрее сюжета, интриги, историографических необходимостей.

23 Ф. Искандер. Созвездие козлотура.

758 А это – вроде чая, щедро заваренного, да с травками для аромату. Мир-то первозданно чист и прекрасен, человек тоже не плох, хотя и не без изъянцу... Нет, все-таки не чай, а хороший кофе: по-турецки, с коричневой пенкой, вровень и под стать с видом открытым на море Чермное.

Февраль 1992

22 Л. Кэрролл. Охота на Снарка (М., 1991, пер. Г. Кружкова).

759 Сделал себе подарок за ударный труд, по случаю завершения «послесловия-к-Лосеву»; спустя час после обретения «Охоты» случился еще больший подарок – встреча с Азой Алибековной в доме на Арбате.

Кэрроллова поэма – суть странный художественный морфизм или псевдоморфоз... но чего? прогресса? научного поиска? истории? Миф, вроде бы отгородившийся от жизни и одновременно равный (изоморфный) ей? «Пикантный вопрос о тождестве» вполне тут решен, но решен – безответно!

25 М. Щербатов. О повреждении нравов в России (М., 1983).

760 Идейное соседство с «Путешествием» Радищева навязано «Повреждению» еще Герценом, так что от него, соседства, трудно теперь отрешиться. Другое важное соседство – уже с нашим веком и с нашим «повреждением нравов». А еще, что важно, Щербатов – наш сосед по Лопасне... Было бы не слишком вежливо не оценить столько добрососедства.

29 А. Камю. Бунтующий человек.

761 «Разгребания на столе» по инерции довели до тома из репертуара летнего (прошлогоднего) чтения. Чуть недочитанный или, вернее, не-до-обдуманый том всплыл на обозримую поверхность жизни.

Сорокалетним прохожу курс, увы, не усвоенный когда-то «с молоком матери» на губах. Так и мое Отечество, философию свободы тоже вовремя не «проходившее», и я ему – подобен: недоучка, обделенный воспитанием, но с добрыми задатками... и всё еще подающий надежды... Замечу о форме: тесный союз искренности, выпренности и учености = *стиль* Камю.

Март 1992

1 А. Лаврин. Смерть Егора Ильича (сб. «Зеркала. I», 1989).

762 Да, получается, *личность* не шибко далеко ушла от *вещи*, и вещь бывает не просто похожей на-, но соразмерна, одномерна личности. А метрологические изыскания художественной литературы (вроде как ищем

«общий аршин») продлятся столько же, сколько будет нужна сама литература, т.е. сколько быть самой жизни, неметрической по сути своей.

6 С. Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена (в сб. «Сказки для вундеркиндов», М., 1991).

763 Уже много лет он тихо преследовал меня, как тень (лет столько же, сколько грызет меня тема «имена книг» и глухое однажды встреченное упоминание, что некто с полужнакомой фамилией – ибо «знаком» был Глеб Максимильяныч, – уже писал что-то о «философии заглавия»¹⁴³), а теперь автор вполне материализовался красивой и толстой книгой свежего издания. И тут же, сразу и стремительно отнял он, вновь опередив меня, еще один давний писательский замысел – изобразить путешествие в отечественный вариант Ада (сходить «по ту сторону» языка), где оживают, где правят, где буквально и вольно функционируют русские фразеологизмы.

Но расстроился, признаться, совсем немного: я бы только испортил красивую идею, а тут, у С.Д. – всё как надо, и блестяще. Главное же, что особенно радует и с лихвой пересиливает любые эгоистические чувства, так сам этот свежий пример *из жизни*: рукописи действительно не горят! – А тогда, может быть, и мои жалкие бумажки *не все* окажутся горючими?

12 А. Лосев. Встреча (Дружба народов, № 3, 1991).

764 «Логическая машина»? «Чернотенец»? «Протей»? Из этих неуклюжих *до-определений* Лосева самое к нему пристающее, пожалуй, только последнее. Взял и, с видимой легкостью, вобрал в себя (и на себя) последние две с половиной тысячи лет, а заодно – груз XX-го века с его грозными и грязными тридцатыми...

¹⁴³ Всё это «возвращение имени», в подробностях, происходило на моих глазах. Сама работа С.Д. Кржижановского «Поэтика заглавий» (М.: Никитинские Субботники, 1931) – единственная прижизненная книга арбатского писателя и философа, – была, стараниями Вадима Перельмутера, впервые переиздана в «Записках Мандельштамовского общества»: *Кржижановский Сигизмунд*. «Страны, которых нет». Статьи о литературе и театре. Записные тетради. – М.: Радикс, 1994 (с. 13–39). Разумеется, потом она вошла в состав Сигизмундова Собрания Сочинений, точнее, в том 4 (СПб., 2006); к тому времени мы с Вадимом уже познакомились и довольно много и полезно общались. Приобрел упомянутое издание, в составе «Записок», в 1997 году, тогда же «Поэтику заглавий» впервые и прочитал – с восторгом, без преувеличений и прямо скажу. Лет пять назад «достал» у букинистов два экземпляра первого издания 1931 года, и один из них тогда же подарил С.М. Половинкину, с okazji ко дню его 80-летия, а другой приберег для себя. Когда маршрут экскурсии «Философский Арбат» приводит нас к арбатскому дому, где с 1922 года жил и в декабре 1950 года умер С.Д.К., я обычно демонстрирую слушателям эту книжицу, и даже даю подержать в руках. Не худо, мол, всем нам прикоснуться малость... [приписка в *январе 2018* года].

14 В. Нарбикова. Великое кня... (Юность, № 12, 1991).

765 Андрей-платоновский почерк *непосредственной* фразы, что то же – сугубо индивидуализированной стилистики, *опосредующей* опыт целых поколений, поколений пишущих. Еще сие – своеобразная мантра над формулой «Пушкин – солнце русской...»: вместо многоточия возможны всяческие подстановки, как в заглавии повести.

21 С. Аверинцев. Плутарх и античная биография (М., 1973).

766 Полтора десятка лет эта книга, уже присутствием своим и будучи непрочтенной (только, разумеется, то и дело в нее «заглядывал»), своеобразно оформляла «меональное» окружение мое: *так* писать не смогу, *так* дышать не обучен. Но, конечно же, чтобы окончательно похоронить наивную мечту посягнуть на «параллели» вокруг Алексея Федоровича (Л. и Эйнштейн, Л. и Иванов, Л. и Флоренский) и лишний раз показать себе, сколь многого не хватает в моей мастерской, эту плотно опрессованную (в пространстве смыслов) книжку нельзя было не прочесть.

27 Бонаventura. Ночные бдения (М., 1990).

767 Хотел сразу поставить трусливое «<...>» (да, не с руки мне оценивать сей подвиг наших германистов), но все-таки, в наказание за умалчивание, зафиксирую «проект»: давно бы пора *собирать* «дефиниции» человека (их предостаточно у Бонаventura). Давно уж необходима такая компиляция безнадежных наших попыток самоопределиться.

Год – 67 (5, 51)

КОММЕНТАРИИ К ИЗОБРАЖЕНИЯМ

К обложке. Да, это наша *Тропа*. Снимала *Валентина Ревякова-Косимовская*, по моей просьбе, днем 14 октября 2018 года, на Покров.

К с. 3. Фрагмент рукописи «Опытов», черновик начала эссе «Семиотическое существование» (май 1984). Посвящение *Володе Фокееву*, школьному другу моему и свидетелю на нашей свадьбе; семья его живет в Питере на Обводном канале.

К с. 7. Страница тетрадки «Талмуд – I», дневника размышлений (ровно 100 записей в интервале 22.07.1971–17.06.1973), фрагмент большой заметки от 24–25 сентября 1972 года об «обобщенных операциях». С удивлением обнаруживаю в заметке начала *исчисления имен операций* и некоторого рода буйство и разгул принципа относительности.

К с. 17. Заключительная часть письма *А.Н. Колмогорова* (машинопись с подписью) от 04.12.1975; целиком воспроизведено в «Приложении 2».

К с. 50. *Вот и свиделись*. Фотография (простите, не очень хорошего качества) от 08.12.2017, в ходе дружеского визита на здание 201 А, перед очередным «Днем программиста». В машинном зале полумрак и привычный гудёшь от СИО, вперемешку с посвистом 400 герц. Восседаю за пультом «моей» СЦВМ № 2 – её чаще всего отдавали в режим «Отладка», потому-то на ней обычно шлифовались наши доработки. Нежно гладил клавиши её регистров, правда-правда, будто – рукой по руке, словно кожа к коже. И много чего сразу припомнилось, в памяти пронеслось, и о программистских подвигах, и о людях дорогих – с печалью и с радостью сразу. Распрощались мы с ней, когда ушёл отсюда «на Дон», в августе 1987-го, уже 30 с гаком лет назад. (*Старых* фотографий у пульта «за боевой работой», конечно, нет в природе – тогдашний режим секретности никак не позволял такого).

К с. 55. Из трактата Орема *De latitudinibus formarum*, «О широте [протяжении] форм», рисунки «форм качеств» на второй странице трактата, по изданию 1482 года, счастливо хранимого в Национальной библиотеке Флоренции.

К с. 113. Фрагмент рукописи П.А. Флоренского «Приведение чисел» (1916). Игумен Андроник (Трубачев), наследник архива, не раз позволял и позволяет мне заглядывать в творческую «кухню» своего великого деда.

К с. 128. Переводы латинских надписей на иллюстрации из трактата Кузанца *De coniecturis*. Вверху над рисунком значится: *Фигура «Р»*. Поверх рисунка, слева направо цепочка пояснений: *высший мир – средний мир – низший мир*. Понизу, слева направо: *третье небо – второе небо – первое небо* (резонный вопрос к Николаю из Кузы: с чего бы это небу быть внизу, а миру подлунному –верху?). Слева на диаграмме, по вертикали: *Основание пирамиды света*, и рядом философский эквивалент – *Единство*. Справа, по вертикали: *Основание пирамиды тьмы*, и рядом – *Инак(ов)ость*. Давно нравится мне возиться с этой картинкой, помню давний завет Кузанца: «используй эту фигуру во всех исследованиях».

К с. 129. Этот набросок *формы времён*, включенный в статью, был начертан в моей записной книжке 21.09.2018 прямо в аудитории Ягеллонского университета, сразу после доклада на международной научной конференции «Время в русской культуре». С его помощью – на примере времени – демонстрировал действенность идей Николая Кузанского одной заинтересованной слушательнице и тоже участнице конференции *Оксане Седых*, она же – секретарь нашего семинара «Русская философия».

К с. 154. *О диссертации Шрейдера* (на фоне: «Знаете, Виктор, были большие сомнения, пройдет ли защита»). Системный подход к науке в целом; идейное противостояние множества и системы; гносеология моделирования; система как класс каркасов с их морфизмами; принципы классификации (таксономия и мерономия); системные симметрии; мажоритарные структуры и типы логических кванторов; двойственные познавательные эвристики; гносеология фикций; информационная (коммуникативная) модель науки; необходимость всеобщей гуманитаризации знаний... наш дорогой Ю.А. «затолкал» сюда идей десятка на два докторских диссертаций. *Одна* – в самое глухое время «застоя» – взяла и прошла-таки.

К с. 161. Автограф Ю.А. Шрейдера на отдельном оттиске из «Вестника АН СССР», № 9, 1987; здесь анонсировалась некая программа исследований системы «сознание – культура – текст». Кажется, спустя три десятка лет впору снова объявлять подобную междисциплинарную программу.

К с. 307. Курсанты славного IV взвода 2-й батареи профиля «б» на самоподготовке, фотография конца 1972 года. Товарищ сержант явно читает художественную литературу (а не курс марксистско-ленинской философии, к примеру), но это еще не книга Г. Гора «Изваяние», в том же году вышедшая.

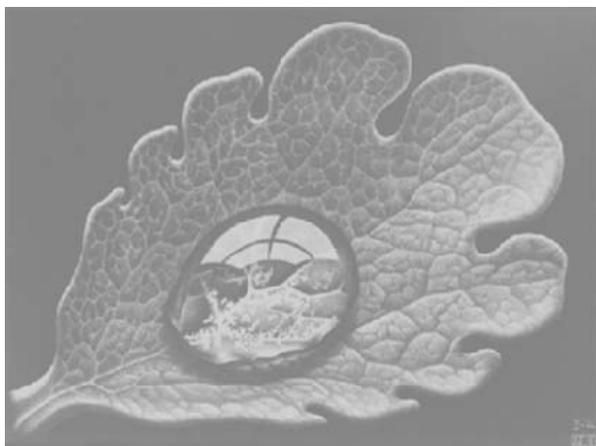
К с. 367. Читающие. В близких асанах и разных хронотопах: Виктор на койке холостяцкой общаги (излюбленная поза, под загривком – подушка, начало 1974 года, незаметно снимал Рустам Юмаев), Тамара в палаточном лагере на Куликовом поле (очередной «поход с детками», июнь 1990 года).

К стр. 371. Моя подпись, или «аватарка». Продолжаю для личных и локальных нужд пользоваться шедевром *Маурица Эшера* «Росинка» (а та исправно продолжает отражать весь мир). Взята с сайта картин художника.

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Наш хронотоп.....	Вып. 1
II. Думать и делать.....	Вып. 1
III. Информация и время.....	6
IV. Форма числа.....	41
V. Символизм.....	Вып. 3
VI. Сложные системы.....	Вып. 3
VII. Русская философия.....	Вып. 4
Приложение 1. Статьи и публикации.....	70
Приложение 2. Послания, дневники, письма	133
Комментарии к изображениям.....	367

Виктор Троицкий

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

Книга выходит в авторской редакции
Отпечатано с готового оригинал-макета автора

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 20.11.2019. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,25. Тираж 120 экз. Заказ 880.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»